Б. П. Балуев

СПОРЫ о судьбах РОССИИ

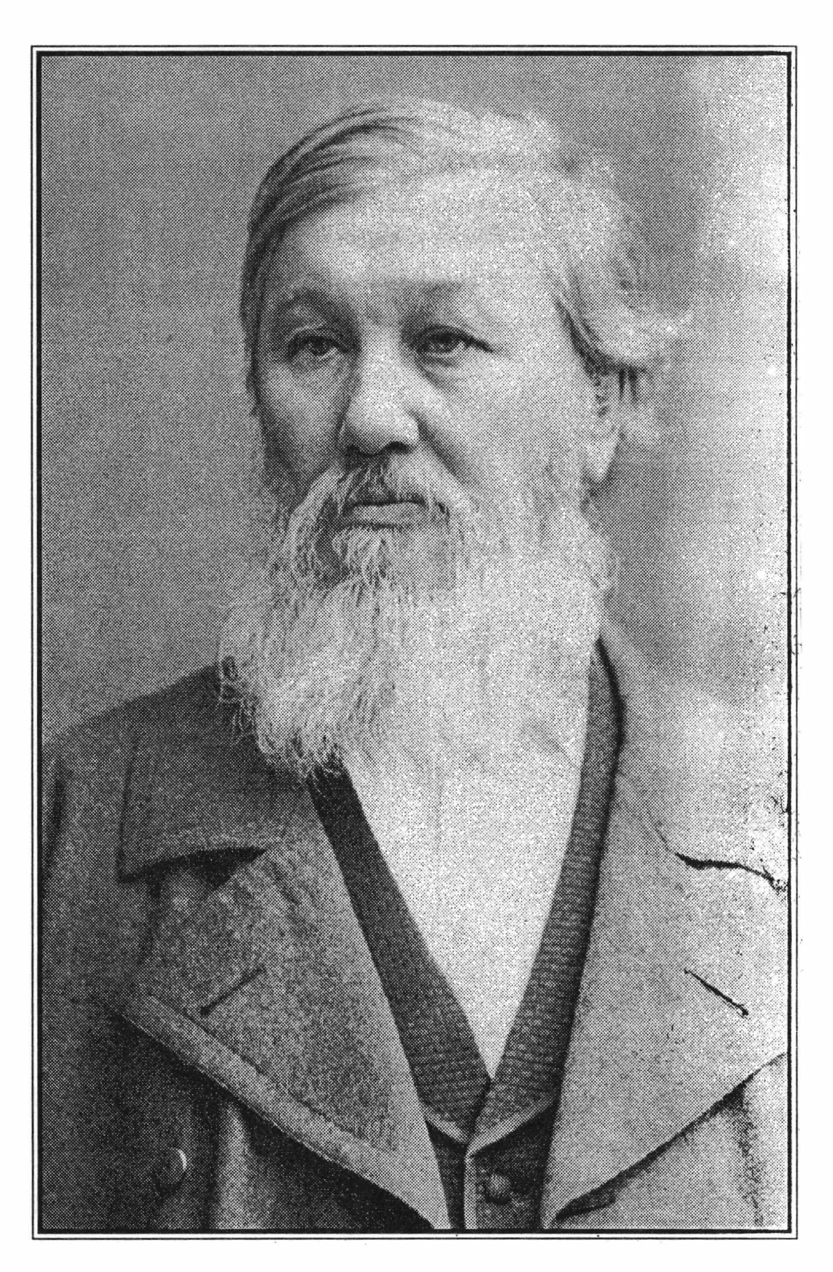
Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»

Б. П. Балуев
СПОРЫ О СУДЬБАХ РОССИИ

Б. П. Балуев

СПОРЫ О СУДЬБАХ РОССИИ

Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»

Николай Яковлевич Данилевский (1884 г.)

Б. П. Балуев

Споры о судьбах

Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»

Тверь
Издательский дом
«БУЛАТ»
2001

Балуев Борис Петрович

Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»

ББК 87.3
Б 20

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Издание осуществлено при участии регионального общественного Фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви».

Данная монография принадлежит перу видного российского историка, доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института Российской истории РАН, автора работ по истории русской журналистики, общественной мысли и историографии.

В монографии впервые со всей возможной полнотой показано историософское значение труда Н. Я. Данилевского для отечественной исторической науки, раскрыты объективные и субъективные предпосылки его создания. В ней прослеживается жизненный и творческий путь Данилевского, описывается среда, в которой ученый пришел к своему открытию цивилизационного метода исследования исторического процесса, показана драматическая судьба самой книги, острая борьба вокруг высказанных Данилевским идей. Работа базируется на архивных материалах, периодической печати, мемуарах и переписке.

Первое издание монографии вышло в 1999 году, второе – исправленное и дополненное – предпринято в связи с растущим интересом к учению Данилевского в самом широком кругу читателей, особенно среди историков, политологов и политиков.

Оформление – Николай Новиков.

ISBN 5-8109-0017-8

Предисловие

Предлагаемая читателям книга о Николае Яковлевиче Данилевском – это первая монография, в которой наиболее полно рассказывается об этом гениальном ученом, совершившем во второй половине XIX столетия открытие, значение которого столь же непреходяще, как открытие всякого объективного закона и явления, существующего в этом мире, но не уясненного людьми. Учение Данилевского о культурно-исторических типах является основой историографии, геополитики, политологии, и это все чаще осознается современными учеными. После Данилевского невозможны пустые рассказы об истории. Данилевский хотя и действовал в области исключительно научной, но, будучи подлинным гением, нигде не вошел в противоречие со Священным Писанием и был не столько строителем гипотез, сколько открывателем законов бытия.

Если человечество было разделено после Вавилонского столпотворения и стало существовать разделенным на разные языки и культуры, и произошло это по Божьей воле, то и объединение человечества вопреки этой воле – смертельно опасно для жизни человечества. Люди могут объединиться во Христе (чего никогда не будет, по слову Священного Писания, потому что слишком много людей свободно того не желают) или вокруг антихриста – в попытке нового столпотворения. Открытие Данилевского позволяет увидеть взаимоотношения народов и исследовать эти взаимоотношения с точностью, с какой возмож-

но произвести опыт разве что в лаборатории. После открытия Данилевского в истории не осталось загадок и тайн. Все оставшиеся тайны – лишь в Боге и вечности.

Другой труд, подъятый Данилевским, – это его книга “Дарвинизм”, где он с убедительностью гения показал, что теория Дарвина об эволюции растений, животных и происхождении человека путем эволюции не соответствует ни одному доказанному наукой факту и является выдумкой и мифом. Это история мира и человечества глазами дьявола. И этот миф далеко не безопасен, так как на его основе строятся все системы безбожия и все человеконенавистнические идеологии, принципиально оправдывающие насилие. Важность этого вопроса «такова, – писал Данилевский, – что я твердо убежден, что нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности, ни в области нашего знания и ни в одной области практической жизни. Ведь это в самом деле вопрос о “Быть или не быть” в самом полном, в самом широком смысле».

Довершая слово о Николае Яковлевиче Данилевском, следует сказать, что для того, чтобы совершить открытие такого рода и масштаба, недостаточно было быть гениальным ученым – для этого надо было быть и глубоко верующим христианином, церковным человеком, человеком праведной жизни, перед умственным взором которого предносятся не только законы материального мира, но и пути жизни вечной, спасения во Христе.

Игумен Дамаскин (Орловский)

Введение

Проблема исторической судьбы России, конечно, не всегда была предметом каких-либо гласных споров – общественно-политических или научных; для таких споров нужны были определенные объективные условия: достаточно высокий уровень развития общественной мысли, национального самосознания, исторической науки и периодической печати разной идейной и политической направленности. Можно с уверенностью утверждать, что начиная с середины XIX века в России все эти условия уже сформировались или находились в стадии активного становления.

Россия стала сознавать себя хотя и молодой, но крупной и могущественной мировой державой, в прямом и переносном смысле слова начавшей писать свою историю появления на мировой арене. Причем в истории этой уже было немало героического, в том числе победа над Наполеоном, которого не могла одолеть ни одна европейская держава, имели место и события неприятные, как, например, поражение в Крымской войне 1853–1856 годов, вызвавшее большой резонанс в стране.

Уже появились в России мыслители, которые талантливо и глубоко, каждый в соответствии со своими убеждениями, анализировали пройденный страной исторический путь. Это были декабристы, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский, славянофилы – И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и либералы – Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, народники – П. Л. Лавров и Н. М. Михайловский. Историческая наука вышла на высочайший уровень фундаментальными работами Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, Н. М. Костомарова, С. М. Соловьёва.

В России еще не было парламента, но для выражения и обоснования взглядов на судьбу страны уже была создана другая трибуна – журнальная. У нее были свои преимущества – более широкая аудитория и возможность для участников дис-

куссии более обстоятельно обосновывать свои взгляды. Публицистические выступления в журналах различных направлений приобретали характер философско-социологических исследований, нередко издавались отдельно, включались в собрания сочинений и стали существенным вкладом в сокровищницу русской общественной мысли.

Начиная со второй половины XIX века, особенно после крестьянской и других реформ 60-х годов, произошло резкое обострение споров о судьбе России в связи с ускорением процесса развития капитализма, сделавшимся зримым и ощутимым для всех. Если раньше эти споры были в большей степени обращены в прошлое, в поиск особенностей судьбы России, как чего-то Божественно предопределенного, то теперь акцент стал смещаться в сторону выбора исторического пути России, альтернатив ее развития.

С одной стороны, в этих спорах продолжали присутствовать извечные факторы, связанные с «месторазвитием» России, с ее геополитическим положением между «Западом» и «Востоком». Но с другой стороны, спор осложнился и обогатился проблемами экономическими, социально-психологическими, национальными, культурологическими, этнографическими, антропологическими и т. д., связанными с развитием соответствующих наук.

На повестку дня общественной мысли с особой остротой выдвинулся вопрос «Россия и Европа». На его обострение повлияли прежде всего внешнеполитические события – нарастающая демонстрация солидарной враждебности ведущих европейских стран к России, наглядно проявившейся в Крымской и русско-турецкой войнах и их результатах. Но особенно подталкивала к постановке и обсуждению этого вопроса внутриполитическая ситуация в России, возникшая в связи с развитием капитализма, который в Европе демонстрировал не только свои цивилизационные технические завоевания, но и циклические кризисы и горькие плоды нарастающего культа денег, индивидуализма, аморализма и бездуховности.

Откликом на этот запрос времени явилось появление в печати в 1869 году большого фундаментального научного труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Благодаря своей историософской новизне и глубине, основательности и многогранности в разработке обозначенной в его заголовке историософской проблемы, он оказался в центре внимания выдающихся представителей русской общественной и исторической мысли. И хотя оценки книги Н. Я. Данилевского в дореволюционной России далеко не всегда соответствовали ее подлинному историческому значению, дискуссия вокруг нее была в высшей степени плодотворной не только потому, что в ней приняли участие выдающиеся русские мыслители, но и в силу особой важности для России затронутых в ходе ее проблем.

Обсуждение идей Данилевского дало толчок к дальнейшему развитию русской общественной мысли, которая, по наблюдению В. В. Зеньковского, была «сплошь историософична» [1]. Это наблюдение неоднократно подтверждал и Н. А. Бердяев, который считал, что «на построениях философии истории формировалось наше национальное сознание» [2], что «загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории», что «русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба» [3].

Примечания

1. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 16.
2. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990. С. 3.
3. *Бердяев Н.А.* Русская идея / О России и русской философской культуре. М. 1990. С. 71.

Глава первая

Судьба Н. Я. Данилевского (школа жизни, наук и общений)

Говорят – нет пророка в своем отечестве. Именно эта прописная истина еще раз подтвердилась в судьбе Н. Я. Данилевского и его главного научного труда «Россия и Европа». В своем отечестве, в России, широкомасштабное научное признание книга Н. Я. Данилевского получила лишь спустя более 120 лет после ее первой (журнальной) публикации.

В доoктябрьской России в немногих энциклопедических и биографических справочниках Н. Я. Данилевский хотя и упоминался, но значился как биолог, публицист и автор спорных трудов «Россия и Европа» и «Дарвинизм». Например, в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (СПб., 1893. Т. X. С. 77) в статье, написанной философом В. С. Соловьёвым, Данилевский проходит как «публицист, естествоиспытатель, практический деятель в области народного хозяйства». Основное внимание автор сосредоточил на критике книги «Россия и Европа». Более взвешенную позицию относительно этого труда Данилевского занял

А. К. Бороздин в «Русском биографическом словаре», но и у него автор «России и Европы» предстает перед читателями всего лишь как «известный естествоиспытатель и философ-публицист славянофильского оттенка» (СПб., 1905. Т. 6. С. 67).

В советских справочных изданиях 20–50-х годов Н. Я. Данилевский характеризуется в основном как реакционный мыслитель, идеолог национализма, шовинизма, панславизма и даже империализма. Так, в анонимной заметке (по некоторым источникам, написанной А. М. Иоффе-Дебориным) в первом издании БСЭ (М., 1930. Т. 20. С. 325) Н. Я. Данилевский предстает идеологом «реакционного великодержавного национализма», отразившим в своей книге «классовое мировоззрение российских крепостников-дворян пореформенной эпохи, ужас их перед надвигающейся буржуазно-демократической революцией».

В 60–80-е годы положение мало изменилось. Хотя «приговоры» Данилевскому стали менее «классово-заостренными», но оставались в основном обвинительными и осуждающими. Позитивная часть в оценках была усеченной, заниженной, нейтрально-информационной. В справке Н. Л. Рубинштейна в «Исторической энциклопедии» (М., 1963. Т. 4. С. 970) Н. Я. Данилевский квалифицируется как «русский публицист, естествоиспытатель. Член Русского географического общества. Идеолог пореформенного славянофильства и панславизма». А во втором издании БСЭ (М., 1972. Т. 7. С. 527) Е. Б. Рашковский очень близко воспроизводит: «русский публицист, социолог и естествоиспытатель, идеолог панславизма». И совершенно дословно эту квалификацию Данилевского повторил «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983. С. 134).

Со второй половины 80-х и особенно в 90-е годы картина заметно меняется, на историческом экране начинает проявляться другой образ Н. Я. Данилевского. Появляются работы,

специально посвященные Н. Я. Данилевскому, что становится, несомненно, новым явлением в науке. Более того, авторы чаще всего ставят перед собой задачу объективно охарактеризовать его вклад «в развитие исследований по философии истории» [1].

Н. Я. Данилевского начинают относить к тем русским мыслителям, которые «предвосхитили широко распространившиеся с конца прошлого века в европейской исторической науке представления об историческом процессе как о совокупности изолированных друг от друга локальных культур, проходящих ограниченный во времени и пространстве цикл» [2]. То есть на первое место выдвигаются его необычайные новаторские заслуги в области историософии. Один из современных авторов сравнил предложенную Н. Я. Данилевским новую методологию исторической науки по ее значению «с таблицей Менделеева для химии» [3].

Теперь исследователи увидели в Н. Я. Данилевском не только естествоиспытателя-практика и консервативного публициста. Он предстал перед читателями научных статей «разносторонне одаренным человеком», «как самобытный философ, историк, социолог, этнопсихолог, политический мыслитель и публицист, автор работ по богословию, экономике, статистике, географии» [4], как известный ученый-ихтиолог [5]. О нем в современной научной литературе ныне пишут: «выдающийся русский ученый» [6], «гений русской науки» [7]. И, несмотря на то, что к 1994 году о Данилевском уже появился не один десяток научных статей, автор одной из кандидатских диссертаций, защищенных в том же году в МГУ на философском факультете, не без основания заметила: «Нам еще предстоит осознать, оценить значение и влияние идей Н. Я. Данилевского» [8].

И все же в значительной степени признание заслуг Н. Я. Данилевского хотя бы в одной науке – историософии – состоялось. Профессор А. П. Дубнов в Новосибирске в предислови

к изданной книге О. Шпенглера «Закат Европы» выразил это в таких словах: «Н. Я. Данилевский получил признание через сто с лишним лет, и теперь он признанный предшественник Шпенглера, Тойнби и Сорокина, а его вклад в мировую философию истории и культурологию считается неоспоримым» [9].

В чем же причина такой резкой перемены со стороны российских ученых-историков, философов, политологов, социологов в отношении к Н. Я. Данилевскому? Ответ уже дан в ряде научных исследований, и мы можем лишь присоединиться к нему. У многих историков уже во второй половине 80-х годов появились сомнения в непорочности марксистской методологии исторической науки с ее классовым, формационным подходом к историческому процессу. Сначала эти сомнения выражались в поиске разного рода оговорок и даже противоречий в высказываниях классиков марксизма-ленинизма об исторических законах. Например, А. Я. Гуревич в статье «Теория формаций и реальность истории» (Вопросы философии. 1990. № 11) обратил внимание на «азиатский способ производства» у Маркса, как на деталь, подобную мухе в стакане марксистского молока. Деталь эта ставила под вопрос, казалось, непробиваемую марксистскую схему пяти способов производства (первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического). Чем критичнее ученые историки и философы настраивались к марксистским догмам, тем больше они обращались к западной литературе о бытующих там вариантах методологии исторической науки. Надо было заполнить чем-то образовавшуюся брешь в связи с отступлением марксистской методологии. И тут они пришли к выводу, что именно открытый и обоснованный русским ученым Н. Я. Данилевским «цивилизационный подход призван заполнить теоретический вакуум, образовавшийся в российском обществознании после краха марксизма-ленинизма, падения авторитета вульгарно-материалистического учения о социально-экономических формациях» [10]. Тем более что этот

подход нашел развитие в исторических трудах таких западных ученых, как О. Шпенглер и А. Тойнби, широко пропагандировался выдающимся русским социологом-эмигрантом П. А. Сорокиным и применяется историками Запада на практике, в исследовании конкретных человеческих цивилизаций. Эта мотивация широкого обращения к наследию Н. Я. Данилевского присутствует и в работах некоторых начинающих российских историков [11].

Последние годы отмечены появлением не только большого количества диссертаций и научных статей, посвященных Н. Я. Данилевскому, но и нескольких книг. Так, молодой исследователь В. М. Михеев, помимо примерно полутора десятков статей в разных московских научных сборниках, опубликовал о Данилевском в Бресте три небольшие книги: «Славянский Нострадамус» (1 и 2-я части, 1993), «Тоталитарный мыслитель» и «Самобытные идеи Н. Я. Данилевского» (обе – 1994). А в 1996 году А. Н. Аринин и В. М. Михеев издали в Москве фундаментальную монографию «Самобытные идеи Н. Я. Данилевского». Все эти работы выполнены под руководством известных профессоров, специалистов в области русской и зарубежной историософии Б. Н. Бессонова и Г. Д. Чеснокова на кафедре философии Российской Академии государственной службы при президенте Российской Федерации и отличаются высоким научным уровнем. Можно отметить также изданную Институтом философии РАН монографию С. И. Бажова «Философия истории Н. Я. Данилевского» (1997). Вообще, подавляющее большинство научных работ о Данилевском написано философами, и вполне закономерно основное внимание в них сосредоточено на анализе историософских взглядов ученого, на выявлении их новаторства в сопоставлении с бытующими в мире историософскими системами.

Однако давно назрела необходимость монографического исследования книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», его публицистики и со стороны историков. Необходим обстоя-

тельный анализ исторического, историографического и событийного контекста появления и распространения его работ, связи его идей с русской общественной мыслью. Важна реакция на идеи Данилевского его выдающихся современников, причем не только на историософские, но и на геополитические. Ибо спор о книге Данилевского был в значительной степени спором о судьбе России. Попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел и является данная монография.

***

Николай Яковлевич Данилевский родился 28 ноября (ст. ст.) 1822 г. в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии в дворянской семье. Отец его, Яков Иванович Данилевский (1789–1855), был заслуженным военным генералом, в молодости – участником Отечественной войны 1812 года, отличившимся в «битве народов» под Лейпцигом. За боевые заслуги был награжден многими орденами и медалями. Биографические данные о семье Данилевских весьма скудны. Но из разных источников известно, что Николай был не единственным, но старшим ребенком в семье, что у него были сестра и брат, кадровый военный офицер. Центром притяжения в семье была мать, Дарья Ивановна (1801–1852), к которой Н. Я. Данилевский сохранял самые нежные сыновние чувства. Она происходила из дворянского рода Мишиных Орловской губернии. По характеру своей службы отец вместе со своей семьей вынужден был переезжать с места на место. Первоначальное образование Николай Данилевский получил в частных пансионах, в том числе в очень престижных в г. Дерпте и в Москве, где в то время служил его отец.

Четырнадцатилетним юношей в 1836 году он успешно выдержал приемные экзамены в Царскосельский лицей. Это был последний год жизни одного из первых выпускников лицея –

А. С. Пушкина. Удалось ли Николаю Данилевскому повидать его, свидетельств нет. Но такая вероятность существовала. Пушкин был среди одиннадцати лицеистов первого выпуска, посетивших лицей в день его 25-летнего юбилея 19 октября 1836 года. О реальной возможности повидать Пушкина свидетельствует еще одно обстоятельство. С первых дней поступления в лицей Николай Данилевский подружился с Николаем Семёновым, будущим известным государственным деятелем, сенатором, членом «Редакционных комиссий» при подготовке крестьянской реформы, автором широко известного историкам трехтомного труда «Освобождение крестьян в царствование Императора Александра II» (СПб., 1889–1893) и одновременно ботаником и поэтом, получившим в свое время литературную премию за перевод поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод». Позднее, в годы учебы в Петербургском университете, Н. Я. Данилевский подружился и с его младшим братом – Петром, в будущем всемирно известным ботаником, энтомологом и географом П. П. Семёновым-Тян-Шанским, который в своих «Мемуарах» вспоминает, что он и его брат после поступления в лицей были у своего дяди на обеде, на котором присутствовал и Пушкин, и что Пушкина ему посчастливилось через некоторое время увидеть еще раз случайно, на улице [12].

В лицее Николай Данилевский считался одним из самых способных учеников, «в своем классе был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников» [13]. Учение давалось ему легко. Он обладал ясным логическим мышлением и поражавшей всех уже тогда отменной памятью. Высокие требования в лицее к изучению языков не затрудняли Данилевского – он пришел в лицей уже с основательным знанием трех европейских языков: немецкого, французского и английского. Тот же П. П. Семёнов-Тян-Шанский вспоминает: «Навещая брата, я близко познакомился со всеми его товарищами, принадлежавшими к III курсу Царскосельского лицея. Самым талантливым из них был лучший его друг

– Н. Я. Данилевский, жизнь которого впоследствии тесно связалась с нашей жизнью» [14].

Действительно, после окончания лицея, в начале 1843 года Николай Данилевский и Николай Семёнов не расстались, а поселились в одной квартире, на Васильевском острове. Н. П. Семёнов стал служить в Министерстве юстиции, а Н. Я. Данилевский хотя и записался на службу в канцелярию Военного министерства, но никакой должности занимать не стал и вскоре вышел в отставку. Оба друга и живший вместе с ними, впоследствии известный композитор и музыкальный критик, А. Н. Серов весьма скептически были настроены к чиновничьему рутинному труду, высмеивали царящую в этой среде атмосферу карьеризма, подсиживания и холуйства. Ощущая недостаточную полноту полученного образования, Н. Я. Данилевский с осени 1843 года определился вольнослушателем по естественным наукам на физико-математический факультет Петербургского университета. А с осени 1845 года те же лекции этого факультета стал посещать и младший Семёнов – Пётр (будущий Тян-Шанский), который поселился в той же квартире.

Многие лекции они посещали вместе. Оба успешно завершили учебу, в течение 1848–1849 учебного года сдали магистерский экзамен. Научные интересы молодых естествоиспытателей выходили далеко за пределы их специализации. П. П. Семёнов-Тян-Шанский вспоминал: «Данилевский обладал огромной эрудицией: перечитали мы с ним, кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим, все лучшие тогда сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений (Фурье, Сен-Симона, Оуэна и т. д.)» [15].

В те же студенческие годы Н. Я. Данилевский начал публиковаться в ведущих петербургских толстых журналах. Первая публикация двадцатилетнего Николая Данилевского представляла собою «Письмо в редакцию» журнала «Отечествен-

ные записки», напечатанное под рубрикой «Литературные и журнальные заметки» в № 5–6 за 1843 год. Прочитав в первом номере журнала этого года традиционный обзор русской литературы (за прошедший 1842 год), Данилевский изумился похвале в адрес повести «Барона Брамбеуса» (О. И. Сенковского) «Падение Ширванского царства». Автора произведений сомнительного качества, таких как «Фантастические путешествия», «Большой выход сатаны» и т. д., журнал прежде никогда не жаловал. Данилевский пишет, что, начав читать новую повесть «Барона Брамбеуса», почувствовал, «что тут есть что-то уже мне знакомое, что я читаю это не в первый раз». Данилевский далее сообщает, что ему удалось напасть на след источника новой повести «Барона Брамбеуса». Им оказалось «Mirza» – собрание восточных сказок известного в то время английского писателя Мориера. Одно из произведений его сборника «History of Mobarek Shah and the magican» – совершенный двойник «Падения Ширванского царства», утверждает Данилевский и убедительно доказывает это сопоставлением цитат из новой повести «Барона Брамбеуса» и фрагментов из сборника произведений Мориера на английском языке и в собственном переводе. Автор делает вполне обоснованный вывод: «Следовательно, положение, что г-н Сенковский не написал ни одной хорошей оригинальной повести, остается по-прежнему верным и без всяких исключений» [16].

Значение этого литературного дебюта Н. Я. Данилевского показательно во многих отношениях. Во-первых, «Письмо в редакцию» свидетельствует о большом интеллектуальном кругозоре, о той огромной эрудиции, которую отмечали в Данилевском многие его современники. Он продемонстрировал, что следит за интересующей его литературой на иностранных языках, не переведенной на русский. Во-вторых, он показал свою непримиримость ко всякого рода несамостоятельности, заимствованиям и тем более к плагиату. В-третьих, он с самого начала как бы подтвердил свою незаурядность, дебютировав в

несомненно лучшем русском журнале 40-х годов, страницы которого тогда украшали имена М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, В. И. Даля, А. А. Фета, В. Ф. Одоевского, Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова, А. И. Герцена и, наконец, В. Г. Белинского, в статье которого «Русская литература в 1842 году» Данилевский и обнаружил неоправданный в адрес повести «Барона Брамбеуса» комплимент: будто она «очень потешна».

Вряд ли он не знал, что автором ежегодных анонимных обзоров русской литературы в «Отечественных записках» являлся В. Г. Белинский. Читатели журнала, тем более в Петербурге, были об этом прекрасно осведомлены. Тем существеннее отметить, что юного начинающего автора не смутил авторитет «великого критика». Он решительно указал на его промах, и редакция с этим посчиталась. Более того, именно в этом журнале Н. Я. Данилевский стал публиковать все свои научно-популярные статьи и переводы, которые были не только выражением его мировоззренческих исканий, но и давали возможность, за счет гонораров, поправлять материальное положение, ибо никакого состояния – ни недвижимости, ни капиталов – он не имел, а получал лишь «вспомоществование» от родственников [17].

Некоторые из этих публикаций представляют определенный интерес прежде всего именно в плане обнаружения в них задатков могучего интеллекта Данилевского, о котором писали все мемуаристы, хорошо знавшие его, и авторы, непредвзято изучавшие его труды. В этом отношении наиболее характерны две его статьи, опубликованные в «Отечественных записках» в 1848 году, – «Дютроше» (№ 5, 6) и «Космос» (№ 6, 7, 8). Первая написана по случаю смерти французского биолога Анри Дютроше (1776–1847), предвосхитившего клеточную теорию и своими исследованиями по физиологии растений показавшего несостоятельность теории витализма, наделявшей растения душой и творческой силой. Эта статья достаточно убеди-

тельно свидетельствует о необычайно широкой научной начитанности 25-летнего Н. Я. Данилевского. В ней проявилось глубокое знание трудов Дютроше, которые он мог прочитать только на французском языке. Метод исследований Дютроше он оценивает как воплощение принципов Декарта в подходе к научным изысканиям. В статье приводятся ссылки на работу английского физиолога Нейта, которую Данилевский также мог прочитать только на родном языке автора.

Но главное в статье – критика эмпиризма и обоснование метода Дютроше как наиболее эффективного в науке. Данилевский находит, что чисто эмпирическое изучение природы имеет право на существование, но оно малоэффективно, малопроизводительно, требует больших затрат труда и времени. Эмпирик если и приходит к открытию, то случайно. По его мнению, «собирание всяких фактов без всякой руководящей этим собиранием идеи не потому только ведет к самым ничтожным результатам, что эти факты остаются без всякой группировки, без всякого обобщения и без всякой иерархической подчиненности, но и потому, что при этом самые важные факты должны оставаться незамеченными». Данилевский считает, что человеку в научном познании более свойственно идти индуктивным путем, от какой-либо обобщающей мысли. Это заложено «в самом интеллектуальном устройстве человека, по которому внимание не может равномерно распределяться совершенно безразлично на все явления и на все модификации какого-нибудь явления». В поле зрения человека попадает только то, что соответствует чувствам и мыслям, господствующим в нем в данный момент; то, что соответствует или опровергает занимающую его идею, зародившуюся в нем или из массы имеющихся у него сведений, или из случайно открывшихся ему фактов из наблюдений с другой целью. «Одним словом, – пишет Данилевский, – только то или почти то, что мы ищем, можем мы и видеть в данном явлении». Вывод Данилевского: труды Дютроше доказывают «необходимость обшир-

ных сведений по всем частям естествознания для того, чтобы достигнуть хоть сколько-нибудь значительного успеха в исследовании какой бы то ни было отрасли их» [18].

Этот принцип оказался руководящим для Данилевского на всю жизнь. Он всегда стремился при исследовании любого вопроса обзавестись как можно более широким кругом сведений по всем его аспектам, чтобы выработать свой взгляд, свою концепцию, свою идею.

Не менее важна для характеристики особенностей интеллекта Н. Я. Данилевского и другая его статья – рецензия на изданный в Петербурге в 1848 г. в переводе с немецкого труд Александра Гумбольдта «Космос. Опыт физического мироописания». В поле зрения рецензента вновь попало произведение известного естествоиспытателя. И опять он ведет разговор гораздо шире – о методологии науки и о методах пропаганды ее достижений. И хотя на этот раз речь шла о произведении, переведенном на русский язык, Данилевский дает понять читателю, что познакомился с ним и в оригинале. Он высоко отзывается о переводе, «столь верно передающем характер подлинника», хвалит переводчика «за его точный и превосходно передающий язык подлинника перевод».

Данилевский выделяет четыре способа изложения достижений наук: сугубо научное, популярное, прикладное и художественное. Последнее он считает весьма действенным, ибо оно рисует предмет науки образно, воздействует на чувства читателей с помощью «оживленной и гармонической картины». Именно этот способ, по мнению Данилевского, был успешно применен А. Гумбольдтом при изложении достижений всех естественных наук. К тому же это был взгляд и через призму новейших достижений науки и на землю, и на космос в их единстве. И это показалось особенно привлекательным Данилевскому в книге А. Гумбольдта. В идеальном виде такую всеобъемлющую, всеохватывающую картину мироздания, по мнению Данилевского, по силам нарисовать лишь человеку, «одновре-

менно созерцающему вселенную и простым глазом, и глазом, который вооружен телескопом и микроскопом, – созерцающему не одним зрением, а всеми органами чувств, всеми путями, какими только внешние впечатления, передаваясь по разнообразно разветвляющимся и переплетающимся нервным частям, могут доходить до нашего сознания», созерцающему, выражаясь словами Гете, «осязающим глазом и видящею рукой». Только так можно постигнуть красоту и гармонию вселенной, «единой в целом и до бесконечности разнообразной в частях», считает Данилевский. И ценность книги Гумбольдта он и видит как раз в том, что она дает ощущение «всеприсутствия жизни, переливающейся из одних форм бытия в другие, и совместное ощущение повсюду разлитого покоя и гармонии и повсюду присутствующего, неиссякающего и всеизменяющего движения».

По мысли Данилевского, постигнув эту необыкновенную гармонию и красоту пластичности мироздания, человек начинает сам чувствовать себя «соучастником в деятельности природы», помогать ей в «водворении повсеместной гармонии» и тем самым обретает свое земное назначение «в обработке, украшении и гармонизации планеты, данной ему Всевышним существом в жилище и в управление» [19]. Таким образом, книга А. Гумбольдта была не просто представлена Данилевским читателям в трех номерах журнала во всем богатстве ее содержания, но и дала ему самому повод высказать свои мысли о науке, ее ценностях, о важности ее популяризации, о соотношении земли и космоса, природы и человека. Многие мысли Данилевского о гармоническом единстве мироздания несут в себе зачатки теоретических основ «русского космизма».

Сотрудничество в лучшем журнале 40-х годов обогатило круг студенческих общений. Хотя и его студенческие друзья, братья Семёновы например, вошли в историю России как люди выдающиеся, журнал дал ему возможность познакомиться с В. Г. Белинским и В. Н. Майковым. «Они оценили необыкно-

венно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную эрудицию» [20]. Не так много было людей эпохи, которым было дано увидеть Данилевского во весь его интеллектуальный рост, но это всегда были очень значительные исторические фигуры в русской культуре и общественной мысли. Еще в лицее он познакомился с поэтом А. Н. Плещеевым, а на квартире у него – с Ф. М. Достоевским, знакомство с которым продолжилось в кружке М. В. Петрашевского, а после длительного перерыва (не по их вине) восстановилось в 70-х годах.

Из приведенных выше воспоминаний П. П. Семёнова-Тян-Шанского явствует, что, кроме сугубо научной литературы по естествознанию, они с Н. Я. Данилевским в студенческие годы перечитали массу книг по истории, социологии и политической экономии, в том числе произведения Ш. Фурье, К. Сен-Симона, Р. Оуэна – теоретиков утопического социализма. Из показаний обвиняемых по «делу петрашевцев» ясно, что основная масса этой литературы распространялась на языке оригинала и основным хранилищем ее была библиотека М. В. Петрашевского. Несомненно, что указанная литература попадала к ним из этого источника. И, вероятно, там изучал ее Данилевский, который был причастен к деятельности кружка петрашевцев, проходил по их делу и отсидел, находясь под следствием, более четырех месяцев в Петропавловской крепости. Отвечая на вопросы следственной комиссии, Н. Я. Данилевский, сообщил: «С Петрашевским знаком я с 1844 года, бывал у него прежде и в обыкновенные дни, и в положенные для вечеров. Особливо часто посещал его зимою 1846-го года и в последней половине генваря, в феврале, марте и апреле 1848-го года, с этих же пор прекратил мои к нему посещения» [21].

Целый ряд петрашевцев, причем наиболее активных, были выпускниками Царскоєельского лицея. Это, прежде всего, сам М. В. Петрашевский, окончивший лицей на два года раньше Данилевского. Это однокурсник Данилевского Н. А. Спешнев.

На год раньше окончил лицей петрашевец А. П. Беклемишев, на год позже – М. Е. Салтыков-Щедрин. Общее число учащихся на всех шести курсах лицея составило не более 180 человек, так что многие лицеисты неплохо знали друг друга или, по крайней мере, были знакомы. Петрашевский даже пытался в среде лицеистов 14–16 лет создать группу своих единомышленников, – так сказать, резерв для своего кружка. Но был в этом замечен. В результате прежде всего пострадали лицеисты. Двое из них были отчислены, а третий наказан розгами. Когда же Петрашевский в 1844 году стал домогаться места преподавателя лицея, ему в этом было отказано. Из этого можно заключить, что пушкинская традиция вольнодумства сохранилась в лицее и в последующие годы. И не случайно сформировалась в нем группа петрашевцев, в которую некоторым образом попал и Данилевский.

Известно, что участникам кружка вменялось в вину распространение вредного вероучения Ш. Фурье и попытка создания тайного общества с целью организации крестьянского бунта и изменения в стране политического строя. Н. Я. Данилевскому могло быть предъявлено обвинение лишь по первому пункту, ибо в среде петрашевцев он слыл человеком, который лучше всех знает теорию Фурье [22]. Тем не менее он был арестован вместе со 123 посетителями собраний у Петрашевского. Произошло это при весьма драматических обстоятельствах в жизни молодого магистранта.

В 1848 году Н. Я. Данилевский, сдав магистерский экзамен, представил диссертацию по теме «Орловская флора». Вместе со своим другом П. П. Семёновым (Тян-Шанским), тоже магистрантом, они составили проект трехлетней экспедиции по исследованию границ черноземной полосы России, физического и химического состава ее почв, ее растительности. Авторы проекта представили его в Вольное экономическое общество, надеясь получить не только его одобрение, но и материальную поддержку экспедиции. Их надежды оправдались, проект вы-

звал интерес и был одобрен. Поскольку оба автора получили отличные характеристики профессоров Санкт-Петербургского университета [23], они были приняты в действительные члены-корреспонденты Вольного экономического общества и им была выделена необходимая сумма денег на первое время экспедиции.

К весне 1849 года все было готово для реализации плана экспедиции. В конце мая молодые ученые двинулись в путь [24]. Хотя аресты в Петербурге среди петрашевцев уже начались, оба были твердо уверены, что это их не коснется, ибо не находили в своей деятельности ничего предосудительного. Проехав через Рязанскую и Тульскую губернии, они собрали большой ценный материал для своего первого отчета Вольному экономическому обществу. Это был значительный успех в научной работе Данилевского.

В его личной жизни как будто тоже засверкали лучи восходящего солнца – появилась надежда на брак с любимой женщиной. Это была молодая вдова генерала Вера Николаевна Беклемишева (урожденная Лаврова), которая жила в селе Русский Брод в Орловской губернии. По соседству, в селе Оберец, было имение братьев матери Данилевского, у них жила его родная сестра, там же он проводил каждое каникулярное лето. Однажды сестра и познакомила его со своей подругой В. Н. Беклемишевой, по словам П. П. Семёнова-Тян-Шанского «отличавшейся умом, благородством, деловитостью и редкой красотой» [25]. Знакомство состоялось в 1843 году. Но, встречаясь с Верой Николаевной каждое лето, Данилевский все никак не решался признаться ей в своих чувствах. Очень скромный, застенчивый, он, казалось окружающим, боялся женщин. Вера Николаевна была первой женщиной, с которой он подружился и которая впервые пробудила в нем тщательно скрываемое им чувство любви. Во время его каникул они часто встречались, дружески общались. Он подолгу гостил в ее доме, а затем писал ей из Петербурга длинные письма, но на объяснения своих

чувств к ней никак не решался. И даже самым близким друзьям не открывал своей тайны. Однако наблюдательный П. П. Семёнов-Тян-Шанский в конце концов понял, в чем дело. «Когда же я в деликатной форме высказал ему свою догадку, – вспоминает он, – он покраснел как ребенок и со свойственной ему душевной чистотою поведал мне все свои сердечные тайны» [26].

Друг не раз убеждал Н. Я. Данилевского открыть свою любовь Вере Николаевне, не смущаться тем, что она была старше его лет на семь, уверял, что она наверняка испытывала к нему те же чувства, иначе не поощряла бы многомесячного пребывания в ее доме и не вела бы с ним постоянной переписки.

Когда во время экспедиции они остановились в доме В. Н. Беклемишевой, П. П. Семёнов-Тян-Шанский стал настойчиво подталкивать своего друга к решительному объяснению. Лишь в последний день пребывания в доме В. Н. Беклемишевой Н. Я. Данилевский после шестилетнего знакомства с ней открыл ей свою нежную любовь и предложил выйти за него замуж. Вера Николаевна призналась, что давно полюбила его всей душой, ответила согласием, но просила сначала завершить экспедиционную поездку, так как никогда не хотела бы мешать его научным занятиям. Данилевский «был на седьмо́м небе».

Друзья продолжили свою экспедицию, направились в Тульскую губернию. На первом же привале, после дня работы по сбору материала, их встретил жандармский полковник и объявил магистранту Петербургского университета Николаю Данилевскому, что он арестован. Все бумаги, отчет о проделанной работе и даже черновик его были отобраны и затем безвозвратно исчезли. Арестованного немедленно доставили в Петербург, в Петропавловскую крепость. На рапорте коменданта крепости генерал-адъютанта И. А. Набокова от 22 июня 1849 года о том, что Данилевский «сего числа принят и помещен... в куртине между бастионами Трубецкого и Екатерины, в каземате под № 14», сбоку значилась резолюция: «Его Величество из-

волили читать» [27]. Арестам петрашевцев придавалось особое значение.

Во время следствия Н. Я. Данилевский вел себя безукоризненно: он держался с достоинством, никого не оговорил, старался доказать, что ничего противогосударственного в деятельности его и его товарищей не содержалось. Поскольку обвинения в заговоре, в создании тайного общества, в подготовке крестьянского восстания он отвел не только от себя, но и от своих товарищей, основной пункт предъявленного ему обвинения касался пропаганды учения Ш. Фурье. Некоторые из обвиняемых характеризовали его как самого большого знатока этого учения и самого талантливого его пропагандиста. Н. Я. Данилевский, собственно, невольно и подтвердил это своими ответами на допросах. Более того, он представил подробную справку об учении Фурье, объемом более полутора печатных листов. Это было, вероятно, самое лучшее популярное изложение учения Фурье, которое когда-либо существовало в России и после Данилевского. Написанное по памяти, поэтому и без единой цитаты, оно очень точно, очень стройно, очень логично передавало не только суть учения, но и все его нюансы, все его разделы, всю его специфическую терминологию. Один из членов следственной комиссии Я. Н. Ростовцев позже шутливо признавался, «что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами» [28].

Адвокатов подследственным в то время не полагалось. Каждый как мог защищал себя сам. И надо сказать, что Данилевский провел свою защиту на высочайшем интеллектуальном и тактическом уровне.

Поскольку инкриминировалось Данилевскому главным образом распространение учения Фурье, он прежде всего постарался доказать абсолютную несостоятельность этого обвинения по существу. Во-первых, потому что оно не было официально запрещено в России. Сочинения Фурье излагались в пе-

чати, а на французском языке допускались к продаже в книжных лавках и значились в каталогах. Во-вторых, оно не содержало в себе ничего социально опасного. В своих фаланстерах Фурье хотел найти лишь форму для организации наиболее производительного труда. Он предполагал оставить неприкосновенными право собственности, право наследства, права капитала. Каждый участник фаланстера должен был получать долю из общего дохода, пропорциональную внесенному им капиталу, труду и таланту. Фурье выступал за гармонизацию общественных отношений, считал классовую борьбу величайшим несчастьем. Он был против насильственных способов изменения государственного устройства. Он категорически отрицал идею равенства – как несбыточную, вредную, несовместимую с природой человека. И все это, как справедливо отмечал Данилевский, ничего общего не имело с коммунистической доктриной. Сторонники Фурье, отмечал он, всегда добивались только, чтобы им дали возможность на отведенном им участке земли провести акт организации труда по типу фаланстеров. В заключение Данилевский еще раз обращал внимание следователей на тот факт, что сочинение Фурье и его последователей «не были запрещены правительством нашим» и что учение Фурье носит «мирный характер» и не противоречит ни одной из основ государственного строя России. Что касается вопроса о характере и целях кружка Петрашевского, то в его рассказе это была не организация заговорщиков, а всего лишь нечто вроде салона для интеллектуалов, которые время от времени собирались, чтобы обменяться идеями по социальным вопросам и по некоторым теоретическим научным проблемам. Он признал, что иногда критике подвергалось крепостное право, судопроизводство, цензура. Но, подчеркивал Данилевский, это делалось, прямо или косвенно, и в открытой подцензурной печати.

Он отметил также, что с июня 1846 по сентябрь 1847 года он не посещал кружок Петрашевского, так как уезжал из Пе-

тербурга. (Вероятно, заканчивал сбор материала по магистерской диссертации «Орловская флора».) Кроме того, он сообщил, что, вернувшись в Петербург, был потрясен смертью от несчастного случая своего друга – 23-летнего Валериана Майкова (талантливого литературного критика «Отечественных записок») и не испытывал желания посещать собрания у Петрашевского. А ввиду того, что с октября 1847 по январь 1848 года усиленно занимался проблемами ботаники, готовил магистерскую диссертацию, то только с конца января возобновил посещения квартиры Петрашевского, главным образом, чтобы почитать там французский журнал «La phalange», в котором были опубликованы последние сочинения Фурье. Данилевский сказал, что затем прекратил визиты к Петрашевскому из-за негативного впечатления, которое на него произвели попытки коммунистов «насильственно утвердить свое учение во Франции». А поскольку коммунизм ошибочно смешивают с учением Фурье, то ему не хотелось участвовать в чем-то, смешиваемом с коммунизмом. Поэтому он даже отказался участвовать в обеде в честь дня рождения Фурье, пояснил Данилевский.

В ответ на требование следователей назвать петрашевцев, с которыми он имел контакты, Данилевский объяснил, что с братьями И. М. и К. М. Дебу и А. В. Ханыковым имел лишь беседы о Фурье, с Ф. М. Достоевским познакомился еще в лицейские годы на квартире у родственника поэта А. Н. Плещеева и вел с ним разговоры в основном о литературе. Данилевский ни слова не сказал, что Достоевский не только читал свои повести «Бедные люди» и «Неточка Незванова», но и горячо высказывался против злоупотреблений помещиками крепостным правом. Относительно М. В. Петрашевского и Н. А. Спешнева он показал, что познакомился с ними еще в лицее, но представил их как людей всего лишь либерального образа мыслей. Например, о Петрашевском сказал только, что он был «привержен к мысли о пользе открытого судопроизводства», а

о Спешневе отозвался как о человеке, считавшем несправедливым крепостное состояние крестьян.

Единственным случаем своего перехода за границы законности Данилевский признал свое участие в обсуждении со Спешневым на вечере у Плещеева идеи издания за границей литературы на русском языке, предполагая издать свое изложение системы Фурье. Однако подчеркнул, что во исполнение этого намерения никаких статей не писал и ничего не знает больше об этих планах.

На следователей и членов Военно-судной комиссии не могла не произвести впечатления не только железная логика доказательства Данилевским своей невиновности, но и прямодушие и чистосердечность его рассуждений о своем состоянии. Например, он сообщал, что хотя отказался в 1849 году от всякого участия в распространении учения Фурье, «однако должен сознаться, что не переставал считать это учение справедливым». Более того, даже теперь, после многих размышлений над этим учением в своем четырехмесячном заключении, откровенно, не боясь, признавался, что, «не солгав, не могу сказать, что и теперь не считаю его справедливым» [29]. Подтверждением тому, что Данилевский среди петрашевцев был скорее увлеченным ученым, чем политиком, для следователей мог послужить еще один факт. При обыске на квартире у знакомого чиновника, к которому Данилевский перед отъездом в экспедицию перевез два ящика своих книг, жандармы среди них обнаружили только сугубо научные труды и учебники по «разным наукам» [30].

В результате умелой и убедительной самозащиты Н. Я. Данилевский по решению Военно-судной комиссии и по докладу военного министра А. И. Чернышёва царю 10 ноября 1849 г. был освобожден из Петропавловской крепости и выслан на службу в г. Вологду под строгий секретный надзор. На два дня раньше аналогичное решение было принято относительно другого петрашевца – А. П. Баласогло, высланного в Петроза-

водск. А всего из 123 арестованных по данному делу было освобождено и отдано под секретный надзор 32 человека.

При освобождении Данилевского заставили дать подписку, что «все расспросы», которым он подвергался в Секретной следственной и в Военно-судной комиссиях, будет «содержать в строгой тайне» и обязуется «впредь ни к какому тайному обществу не принадлежать», иначе будет подвергнут ответственности «по всей строгости законов» [31].

Нет сомнения, что Данилевский строго хранил в тайне содержание учиненных ему допросов: никаких даже намеков на нарушение данного запрета нет в немногих воспоминаниях о нем. Никаких попыток он, естественно, не делал и для вступления в какое-либо тайное общество. Собственно, и собрания у Петрашевского он таковым никогда не считал. Но все же в его социально-политических ориентирах, как свидетельствует П. П. Семёнов-Тян-Шанский, произошел «поразительный переворот» в Петропавловской крепости. Вполне возможно, что свидетельство это записано со слов самого Данилевского в те первые три дня, когда он оказался на свободе у своего самого близкого друга: «Книга, с которою он не разлучался (за время заключения. – *Б. Б.)* и которую изучал с необыкновенным вниманием, была Священное Писание... Вспомнил он чистые верования первых дней своей юности... Пылкое увлечение теорией Фурье уступило место спокойному анализу социалистических учений. В том из них, которому он пылко сочувствовал, потому что оно исключало всякие насильственные перевороты, он признал прекрасную, но неосуществимую утопию, однако остался верен своим великодушным стремлениям к улучшению быта народных масс и освобождению их от крепостной зависимости» [32].

16 ноября Н. Я. Данилевский обратился к начальнику Третьего отделения графу А. Ф. Орлову с прошением позволить ему до отъезда в Вологду защитить ранее, еще до ареста, написанную и представленную диссертацию. Ибо «все, требуемое

для этого, было мною исполнено», – подчеркивал он. В противном случае, указывалось в прошении, он лишится не только «всех плодов» своих «шестилетних занятий науками, но даже всякой надежды на успех на ученом поприще» [33]. Он счел нелишним отметить также, что лишится в противном случае и чина 9-го класса, сопряженного со степенью магистра. Это обстоятельство было тоже немаловажным для Н. Я. Данилевского, отправившегося на новое место службы всего лишь в чине титулярного советника и без гроша в кармане. Он просил выделить ему денег для приобретения зимней одежды по выходе из Петропавловской крепости, и ему было выдано сто рублей [34]. Однако в просьбе о защите диссертации Данилевскому было «высочайше» отказано, и было еще раз дано указание о немедленной высылке его по назначению [35]. Только три дня было предоставлено Данилевскому на пребывание в Петербурге.

П. П. Семёнов-Тян-Шанский пишет в своих воспоминаниях о страшном потрясении, пережитом им уже в Вологде, когда был объявлен невероятно суровый приговор остальным петрашевцам: смертной казни подлежал 21 человек. Причем, как известно, была строго соблюдена вся обрядовая сторона смертной казни на Семёновском плацу в Петербурге 23 декабря 1849 г. Одетые в смертные рубахи, привязанные к столбам с завязанными глазами, петрашевцы лишь в последнюю минуту узнали о замене смертной казни каторгой. Вероятно, автор мемуаров вспомнил, что сам он тоже несколько раз посещал «пятницы» Петрашевского, да и его брат был там однажды. Данилевский на вопрос следствия: кто посещал собрания у Петрашевского, «припоминал» 17 человек, но Семёновых не назвал. Хотя оба брата упоминаются, например, в показаниях М. В. Петрашевского и А. П. Баласогло как эпизодически посещавшие эти собрания [36]. Поэтому дрогнуло сердце и у очень впечатлительного, но умеющего скрывать свои чувства Н. Я. Данилевского, который значительно чаще упоминался в показа-

ниях арестованных как активный и самый талантливый проповедник учения Фурье, как знаток не только естественных наук, но и «всех социальных систем» [37].

Жизнь в Вологде, разумеется, не могла ни в какой мере удовлетворить интеллектуальных и духовных запросов Н. Я. Данилевского, хотя он аккуратно исправлял в губернском правлении свои скромные обязанности чиновника особых поручений, главным образом статистика и переводчика. В Петербурге, однако, о нем как о подающем большие надежды ученом не забывали.

3 апреля 1850 года по инициативе Вольного экономического общества бывший председатель Военно-судной комиссии В. А. Перовский обратился с просьбой к начальнику Третьего отделения графу А. Ф. Орлову исходатайствовать у Императора разрешение Данилевскому завершить изыскания в Тульской, Орловской и Рязанской губерниях, с тем чтобы по окончании этих работ вернуться в Вологду. Но 22 мая Император Николай «не изъявил на это Высочайшего соизволения» [38].

Однако судьба преподнесла Н. Я. Данилевскому в Вологде и бесценный подарок. Летом 1850 года он обратился с просьбой к П. П. Семёнову-Тян-Шанскому при его поездке в деревню навестить Веру Николаевну Беклемишеву, которую продолжал «пламенно и беспредельно любить», чтобы выяснить ее отношение к нему, Данилевскому, после всего с ним случившегося. Сам он «по своей прежней деликатности» не решался «напомнить ей о тех отрадных для него надеждах, которые она возбудила в нем при их последнем свидании». Объяснение состоялось. П. П. Семёнов-Тян-Шанский еще раз услышал, что Вера Николаевна давно полюбила его друга, видела в нем «необыкновенное сочетание чистой, можно сказать, детской души и высокого, истинно философского ума». Она призналась, что избегала объяснений, ибо при его «почти детской наивности» и «при его полном незнании женщин» результатом такого объ-

яснения мог быть только брачный союз, а она боялась, что в таком случае это нарушит «его подготовку к блестящей научной деятельности, к которой его призывала необыкновенная его талантливость, громадная эрудиция, трудоспособность и замечательный логичный ум» [39]. Она заявила, что теперь посчитала бы себя счастливой соединить свою жизнь с ним, если этот брак облегчит его судьбу, и что постарается всегда быть преданной и любящей женой.

Вскоре, после непродолжительной переписки с Данилевским, к удивлению местного «бомонда», «генеральша Беклемишева», продав свое имущество, приехала в Вологду и обвенчалась «с нравственно безукоризненным, но едва не приговоренным к смертной казни Н. Я. Данилевским» [40].

Счастье, однако, было недолгим. Не прошло и года – В. Н. Беклемишева скончалась от холеры. Потрясение от этого горя, которое Данилевский считал «самым жестоким» в его жизни, было настолько велико, что во второй брак он вступил только через девять лет, в 1861 году, женившись на дочери близкого ему человека Александра Павловича Межакова – Ольге (1838–1910), которая родила ему шестерых детей.

В Вологде, кроме исполнения своих текущих рутинных обязанностей чиновника по особым поручениям при губернаторе, Н. Я. Данилевский находил время и для научных занятий. Он написал две научные работы: «О движении народонаселения в России» (СПб., 1851. 247 с.) и «Климат Вологодской губернии» (СПб., 1853. 226 с.). Географическое общество за первую работу присудило ему большую премию Жукова, а за вторую – малую золотую медаль.

Все это время Третье отделение не спускало своего тайного ока с Данилевского. На запрос в начале 1851 года начальника Третьего отделения А. Ф. Орлова о поведении бывшего заключенного Петропавловской крепости вологодский губернатор 29 января ответил, что Данилевский «ведет себя хорошо и об-

раза мыслей похвального, а потому признан заслуживающим облегчения его участи» [41]. В результате последовали некоторые послабления.

Данилевский был выслан в Вологду, хотя и на службу, но без права покидать этот город. В этом же году тяжело заболела его мать, проживавшая в г. Вознесенске (предположительно в Херсонской губернии). Зная, что вопросы, связанные с его судьбой, решаются непосредственно российским Императором, Данилевский за разрешением на поездку к матери обратился прямо к Николаю I. Указав, что мать постигла болезнь, оставляющая мало надежд на выздоровление, он очень просил дать ему возможность в последний раз увидеть ее, «доставить ей последнюю радость в жизни и получить ее, может быть, последнее благословение» и услышать из ее уст прощение за причиненные ей «горести» [42]. Просьба Данилевского была удовлетворена.

27 июля 1852 года Оренбургский и Самарский генерал-губернатор послал ходатайство А. Ф. Орлову с просьбой перевести Н. Я. Данилевского на службу из Вологодской в Самарскую губернию, указав при этом, что он знает «сего чиновника с весьма хорошей стороны», что наблюдавший за ним в Вологде тайный советник Волховской «отзывается о нем самым лестным образом» и что Данилевский «с большею пользою и в служебном, и в ученом отношении может быть употреблен в Самарской губернии» [43]. В ходатайстве упоминались отличные отзывы Вологодского начальства о работе Данилевского.

Тем не менее по требованию царя Третье отделение 31 июля запрашивает еще один отзыв о Данилевском непосредственно от Вологодского губернатора. 9 августа 1852 года губернатор направил управляющему делами Третьего отделения Л. В. Дубельту подробный отзыв, в котором, между прочим, говорилось, что Данилевский «ведет себя примерно, занимается статистическим описанием Вологодской губернии и с особенной страстью ботаникою, не имеет времени быть в обществе, кото-

рое, впрочем, его и не принимает. Г. Данилевский имеет фундаментальные сведения в естественных науках и при хорошем своем поведении, конечно, может быть употреблен с большею пользою для службы» [44].

Наконец, царь в резолюции на докладе А. Ф. Орлова от 16 августа 1852 года согласился на перевод Данилевского в Самарскую губернию, но с непременным условием, «чтобы был под строгим наблюдением полицейским там, где будет находиться» [45]. Это указание неукоснительно соблюдалось, и только в день коронования на российский престол нового Императора Александра II, 26 августа 1856 года, секретным распоряжением Данилевский был «освобожден от надзора» [46]. Но Данилевский мог и не знать об этом благодеянии.

В канцелярию самарского гражданского губернатора Н. Я. Данилевский был перемещен 3 ноября 1852 года. Уже 6 апреля 1853 года Русское географическое общество обратилось к А. Ф. Орлову с ходатайством откомандировать его в совместную с Министерством государственных имуществ экспедицию по изучению состояния рыболовства на Волге и Каспийском море [47]. После очередных запросов и секретной переписки о характере причастности Данилевского по «делу Петрашевцев» он 18 июня 1853 г. по «Высочайшему повелению» был «командирован в ученую экспедицию под начальством К. М. Бэра для исследования рыболовства на Волге и Каспийском море» [48].

Эта экспедиция, продолжавшаяся четыре года, была знаменательна тем, что Н. Я. Данилевский блистательно проявил себя в новой для себя отрасли естествознания – ихтиологии. В течение 18 лет – до 1871 года – одна ихтиологическая экспедиция в его жизни сменялась другой. Причем во всех последующих экспедициях уже не Бэр, а он выступал в роли руководителя.

Он исследовал рыбные запасы и промыслы в реках Волге и Урале, в Каспийском, Чёрном и Азовском морях, в дельте Кубани, в Белом море и в водах Архангельской губернии, в

Псковском и Чудском озерах, словом – в большинстве водоемов европейской части России.

Результатом проведенных исследований явились его многочисленные научные отчеты и труды о видах рыб и рыбных запасах в указанных водоемах, имевшие большую практическую ценность для рыболовства. Они были изданы Министерством государственных имуществ в многотомном «Исследовании о состоянии рыболовства в России с 1860 по 1875 годы». Назовем лишь те тома, которые были написаны Н. Я. Данилевским: «Описание уральского рыболовства» (Т. III), «Статистика каспийского рыболовства» (Т. V), «Рыбные и звериные промыслы в Белом и Ледовитом морях» (Т. VI), «Описание рыболовства на Чёрном и Азовском морях» (Т. VIII), «Описание рыболовства в северо-западных озерах» (Т. IX). Кроме того, этой тематике посвящены были и некоторые отдельно изданные работы Данилевского: «Разбор проекта Каразина об устройстве рыболовства в Каспийском море и изложение начал, которые должны быть положены в основание» (Астрахань, 1862). «Проект устройства Каспийского и Волжского рыболовства, составленный Н. Данилевским» (Астрахань, 1862), «О мерах к обеспечению народного продовольствия на крайнем Севере России» (СПб., 1869), «Исследование о Кубанской дельте» («Записки Императорского Русского Географического общества». Т. II. СПб., 1869). За последнюю работу Русское географическое общество присудило автору высшую награду – «Большую Константиновскую медаль».

Все эти работы обнаруживали фундаментальность проработки темы, обилие научных данных, тщательно проанализированных и систематизированных, логично и занимательно изложенных хорошим литературным языком, – каждая из них могла бы быть диссертацией. К тому же выступил в них Данилевский как рачительный экономист-практик, озадаченный патриотическим чувством, заботой о благе России. Отмечая, что Россия обладает огромными рыбными богатствами в своих

реках, озерах и морях, Н. Я. Данилевский настойчиво проводил мысль о бережном отношении к этим богатствам, об опасностях их утраты из-за хищнических промыслов, из-за вырубки лесов по берегам рек и их обмеления из-за этого. Фактически он выступал в этих работах не только как ихтиолог, но и как эколог, а во многом как экономист и как государственный деятель, а также как юрист. Все законодательство о рыболовстве и рыбных промыслах в России во второй половине XIX века было разработано на основе предложений Н. Я. Данилевского.

По его отчету «О мерах к обеспечению народного продовольствия на крайнем Севере России», опубликованному в «Правительственном вестнике» в 1869 г., было принято постановление Комиссии, специально учрежденной для рассмотрения этого отчета из представителей трех министерств: внутренних дел, государственных имуществ и финансов. В него были включены все тщательно обоснованные Данилевским предложения. Ввиду недостатка в Архангельской губернии земель, удобных для землепашества, крестьянам было разрешено беспрепятственно расчищать участки лесов под пашни и сенокосы и располагать при этом льготами переселенцев. Было решено построить Вятско-Двинскую железную дорогу, способствовать развитию среди крестьян лесных и морских промыслов, особенно рыболовства. Для развития мореплавания Комиссия постановила всячески защищать торговые права поморов, обеспечивать их кредитом. Были учреждены мореходные училища в Архангельске, Кеми и Суме. Устанавливалось пароходное сообщение между Норвегией, Мурманским берегом и Архангельском. Норвежцам запрещалось рыболовство ближе 10 верст от русских берегов. Был намечен ряд мер для «русской колонизации» берега Белого моря от Мезенского залива до Чешской Губы – для развития в крае солеварения. Приняты были меры для уменьшения податей с «сельского сословия». Выполнение этого постановления, разработанного на основе

предложений Н. Я. Данилевского, должно было «прочным образом обеспечить благосостояние жителей крайнего Севера России» [49].

Служебное положение Данилевского, а вместе с тем и материальное, в результате его неустанных трудов стало с каждым годом улучшаться. С 5 октября 1857 года он получал жалованье чиновника, с 7 марта 1858 года – инженера Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ [50]. В 1862 году он был уже статским советником и членом Ученого комитета этого Министерства с денежным содержанием до 2 тысяч рублей в год. В 1866 году его назначили инспектором сельского хозяйства того же Министерства с сохранением права участия в заседаниях Ученого совета. Его общий оклад вместе со «столовыми» стал составлять уже 3248 рублей. Если учесть, что примерно из 40 тысяч российских чиновников в гражданских ведомствах в те годы только около 2 тысяч получали оклады свыше 5 тысяч рублей в год, то денежное содержание Данилевского можно считать неплохим, хотя и далеко не роскошным для его большой семьи.

13 марта 1868 года в связи с завершением «ревностных трудов» по исследованию рыболовства в Чёрном и Азовском морях Н. Я. Данилевский был удостоен чина Действительного статского советника [51], а в 1874 году по совокупности трудов в Министерстве государственных имуществ он был произведен в Тайные советники. Так постепенно, шаг за шагом за 25 лет службы Данилевский поднялся в Табели о рангах с 9 класса в 1849 году (Титулярный советник) до 3-го класса в 1874 году. Тайных советников в российских гражданских ведомствах насчитывалось в то время всего около 500 человек.

Это был значительный прорыв наверх бывшего узника Петропавловской крепости. Власти, насильственно прервавшие его восхождение в большую науку, не позволившие ему защитить даже готовую магистерскую диссертацию, не смогли удер-

жать от самореализации его бьющий через край исследовательский талант в чисто прикладной области.

Но удовлетвориться занятиями ихтиологией Данилевский не мог. Огромный энциклопедический запас знаний требовал выхода. Причем этот запас отнюдь не иссякал, а, наоборот, неуклонно пополнялся из-за его неуемной жадности к научным поискам истины в самых разных отраслях знаний и практической человеческой деятельности. В его научном росте, в повышении уровня энциклопедизма, в его познаниях и мышлении неоценимую роль сыграла его работа в первой каспийской экспедиции под руководством академика Карла Максимовича Бэра. Весной 1853 года, когда каспийская экспедиция, состоявшая всего лишь из пяти человек, начинала свою четырехлетнюю исследовательскую работу, К. М. Бэру исполнился уже 61 год. Это был маститый ученый, известный не только в России, но и в Европе. Им было уже открыто яйцо млекопитающих, в связи с чем он был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук. Уже было написано два тома всемирно известного труда «История развития животных», за первый том которого он был избран в 1828 году действительным членом вышеназванной Академии. За плечами у него было уже 11 лет чтения лекций по сравнительной анатомии в Петербургской медико-хирургической Академии, с 1841 по 1852 год. При активном участии Бэра в 1845 году было образовано Русское географическое общество, а в 1860 – Русское энтомологическое общество, первым президентом которого он был избран.

К. М. Бэр был ученым-естественником широкого профиля. Он оставил заметный след в развитии медицины, анатомии, эмбриологии, зоологии, биологии, энтомологии, ихтиологии, ботаники, географии, этнографии, антропологии, геологии, палеонтологии. В России его почитали как продолжателя традиций энциклопедизма в науке. Российская Академия наук учредила при его жизни премию его имени за лучшие труды в обла-

сти биологии, которая должна была присуждаться каждые три года. Первым ее получил И. И. Мечников. 18 августа 1864 года Российская Академия наук торжественно отметила 50-летний юбилей его научной деятельности. Он был избран почетным членом Академии наук с правом голосования. В честь юбиляра была отлита медаль с его профилем и надписью «Orsus ab ovo hominem homini ostendit» («Начав с яйца, он показал человеку человека»). Юбилейная книга, посвященная биографии ученого, была издана в 1865 году сначала ограниченным тиражом в 400 экземпляров, в следующем году переиздана в Петербурге, а в 1886 году – за границей. В 1867 году он ушел на пенсию, которая была пожизненно определена в 3000 рублей в год, в чине Тайного советника с орденом Анны первой степени. Через десять лет после его смерти, в 1886 году, в тогда еще российском городе Дерпте (Тарту), где он жил последние годы, был поставлен ему памятник, выполненный А. М. Опекушиным.

О том, что уже при жизни К. М. Бэр получил как ученый мировую известность, свидетельствует и тот факт, что даже Ч. Дарвин в своем «Происхождении видов» признал огромный авторитет в науке «ученого-зоолога К. М. Бэра» [52]. И, фактически признав его приоритет в утверждении и развитии идей эволюции животного мира, Ф. Энгельс поставил его имя рядом с именами Дарвина и Ламарка [53]. Хотя надо сразу оговориться, что отношение самого К. М. Бэра к Дарвину и его учению было далеко не однозначным. Бэр был, особенно на раннем этапе, как и Дарвин, эволюционистом, трансформистом, т. е. признавал переход от низших форм жизни к более высоким, но до определенного предела. Постепенно его взгляд на эту проблему менялся. За этим просматривалось явное несогласие с дарвиновской концепцией происхождения человека от обезьяны. «К старости Бэр стал принимать эволюцию в более ограниченных пределах и отвел человеку особое место в природе. Он стал допускать эволюцию лишь внутри определенных групп животного мира» [54]. К. М. Бэру были возданы боль-

шие почести и в советское время. По случаю 100-летия со дня избрания Бэра членом Российской Академии наук в 1928 году было устроено торжественное заседание АН СССР. Юбилейную комиссию возглавлял В. И. Вернадский, который называл К. М. Бэра «великим мудрецом» [55].

Энциклопедистом К. М. Бэр был не только в естествознании, а в самом широком смысле этого слова. После ухода на пенсию он выпустил в 1873 году в Петербурге сборник своих «Речей и статей», в котором было немало мыслей об истории, об историческом процессе. Он выступал за применение строгого метода естествоиспытателя в области исторических наук. Придавал огромное значение географическому фактору в характеристике страны, ее хозяйственного и бытового уклада, народной психологии. «На географию Бэр смотрел как на необходимую составную часть всесторонней истории человечества» [56]. И очень важно в связи с этим отметить его мысль, что «на лице земли написаны не только законы распространения органических тел, но отчасти и судьбы народов» [57]. Здесь явно видны проявления органицизма, проникавшего в те годы в историческую мысль, в методологию исторической науки. И в этом отношении он был, несомненно, единомышленником Н. Я. Данилевского.

К. М. Бэр под впечатлением происшедших на его глазах революционных бурь в Европе 1848 года пришел к твердому убеждению, что общественный прогресс возможен лишь как движение вперед без всяких революционных потрясений. «Всякую излишнюю торопливость в этом деле он сравнивал с перегревом яиц в своем инкубаторе, что могло погубить зародышей» [58].

Свою научную деятельность он рассматривал как патриотическое дело служения своей родине – России. Вся она была направлена на то, чтобы разведать подлинные необъятные природные богатства России, сохранить и приумножить их, мобилизовать производительные силы страны на благо ее на-

селения, добиться экономического роста. В этом отношении он видел Россию громадной и малоизученной страной. Отсюда его стремление в своих научных интересах полностью переключиться на географические исследования, на организацию научных экспедиций.

До первой совместной с Н. Я. Данилевским экспедиции на Волгу и Каспий К. М. Бэр совершил уже целый ряд экспедиций по изучению природы России, ее географии, флоры и фауны. Первой была экспедиция в 1837 году (Данилевский только поступил в лицей) на Новую Землю, которая характеризовалась позднее как целая эпоха в изучении российского Севера. «Новая Земля была исследована Бэром в топографическом, метеорологическом, геологическом, ботаническом и зоологическом отношениях, причем Бэр не ограничился сбором коллекций, но сделал и общие биологические выводы важного значения относительно характера фактической жизни на крайнем Севере» [59]. Он собрал коллекцию почти из всех видов растений (135 из 160), которые в то время произрастали на Новой Земле. Не менее успешными были его экспедиции на Чудское озеро (1851–1852 гг.) и на берега Балтийского моря (1852 г.), проведенные по предложению министра государственных имуществ, известного реформатора П. Д. Киселёва с целью изучения состояния и перспектив русского рыболовства.

И вот с этим выдающимся ученым, обладавшим энциклопедическими познаниями и мировой известностью, Н. Я. Данилевский проработал бок о бок в очередной его экспедиции, на Волгу и Каспийское море, в течение четырех лет, с 1853 по 1856 год. Хотя сам Н. Я. Данилевский уже и обладал к этому времени немалым научным кругозором, общение с К. М. Бэром было для него еще одним университетом, а точнее – своеобразной докторантурой в его научной подготовке. Не случайно в своей последней работе «Дарвинизм», не раз ссылаясь на научные труды К. М. Бэра, Данилевский относит его к наивысшим научным авторитетам в истории всемирной науки, назы-

вает его «корифеем науки», выдающимся натуралистом-философом. Есть свидетельства, что и К. М. Бэр высоко ценил молодого талантливого ученого. По существу, он был его правой рукой во всех предприятиях экспедиции, в преодолении всех ее трудностей. А трудностей было немало. Малочисленность состава экспедиции не соответствовала объему поставленных перед нею задач. Сказывалась и скудость ее оснащения. Из-за отсутствия железных дорог и пароходного движения передвигаться приходилось в санях, на тарантасах и верхом на лошадях, верблюдах, пешком, на беспалубных лодках. Ночевать нередко приходилось в грязных, кишащих насекомыми постоялых дворах и избах. И вот: «При таких условиях Бэру при помощи Данилевского, бывшего его правой рукой, удалось поставить исследования, которые современной наукой по праву считаются классическими» [60]. Хотя непосредственной целью экспедиции было исследование рыболовства в бассейне Волги и ее притоков, в Каспийском море и во впадающих в него реках, Бэр поставил перед ней более широкую задачу целостного географического и гидрологического исследования каспийского водоема.

Во время своего первого плавания по Каспию члены экспедиции, в том числе Н. Я. Данилевский, посетили селение Ново-Петровск на полуострове Мангышлак, где в то время находился в ссылке рядовой Т. Г. Шевченко, «встретивший теплое, участливое отношение со стороны экспедиции» [61].

В первый год работы экспедиция изучила состояние рыболовства на Волге, добычу соли на озерах Эльтон и Баскунчак. Обследовав тюлений промысел на Каспии и рыбный промысел в устье Волги, экспедиция зафиксировала уменьшение улова рыбы по причине «беспощадного грабежа Волги и моря». В течение второго года было изучено рыбное хозяйство северного Каспия, промыслы тюленей на тюленьих островах, красной рыбы и сельди в низовьях Волги. Экспедиция пришла к выводу, что использование волжской сельди, которую тут называли

«бешенкой», только для вытапливания из нее технического жира было в высшей степени неразумно, что после посола она по полезности и вкусовым качествам ничуть не уступает завозимой в Россию «голландской сельди». В третий год было проведено обследование персидского прибрежья Каспия и высокогорного озера Гохча в Грузии. И, наконец, четвертый год был посвящен изучению западного берега Каспия, терского рыболовства и рыбного хозяйства на реке Урал.

В «Автобиографии» К. М. Бэра прослеживаются штрихи, которые свидетельствуют об особом доверии академика к Н. Я. Данилевскому. В одном месте он пишет, что, когда в Камышине на некоторое время экспедиция разделилась, чтобы обследовать разные участки Приволжья, он взял себе в спутники Данилевского, проехал с ним на соленые озера Эльтон и Баскунчак, чтобы пронаблюдать за добычей соли. В другом случае Бэр сообщает: «Я совершил с Данилевским еще одну поездку сухим путем вдоль Волги до Камышина с целью ознакомиться с характером берегов, осмотреть две замечательные, изолированно стоящие возвышенности близ Камышина, состоящие из кварцевых пород и с отпечатками древесных листьев новейшего происхождения». А о заключительном этапе экспедиции среди прочего отмечает: «Данилевский оставался в Тифлисе после моего отъезда в декабре 1855 г., чтобы использовать архив за последние восемь лет рыболовной аренды на Куре. В Астрахань он возвратился лишь в марте 1856 года и был затем послан на реку Урал, с которой мы раньше ознакомились лишь при кратковременном посещении ее устья. Данилевский не только подробно обследовал всю дельту Урала, но и подымался вверх по всей реке, вплоть до Оренбурга» [62].

Разумеется, общение это очень много давало для научного роста Н. Я. Данилевского. Он имел уникальную возможность наблюдать в действии лабораторию личного труда великого естествоиспытателя. Ведь именно в ходе этой экспедиции К. М. Бэр сделал открытие, которое затем вошло в школьные

учебники всего мира под названием «закон Бэра» и которое он впервые обнародовал в «Бюллетене» Российской Академии наук. Опубликованный в 1948 году в «Научном наследстве» (Т. 1) «Каспийский дневник» К. М. Бэра дает представление, как постепенно зрела мысль академика о том, что меридиональные реки северного полушария дают отклонения в сторону правого берега, а южного – в сторону левого.

О большом доверии К. М. Бэра к Н. Я. Данилевскому свидетельствует и такой факт. Многие свои труды, которые он писал на немецком языке (боясь неточностей формулировок на русском, так как знал его лишь на разговорном уровне), он просил переводить на русский язык именно Данилевского. Данилевский перевел следующие большие работы К. М. Бэра: четыре части труда «О каспийском рыболовстве», опубликованного в «Журнале Министерства государственных имуществ» за 1854, 1855 и 1856 гг.; «Ученые заметки о Каспийском море и его окрестностях» («Записки Русского географического общества»,1858. кн. XI); «Отчет экспедиции для исследования Каспийского рыболовства за 1855 год» («Журнал Министерства государственных имуществ», 1859. Ч. LXX и LXXI). Все отчеты по рыболовству Русское географическое общество постановило издать в виде отдельного тома и редактирование его поручить Н. Я. Данилевскому, «известному в ученом мире своими замечательными естественноисторическими трудами и сопутствовавшему К. М. Бэру в его экспедиции» [63].

Результаты этой первой для Н. Я. Данилевского экспедиции были огромны как в научном, так и в прикладном, народно-хозяйственном значении. Экспедиция определила на пространствах Каспия и прилегающих к нему водоемах экологические условия существования промысловых рыб (весенний ход рыбы в реки, места нереста и зимнего залегания и т.д.), выяснила причины колебания их численности: «Рыбе не давали размножаться, всячески преграждая ей путь в место икрометания и при этом хищнически истребляя ее» [64]. Важной час-

тью практических выводов явилась настойчивая рекомендация перестать транжирить волжскую сельдь, употребляя ее только для получения технического масла. В то время как правильно посоленная сельдь, о чем говорилось выше, оказалась совершенно конкурентной с импортной, которую стало трудно завозить в связи с Крымской войной и обострением отношений с европейскими странами.

Мотив патриотического служения государству российскому постоянно присутствовал во всех деяниях К. М. Бэра, и это было еще одной особенностью атмосферы экспедиции под его руководством. Один из его сотрудников, также будущий российский академик Ф. В. Овсянников, так отзывался о нем: «Редко приходилось встречать людей, которые так были бы преданы России и ее интересам, как он» [65]. И не только чувство долга перед российским государством проявилось в подвижнической научно-практической деятельности К. М. Бэра, но и его глубокое уважение к русскому народу. Он отмечал его высокие моральные качества, его поражала, например, необыкновенная честность северных поморов.

Когда английский журнал «Atheneum» поместил статью о «варварстве простонародья» как главной помехе для организуемых правительством научных путешествий в России, К. М. Бэр пришел в негодование и дал отповедь английскому автору. В газете «St-Petersburgische Zeitung» (1839. № 32) он обвинил английский журнал в распространении заведомой лжи. Бэр заявил, что не знает ни одного случая, чтобы научная экспедиция в России была бы загублена по этой причине. «Наоборот, – объясняет он, – простые русские люди почти всегда пролагали пути научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда лишь присваивало себе то, что народ открывал. Таким образом присоединены Камчатка и Курильские острова. Только позже они были освоены правительством» [66]. Трудности бездорожья, как и многие другие препятствия в своих экспедициях, Бэр не раз преодолевал

только при помощи простых русских людей. Свидетелем такого рода проявлений был неоднократно и Н. Я. Данилевский в течение 18 лет, проведенных в экспедициях, и это укрепляло в нем веру в самобытные духовные и нравственные достоинства своего народа.

Данилевский никогда не замыкался в своей узкой специальности ботаника. В силу своей энциклопедической образованности и необычайной любознательности он проявлял интерес и к истории, и к экономике, и к географии, и к этнографии и т. д., всюду стараясь найти истинный ответ на самые трудные вопросы. Причем, как отмечал К. Н. Бестужев-Рюмин, Данилевский «никогда не принимался за вопрос, хотя бы по-видимому и далекий от обычного круга его занятий, не изучив его основательно» [67]. В результате в каждой статье, выходившей из-под его пера, проявлялись «обширность и основательность знаний» и оригинальность решения научной задачи. В перерывах между экспедициями он выступал в печати по разнообразным научным проблемам всегда с новыми идеями. Возьмем для примера его статьи по экономическим вопросам: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» (впервые опубликована в еженедельном петербургском журнале «Торговый сборник», 1867. №№ 4, 5, 11, 13, 18, 20, 22) и «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов» («Русский вестник», 1883. №№ 8, 9). Для них характерно профессиональное владение русской и зарубежной теоретической литературой по затронутым проблемам, статистикой и всеми тонкостями правительственной финансовой и внешнеторговой политики и, наконец, высокая степень аргументированности в отстаивании курса на покровительство отечественным производителям промышленной и сельскохозяйственной продукции. Прочитав последнюю из указанных статей Данилев-

ского в «Русском вестнике», И. А. Вышнеградский, по словам Н. Н. Страхова «один из ученейших людей в Петербурге», «изучил ее», так как увидел в ней «в первый раз» совершенно ясное доказательство необходимости для России покровительственной системы [68].

Вскоре, в 1887 году, став министром финансов, Вышнеградский фактически провел в жизнь все рекомендации, содержащиеся в статье скончавшегося к тому времени Данилевского, усилил протекционизм, укрепил финансовую систему, осуществил ряд мер по ликвидации дефицита в бюджете.

Возьмем совершенно другую, чисто гуманитарную область науки – филологию, а точнее – языкознание. В 1869 году Н. Я. Данилевский написал две работы: «Несколько мыслей о русской географической терминологии» («Записки Русского географического общества по общей географии», 1869. Т. II) и «Дополнение к опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1869). В первой затрагивается топонимическая проблема и выдвигается один из вариантов ее решения. Данилевский обратил внимание на то, что для одних и тех же или очень близких географических явлений существует множество местных обозначений. То, что в Прикаспии астраханец называет «ильменями», житель Причерноморья именует «лиманами». В общем, это и в том и в другом случае – вместилище стоячей воды, понятийного различия между этими словами нет. Автор приводит и другие подобные синонимические ряды, например: «пролив», «гирло», «салма», «шар». Или: «мыс», «лбище», «нос», «наволок», «стрелка», «коса». Или: «залив», «губа», «бухта», «култук», «кут», «фиорд», «проран». Или: «плоскогорье», «плато», «яйла» и т. д. Данилевский считает, что если местное население вправе именовать те или иные природные явления исходя из устоявшихся привычек, то в науке такой разнобой для обозначения одних и тех же явлений недопустим. Ученые должны оперировать одними и теми же универсальными понятиями, чтобы понимать друг друга.

Как всегда, Н. Я. Данилевский не только ставит научную проблему, в то время довольно актуальную, но и предлагает ее решение. При этом он исходит из принципа максимального приспособления к естественному процессу развития языка, из принципа ненавязывания ему каких-либо придуманных, искусственных схем. Он предлагает, во-первых, употреблять для научных географических терминов слова, уже существующие в языке. Во-вторых, принимать за основу те слова, которые озвучивают особенности географического явления, добиваясь, чтобы общеупотребительное значение слова совпадало с научным. В-третьих, избирать то слово, которое имеет преимущественное распространение в стране.

Руководствуясь этими принципами, он полагает, что можно сохранить в научном языке оба термина: и «лиман», и «ильмень», – но вкладывая в них несколько различное содержание. При этом имея в виду, что волжские «ильмени» – это по большей части пресноводные побочные озеровидные расширения рукавов Волги, а кубанские «лиманы» – морские заливы со смешанной (речной с морской) водой, отделенные от моря косами. Именно с таким особым смысловым наполнением он и предлагал употреблять эти слова в науке. Этими принципами, считал Н. Я. Данилевский, можно руководствоваться во всех случаях, отбирая народные географические названия «для перевода их в точные научные географические термины» [69].

В 50-х годах «Русское географическое общество» провело большую работу в области диалектологии. Под руководством выдающихся русских языковедов А. Х. Востокова и И. И. Срезневского в 1852 году был издан «Опыт областного великорусского словаря», а в 1858 вышло из печати «Дополнение» к нему. В начале 60-х Отделение русского языка и словесности Академии наук в связи с тем, что Н. Я. Данилевский отправлялся в экспедицию к Белому морю, обратилось к нему с просьбой дополнить «Областной великорусский словарь» диалектными словами Архангельской губернии, не вошедшими в

этот словарь и в «Дополнение» к нему. Данилевский, по заключению К. Я. Грота, исполнил это поручение «с тою добросовестностью, какою отличается всякий труд истинного ученого. При этом он не ограничивался занесением недостававших слов, но также исправлял толкования уже записанных, стараясь объяснить их с большею полнотою или точностью. Таким образом, все количество как вновь записанных, так и переработанных им слов составило около трехсот... Сверх того, наш путешественник включил в этот список и некоторые слова, подмеченные им прежде в других губерниях» [70]. По совокупности заслуг перед филологической наукой и публицистикой в 1876 году Н. Я. Данилевский был избран членом «Общества любителей российской словесности» при Московском университете.

Ознакомившись в 1881 году с работой К. Я. Грота «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X вв.» (тема защищенной К. Я. Гротом магистерской диссертации), Н. Я. Данилевский написал автору обстоятельное письмо, в котором не согласился с его предположением о маршруте передвижения мадьяр со своей прародины, Урала, в Лебедию – в южнославянские земли между Доном и Днепром, и предложил свой, логически тщательно обоснованный вариант этого маршрута. Он писал, что, если бы 80–100 тысяч угров двигались, как полагал К. Я. Грот, через муромские леса, они поумирали бы с голоду. Леса эти в то время были непроходимыми, а угры тогда были полукочевниками-скотоводами. Данилевскому представляется, что угры предпочли бы скорее двигаться из своей прародины, из района примерно Пермской или Вятской губернии, строго на юг – в район, занимаемый Уфимской и Оренбургской губерниями. Здесь, по предположению Данилевского, они сделали многолетнюю остановку, окончательно стали кочевниками и затем через Самарскую губернию перекочевали в Лебедию. И их временное поселение Константином Багрянородным было названо Лебедией, считает Данилевский, из-за

буйно растущей здесь, в степях Прикрымья, лебеды. Покоренный неотразимой логикой размышлений Н. Я. Данилевского, поразительной ясностью, четкостью, изяществом и остроумием их изложения, К. Я. Грот опубликовал это письмо Данилевского в «Записках Русского географического общества», признав высокую научную ценность замечаний автора. Затем в Петербурге, в том же 1881 году, вышла брошюра под названием «О пути мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н. Я. Данилевского и К. Я. Грота», приглашавшая ученых к размышлению над поставленной проблемой.

Наконец, значительная часть творческого наследия Данилевского, не связанного с его прямой специальностью ботаника, является публицистикой на политические, главным образом внешнеполитические, темы. Нельзя забывать, что Данилевский окончил Царскосельский лицей, и многие его питомцы, в том числе один из самых долголетних в России министров иностранных дел – А. М. Горчаков, посвятили себя внешнеполитической деятельности. Данилевский и здесь показал себя не дилетантом, а скорее профессионалом, внимательно следящим за всеми текущими внешнеполитическими событиями и дипломатическими акциями. В его жизни был эпизод, ярко свидетельствующий о его компетентности в этой области и, в который раз, о его феноменальной памяти. Во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. Турция стала угрожать высадкой десанта в Крыму. Н. Я. Данилевский и его семья жили в это время уже на южном берегу Крыма. Угроза стала в какой-то момент настолько реальной, что Данилевский переправил свою библиотеку и часть имущества за горный перевал Яйлы в деревню Байдары. Находясь длительное время без книг, он, тем не менее, написал две большие статьи для газеты «Русский мир»: «Конференция или даже конгресс» (1878. №№ 574, 575) и «Общеевропейские интересы» (1878. №№ 92, 98, 101). «Хотя при написании этих довольно обширных статей он не имел никаких пособий, обе они обнаруживают обычную его основа-

тельность: одна из них, например, заключает в себе подробный разбор пунктов парижского трактата 1856 года» [71]. Данилевский воспроизвел их по памяти.

Статьи его по внешнеполитическим вопросам отчасти развивают на конкретных фактах высказанные им идеи в книге «Россия и Европа». Но в основном это глубокий свежий анализ текущих событий международного положения России. Многие из этих работ, публиковавшихся в журналах «Заря», «Русский вестник», «Русская речь», «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», в газетах «Русь», «Русский мир», вошли в посмертно изданный «Сборник политических и экономических статей» Н. Я. Данилевского (СПб., 1890).

В статье, опубликованной за семь месяцев до своей смерти, «Владимир Соловьёв о православии и католицизме» Н. Я. Данилевский продемонстрировал еще одну грань своей необъятной эрудиции – незаурядные познания в области истории религии. Характерен в этом отношении уже выбор двух эпиграфов к статье – оба взяты из работ А. С. Хомякова, многие взгляды которого по вопросам православия и католицизма, всемирной истории, роли в ней Европы, России и всего славянского мира, безусловно, импонировали Н. Я. Данилевскому. В данном случае в связи со статьями В. С. Соловьёва, появившимися в газете «Русь» и журнале «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», Н. Я. Данилевский устами А. С. Хомякова напомнил В. С. Соловьёву, во-первых, что «истина не допускает сделок», а во-вторых, что «Запад никогда из-за горделивого пренебрежения к Востоку не решится признать, что Божественная истина столько лет охранялась отсталым и презренным Востоком» [72].

В этих статьях В. С. Соловьёв в противостоянии католицизма и православия все более принимал «открыто сторону римского католичества», все отчетливее формулировал свою теократическую утопию. Поначалу В. С. Соловьёв проводил

мысль, вполне разумную и приемлемую для любого христианина, в том числе и православного, – о необходимости примирения христианских Церквей, прежде всего католической и православной. Но постепенно акценты в его статьях, в том числе в цикле статей «Великий спор» в «Руси», стали смещаться в сторону идеи объединения Церквей, со все более нарастающей апологией Церкви католической, в особенности ее организации и иерархии. На это обратили внимание и рядовые читатели его статей, и тем более многие православные священнослужители, а впоследствии отмечали и многие исследователи творчества В. С. Соловьёва, даже благожелательно к нему настроенные. Например, Василий Величко, близкий к В. С. Соловьёву его почитатель, в книге о его жизни и творчестве признавал, что В. С. Соловьёв «в этот первый период проповеди вселенского объединения высказывается в пользу предоставления первенства именно римской Церкви, – и не только потому, что видел в ней преимущества самобытной организации, приспособленной к развитию сообразно с мировым прогрессом, но и потому, что признавал за нею правоту в некоторых исторических и догматических спорах» [73].

Такой крен явно покоробил обе редакции – и «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», и «Руси». 1884 год оказался последним годом сотрудничества В. С. Соловьёва в этих изданиях. Причем публикация последней части статьи «Великий спор и христианская политика» в «Руси» оказалась под вопросом. В завязавшейся переписке с редактором «Руси» И. С. Аксаковым, который долго не соглашался помещать в газете четвертую часть работы В. С. Соловьёва, посвященную вопросу о разделении Церквей, без основательной ее переделки, Соловьёв упорно отстаивал свою позицию и старался ее обосновать [74].

Н. Я. Данилевский был единственным, кто выступил не только с протестом против новой проповеди В. С. Соловьёва, но и дал научное обоснование своей позиции. На конкретном

историческом материале он показал, что в 1054 году, вопреки утверждениям В. С. Соловьёва, произошло *не разделение* Церквей, а *отделение*, *отпадение* католицизма от православия, которое было изначальной формой христианской религии. Отпадение это началось еще с IX века, когда обнаружились противоречия между западной и восточной христианскими Церквами, а завершилось Ватиканским собором 1870 года, провозгласившим непогрешимость папы. Расхождение между католицизмом и православием выразилось, подчеркивает Н. Я. Данилевский, не в форме только, а в сущности символа веры, в содержании вероучения. Соловьёв находил нормальным догмат Ватиканского вселенского собора: «Верую во единую святую католическую и апостольскую Церковь, всецело передавшую свой существеннейший атрибут быть органом познания Божественной истины единому лицу папы». Данилевский посчитал, что, претендуя на олицетворение собою всей Христовой Церкви, на первосвященничество, на исключительную царскую власть и на пророческую миссию, а также на полную непогрешимость, папа Римский совершенно уничтожает в Церкви «всякую свободную деятельность, осуждая ее на полное рабство». Он полагал, что такое уклонение от православия несет на себе оттенок еретичности. Мысль Данилевского сводилась к тому, что вполне праведное стремление к мирным отношениям с католической Церковью не должно сопровождаться уступками принципиального характера в вопросах веры. В связи с этим он приводит в пример стойкость Византии – ее решительный отказ в борьбе с нашествием турок принять помощь Римского католического мира в 1439 году при условии фактического отказа от православия. «Дряхлая Византия, – напоминал Н. Я. Данилевский, – показала всему миру пример духовного героизма. Она предпочла политическую смерть и все ужасы варварского ига измене вере, ценою которой предлагалось спасение» [75].

Но Данилевский не ограничился анализом христианской догматики. Он уличал Соловьёва в незнании всемирной истории, что проявилось в его тезисе об изначальном, якобы еще в древности заявившем о себе, противостоянии «передового» Запада и «отсталого» Востока и во многих частностях его исторических экскурсов. Вполне резонно Н. Я. Данилевский отмечает, что на арене истории в Древнем мире лидерами культуры были «Восток» – т. е. страны западной, южной и восточной Азии – и Египет. А так называемый «Запад» «был тогда покрыт сплошным покровом варварства». Попутно он отвергает тезис В. С. Соловьёва о противоположности психологии «самодеятельного» человека Запада и подчиненного «сверхчеловеческой» силе человека Востока. Такой подчиненности сверхъестественным силам Н. Я. Данилевский не видит в китайцах, живущих «как раз на самом настоящем Востоке» и представляющих треть населения земного шара.

В. С. Соловьёв увидел образец слияния единой Церкви и «единого человечества» в Римской империи, когда римские легионы «явились за Евфратом, а евреи Пётр и Павел стали проповедовать новую религию на улицах вечного города». Н. Я. Данилевский напоминает Соловьёву, что «римские легионы никогда и близко не подходили к границам Индии; что за Евфратом их большею частью били и истребляли; что между Римскою империю и Индией лежал целый культурный тип Ирана, как раз вскоре после этого расцветший в новом блеске и славе; что, наконец, всемирная Римская империя (именно как всемирная. – *Б. Б.*) не более как метафорическое выражение, гипербола, и притом очень смелая» [76]. Напирающий на противоположность двух культур – Востока и Запада – Соловьёв, отмечает Данилевский, никак не желает видеть, что в истории было несколько культур.

Из выступлений Н. Я. Данилевского в периодической печати, которые иллюстрируют энциклопедическую широту их тематики и вместе с тем их основательность, фундаментальность

и высокий интеллектуальный уровень, следует также выделить его статью «Происхождение нашего нигилизма», опубликованную в газете «Русь» 15 ноября и 1 декабря 1884 года, т. е. менее чем за год до его смерти. Статья эта, хотя и явилась всего лишь полемическим откликом на опубликованные в той же газете «Этюды господствующего мировоззрения» (15 августа 1884 г.) «раскаявшегося нигилиста» К. Толстого, носит проблемный, историко-философский характер.

Автор «Этюдов» посчитал, что нигилизм был реакцией на опошление христианских идеалов «разными Иудушками и Тартюфами», что из-за бездумной проповеди этих идеалов и «сухой их катехизации» на них «наросла целая кора понятий, совсем христианству не свойственных». В результате, по мнению автора «Этюдов», молодежь 60-х годов с жадностью набросилась на материалистические и социалистические учения, пришла к атеизму, вульгарному материализму, к возвеличиванию стремления к счастью как высшей цели жизни. Ложность этих новых идеалов, утверждал автор «Этюдов», со всей очевидностью обнаружилась, когда они распространились за пределы узкого круга интеллигенции и стали достоянием «передней»: «Обожание материи особенно пришлось по вкусу всем ворам и мерзавцам». Цинизм, попрание элементарных норм нравственности, подчеркивал автор «Этюдов», стали находить оправдание в судах и на страницах печати. Результатом новых идеалов, по его мнению, явилась «апатия и бессилие людей честных, смелость и нахальство мошенников, разгул животных вожделений, одним словом – порнификация русского общества» [77]. Автор призывал отвергнуть эти «новые идеалы», которые продемонстрировали свою несостоятельность за каких-нибудь 30 лет, и вернуться к подлинным ценностям христианских идеалов, насчитывающим 2000 лет.

Прежде всего, Н. Я. Данилевский опровергает тезис К. Толстого о том, что аморализм возник лишь «в передней», по мере распространения новых идеалов из кабинетов интеллигенции

в неинтеллигентную среду, где эти идеалы вульгаризировались. Нет, говорит Данилевский, сами распространители идей материализма и атеизма уже подверглись растлевающему воздействию своих воззрений, ибо они «ровно никаких нравственных начал в себе не содержат – разве только те, которые излагает Карлейль в своей философии свиней: “Что такое справедливость?” (и нравственность, можно прибавить) – “Моя собственная доля в свином корыте, и никакой вашей доли”. – “Но что составляет мою долю?”... – “Моя доля, – хрюк, хрюк, – моя доля будет вообще то, что я могу захватить, не будучи повешен или сослан на каторгу”» [78].

Бурное распространение «новых» идей Н. Я. Данилевский не склонен относить ни на счет консерватизма в проповеди православной веры, ни на счет реформ 60-х годов, как это сделал К. Толстой. Он объясняет распространение нигилизма исключительно болезнью подражательности Западу, широко распространенной в российской интеллигенции. Все новейшие теории, включая социалистические идеи Маркса и Лассаля, утверждает Данилевский, немедленно брались на вооружение, становились очередной модой. Причем всякая бездумная подражательность по принципу: раз это самое последнее слово Запада, значит, самое верное – всегда приводит к карикатуре, считает Данилевский. Именно такая окарикатуренная форма нигилизма, по его мнению, и возникла в России в 60-х годах. Именно это и «составляет сюжет комедии, разыгранной нами на сцене истории, как, впрочем, и многие другие комедии и фарсы» [79].

Данилевский считает, что подлинно свое, «самобытное» явление нигилизма Запад действительно пережил на почве разочарования в христианских идеалах, там совершенно загрязненных, искаженных и опошленных. Ибо Запад мог видеть, как были окатоличены своей собственной кровью литовцы, латыши и эсты в Прибалтике, огнем и мечом – народы новооткры-

той Америки. Запад повидал крестовые походы против еретиков, костры инквизиции, расправу над гугенотами в Варфоломеевскую ночь, действия иезуитов, не гнушавшихся пускать в ход яд и кинжал против «врагов» Церкви, торговлю благодатью и продажу индульгенций, искупающих якобы и прошедшие, и настоящие, и будущие грехи. После религиозных войн между католиками и протестантами при заключении мирных договоров во Франции и Германии масса простонародья обязана была принимать то вероисповедание, которое исповедовал данный феодал-сюзерен.

Все эти факты, считает Данилевский, вполне могут объяснить, почему умы и сердца интеллигенции на Западе отвернулись от христианского идеала и почему там появился нигилизм.

Но русский, читая об этих фактах западной истории, «ошалев, становится в тупик»: «До такой степени кажется ему это диким, непонятным, немыслимым, не вмещающимся в его сердце и ум, точно как если бы дело шло о происходящем на другой планете, а не у нас на земле» [80]. Следовательно, делает вывод Н. Я. Данилевский, отталкивание от христианства и приобщение к нигилизму для русского православного человека является совершенно неестественным. Все это может происходить с ним только из принципа подражательности. Тяга к народному идеалу, который у каждого народа зарождается вместе с его языком, нашими нигилистами считается чем-то постыдным. Слово «доморощенный» приобрело негативный смысл, а по отношению к идеалам воспринимается как что-то совершенно непотребное. И хотя общине, считает Данилевский, повезло больше, но и ее нигилисты стараются нарядить в формы западного социализма.

Одну из причин подверженности русской интеллигенции «болезни нигилизма» Н. Я. Данилевский увидел и в том, что она, в отличие от французов, англичан, немцев, которые «лю-

бят все периоды своей истории», не испытывает любви к прошлому своей страны, «ибо подражательность необходимо предполагает отсутствие любви к своему».

В этой своей последней публичной беседе с читателем Н. Я. Данилевский пытается как бы уберечь страну от большой беды, которая придет, если ее интеллигенция не избавится от подражательности Западу и не обратится к своим корням, к своей истории, к своей народной, национальной почве. Он сетует на то, что правительство давало полный простор западникам, которые со страниц газет и журналов, с высоты профессорских кафедр делали все возможное для придания подражательного характера нашей культуре, клеймили малейшие проявления самобытности или стремления к ней как обскурантизм и косность. В то же время, издания славянофилов всячески преследовались. Одно за другим были закрыты их издания: «Москва» (1857), «Парус» (1859), «День» (1861–1865), «Москвич» (1867–1868). Н. Я. Данилевский считает, что, если бы славянофилам была предоставлена равная с западниками свобода в издании газет и журналов, нигилизм не получил бы в России столь широкого распространения. А между тем цензура «яростно преследовала» то единственное направление, которое служило противовесом подражательности, а следовательно, и нигилизму. Цензура давала полную свободу лишь тем оппонентам западников, которые придерживались так называемого «казенного направления» и которые, по словам Данилевского, «своею бездарностью, тошноту вызывающим подобострастием, льстивостью и лживостью тона, в сущности, служат тому же делу, что и западнические органы печати, выгодно оттеняя их собою» [81].

По существу, в статье довольно отчетливо прозвучало предостережение: судьба России будет зависеть от того, будет ли дана возможность в полной голос говорить о своей позиции патриотически настроенной интеллигенции.

***

То, что было выше упомянуто из написанного Н. Я. Данилевским, уже может вызвать вопрос, когда же он это все успевал, с 1849 г. находясь в постоянных длительных экспедициях и составляя многочисленные отчеты по ним почти в течение всей своей трудовой жизни. Но удивление должно еще больше возрасти, ибо мы не назвали его статьи (их большинство) по внешнеполитическим вопросам, а главное, два больших труда Н. Я. Данилевского – «Россия и Европа» и «Дарвинизм. Критическое исследование». О первом из них и о внешнеполитических статьях пойдет речь ниже.

А о втором надо сказать, прежде всего, что он не был окончен из-за скоропостижной смерти автора (Т. 1. Ч. 1. СПб., 1885. X/2/ 519 с., 9 илл.; Т. 1. Ч. 11. СПб., 1885, XVI. 678 с.; Т. 2 (одна посмертная глава). СПб., 1889. 200 с.). Общий объем этих крупноформатных книг почти 1400 страниц. И при этом в тексте, написанном, как всегда, ясным слогом, нет никакой «воды». Это – плотный, насыщенный фактическим материалом анализ учения Дарвина, изложенный с большой логической силой. Это – огромная масса строго систематизированных личных естественнонаучных наблюдений автора над флорой и фауной за всю его жизнь. Это – ярко и ясно выраженное отношение автора к сопряженной с затронутыми вопросами литературе на немецком, английском и французском языках.

Этот труд Н. Я. Данилевского по своему значению выходил далеко за рамки чисто естественнонаучной проблематики. Речь шла о коренном онтологическом вопросе, поставленном в повестку дня учением Дарвина: об отношении к Богу и Божественной истине о сотворении мира, – с особой остротой выдвинутом его работами «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859), «Изменение домашних животных и культурных растений» (Т. 1–2. 1868) и «Происхождение человека и половой отбор» (1871).

Всем содержанием своего фундаментального труда «Дарвинизм» Н. Я. Данилевский, убедительно аргументируя, старался показать, что, вопреки утверждениям Ч. Дарвина, в эволюции животных и растений борьба за существование играет отнюдь не главную роль, что немалую роль в исчезновении видов и их эволюции сыграли геологические катастрофы, а не межвидовая борьба, что изменения видов, трансмутация происходят как внутривидовые явления и поэтому в природе и в искусственных условиях никогда не было случая превращения одного вида в другой, что естественного отбора («подбора») в природе не существует, ибо приобретенные якобы в результате борьбы за существование более совершенные свойства вида нивелируются из-за стихийного скрещивания, что если бы такой отбор происходил, то мы имели бы сейчас дело только с самыми совершенными представителями видов.

Отсюда вопрос о происхождении человека (как одного вида) от обезьяны (как другого вида) отпадал сам собой. Археологическая наука, отмечал Данилевский, несмотря на огромные достижения, не смогла найти переходный вид, соединяющий человека с обезьяной (заметим, что такой переходный вид не удалось обнаружить и по сию пору). Отдавая эволюцию жизни на земле, согласно учению Ч. Дарвина, во власть борьбы за существование, т. е. во власть случайностей, невозможно, по мнению Данилевского, объяснить удивительную гармонию в природе, во всем мироздании. «Из сказанного ясно, – писал Н. Я. Данилевский, – какой первостепенной важности вопрос о том, прав Дарвин или нет, не для зоологов и ботаников только, но для всякого мало-мальски мыслящего человека. Важность его такова, что я твердо убежден, что нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности, ни в области нашего знания и ни в одной области практической жизни. Ведь это в самом деле вопрос о "быть или не быть", в самом полном, в самом широком смысле» [82].

Некоторые оговорки в ранних работах Ч. Дарвина о том, что первоначальные формы на уровне клеток были вызваны к жизни Творцом, в его поздних работах уже не звучали. Данилевский напоминает: еще К. Бэр объяснял это тем, что «вся гипотеза» Дарвина устраняет Творца. И вполне соглашается с этим выводом своего учителя.

Признание Н. Я. Данилевским определенных заслуг Ч. Дарвина как выдающегося «талантливого» естествоиспытателя и ученого, открывшего «целую новую область исследований, в высшей степени интересную и даже практически важную», не помогло ему отвести от себя поток яростных, грубо искажающих его позицию нападок в либеральной прессе. И прежде всего со стороны К. А. Тимирязева, который еще в 1864 году в журнале «Отечественные записки» выступал с защитой учения Дарвина, а в 1865 году выпустил даже книгу «Краткий очерк теории Дарвина». Позиция К. А. Тимирязева как дарвиниста была в советское время высоко оценена, ибо в полной мере отвечала официальной атеистической идеологии, в русле которой только и дозволено было развиваться естественным наукам. Напомним, что В. И. Ленин в одной из самых распространенных его работ, обязательной для изучения в каждом советском вузе: «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов», – приравнял учение Дарвина в области естествознания по своему значению к учению Маркса о человеческом обществе, особо подчеркнув, что Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений как на «богом созданные» [83]. Это предопределило отношение и к российскому дарвинисту номер один – К. А. Тимирязеву. Это предопределило и соответствующее отношение к труду Данилевского «Дарвинизм». Труд Данилевского попросту старались даже не упоминать – как образчик «обскурантизма». Сам Н. Я. Данилевский хорошо понимал, что вступает в борьбу с неравными силами, что труд его, как он скромно подчеркивал, – «малоизвестного человека» – может быть оценен как «дерзость» по

отношению к «гиганту современной мысли». И действительно, несмотря на эти оговорки, взвешенную и беспристрастную критику дарвинизма, основанную лишь на выявлении неточностей, нелогичностей, некорректностей в выводах Дарвина, Тимирязев с порога отверг. Более того, Данилевский был совершенно неожиданно обвинен Тимирязевым в высокомерном тоне.

Н. Н. Страхов, получивший в свое время высшее естественнонаучное образование и всю жизнь занимавшийся философскими вопросами естествознания, после смерти Данилевского горячо вступился за его труд против ожесточенных нападок Тимирязева. Он подчеркивал именно научную ценность труда Данилевского, основательность его опровержений дарвинизма. А неумеренно резкий тон полемических статей Тимирязева объяснял тем, что он «наскочил на книгу Данилевского с большой самоуверенностью; но дело оказалось не так легко, – он оборвался... тон презадорный, а в доказательствах вялость» [84].

Основная полемика вокруг труда Данилевского о дарвинизме развернулась именно между Н. Н. Страховым и К. А. Тимирязевым. Первый опубликовал в январском и февральском номерах «Русского вестника» за 1887 год статью «Полное опровержение дарвинизма», на которую К. А. Тимирязев ответил сначала публичной лекцией в Политехническом музее, а затем, значительно переработав и дополнив, опубликовал ее в том же году как статью «Опровергнут ли дарвинизм?» («Русская мысль», №№ 5, 6). Н. Н. Страхов ответил статьей «Всегдашняя ошибка дарвинистов» («Русский вестник». 1887. №№ 11, 12). К. А. Тимирязев отозвался через полтора года пространной статьей «Бессильная злоба антидарвиниста» («Русская мысль», 1889. №№ 5, 6, 7). А Страхов как бы подвел итог полемике в краткой статье «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского. Общий ход и характер спора» («Русский вестник», 1889. № 12).

Сдержанность Н. Н. Страхова в этом споре во многом объяснялась неоднократными обращениями в письмах к нему Л. Н. Толстого – не тратить свои силы на журнально-газетную полемику, ибо он считал ее, во-первых, унижающей человеческое достоинство и, во-вторых, бесполезной, ибо спорящих она никогда не приводит к одному мнению. К тому же предмет обсуждения для него, как и для многих верующих (хотя бы и не ортодоксально), был вне всякого спора. Комментируя статью Н. Н. Страхова против нападок на него другого дарвиниста А. С. Фаминцына, Л. Н. Толстой писал: «...это все, т. е. то, что мы думаем о том, как произошли виды, не только не важно, но, что даже совестно нам, старым людям, готовящимся предстать там Тому, даже стыдно и грешно говорить и думать об этом» [85]. Дарвинисту Фаминцыну, по мнению Толстого, Страхов ответил слабо, ибо, добавил он, «Фаминцын, по-моему, подлежит уничтожению полному». Толстой расценивал учение Дарвина как «нелепость». Противником теории Ч. Дарвина выступал и выдающийся русский педагог, теоретик школьного воспитания К. Д. Ушинский. Был и еще один выдающийся русский мыслитель, который публично поддержал мнение Н. Н. Страхова о книге «Дарвинизм» Н. Я. Данилевского, – В. В. Розанов. В некрологе Страхову в журнале «Русское обозрение» (1896. № 10) Розанов подчеркнул, что, не умаляя значения работы Данилевского «Россия и Европа», отдает предпочтение книге, посвященной «замечательной критике дарвинизма».

Но, кроме К. А. Тимирязева и А. С. Фаминцына, российские ученые-естествоиспытатели в дискуссии по книге Данилевского «Дарвинизм» участия не приняли и тем более – не высказали одобрения этому труду. Современная исследовательница справедливо резюмирует, что «естествоиспытателями того времени не были замечены ни его оригинальные идеи, ни аргументация, содержавшая в себе немало рационального и заставлявшая задуматься» [86]. Вопрос оставался как бы открытым вплоть до октября 1917 года. С одной стороны, для

многих ученых-естественников, сохранивших свои религиозные убеждения, доводы Н. Я. Данилевского казались неоспоримыми, книга его – талантливой. И мнение о ней Н. Н. Страхова, что она «есть истинный подвиг русского ума и русского чувства», что она «составляет честь русской ученой литературы» [87], они полностью или во многом разделяли. С другой стороны, немалая часть ученых, стоявших на позициях материализма, атеизма или деизма, присоединилась полностью или частично к мнению К. А. Тимирязева, который отнес книгу Данилевского к разряду «глупых», а «встревоженные религиозные чувства» Данилевского и его сторонников не посчитал заслуживающими какого-либо внимания.

Большую часть своих научных трудов и публицистических статей Н. Я. Данилевский написал, как уже отмечалось, в перерывах между многочисленными экспедициями. И, вероятно, это было бы невозможно для него, если бы он жил в столице, как его немногочисленные друзья и единомышленники. Конечно, Петербург был ему дорог по его юношеским лицейским и студенческим годам, но «осесть» в нем навсегда он не хотел. Возможно, столица отталкивала его своей не только официальной канцелярской, но и праздной светской суетностью, с ее принудительным общением со множеством часто ненужных ни его душе, ни уму лиц на разных «вторниках», «четвергах», «пятницах» и тому подобных журфиксах, на званых обедах и ужинах. Для него, человека самоуглубленного, занятого непрерывной мыслительной работой, все это было противопоказано. Петербург не мог для него не ассоциироваться и с казематами Петропавловской крепости.

Поэтому, вступив во второй брак, он снял в 1864 году для семьи дом – около Мисхора, а в 1867 году ему удалось купить у графа Г. А. Кушелева-Безбородко запущенное имение «Мшатка» близ Фороса с участком земли в 116 десятин, занятым виноградниками, плодовыми деревьями и парком. Здесь Н. Я. Данилевский, собрав свою библиотеку, пользуясь также

немалой библиотекой Никитского сада и присылаемыми из Императорской публичной библиотеки Петербурга ее «ученым библиотекарем» Н. Н. Страховым книгами (снабжавшим литературой еще и Л. Н. Толстого), мог в спокойной обстановке предаваться своим ученым занятиям.

Страхов неоднократно обращался к нему с призывом чаще бывать в Петербурге или даже переселиться в столицу. В 1882 году он писал Данилевскому: «Давно Вам следовало бы, дорогой Николай Яковлевич, быть здесь и законодательствовать; люди очень нужны, и я дивлюсь, что Вас до сих пор оставляют в Крыму». Он считает, что здесь его «слово было бы полезно и нужно» [88]. Через два года он снова напоминает Данилевскому: «Не раз осуждал я Вас за ваше домоседство. Каждый год хоть на две недели Вам следовало бы навещать Петербург. Тогда все дела ваши (имелось в виду издание книги "Дарвинизм". – *Б. Б.)* шли бы прекрасно, не терпели бы ни проволочек, ни затруднений» [89].

Однако Данилевский был непреклонен. Уединение больше устраивало его. Он полагал, что людей для общения «мало, очень мало таких, с которыми хорошо говорится» [90].

Интерес представляет еще одно пояснение, помогающее понять особенности его творческой лаборатории и его тягу к уединенному образу жизни. В письме к Н. П. Семёнову от 23 мая 1879 года он делится с ним таким откровением: «Но для меня писать не такая легкая вещь, как для тебя. Мне нужна абсолютная тишина и спокойствие, совершенное неразвлечение чем бы то ни было, процесс писания (т. е. сочинения) представляется чем-то вроде хождения по жердочке или по канату, мысль беспрестанно стягивается то в ту, то в другую сторону, и то и дело грозит ей падение с каната, на который уже с большим трудом надо ей вновь взбираться и беспрестанно наблюдать, чтобы идти прямо по жердочке, ибо то, что называется логическим мышлением, есть именно такое шествие по жердочке, чрезвычайно скользкой и тонкой, а другого пути к исти-

не нет. (То же самое говорят и о пути нравственном в Царствие Небесное.) И вот я всегда с большими колебаниями и неохотно предпринимаю такое путешествие. Надо, чтобы что-нибудь очень сильно возбуждающее к этому меня побудило...» [91]. Это откровение во многом объясняет и тщательную целенаправленность в любой его научной статье, тема которой его волнует, и его полную самоотдачу в таком случае, и покорявшую многих логическую выверенность и силу его рассуждений.

Круг общения Н. Я. Данилевского был весьма избирательным. Посмотрим, какие люди попадали в этот круг на разных этапах его жизни и как они оценивали его личность, его личные качества. О братьях Семёновых – Николае Петровиче и Петре Петровиче (Тян-Шанском) мы уже отчасти упоминали. Сенатор, государственный деятель-реформатор, автор книг по истории реформ 60-х годов и одновременно любитель-ботаник Н. П. Семёнов, самый близкий для Н. Я. Данилевского человек (именно ему он посвятил свой неоконченный труд «Дарвинизм»), узнав о скоропостижной кончине своего друга, тяжело и надолго заболел. Некролог Данилевскому писал его сын, юрист, впоследствии автор книги «Самодержавие как государственный строй» (СПб., 1906). В нем он отмечал, что Данилевский «был энциклопедически образованный, глубоко ученый и самобытный мыслитель и натуралист и ценный, необыкновенно симпатичный, до глубины души русский человек», что всех «поражала неотразимая сила и ясность его ума при необыкновенной скромности, сила убеждений, твердость характера, души»... Интересно, что автор этого некролога посчитал, что жизнь и деятельность «этого замечательного человека заслуживают, без сомнения, особой монографии» [92]. (Заметим в скобках, что в России только в последние годы стало осуществляться это пожелание, что первые крупные работы о Данилевском появились за границей.) Сам Николай Петрович, выступая несколько позже с оценкой книги «Дарвинизм», присо-

единился к мнению К. Н. Бестужева-Рюмина, который считал Н. Я. Данилевского «гениальным человеком». А академик П. П. Семёнов-Тян-Шанский в своих воспоминаниях называет Н. Я. Данилевского «оригинальной и симпатичной личностью», отмечает его «необыкновенно логичный ум», «его изумительную диалектику и обширную разностороннюю эрудицию» [93].

Оценки Н. Я. Данилевского Н. Н. Страховым носили, как правило, восторженный характер, хотя их переписка показывает, что Н. Я. Данилевский далеко не всегда был его единомышленником, особенно в вопросах философии, и со свойственной ему прямотой не скрывал этого. Для Страхова Данилевский – это «один из самых замечательных людей России» [94]. Он выступил как самый последовательный сторонник и пропагандист взглядов Данилевского, его главных трудов.

Правда, далеко не все сегодня знают, кто такой Николай Николаевич Страхов и можно ли довериться его мнениям и оценкам. В лучшем случае некоторые читатели вспомнят, что он был дружен с семьей Л. Н. Толстого, нередко гостил в Ясной Поляне, вел переписку с самим писателем. Между тем в 80-е годы XIX века Н. Н. Страхов был широко известен читающей России как философ и литературный критик. Его перу принадлежали такие литературно-критические и естественнонаучные философские труды, как «Письма об органической жизни» (СПб., 1859), «Значение гегелевской философии в настоящее время» (СПб., 1860), «Мир как целое» (СПб., 1872), «О развитии организмов» (Сборник «Природа за 1874 год», кн. 1), «Об основных понятиях психологии» (СПб., 1878), «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» (СПб., 1881), «О вечных истинах (мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887); «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1888), «Опыт систематического изложения начальных оснований философии» (СПб., 1888), «Об основных понятиях психологии и философии» (СПб., 1892), «Борьба с Западом в нашей

литературе. Исторические и критические очерки» (Кн. 1. СПб., 1882, 2-е изд. – 1887. Кн. 2. СПб., 1883, 2-е изд. – 1890. Кн. 3, 2-е изд. – Киев, 1897); «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892). Ему принадлежали переводы многотомной «Истории новой философии» Куно Фишера, «Истории материализма» Фридриха Ланге, «Жизни птиц» Альфреда Брема, «Воспоминаний» Ж. Ренана.

Н. Н. Страхов (1828–1896) был широко образованным человеком. Он окончил философское отделение Костромской семинарии, два курса юридического факультета Петербургского университета, из-за отсутствия средств перешел в Главный педагогический институт, который в 1851 году окончил по естественно-математическому отделению. В 1857 году защитил магистерскую диссертацию по зоологии. С 1861 года подружился с Ф. М. Достоевским. Стал активным сотрудником журналов «Время» (1862–1863) и «Эпоха» (1864–1865) братьев Достоевских. Летом 1862 года совершил путешествие с Ф. М. Достоевским за границу. Журнал «Время» в 1863 году был закрыт правительством из-за статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», в которой было замечено сочувствие полякам. Во время сотрудничества в журнале подружился и идейно очень сошелся с Ф. М. Достоевским и А. А. Григорьевым, выдающимся литературным критиком и мыслителем. Об обоих впоследствии опубликовал интересные и ценные воспоминания. За неимением какого-либо состояния жил только литературным трудом до 1873 года, сотрудничая после «Времени» и «Эпохи» в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Заря». С 1873 по 1885 гг. работал библиотекарем Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, с 1874 года до смерти был членом Ученого комитета Министерства народного просвещения. Это давало минимальные средства к существованию, которые восполнялись гонорарами за публикации книг, а также статей в «Русском вестнике», «Руси», «Новом времени», «Журнале Министерства народного просвеще-

ния», в «Вопросах философии и психологии» и других изданиях.

В философии Н. Н. Страхов исповедовал и обосновывал религиозно-идеалистическую доктрину – «теорию духа», антропоцентрическую идею о человеке как центре мироздания. В общественно-политическом отношении всегда квалифицировался как представитель почвенничества и славянофильства. Сам Страхов не отгораживался от этой характеристики, но при этом делал весьма важную оговорку: «Всякого славянофила подозревают в том, что он сочувствует деспотизму и питает ненависть к иноземцам. И вот я хочу сказать, что я, как бы ни был грешен в других отношениях, от этих грехов свободен. У меня нет ни одной страницы антилиберальной, ни одного слова ненависти к евреям, католикам и т.п.» [95].

Как литературный критик Страхов отличался, по мнению В. В. Розанова, исключительной чуткостью ко всякому новому талантливому слову в художественной литературе и в общественно-политической мысли, умением отделять в истории русской литературы вечные ценности от преходящих. Он первый дал высокую и очень глубокую оценку романам Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Первый заметил необычайный философский и литературный талант В. В. Розанова, помог встать ему на ноги, всячески содействовал появлению его первых публикаций, за что получил от В. В. Розанова пожизненную признательность и всемерное уважение как к «пестуну» русской литературы. В некрологе Страхову В. В. Розанов писал: «...литература в нем потеряла пестуна своего, наша недозрелая младенческая мысль потеряла в нем драгоценнейшую няню, как-то естественно выросшую, само собой поднявшуюся с почвы среди цветов, дерев, “пшеницы и плевел” нашей словесности» [96].

Современники оценивали Н. Н. Страхова как «просвещеннейшего в России человека». Это было признано на официальном уровне – в 1890 году его избрали членом-корреспонден-

том Академии наук. В нем видели одного из самобытнейших, глубоких, не зависимых ни от какой моды мыслителей, «одного из лучших в нашем столетии литературных критиков» [97]. Так, несомненно, оценивал его и Л. Н. Толстой, который писал ему самые теплые, самые трогательные по выражению чувств симпатии и дружбы письма. Вот очень немногие образцы изъявлений этих его чувств в письмах к Н. Н. Страхову: «В тоне Вашего последнего письма есть что-то ироническое. Пожалуйста, не позволяйте этого в отношении меня, потому что я Вас очень люблю» (апрель 1874); «Истинная правда, что Вы все умеете понимать, дорогой Николай Николаевич» (май 1874); «Мне страшно обидно и грустно будет, если не увижусь с Вами при обратном Вашем проезде в Петербург, дорогой Николай Николаевич» (июль 1874); «Ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, произвело на меня такое сильное впечатление, что защипало в носу и слезы выступили в глаза. Это впечатление производит на меня выражение всего настоящего...» (ноябрь 1875); «...я был поражен новыми доказательствами нашего умственного родства» (январь 1876); «Разумеется, мне невыразимо радостно Ваше понимание (романа “Анна Каренина”. – *Б. Б.*)» (апрель 1876); «Прочел Вашу книгу “Об основных понятиях психологии” (СПб., 1878), и не раз, и не два, а всю исшарил по всем закоулкам, и вся Ваша мысль мне теперь понятна и знакома, насколько мне может быть понятна; ужасно хотелось бы читать с Вами и говорить о каждой почти мысли» (май 1878); «Милый Николай Николаевич, я очень благодарен Вам за Ваше письмо – первое длинное. Я дорожу Вашим доверием ко мне» [98]. «Очень, очень Вас жду и люблю»; «Прочел Вашу книгу (“О вечных истинах...” СПб., 1887) и очень одобрил... И как несравненно хорош Ваш перевод» (из «Федона» Платона – май 1887); «Сейчас только прочел Ваше письмо, как всегда, доброе и умное и интересное письмо» (декабрь 1891); «Получил Ваше чудесное письмо» (сентябрь 1892) [99].

Нельзя не сказать, что во взглядах на некоторых писателей, ученых, на некоторые книги их мнения не во всем совпадали. Но в основном Толстой очень высоко ценил и ум, и художественный вкус Страхова, и его человеческие качества. Известно, что Толстой даже доверял Страхову осуществлять корректуру своих произведений. А между тем оппоненты Данилевского, желая принизить его научные заслуги, обычно писали всегда о Страхове как о какой-то ничтожной в интеллектуальном отношении фигуре – только потому, что он восхищался Данилевским.

Современники отмечали также удивительное умиротворяющее воздействие Страхова на собеседников. Профессор Московского университета и председатель Московского психологического общества Н. Я. Грот говорил: «Почти всегда спокойный, кроткий и добродушный в обхождении, Н. Н. (Страхов) вносил какой-то особенный тихий свет в то общество, в котором появлялся и среди которого жил» [100]. В. В. Розанов подтверждал: «Его постоянная ясность, доброта и мудрость клали спокойствие и на душу всех, с кем он сидел» [101].

Почти каждый летний отпуск Страхов проводил или в Ясной Поляне у Л. Н. Толстого, или в Коренной Пустыни у А. А. Фета, или в Мшатке у Н. Я. Данилевского. (С Фетом Данилевский тоже был знаком, и тот бывал у него в Мшатке.)

Так что о Толстом Данилевский многое узнавал из рассказов о нем Страхова. Во всяком случае, в некоторых опубликованных письмах Страхова к Данилевскому Толстой упоминается как «объект» их общего интереса и обожания. Это было время появления двух романов Толстого – «Война и мир» и «Анна Каренина», и о них чаще всего шла речь. Например, в письме Страхова к Данилевскому от 4 мая 1879 г. идет продолжение давнего диалога между ними о романе «Война и мир», по поводу выдающихся достоинств которого еще в 1869 году в своей книге «Россия и Европа» Данилевский воскликнул: «Пусть укажут нам на подобное произведение в любой евро-

пейской литературе!» [102]. Незатухающий интерес к Толстому и его творчеству прослеживается и в письме Страхова к Данилевскому от 23 сентября 1879 [103].

Страхов в письмах Данилевскому нередко рассказывал о своих беседах с Толстым, о проблемах, которые они обсуждали. Но время от времени, особенно после своих поездок в Мшатку, Страхов рассказывал и о Данилевском в письмах к Толстому. Уже в письме к Толстому от 10 марта 1872 года Страхов пишет о Данилевском как о человеке, известном Толстому. В том же году в письме к Толстому от 4 декабря Страхов подробно рассказывает о днях, проведенных в Мшатке, о самом Данилевском и его жене. Данилевский упоминается в письмах Страхова к Толстому в ноябре 1873, в мае–июне 1874, в марте и декабре 1875, в январе, феврале, апреле и октябре 1877 года и т.д. Эти упоминания касаются отдельных деталей из жизни Данилевского, из его суждений о разных предметах, в том числе о романе «Анна Каренина». Очевидно, Толстой высоко оценил мнения Данилевского. «О романе, что Вы писали, одно меня порадовало, – сообщает он Страхову в конце марта 1875 года, – суждение Данилевского» [104].

В конце концов у Толстого возникло, очевидно, непреодолимое желание повидать Н. Я. Данилевского. И встреча состоялась – за несколько месяцев до его кончины. Во время своего семидневного пребывания в Крыму в марте 1885 года Л. Н. Толстой посетил Н. Я. Данилевского в Мшатке и, хотя спешил, все же заночевал, провел у него около суток. Разговор был, очевидно, для обоих интересным, но слишком мало было времени, чтоб наговориться, как потом жаловался Данилевский Страхову. О своем впечатлении от Толстого Данилевский писал Страхову: «Он сам – еще лучшее произведение, чем его художественные произведения. Вот какое впечатление произвел он на меня и на Ольгу Александровну... В нем такая задушевная искренность, которой и вообразить себе нельзя... Я слышал, что будто он дурен собой, ничего этого я не нашел – превосход-

ное, дышащее простотой, искренностью и добродушием лицо» [105]. Толстой в письме к Страхову был более лаконичен, но не менее эмоционален: «...был в Крыму, и поехал к Данилевскому. Он очень мне полюбился, и его жена. Разумеется, о Вас много говорили» [106]. А вскоре, 16 апреля, написал Страхову, сообщившему, что Данилевский с похвалой отозвался о его статье «В чем моя вера»: «Вы знали, чем меня порадовать – хорошим отзывом Данилевского. Я очень рад, что догадался побывать у него» [107]. Безмерно был рад и Н. Н. Страхов, что два самых близких ему по духу человека понравились друг другу. В ответ на сообщение Л. Н. Толстого о том, что Н. Я. Данилевский «полюбился» ему, Страхов писал: «Большая была для меня радость читать такие известия. Н. Я. Данилевский во всех отношениях лучше меня, а правдив и прям как никто. Я уже отвечал и передал, что и он Вам полюбился. Как я Вам благодарен за эту поездку» [108].

И Толстой, и Данилевский отличались большой прямотой, открытостью, откровенностью в своих мнениях, и, конечно, трудно заподозрить в выраженной ими взаимной симпатии какое-либо лукавство или дань дежурной вежливости. Вместе с тем, оба отличались и большой самостоятельностью в своих суждениях, и упорством в их отстаивании. Поэтому возможны были и несогласия. Но раз определившись в своей близости с кем-либо, при строгой избирательности в своих привязанностях, оба они, вероятно, надолго могли бы сохранять установившиеся добрые отношения. Но жизнь Н. Я. Данилевского неожиданно оборвалась.

Николай Яковлевич Данилевский умер 7 ноября 1885 года на 63 году жизни в конце своей инспекционной поездки в Грузию с целью изучения рыболовства на озере Гохча. Умер внезапно в гостиничном номере от сердечного приступа. Последние слова, которые он произносил, касались многочисленных нарушений правил рыболовства на озере: «Испортят они нашу Гохчу». Многое могло разволновать ученого – ведь с Гохчой

были связаны его воспоминания о своей первой, каспийской, экспедиции ровно 30 лет назад, под руководством академика К. Бэра.

Болезнь сердца начала развиваться с весны этого года, и первые ее признаки проявились как раз во время визита Л. Н. Толстого, а потом сердечные припадки стали повторяться все чаще и чаще. Страхов рассказывал об этом в письме Толстому: «“Как будто грудь разрывается”, – говорил он, когда хотел дать понятие о припадках. Боль, вероятно, была большая, хотя он никогда не жаловался, и только крупный пот иногда выступал у него на лице. Но в дни припадков часто случалось, что в спокойном состоянии глаза его принимали выражение, которое поражало всех. “Необыкновенная кротость”, говорила О. А.; “ангельское, небесное выражение”, говорила гувернантка... Она говорит также, что он, верно, много думал о смерти» [109]. (Заметим в скобках, что фотопортрет Данилевского, напечатанный в его последней книге «Дарвинизм», хорошо передает и эту кротость, и «ангельское выражение», и спокойную ясность, умиротворенность его души.)

Смерть Данилевского буквально сразила людей, близко его знавших. Мы уже упоминали, что его друг с лицейских лет Н. П. Семёнов слег и долго не мог поправиться. Н. Н. Страхов также тяжело пережил этот удар. Он писал об этом Толстому, как о катастрофическом, переломном моменте в своей жизни, о том, что «с удивительной легкостью почувствовал ничтожество жизни»: «Если не половина, то треть этой жизни для меня исчезла. Мои привычки, книги, мои планы и надежды – мне опротивели, как чистая глупость; на несколько дней я получил способность плакать и ничем не волноваться... В этот месяц принял я важное решение – подал в отставку из публичной библиотеки» [110]. Решение это Страхов незамедлительно исполнил. Толстой, при всем своем религиозно-философском, спокойном отношении к смерти, был тоже глубоко опечален от полученного известия. «Очень мне грустно было узнать о

смерти Данилевского. Я рад все-таки, что мы полюбили друг друга», – написал он Страхову сразу после кончины Данилевского. А через полгода, когда Страхов работал над архивом Данилевского в Мшатке, попросил: «Передайте мой душевный привет Ольге Александровне. Я очень мало знал Николая Яковлевича, но очень хорошо полюбил его. И если бы я мог жалеть о чьей-нибудь смерти, то очень жалел бы о нем» [111].

Глубоко скорбел о смерти Н. Я. Данилевского и его сосед по имению в Крыму граф Д. А. Милютин, военный министр-реформатор, почетный член Академии наук с 1877 года. Они часто посещали друг друга на протяжении более чем десяти лет, о чем свидетельствуют записи в «Дневнике» Д. А. Милютина. Например, 31 августа 1874 г.: «Наконец, еще раз ездил я верхом с П. П. Черепановым в Мшатку, к почтенному ученому Н. Я. Данилевскому» [112].

Н. Я. Данилевского похоронили там, где он завещал: на крутом берегу моря, на территории его имения, где природа образовала небольшую квадратную площадку, со всех четырех сторон огражденную стройными кипарисами («кипарисовый зал»). А. А. Фет отозвался на смерть Данилевского стихотворением-эпитафией, которое вошло во многие сборники его произведений:

«Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя!
Отдаваяся мысли широкой, *доступной всему**,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.
Постигая, что мир только, право, живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградою скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал» [113].

---

* Подчеркнуто мной. – *Б.Б.*

***

Приведенные факты говорят о том, что Николай Яковлевич Данилевский был не просто обыкновенным ботаником или ихтиологом-практиком, а русским ученым-энциклопедистом, ученым – «искателем истины» и новатором. Об этом свидетельствует широкий диапазон его научных интересов, его стремление найти решение проблем, «найти истину» в разных отраслях науки (в естествознании, политэкономии, филологии, географии, истории, политологии) и в конкретных вопросах внешней и внутренней политики. О том, что это была в высшей степени одаренная могучим интеллектом и в то же время высоконравственная личность, свидетельствуют многие выдающиеся люди, составлявшие круг общения Н. Я. Данилевского. К нему проявляли интерес, с симпатией к нему относились и высоко оценивали разные грани его одаренности, энциклопедической образованности, пытливого, могучего, ясного, логического ума П. П. Семёнов-Тян-Шанский, академик К. М. Бэр, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Фет, В. В. Розанов, Д. А. Милютин, И. А. Вышнеградский и др. И многие из них считали, что время признания Данилевского, как всякой необыкновенно талантливой личности в России, еще впереди и что «чем далее ряды сменяющихся поколений будут отходить от нашего времени, тем яснее проступят перед ними величественные черты умственного здания, которое он пытался воздвигнуть» [114].

Но при этом почти всегда имелась в виду главная книга его жизни – «Россия и Европа». И поэтому о ней – отдельно.

Примечания

1. *Бажов С. И.* Культура и цивилизация в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского (критический анализ). Автореферат дисс. канд. философ. наук. М., 1989. С. 16.
2. *Захаров А. А.* Циклические теории всемирно-исторического процесса в русской исторической литературе XIX века. Автореферат дисс. канд. истор. наук. Томск, 1987. С. 1.
3. *Афанасьев В. В.* Славянофильская школа исторической социологии / Сознание и история. Барнаул, 1993. С. 65.
4. *Пивоваров Ю. С.* Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 163.
5. *Маякунов А. Э.* Национально-государственные проблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского. Автореф. дисс. канд. философ, наук. СПб., 1994. С.З.
6. *Платонов О. А.* Русская цивилизация. М., 1995. С. 4.
7. *Троицкий Е. С.* Русская цивилизация: прошлое и настоящее / Русская цивилизация и соборность. М., 1994. С. 6.
8. *Псеуш А. А.* Проблема «Россия и Европа» в историософии Н. Я. Данилевского. Автореферат дисс. канд. философ. наук. М., 1994. С. 3.
9. *Дубнов А. П.* «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества (общедоступное введение) / О. Шпенглер. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 29.
10. *Троицкий Е. С.* Указ. соч. С. 6.
11. См., например: *Нугманова Н. Х.* Н. Я. Данилевский: традиции цивилизационного подхода к отечественной историографии. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., МГУ. 1996. С. 3.
12. *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1. П-гд, 1917. С. 110–111.
13. Там же. С. 180.
14. Там же. С. 128.
15. Там же. С. 180.
16. Отечественные записки. 1843. № 5–6. С. 104–106.
17. Дело петрашевцев. Т. II. М.–Л., 1941. С. 328.
18. Отечественные записки. 1848. № 5. С. 4.
19. Там же. № 6. С. 17.
20. *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 195.

21. Дело петрашевцев. Т. II. С. 328.
22. Там же. Т. II. С. 288, 436.
23. ГАРФ. Ф. 109, 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214, Ч. 52. Л. 13.
24. *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1. С. 194.
25. Там же. С. 180–181.
26. Там же. С. 181.
27. ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214. Ч. 52. Л. 13
28. *Семёнов-Тян-Шанский.* Указ. соч. С. 212.
29. Дело петрашевцев. Т. II. С. 331.
30. ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214. Ч. 52. Л. 28.
31. Дело петрашевцев. Т. II. С. 335.
32. *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1. С. 217–218.
33. ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214, Ч. 52. Л. 26–37.
34. Там же. Л. 41.
35. Там же. Л. 42.
36. Дело петрашевцев. Т. I. С. 181; Т. II. С. 146.
37. Там же. Т. II. С. 131.
38. ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214, Ч. 52. Л. 53.
39. *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Указ. соч. С. 218.
40. Там же. С. 219.
41. ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214. Ч. 52. Л. 54, 51.
42. Там же. Л. 58–59.
43. Там же. Л. 62.
44. Там же. Л. 64.
45. Там же. Л. 67.
46. Там же. Л. 84.
47. Там же. Л. 71, 72.
48. *Семёнов П. Н.* Николай Яковлевич Данилевский. Некролог. СПб., 1885. С. 5.
49. РГИА. Ф. 1287 (хозяйственный департамент МВД). Оп. 7. Д. 66. Л. 91–97:
50. РГИА. Ф. 398 (Министерство гос. имуществ). Оп. 30. Д. 11174. Л. 2.
51. Там же. Л. 25.
52. *Райков Б. Е.* Введение в автобиографию К. М. Бэра / К. М. Бэр. Автобиография. М., 1950. С. 14–15.
53. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. XIV. С. 483–484.

54. *Райков Б. Е.* Указ. соч. С. 15.
55. Там же. С. 12.
56. *Холодковский Н. А.* Карл Бэр. Берлин, 1923. С. 83.
57. Там же.
58. *Райков Б. Е.* Указ. соч. С. 21.
59. *Райков Б. Е. О* жизни и научной деятельности К. М. Бэра / *Бэр К. М.* История развития животных. Наблюдения и размышления. Т. 1. М.–Л., 1950. С. 399.
60. Акад. К. М. Бэр. Автобиография. М.–Л., 1950. Примеч. С. 529.
61. *Соловьёв М. М.* О Каспийском дневнике К. М. Бэра / Научное наследство. Т. 1. М.–Л., 1948. С. 83.
62. Акад. К. М. Бэр. Автобиография. М., 1950. С. 421, 424, 441.
63. Из эпистолярного наследия К. М. Бэра в архивах Европы. Л., 1978. С. 284.
64. *Соловьёв М. М.* Указ. соч. С. 84.
65. *Райков Б. Е.* О жизни и научной деятельности К. М. Бэра. С. 384.
66. *Райков Б. Е.* Введение в автобиографию К. М. Бэра. С. 28.
67. *Бестужев-Рюмин К. Г.* Николай Яковлевич Данилевский (некролог) // Известия Санкт- Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 10. С. 458.
68. Письмо Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский вестник. 1901. № 3. С. 126.
69. Записки «Русского географического общества». Т II. СПб., 1869. С. 138.
70. Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VII. № 3. 1869. С. 3.
71. *Семёнов П. Н.* Указ. соч. С. 10.
72. *Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 272.
73. *Величко В. Л.* Владимир Соловьёв. Жизнь и творения. Изд. 2-е. СПб., 1904. С. 75–76.
74. Переписка В. С. Соловьёва и И. С. Аксакова // Русская мысль. 1913. № 12. С. 82.
75. *Данилевский Н. Я.* Сборник Политических и экономических статей. С. 274;
76. Там же. С. 277.
77. *Толстой К. К.* «Этюды господствующего мировоззрения» // Русь. 1884. № 16. С. 57, 59.

78. *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 240.
79. Там же. С. 246.
80. Там же. С. 248.
81. Там же. С. 270.
82. *Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1885. С. 18.
83. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.
84. *Страхов Н. Н.* Письмо к Л. Н. Толстому от 4 июня 1887 г. / Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым (1870–1894). СПб., 1914. С. 354.
85. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 64. М., 1953. С. 250.
86. *Авдеева Л. Р.* Русские мыслители А. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. М., 1992. С. 59.
87. *Страхов Н. Н.* Предисловие к 2-му тому книги Н. Я. Данилевского «Дарвинизм». СПб., 1889. С. 48.
88. Письмо Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский вестник, 1901. № 2. С. 457.
89. Там же // Русский вестник. 1901. № 3. С. 131.
90. Там же // Русский вестник. 1901. № 2. С. 458.
91. ОР РНБ. Ф. 237. (Н. Я. Данилевский) Д. 27. Л. 4. В своей монографии «Самобытные идеи Н. Я. Данилевского» А. Н. Аринин и В. М. Михеев привели часть этой цитаты почему-то для иллюстрации некой «особенности» историко-философского мировоззрения Данилевского (стр. 45). На наш взгляд, речь в ней идет в основном о творческой лаборатории мыслителя.
92. *Семёнов Н. Н.* Николай Яковлевич Данилевский. СПб., 1885. С. 1, 18.
93. *Семёнов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Т. 1. Пг., 1917. С. 180, 190.
94. *Страхов Н. Н.* Полное опровержение дарвинизма. Русский вестник. М., 1887. Т. 187. Январь–февраль. С. 10.
95. *Грот Н. Я.* Памяти Н. Н. Страхова. М., 1996. С. 7.
96. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 486.
97. Из некролога Б. Никольского / Розанов В. В. Указ. соч. С. 417.
98. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 62. М., 1953. С. 83, 88, 99, 111, 219.
99. Там же. Т. 90. М., 1953. С. 242; Т. 64. М., 1953. С. 23; Т. 66. М., 1953. С. 111, 253.
100. *Грот Н. Я.* Указ. соч. С. 10–11.

101. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. С. 391.
102. Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский вестник. 1901. № 2. С. 136; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 426.
103. Там же. Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому. С. 138.
104. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 62. С. 164.
105. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб. 1914. С. 318.
106. *Толстой Л. Н.* Т. 63. М., 1934. С. 220–221.
107. Там же. С. 238.
108. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 319.
109. Там же. С. 332.
110. Там же. С. 328.
111. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т 63. С. 313, 366.
112. *Милютин Д. А.* Дневники. Т. 3. 1947. С. 169. См. также: С. 98; Т. 2. М., 1949. С. 50; Т. 4. М., 1950. С. 109, 157.
113. *Фет А. А.* Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1982. С. 185. См. также его «Стихотворения». М., 1981. С. 291; Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 142–143.
114. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 5.

Глава вторая

Книга «Россия и Европа» – новое слово в историософии

Данилевский писал книгу «Россия и Европа» в период с 1865 по 1868 год. Удивительно то, что эта эпохальная работа объемом более 30 печатных листов писалась урывками, в основном в зимнее время, так как с 1863 по 1867 год Данилевский был занят в летние месяцы работой в экспедиции – исследованием рыболовства в Азовском и Чёрном морях – и обобщением этой работы в отчетах и статьях. Может быть, более плотно этой книге был отдан лишь 1867 год, когда он поселился в своем имении Мшатка. Но в 1868 году с августа он снова был основательно занят командировкой в Архангельскую губернию для изучения причин обеднения местных жителей, а также отчетами и публикациями по этой проблеме. Напомним, что кроме научных печатных работ, связанных с экспедициями, он опубликовал в 1867 году большую статью в 100 с лишним страниц «Несколь-

ко мыслей по поводу упадка кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности».

Наиболее значительными событиями внутренней российской жизни в эти годы, которые не могли не влиять на умонастроение Данилевского, были: осуществление реформ 60-х годов, в частности судебной реформы 1864 года, введение более прогрессивных, чем ранее существовавших «Временных правил о цензуре и печати» 1865 года; покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 года и закрытие в том же году журналов «Современник» и «Русское слово»; начало выхода в 1868 году журнала «Отечественные записки» Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Елисеева и Михайловского и публикация на его страницах «Исторических писем» П. Л. Лаврова.

Большой внутриполитический и внешнеполитический резонанс продолжали производить: подавление восстания в Польше 1863–1864 гг.; присоединение Туркестанского края в 1865–1867 гг.; войны в 1866 г. Пруссии и Италии против Австрии; Венский мир Австрии с Италией и присоединение Венецианской области к Италии; образование в 1867 г. дуалистической Австро-Венгерской монархии и Северогерманского союза; славянский съезд в Москве в том же году. Не остались незамеченными Н. Я. Данилевским и такие события, как основание 1-го Интернационала в 1864 г. и выход первого тома «Капитала» Маркса в 1867 г. Данилевский упоминает в негативном плане и о коммунизме, и о Марксе в ряду имен, которым бездумно начинает поклоняться российская интеллигенция.

Таков был внутриполитический и внешнеполитический фон, сопровождавший создание Н. Я. Данилевским его главного фундаментального труда. И, несмотря на огромную профессиональную занятость и на отвлекающие внимание бурные текущие события, труд этот был успешно завершен, и полностью готовая рукопись в конце 1868 г. появилась в редакции журнала «Заря». Обычно книги создавались на основе журнальных публикаций авторов за несколько лет. Но в данном случае ру-

копись книги была полностью подготовлена без предварительных публикаций и в течение следующего 1869 г. была опубликована. Эта необычная технология появления научного труда и привела впоследствии к ошибочному наименованию отдельно вышедшей книги в 1871 г. «вторым» ее изданием. Первым изданием посчитали ее журнальный вариант.

Что из себя представлял журнал «Заря» и почему Н. Я. Данилевский предпочел именно этот журнал для публикации рукописи своей книги?

В советской историко-журналистской литературе он стабильно квалифицировался как «реакционный орган», который «вел ожесточенную борьбу против революционно-демократической идеологии, материалистической философии», занимался проповедью «панславистских идей» [I]. Авторов не смущало, что в столь тенденциозно кривобокую характеристику не вмещается значительная часть содержания журнала, что многие его постоянные авторы лишь при самой грубой натяжке подверстываются под этот ряд грозных обвинений, не говоря уже об их спорности по существу. Например, один из ведущих сотрудников журнала профессор А. Д. Градовский, возглавлявший кафедру государственного права в Петербургском университете, был к тому времени уже широко известен и своими умеренно-либеральными взглядами, и решительной поддержкой всех реформ 60-х годов, и своей промежуточной, буферной позицией между западниками и славянофилами. Вряд ли можно было бы отнести к категории реакционеров и известного профессора Петербургского университета К. Н. Бестужева-Рюмина, к тому времени уже прославившегося своими трудами по русской истории IX–XVI веков, исследованиями русских летописей. Совсем не как реакционер и панславист заявил себя в журнале и Н. Н. Страхов своими глубокими статьями об А. И. Герцене и своей статьей «Роковой вопрос», – изза выраженных в ней симпатий к полякам и был закрыт журнал «Заря» через четыре года после своего появления.

Авторов упомянутой характеристики журнала, делающей как бы опасным само прикосновение к нему, не смущало то обстоятельство, что в нем были опубликованы произведения Ф. М. Достоевского («Вечный муж»), Л. Н. Толстого («Кавказский пленник»), стихи Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова и в стихотворном переводе последнего «Слово о полку Игореве», поэма Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» в переводе Н. П. Семёнова, критические статьи отнюдь не реакционера О. Ф. Миллера и многое другое, имевшее далеко не сиюминутную ценность. Но проявление нормального русского патриотического чувства в то время было принято относить к разряду реакционности. Не последнюю роль сыграл при характеристике журнала в советской историографии, очевидно, и тот факт, что именно в нем в первый же год издания появился труд Н. Я. Данилевского, заклейменный историком М. Н. Покровским и советскими энциклопедическими словарями теми же эпитетами.

Данилевский, предлагая рукопись своей книги в редакцию «Зари», конечно, уже знал примерно о круге будущих постоянных сотрудников нового журнала и его программе. И то и другое его вполне должно было устроить. Да и выбирать, собственно, ему было не из чего. Журналов, которые бы более соответствовали направленности книги «Россия и Европа», не существовало. И не всякая редакция взялась бы публиковать не апробированную в статьях целую книгу человека, который был уже забыт как молодой, начинающий автор «Отечественных записок», но зато был известен как опальный петрашевец.

Итак, первая публикация книги состоялась в журнальном варианте в 1869 г. А в 1871 г. в Санкт-Петербурге вышло первое издание труда в виде книги, ошибочно, как отмечалось, названное вторым. Тираж был немалым по тем временам для научного труда – 1200 экземпляров. Его реализация растянулась на 15 лет. А затем до революционного 1917 года вышло еще три издания книги – в 1888, 1889 и 1895 годах, соответственно ошибочно обозначенные как 3-е, 4-е и 5-е. Как видим, особым

спросом книга пользовалась в 80–90-х годах XIX века, уже после смерти Н. Я. Данилевского. Издание 1888 г. разошлось в том же году к ноябрю. В следующем году ввиду неудовлетворенного спроса его пришлось повторить. 24 апреля 1890 года Н. Н. Страхов с радостью сообщал Л. Н. Толстому по поводу этого очередного издания книги: «Успех “России и Европы” все еще растет, т. е. книга быстро расходится, и случается слышать большие восторги от тех, кто первый раз прочел» [2].

Нарастание этого интереса к книге Н. Я. Данилевского объяснялось многими причинами: как внешнеполитическими, так и внутриполитическими. Подтверждались многие мысли Данилевского об отношении Европы к России, его прогнозы о нарастающем весе и роли России и славянского мира в международных делах. Но главная причина таилась в обострении для России вопроса о выборе ею дальнейшего пути развития. Участие в споре о книге Данилевского выводило на поиски ответов на этот, в очередной раз с особой силой поставленный перед Россией вопрос. И то, что в дискуссии по книге прямо (полемическими статьями) или косвенно (своими трудами) приняли участие самые выдающиеся философы, социологи, историки России того времени: Н. Н. Страхов, В. С. Соловьёв, К. Н. Леонтьев, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, В. В. Розанов, К. Н. Бестужев-Рюмин и т. д., – усиливало читательский интерес к «России и Европе».

Что же нового предложил читателю Н. Я. Данилевский в своей книге под названием, которое на первый взгляд, казалось, несло только внешнеполитическую нагрузку? Под этим непритязательным названием мыслитель-новатор, неутомимый «искатель истины» выдвинул, прежде всего, новую теорию всемирно-исторического процесса и во многом по-новому поставил два уже не новых тогда вопроса: «Запад и Россия», «Россия и славянский мир».

Н. Я. Данилевский впервые высказал и развил мысль о полной несостоятельности традиционной в науке схемы деле-

ния исторического процесса на историю древнего мира, средних веков, новую и новейшую. По его мнению, европейские историки (а именно от них пошло это деление) внедрили эту схему в историческую науку исходя из высокомерного отношения к другим народам. Они исходили как бы из того, что только с истории Европы началась история человеческой цивилизации. Опираясь на это самообольщение, они, как заметил один из последователей учения Данилевского, все доевропейские цивилизации загнали в первобытную древность, уделив им одну часть, а под европейскую цивилизацию отдали две последние части истории [3].

Самообольщение это Данилевский, впрочем, находит вполне естественным для человеческого духа, – оно в известной степени сопровождает многие деяния его. Он поясняет: «Не считает ли всякий истинный художник создаваемые им формы последним словом искусства, далее которого уже не пойдут; не считает ли ученый, вырабатывающий какую-нибудь теорию, что он сказывает последнее слово науки, объясняет всю истину, – что после него, конечно, будут пополняться частности, но данное им направление останется навсегда неизменным? Не считает ли государственный муж, что принятая им система должна на века облагодетельствовать его страну?.. Без этой иллюзии ни истинно великая деятельность, ни искреннее чувство невозможны». И эта иллюзия, по мнению Данилевского, свойственна не только отдельным людям, но и целым государствам. «Рим считался вечным, несмотря на то, что Мемфис, Вавилон, Тир, Карфаген, Афины уже пали, и потому только казался он римлянам стоящим тех жертв, которые для него приносились» [4]. Т. е. психологически это историческое самообольщение, считает Данилевский, не только вполне оправдано, но и как бы необходимо для того, чтобы духовный взлет человека или цивилизационный взлет страны состоялся. Но это все-таки – *самообольщение с* точки зрения всемирного процесса, истории всего человечества!

Л. Н. Гумилёв, явно опираясь на тезис Н. Я. Данилевского о неоправданном занижении значения в историческом процессе прошлых цивилизаций, находит этому явлению свое объяснение. Он считает, что историкам, как правило, не всегда удается преодолеть «аберрацию дальности», трудность, возникающую «при изучении событий древнейшей истории из-за недостатка информации о них». Именно эта «болезнь», считает Л. Н. Гумилёв, и приводит исследователя «к ложному выводу о незначительности этих событий» [5].

Данилевский делает важный вывод, который в то время был совершенно новым словом в исторической науке, явился великим открытием для ее будущего развития: в истории человечества нет однолинейного, однонаправленного восходящего эволюционного процесса – это искусственная схема; народы, как и отдельные личности, имеют свое рождение и рост, цветение и увядание; некоторые из них образуют культурно-исторические типы, другие остаются всего лишь как бы этнографическим материалом истории.

Это был взгляд, брошенный на историю не с «кочки зрения» европейской цивилизации, а с высоты космоса и одновременно – с высоты Божественного устроения всего сущего на все в человеческом мире и вокруг него. Это был взгляд на человеческую историю ученого-естественника, философа-органициста и одновременно глубоко верующего человека.

Открытую им систему человеческой истории Н. Я. Данилевский называет естественной, а традиционную схему деления всемирной истории – искусственной. Ибо его система, считает Данилевский, не порождена умозрительными схемами, схоластическими конструкциями человеческого ума (как, например, гегелевская система) или политическими иллюзиями, а явилась в результате наблюдений над фактами истории, над конкретными судьбами конкретных народов и цивилизаций.

Единой человеческой цивилизации, на которую так безапелляционно претендовала европейская, в человеческой истории никогда не было и не должно быть, утверждал Данилевский. Народ в своем развитии, сумевший заявить о себе как о культурно-историческом типе, в свое время достигал определенного расцвета, который и следует называть цивилизацией этого конкретного типа. А таких культурно-исторических типов Данилевский насчитывал десять: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилоно-финикийский, халдейский (или древнесемитический), 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический (или аравийский) и 10) германо-романский (или европейский). Каждый из них, сменяя друг друга, вносил определенный вклад в «сокровищницу человечества». Но это не был процесс однолинейного развития, наращивания одних и тех же качеств «общечеловеческой» культуры.

Вместо искусственного деления всемирного исторического процесса, когда две трети его загонялись в «Древний мир», Данилевский находил более логичным считать, что каждый из культурно-исторических типов проходил через древность, средние и новые века. Более естественно, считал Данилевский, рассматривать каждый культурно-исторический тип как природный организм со всеми вытекающими отсюда признаками развития: детством и юностью, возмужанием и зрелым возрастом, старением и угасанием.

Если культурно-исторический тип находится в расцвете, имеет множество достижений в своей жизнедеятельности, то это значит, что он вслед за этим начнет приближаться к своему угасанию. И Данилевский, как ботаник, приводит поясняющую параллель: «Момент цветения представляет нам последнюю закладку нового в жизни растения, а потому и должно считать его высшим моментом творчества растительной силы, за которым следует уже одно созревание... Плод есть по преимуществу дар начала осени...» (С. 143). Период «расцвета» и

плодоношения Данилевский и считает цивилизацией культурно-исторического типа. Т. е. он разделяет эти два понятия, считая цивилизацию вершинной частью в развитии культурно-исторического типа [6].

В развитии культурно-исторического типа периоду цивилизации, по Данилевскому, предшествует весьма продолжительный подготовительный этнографический период. Просчитав возраст всех учтенных им культурно-исторических типов прошлого, Данилевский пришел к выводу, что этнографический период длится не менее 1000 лет, а период цивилизационный – около 600 лет. Мысль о бесконечном развитии какой-либо нации или культурно-исторического типа Данилевский относил «к числу самых высочайших нелепостей» (С. 91). В пример он приводит Грецию, когда-то представлявшую собой лидирующий культурно-исторический тип, значительно обогативший сокровищницу человечества, а затем перешедшую в стадию угасания, сошедшую, в качестве маяка культуры, с исторической сцены. То же было в свое время и с Китаем, и с Римом, и с Византией. Их вклад в человеческую сокровищницу был в свое время не менее важен, чем достижения европейского (романо-германского) культурно-исторического типа.

Данилевский, тем не менее, не отрицает, что некоторое обогащение культурно-исторических типов происходит по мере их смены, усложняется их основа: от одноосновности к четырехосновности – таков процесс этого обогащения. Так, считая, что деятельность культурно-исторического типа проявляется в четырех аспектах: религиозном (отношение к Богу), культурном (в узком смысле слова), политическом и общественно-экономическом, Данилевский полагает, что в первых культурно-исторических типах – египетском, китайском, вавилонском, индийском и иранском – не выделялась ни одна из этих сторон человеческой деятельности, они были в смешении. Затем последовали одноосновные культурно-исторические типы, выражавшие наиболее отчетливо одну какую-либо сторону

человеческой деятельности: еврейский (при котором зародилось единобожие) – религиозную, греческий – собственно культурную, римский – политическую. Европейский (романо-германский) культурно-исторический тип проявил себя и в религиозном, и в общественно-экономическом плане, т. е. оказался уже двухосновным.

Если состоится следующий – славянский – культурно-исторический тип, то он может, по предположению Данилевского, оказаться четырехосновным, т. е. в нем может быть развита и религиозная, и культурная, и политическая, и общественно-экономическая деятельность (С. 400–430).

В связи с этим Данилевский ставит в своей работе вопрос о возможностях и путях взаимного влияния культурно-исторических типов. Это особенно важно подчеркнуть, ибо еще при жизни Данилевского некоторые из его не очень добросовестных оппонентов, а за ними и некоторые историки представляли его изоляционистом, приписывали ему стремление доказать якобы полную невозможность взаимовлияния культурно-исторических типов даже на их цивилизационных стадиях развития. Но Данилевский не только признает такую возможность, но и показывает различные аспекты их взаимовлияния, пути и пределы его реализации.

Да, говорит Данилевский, культурно-исторический тип образуется из одного племени или семейства народов, объединенных также одним языком или группой языков, близких между собой. Да, утверждает он, основы, «начала» цивилизации не передаются от одного типа к другому. К основам цивилизации Н. Я. Данилевский относил множество факторов. Явно неизменными должны быть, считал он, религия, быт, психология и менталитет. Зато, неоднократно подчеркивал он, безусловно, передаются от одного культурно-исторического типа к другому завоевания науки, техники, промышленности, которые являлись компонентами культуры в широком смысле. Он пишет: «...народы иного культурного типа могут и должны

знакомиться с результатами чужого опыта, принимая и прикладывая к себе из него то, что, так сказать, стоит вне сферы народности, т.е. выводы и методы положительной науки, технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности» (С. 85). А что значит «народность», которая не подлежит экспорту и импорту, Данилевский поясняет тут же. Это «свое политическое и общественное устройство, свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли и чувств, как единственно ему свойственные», одним словом, все то, что составляет и позволяет народу сохранять «всю свою самобытность».

Что касается методов воздействия одной цивилизации на другую, то лишь один из них он считает вполне приемлемым. Он уподобляет его влиянию «почвенного удобрения на растительный организм или, что то же самое, влиянию улучшенного питания на организм животный» (С. 84). Это как раз тот случай, когда соблюдаются вышеперечисленные условия сохранения самобытности, «народности» и заимствуются лишь достижения науки, промышленности, техники, в том числе и техники искусств. Такой метод имел место и дал плодотворные результаты, считает Н. Я. Данилевский, при воздействии цивилизации Египта и Финикии на Грецию; Греции на Рим; Рима и Греции на романо-германскую Европу. На фоне этих суждений явно несостоятельными выглядят попытки обвинить Данилевского в изоляционизме.

Но в истории применяются и сомнительные методы воздействия одного культурно-исторического типа на другой. Один из таких методов Н. Я. Данилевский определяет как «пересадку» цивилизации с одного места на другое «посредством колонизации». Он приводит ряд иллюстраций такой «пересадки» из истории древних цивилизаций, а из современности указывает на «пересадку» англичанами европейской цивилизации в Северную Америку и Австралию путем предварительной их колонизации. Но и попытки мирным путем «привить» свою

цивилизацию к народам другого культурно-исторического типа Н. Я. Данилевский не считает плодотворными. Он напоминает: «Почка, вставленная в разрез древесной коры, или черенок, прикрепленный к свежему срезу ствола, нисколько не изменяют характер растения, к которому привиты. Дичок останется по-прежнему дичком, яблоня – яблонею, груша – грушею. Привитая почка или черенок также сохраняют свою природу, только почерпают нужные им для роста и развития соки через посредство того растения, к которому привиты, и перерабатывают их сообразно своему специфическому и формационному образовательному началу» (там же). Фактически с помощью такой бескровной операции выигрывает не страна – объект прививки, а прививающая свою цивилизацию сторона, ибо она начинает паразитировать на теле страны с «привитой» цивилизацией, питаться ее соками.

Оппоненты Данилевского, к сожалению, закрепили за ним на целые десятилетия с помощью статеек в разных энциклопедиях, энциклопедических словарях, учебниках и учебных пособиях славу националиста-ретроградa. И для тех, кто был знаком с Н. Я. Данилевским по этим справочным пособиям, будет полной неожиданностью узнать из его главного труда, что он был горячим сторонником самореализации каждого культурно-исторического типа, каждому культурно-историческому типу желал выразиться в своей цивилизации, был сторонником самоценности каждой национальной культуры на Земле. Он считал, что родственные народы, составляющие какой-либо культурно-исторический тип, должны при этом каждый в отдельности обладать политической независимостью. И каждый культурно-исторический тип, по его глубокому убеждению, только тогда «достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств» (С. 77–78).

В каждой нации, народности Н. Я. Данилевский видел высочайшую ценность земной жизни. «Народности, национальности, – писал он, – суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает в пространстве и во времени возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления... следовательно, жертвы, требуемые для охранения народности, суть самые существенно-необходимые, самые священные. Народность составляет поэтому существенную основу государства, самую причину его существования, – и главная цель его и есть именно охранение народности» (С. 187).

Поэтому государство, представляющее собой конгломерат неродственных народов, по Данилевскому, обречено на распад, ибо «не имеет в себе жизненного начала». Имея в виду прежде всего Турцию и особенно Австро-Венгрию, коренное население которой составляет едва ли только треть от насильственно включенных в Австро-Венгерскую империю славян, Н. Я. Данилевский задавал вопрос: какую национальную честь и свободу такое государство может охранять и защищать, когда понятия о чести и свободе среди его населения прямо противоположны? И именно народности, национальности не родственные, не входящие в один культурно-исторический тип, но соединенные насильственно в один государственный организм, представляют собой главную потенциальную разрушительную силу для любого такого государства, считал Н. Я. Данилевский. Он был твердо убежден, «что каждая народность, если получила уже и не утратила еще сознание своего самобытного исторического национального значения, должна составлять государство и что одна народность должна составлять только одно государство» (там же).

Что касается родственных народов, то лучшей формой их существования Н. Я. Данилевский считает федерацию, а не унитарное государство, ибо, «как ни тесна их связь», она не может совершенно стереть границ их индивидуальности. Но в то

же время они «для взаимной защиты, для возвеличения каждой отдельной народности и для укрепления их естественной связи должны составлять федерацию, которая в свою очередь (смотря по величине опасностей, среди которых предназначено ей жить и действовать) может представлять связь различной силы и крепости: может принять форму союзного государства, союза государств или просто политической системы» (С. 191).

Говоря об историческом процессе, Н. Я. Данилевский впервые высказал мысль, что существует не только степень, ступень развития, но и тип развития человеческих сообществ и что для историка первостепенное значение имеет определение именно культурно-исторического типа как главной сущности в объекте своего исследования, а потом уже внутри этого типа определение степени развития. «Без подобного же различения – степеней развития от типов развития – невозможна и естественная группировка исторических явлений», – считал он (С. 71). Эту поистине новаторскую мысль подхватили народники, которые, особенно Н. К. Михайловский, не раз проводили мысль, что хотя Россия и уступает некоторым европейским странам по степени развития, но по типу своего развития (имелись в виду прежде всего элементы общинного и мирского самоуправления), несомненно, превосходит их.

Из своего учения о культурно-исторических типах и цивилизациях Н. Я. Данилевский вывел и свою формулу прогресса. Интересно, что в это же самое время многие представители русской общественной мысли пытались ответить на вопрос «что такое прогресс», обостренный началом проведения в жизнь реформ 60-х годов. На него по-своему отвечал П. Л. Лавров в «Исторических письмах», опубликованных в 1868 г. в газете «Неделя», и Н. К. Михайловский в известной своей работе «Что такое прогресс?», опубликованной в том же 1869 г., что и «Россия и Европа», в журнале «Отечественные записки».

Разумеется, ответы были разные. Но если размышления двух указанных мыслителей несли в себе в основном социолого-политическую нагрузку, то теоретические построения Н. Я. Данилевского по этому вопросу имели исключительно историософскую направленность. Прогресс для Н. Я. Данилевского отнюдь не единая восходящая линия развития всего человечества, когда во всех странах все постепенно совершенствуется по одним и тем же законам и достижения прогресса передаются, как эстафетная палочка. «Прогресс состоит не в том, чтобы все шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» (С. 73). Тем самым Данилевский хотел подчеркнуть, что исторический процесс намного богаче в своих проявлениях, чем это себе представляют историки, руководствуясь худосочной схемой одномерного, однолинейного, хотя и восходящего, развития человечества. Двигаясь в разных направлениях, народы в рамках различных культурно-исторических типов накладывают на исторический прогресс разноцветие своих самобытностей. Кроме того, движение в одном направлении вообще может исчерпать себя и затормозиться или остановиться. «Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества, – поясняет он, – необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, т. е. надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которыми обладают только народы другого культурно-исторического типа» (С. 92).

Исходя из своей теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский высказал критическое отношение к понятию «общечеловеческое» и вместо него предложил опираться на понятие «всечеловеческое», и это разделение двух понятий за-

тем активно поддерживалось и разрабатывалось в русской общественной и религиозной мысли, начиная с Ф. М. Достоевского и кончая Н. А. Бердяевым.

Прежде всего, Н. Я. Данилевский подверг критике понятие «человечество» в его общеобиходном употреблении, особенно когда говорилось об общих задачах и целях человечества. «Человечество не представляет собою чего-либо действительно конституированного, сознательно идущего к какой-либо определенной цели...», – говорит Н. Я. Данилевский (С. 87). По его мнению, то, «что говорится об обязанностях по отношению к “человечеству”, сводится на деле к конкретным обязанностям по отношению к конкретным группам людей». Можно говорить об обязанностях по отношению к государству и к «высшей единице» человеческого сообщества – к культурно-историческому типу, но не по отношению к такому абстрактному понятию, как «человечество», считает Данилевский. Во всяком случае, культурно-исторический тип – это высшая изо всех человеческих групп, «интересы которых могут быть сознательными для человека», это «последний предел, до которого может и должно простираться подчинение низших интересов высшим, пожертвование частных целей общим» (С. 88).

Для Данилевского понятие об «общечеловеческом» «не только не имеет в себе ничего реального и действительного, но оно у́же, теснее, ниже понятия о племенном или народном; ибо это последнее, по необходимости, включает в себя первое и, сверх того, присоединяет к нему нечто особое, дополнительное, которое именно и должно быть сохраняемо и развиваемо, дабы родовое понятие о человечестве во втором (реальном) значении его получило все то разнообразие и богатство в осуществлении, к какому оно способно» (С. 103). Вид, – напоминает Данилевский, – в природе конкретно существующая, осязаемая, видимая единица, а род – это всего лишь абстракция, некое логическое обобщение, плод ума. Так же дело обстоит и с понятиями «человечество» и «народ», «нация» – они нахо-

дятся в таком же соотношении. Отсюда Н. Я. Данилевский делает вывод о более содержательном, ценностном понятии «всечеловеческое» (как сумме народов) перед понятием «общечеловеческое» (как некой абстрактной, средней величине). Он заключает: «Следовательно, *общечеловеческого* не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности – одним словом, довольствоваться невозможною полнотою» (там же). Отсюда Данилевскому кажется совершенно несообразным понятие «общечеловеческий гений». Под этим понятием обычно подразумевают тех, кто именно сверх всех своих национальных особенностей смог, кроме того, выразить особенности и черты, свойственные и поэтому понятные и другим национальностям. Поэтому таких людей, как Гомер, Софокл, Шекспир, Гегель, Бэкон, Данилевский склонен называть «всечеловеческими» гениями.

Данилевский отмечает, что на «общечеловеческую» цивилизацию претендует Европа и потому в пылу этого явного самообольщения и самомнения старается навязать свою цивилизацию всем народам и континентам. «Общечеловеческая цивилизация, – разъясняет он, – не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота» (С. 104). Даже о достижении «всечеловеческой цивилизации» невозможно говорить, ибо ее «также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» (там же).

Н. Я. Данилевский не был религиозным мыслителем, но он был верующим человеком, православным христианином. И вопреки семидесятилетней пропаганде представлений об атеизме как единственной основе для научного творчества, жизнь

Данилевского доказывает, что можно делать величайшие открытия в науке, оставаясь с верой в Божественную истину. Это доказал позже и первый русский нобелевский лауреат – великий физиолог Иван Петрович Павлов.

О Боге он говорит не часто на страницах «России и Европы», чаще об истории христианской религии, показав себя и в этой области блестяще эрудированным человеком. Но говорит о Боге всегда сдержанно и с трепетным немногословием. Например, свои рассуждения о «всечеловеческих гениях» заключает: «Собственно говоря, был только один Всечеловек – и Тот был Бог» (С. 104).

В самом его представлении, в ходе его мыслей о мире, о всечеловечестве, о культурно-исторических типах, о смене цивилизаций и их судьбе чувствуется его стойкое убеждение в Божественном сотворении мира и всего сущего, в действии Божественного Промысла относительно всего происходящего, относительно таинственного совпадения – «синхронизма» событий (С. 261–263). Критикуя концепцию «человечества», «интересов человечества» как некоего неуловимого, слишком абстрактного, «бестелесного» понятия, Н. Я. Данилевский задает риторический вопрос: «Но что же такое интерес человечества? Кем сознаваем он, кроме одного Бога, которому, следовательно, только и принадлежит ведение его (человечества. – *Б. Б.)* дел?» (С. 88). Подытоживая свои размышления о таинственном «синхронизме» событий во всемирной истории (например, совпадение таких из них, как начало книгопечатания, взятие турками Константинополя и открытие Америки, которые оказываются в логической взаимосвязи), Н. Я. Данилевский приходит к выводу, что это явление можно объяснить только в «плане миродержавного Промысла, по которому развивается историческая жизнь человечества» (С. 263).

Причем Н. Я. Данилевский исповедовал не просто абстрактно-христианскую религию, а именно православие. В нем православие обрело одного из своих последовательных, убеж-

денных и вдохновенных заступников. Никто так убедительно в России в то время не показал в своих работах, что изначальной верой христианской было именно православие, что откололся от подлинного христианства именно католицизм и впал в ересь со своим новым символом веры, со своим папоцезаризмом, с провозглашением непогрешимости папы, с крестоносцами и иезуитами, с индульгенциями и поддержкой всякого рода агрессивных и особенно колониальных войн.

Он был убежден, что «неправославный взгляд на Церковь лишает само Откровение его достоверности и незыблемости в глазах придерживающихся его и тем разрушает в умах медленным, но неизбежным ходом логического развития самую сущность христианства, а без христианства нет и истинной цивилизации, т. е. нет спасения и в мирском смысле этого слова» (С. 184).

***

Книга Данилевского «Россия и Европа», как давно поняли представители западной историографии, явилась совершенно новым словом в историософии, в методологии истории. В ней впервые была изложена и фундаментально обоснована концепция мультилинейного развития исторического процесса, впервые были названы основные культурно-исторические типы в прошлой и современной Данилевскому истории человечества, обрисованы законы их развития и взаимодействия, раскрыты характерные черты локальных цивилизаций. Автор «России и Европы» впервые посмотрел на исторический процесс не с точки зрения готовой умозрительной схемы, а как бы с высоты космоса взглянул на земную жизнь людей и поразмыслил над ней масштабами тысячелетий, а не столетий ближайшего прошлого. Оценили ли современники по достоинству работу Н. Я. Данилевского? Поняли ли они, что перед ними научное открытие или, по крайней мере, новое слово в истори-

ческой науке? К сожалению, мы должны констатировать, что лишь немногие из современников оценили книгу по достоинству. Ее журнальный вариант, да и первое отдельное издание прошли почти незамеченными. В 1869 году, когда книга печаталась в журнале «Заря», на нее были лишь небольшие отклики в общих журнальных обзорах некоторых либеральных газет, придерживавшихся откровенно прозападнической ориентации («Санкт-Петербургские ведомости». № 119; «Голос». № 203). Естественно, эти газеты не замедлили высказать свое несогласие по поводу мыслей Н. Я. Данилевского о «европейской цивилизации», ибо видели будущее России только в полном приобщении к ней. И это весьма характерно для полемики вокруг книги «Россия и Европа», которая постепенно нарастала, – в ходе ее шло столкновение различных точек зрения на судьбу России, различных концепций ее развития. Поэтому, несмотря на немногочисленность участников этой полемики, она имела немалое значение в развитии русской историософской мысли, тем более что среди этих немногочисленных участников спора были самые выдающиеся русские мыслители.

Но высокого теоретического уровня обсуждение книги Н. Я. Данилевского достигло не сразу. Нападки либеральной прессы откровенно западнической ориентации отличались циничным пренебрежением к высказанным в книге новым взглядам на историю, их окарикатуриванием и искажением. Так, анонимный автор обозрения апрельского номера журнала «Заря», укрывшийся за псевдонимом «Z» (согласно словарю М. Н. Масанова, в «Санкт-Петербургских ведомостях» в эти годы под таким псевдонимом печатался В. П. Буренин), в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (14 мая 1869 г.) свел все теоретическое содержание книги «Россия и Европа» к попытке ее автора доказать, что Россия – не Европа, что она должна идти своим путем, если не хочет погибнуть «яко червь», к сравнению «человеческой жизни с жизнью целых обществ, в которых происходит то же самое, но несколько непонятным образом».

Написанная в ерническом стиле, языком мелкого газетного фельетониста, такая рецензия, тем не менее, могла, конечно, какую-то часть публики ввести в заблуждение относительно истинного содержания книги Данилевского.

Аналогичную позицию по отношению к публиковавшейся книге Данилевского занял автор «Литературных записок» в журнале «Русский вестник» (позднее журнал эту позицию изменил), укрывшийся под инициалами «П. Щ.» (Пётр Карлович Щебальский, историк). В нескольких словах и весьма неточно изложив теорию культурно-исторических типов Данилевского, представив автора «России и Европы» изоляционистом, он категорически высказался за торжество единой, общечеловеческой культуры, распространяемой Западом. «Ныне культура одна для всех, – заявлял автор в пику Данилевскому, – это та, которая с Востока перешла в Грецию и оттуда разлилась по всей почти Европе и Америке, обещая проникнуть во все части света и во все концы мира... в основаниях своих единая и общая» [7].

Никаких даже попыток проанализировать содержание взглядов Н. Я. Данилевского эти авторы в своих беглых обзорах и заметках не предпринимали. Они очень кратко, в одном-двух тезисах в искаженном виде, удобном для опровержения, преподносили эти взгляды, безапелляционно их объявляли неверными и столь же решительно провозглашали известные западнические теории как единственную и неопровержимую истину. Отвечая «П. Щ.», редакция «Зари» в связи с этим имела все основания утверждать, что доказательства Данилевского в пользу культурно-исторических типов «совершенно ускользнули от внимания критика», что в конце своей заметки «г. П. Щ. сбился на старую песню о преемственности культуры и поет ее так, как будто он никогда и в глаза не видел статьи г. Данилевского» [8].

Более основательно пытался аргументировать свою критику книги Н. Я. Данилевского (когда она уже вышла отдельным

изданием) известный представитель либерально-западнического направления, экономист и публицист В. П. Безобразов, послуживший для М. Е. Салтыкова-Щедрина прототипом для образа преуспевающего ученого дельца в его «Сатирических циклах». В. П. Безобразов в своей книге «Война и революция», по крайней мере, признал в Данилевском человека «разнообразной учености и талантливости», а книгу его «заслуживающею глубокого уважения и внимания». Однако эту свою талантливость, по мнению Безобразова, Данилевский подчинил лишь новому и оригинальному обоснованию славянофильских и панславистских идей. Между тем, считает Безобразов, Россия принадлежит к «политической системе государств со всеми народами», развивает «те же самые начала, как и Западная Европа». К результатам благотворного влияния европейской цивилизации на Россию он относит и отмену крепостного права, и судебные реформы, и другие новшества, вплоть до воскресных школ и артельных сыроварен. И если, как утверждал Данилевский, эти реформы соответствуют духу нашей старины, то это лишний раз доказывает, полагает Безобразов, что и стариной своей мы связаны с Европой. Автор считал немыслимым «наше прогрессивное движение» без дальнейшего освоения основ западноевропейской цивилизации [9].

Таким образом, автор как бы отверг тезис Данилевского о том, что западноевропейский и славянский миры – это две разных цивилизации. По его мнению, это одна цивилизация. В то же время, не вполне последовательно он тут же говорит о большом цивилизационном различии каждой европейской страны и особенно о «почти контрастном различии культур стран романского и германского мира».

Словом, Безобразов подверг сомнению всю систему культурно-исторических типов Данилевского, не прибегнув к ее специальному анализу, а лишь приведя примеры, которые, по его мнению, с ней не стыкуются. Основная мысль Безобразова о том, что весь мир идет дорогой западноевропейской цивили-

зации, целиком находилась в русле либерально-западнической доктрины, старавшейся ориентировать Россию на слепое копирование западной модели экономического, а отчасти – и общественно-политического устройства.

Критика раздалась и с радикально-демократического фланга периодической печати, который в советской историографии было принято называть революционно-демократическим. В связи с появлением книжного варианта «России и Европы» с достаточно пространной анонимной рецензией на эту работу Данилевского выступила редакция журнала «Дело». Мог ли журнал, питавшийся радикальными идеями Д. И. Писарева и русского бланкиста П. Н. Ткачёва, делавший ставку на революционную активность интеллигенции и одновременно по мере возможностей знакомивший русскую публику с марксизмом [10], с деятельностью 1-го интернационала, пропагандировавший материалистическое понимание истории и атеизм, выразивший отрицательное отношение к роману «Война и мир» Толстого, – мог ли такой журнал одобрить книгу Н. Я. Данилевского, его концепцию исторического процесса? Разумеется, нет.

Но редакция «Дела» не просто отвергала позицию Данилевского, – она пыталась ее высмеять, и для этого почти каждое положение книги подавалось с передержками, в искаженном, окарикатуренном, местами совершенно неузнаваемом виде. Обозвав Данилевского славянофилом и панславистом, редакция разъясняла: «Славянофильство во всех своих оттенках явление крайне ретроградное. Славянофилы – это то же самое, что японофилы, которые в настоящее время борются в Японии против насаждения в ней цивилизации, охраняя свой японский “дух”, свою религию, свою науку и т.д.» [11]. В своем фельетонном кураже анонимный автор не догадывался, как посмеются над ним будущие «японофилы», которые, стремясь сочетать японский «дух», японскую самобытность с заимство-

ванием технических достижений западной цивилизации, добьются небывалого расцвета своей страны.

В своем фельетонно-полемическом экстазе автор рецензии временами доходил до русофобских выпадов, заявляя, например, что славянофильство зародилось еще в древние времена, «когда образовалась русская нация и развила в себе надменное патриотическое чувство, то чувство, которое заставляет презирать все иностранное и считать все родное чем-то священным, совершенно непогрешимым» [12]. Этот фрагмент наглядно показывает, до каких пределов искажения исторической истины могли дойти оппоненты Данилевского в пылу полемики против него. Правда, далеко не все радикальные демократы старались доказать, что славянофилы, к которым «Дело» относило даже Д. И. Фонвизина, – это сплошь ретрограды, что все они страдали «надменным» патриотическим чувством, что теория Н. Я. Данилевского была сплошной химерой.

Более взвешенная позиция была выражена Н. К. Михайловским в его очередных «Записках профана», опубликованных в январе 1877 г. На размышление о книге его натолкнули вновь появившиеся в печати объявления о продаже «России и Европы», а также сообщения о прочитанных в Харькове профессором А. А. Потебней публичных лекциях об этой книге (по некоторым источникам, Потебня оценил ее как выдающееся явление). В отличие от крайних радикалов журнала «Дело», Михайловский выразил довольно уважительное отношение к личности Данилевского, заявив, «что это – человек очень умный, ученый, разносторонний». Он нашел, что Данилевский отклоняется в своем труде «от чистого славянофильства», что он, например, «не питает ненависти к Петру и не путается в гегельянстве».

Михайловский счел нужным отметить, что учение о культурно-исторических типах совпадает с тем, «что недавно говорила “Неделя”, но, несмотря на все недостатки автора, несравненно лучше отделанное» [13]. А о том, что говорила «Неделя»

по этому поводу и как он к этому относится, он высказался несколько раньше, полемизируя с этой газетой. Публицист этой газеты П. П. Червинский в одной из своих статей высказал мысль, что Россия отстает от стран Западной Европы по степени развития, но зато превосходит их по типу развития (благодаря наличию общины, являющейся ячейкой социализма. – *Б. Б.).* Михайловский, намекнув, что значительно раньше ввел эту формулу в научный оборот, тем не менее, приоритет в ее употреблении отнес к Данилевскому, к его книге «Россия и Европа». Однако тогда же Михайловский отмежевался от интерпретации этой формулы в духе Данилевского, т. е. от чрезмерного, как ему казалось, акцентирования на своеобразии национального русского пути. Михайловский при этом исходил из того, что «исторический опыт одних народов не должен проходить даром для других, что между всеми народами неизбежно происходит обмен идей, что типы развития не замыкаются в рамки национальностей, что они могут переходить один в другой, что, наконец, европейские массы, равно как и лучшие умы в Европе, чем дальше, тем больше тяготеют к тому типу общественного строя, частное выражение и невысокую степень развития которого представляет наша община» [14].

Здесь уже просматривается, что, частично принимая в теории Данилевского очень важное соображение о типах и степенях развития, Михайловский корректирует ее с позиций социалиста, с позиций своего представления об одинаковом социалистическом будущем России и Европы, с позиций своего представления о судьбе России.

В заметках о книге «Россия и Европа» он развивает эту мысль. Он пишет: «Я вполне, однако, признаю общие положения г. Данилевского о культурно-исторических типах и степенях развития, о смене их на арене цивилизации, словом – все те положения, которыми еще не предрешается вопрос о характере типов, о их строении. Вместе с г. Данилевским я думаю, что европейская цивилизация, как и все предшествовавшие,

одностороння, но не потому, что она заключена в необходимо узкие рамки национальности (что относительно Европы фактически неверно), а потому, что в ней принимало и принимает участие лишь меньшинство европейского населения. "Народ" в тесном смысле слова, т.е. не в этнографическом, а в социологическом, должен представить тот основной элемент, который дает иное течение истории, создает новый культурно-исторический тип. И переживет тогда старая Европа века и века, потому что она помолодеет» [15]. Как видим, культурно-исторический тип Михайловского вполне совместим с марксистской формацией. Измени Европа свою капиталистическую формацию на социалистическую, она сменит и свой культурно-исторический тип – старый на молодой.

Именно с позиций своего социалистического выбора будущего для России и подходит Михайловский к критике всех остальных сторон концепции Данилевского. На первом месте для него слабости ее социального содержания. Ему кажется, что, сопоставляя Россию и Европу, Данилевский видит в чужом глазу соломинку, а в своем не видит и бревна. Например, в европейской истории упоминается торговля неграми, а в российской замалчивается торговля крепостными крестьянами. В европейской автор отмечает такие жестокости, как расстрелы картечью рабочих – участников восстаний во французском Лионе или массовые потопления республиканцами арестованных роялистов в г. Нанте в 1792 году, когда к городу подходила армия вандейцев, которая могла освободить их, но в российской он умалчивает о Стеньке Разине и пугачевщине.

Однако эта критика, скажем, с социально-классовых позиций сопровождается и весьма спорной критикой книги Данилевского с научных позиций. Н. К. Михайловскому кажется, что Данилевский сильно облегчил себе задачу, выбрав для своей справедливой критики традиционную, «искусственную» схему деления истории на историю древнего мира, средних веков и новую. Такое деление, по мнению Михайловского, быту-

ет только в школьных учебниках. А вот если бы автор взялся за критику исторических схем Фихте, Гегеля, Конта, Луи Блана, Лассаля, то весь ход своей аргументации ему пришлось бы изменить, чтобы отпраздновать победу. Но ведь Данилевский, как ученый-естественник, сознательно строил свои выводы на анализе конкретных явлений и фактов исторической науки, а не тех умозрительных схем, которые предлагали для периодизации исторического процесса философы, но которые не были взяты историками на вооружение в их трудах по написанию истории разных стран и всемирной истории. И до недавнего времени во многих странах, и не только в школьных, но и в вузовских учебниках, и в трудах, адресованных научным работникам, господствовала эта, по Данилевскому, «искусственная» схема деления исторического процесса. И только в последние десятилетия за рубежом, а у нас лишь в последние пять-шесть лет наблюдается усиленное внимание к анализу истории цивилизаций.

Первые издания книги «Россия и Европа» сопровождались и другими, полярно противоположными откликами, которые исходили от более авторитетных для Данилевского людей и были для него важной моральной поддержкой. По поводу появления первых глав книги в журнале «Заря» Ф. М. Достоевский написал Н. Н. Страхову из Флоренции в марте 1869 года: «Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность ее, популярность ее, несмотря на строго научный прием... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно, уже два года, записываю, именно готовя тоже статью, и чуть не под тем же заглавием, с точно такою мыслию и выводами. Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, уже осуществленным – стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научно-

го приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи [16], что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения “Зари” (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух! Прочтешь две главы и думаешь: целый месяц еще, а пожалуй, и 40 дней)» [17].

Вряд ли Страхов не познакомил Данилевского с отзывом о труде его старого товарища по кружку петрашевцев. И вряд ли этот отзыв был Данилевскому не дорог. Дело, конечно, не только в воспоминаниях о тех «вечерах» у Петрашевского, на которых Данилевский делал свои блистательные доклады об учении Фурье, а Достоевский читал свои художественные произведения. К концу 60-х годов Достоевский уже прочно вошел в сознание всей читающей России как один из лучших русских писателей, а для многих и самый лучший. Написанные и опубликованные после ссылки «Записки из мертвого дома» (1860–1862), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868) подняли писательский авторитет Достоевского к 1869 году на огромную высоту.

В этом отзыве для Данилевского было, конечно, очень дорого полное созвучие его мыслей размышлениям Достоевского. Позднее Достоевский их выразил в полной мере в своем «Дневнике писателя» за 1876, 1877 и 1881 годы. Но и раньше их мысли во многом были созвучными, когда Достоевский активно заявлял о своей общественной позиции в своих журналах «Время» и «Эпоха», например в статье «Зимние заметки о летних впечатлениях» («Время», 1863. №№ 2, 3; но об этой статье подробнее – в следующей главе). В своих письмах Достоевский не раз высказывал свою солидарность с концепцией Данилевского, изложенной им в книге «Россия и Европа». Но в этом письме Достоевский выражал не только горячее одобрение содержания работы «Россия и Европа», но и буквально восторг перед ее высокой научностью, логичностью, гармонич-

ностью и стройностью сюжета, ясностью языка. Он не пишет об этом как о чем-то неожиданном. Ведь именно эти достоинства Н. Я. Данилевского он мог наблюдать еще в кружке М. В. Петрашевского, а также и читая раньше его статьи в журнале «Отечественные записки». Изумило его лишь почти полное сходство их мыслей.

Придавая огромное значение труду Данилевского для России, Достоевский был крайне озабочен его издательской судьбой. Ему кажется, что редакция журнала «Заря» понапрасну никак не выделяет его на своих страницах, подает как обычный рядовой материал. В письме А. Н. Майкову в мае 1869 г. он пишет: «По-моему, это произведение – важное в *последней степени* (выделено мной. – *Б. Б.),* но боюсь, что оно у них в журнале недостаточно выставлено» [18]. Он был встревожен, когда до него во время заграничной поездки доходят слухи, что срывается договоренность об издании «России и Европы» отдельной книгой. «Да как же это можно? Ради Бога, не забудьте об этом уведомить», – пишет он Н. Н. Страхову из Дрездена [19].

Нельзя не отметить, что в отличие от многих ординарно мысливших современников Ф. М. Достоевский оказался в оценке книги Н. Я. Данилевского таким же провидцем, как и по многим другим судьбоносным для России вопросам. Он был уверен, что «она должна иметь колоссальную будущность, хотя бы и не имела теперь» [20].

Их личные контакты, вероятно, были очень редкими. Как уже указывалось, Данилевский нечасто посещал Петербург, большую часть времени проводил или в научных экспедициях, или в своей семейной крепости на берегу Чёрного моря за написанием научных трудов. Во всяком случае, после возвращения Ф. М. Достоевского из ссылки они до 1869 года не встречались. В феврале 1868 года А. Н. Майков сообщил в письме к Ф. М. Достоевскому: «Этот Данилевский – Вы его знаете (несомненно, по кружку петрашевцев. – *Б. Б.*) – бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием “Россия и

Европа”... Представьте себе: методы естественных наук, приложенные к истории, – прелесть что такое! Это будет капитальное явление... Светлая голова, развивавшаяся в странствиях по России и окрепшая в науке. Крепкая мысль». На что Достоевский обрадованно отвечал: «Ведь да это тот Данилевский, бывший фурьерист, по нашему делу? Да, это сильная голова... О как бы я желал прочесть!» [21] Об их, может быть, первой встрече по прошествии более чем двадцати лет со времени их общих увлечений социалистическими идеями, зимой 1871–1872 гг., рассказывает в своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская. Она пишет, что в семье Достоевских был устроен обед в честь приезда из Крыма Н. Я. Данилевского, на котором, кроме главного гостя, среди приглашенных «умных и талантливых людей» присутствовали А. Н. Майков, Н. Н. Страхов и профессор кафедры славянской филологии Петербургского университета В. И. Ламанский, что «беседа их затянулась до глубокой ночи» [22].

А. Г. Достоевская вспоминает еще об одном обеде, данном Ф. М. Достоевским в честь Н. Я. Данилевского, видимо, годом или двумя позже: «Так как тот (Н. Я. Данилевский. – *Б. Б.*) скоро уезжал, то муж тут же пригласил его к себе пообедать на завтра. Услышав об этом, друзья и поклонники Данилевского сами напросились на обед. Можно представить мой ужас, когда муж перечислил будущих гостей и их оказалось около двадцати человек. Несмотря на мое маленькое хозяйство, мне удалось устроить все как надо, обед был оживленным, и гости за интересными разговорами просидели у нас далеко за полночь» [23].

Итак, мы видим, что книга Н. Я. Данилевского с ее основной концепцией нашла полное одобрение у одного из самых выдающихся русских писателей всех времен, чье творчество, по справедливому замечанию одной исследовательницы, «остается более актуальным, чем многие творения наших современников» [24].

Но не менее знаменателен также и тот факт, что эта книга и ее концепция получили полное одобрение со стороны лучшего и ведущего, самого эрудированного историка того времени (в промежутке между С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским) – со стороны Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. С 1865 г. возглавлявший кафедру русской истории в Петербургском университете (с 1890 – академик), К. Н. Бестужев-Рюмин был человеком широко и разносторонне образованным, автором трудов по русской истории, охватившим все ее периоды, был также источниковедом и историографом, в том числе прекрасно знал и зарубежную историографию. И вот этот человек, всегда очень осторожный и сдержанный в своих оценках, но вместе с тем «отличавшийся тонкой наблюдательностью, эрудицией и широтой взглядов» [25], с самого начала и до конца своего научного пути неизменно высоко отзывался о книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

В первый раз эта оценка прозвучала в его работе «Русская история» (Т. 1, СПб, 1872). Рукопись этой книги была сдана в печать, когда «Россия и Европа» еще не появилась отдельным изданием, поэтому Бестужев-Рюмин ссылается на ее журнальную публикацию. В первой части введения, посвященного раскрытию «понятия об истории», он пишет о «блистательных статьях Н. Я. Данилевского "Россия и Европа"», о его теории исторического процесса как сменяющихся культурно-исторических типах. Он считает, что теория Данилевского гораздо более похожа на правду, нежели немецкие теории деления народов на исторические (длинноголовые) и неисторические (короткоголовые), согласно которым славяне, естественно, отнесены к короткоголовым. Высокомерное отношение к другим народам было свойственно представителям всех господствующих цивилизаций, подчеркивает Бестужев-Рюмин. Например, греки делили мир на эллинов и варваров, которыми они считали все остальные народы. Принять мысль Данилевского, счи-

тает Бестужев-Рюмин, значит отказаться от этой «великой неправды» [26].

Неожиданная кончина Н. Я. Данилевского потрясла К. Н. Бестужева-Рюмина. Его некролог автору «России и Европы» прозвучал как мощный реквием, исполненный глубокой скорби, признательности великому ученому за его труды, пророческой уверенности в его будущей широкой известности. Он относит Н. Я. Данилевского к числу «глубоких мыслителей и оригинальных ученых», каких «еще мало в летописях русского просвещения». Интеллект Данилевского для него – явление из ряда вон выходящее. Он поясняет: «Умственная природа покойного принадлежит к редким и исключительным; скажем прямо – то был человек гениальный. Он умел соединить многосторонность знаний с их основательностью, умел возвести свои обширные знания к единству цельного оригинального миросозерцания» [27]. В книге «Россия и Европа» Бестужев-Рюмин видит «спокойное, серьезное, доказательное изложение этого оригинального миросозерцания», свидетельство «обширных знаний и глубоких размышлений» автора. Это книга, по его мнению, не для тех, кто привык к фельетонному, поверхностному чтиву, она требует соразмышления. И тот, кто хоть раз вчитался в нее, будет ее постоянно перечитывать. Бестужев-Рюмин уверен, что, хотя книга «Россия и Европа» и была при своем первом появлении встречена «или холодно, или враждебно», успех в будущем ей обеспечен, ибо это «одна из тех книг, значение и смысл которых уясняется временем». А изложенной в книге теории культурно-исторических типов, считает он, «суждено, вероятно, занять преобладающее место в философии истории». Будущий успех в России книги «Россия и Европа» Бестужев-Рюмин ставит в зависимость от роста в стране национального самосознания: «чем больше будет расти у нас народное самосознание, тем глубже и обширнее будет влияние Данилевского». Во всяком случае, он твердо уверен:

«Имя его и его мысли будут жить, пока живет русский народ» [28].

Автор некролога, кроме «России и Европы», приводит и ряд других примеров сочетания широты интересовавших Данилевского научных вопросов с глубокой, основательной их проработкой в его трудах. Так, по мнению Бестужева-Рюмина, Данилевский совершенно «блистательно» наметил путь угров (венгров) по России в место своего нового обитания; дал «глубокомысленный и веский ответ В. С. Соловьёву» по истории взаимоотношений православия и католицизма; написал часть обширного труда о дарвинизме, которому, судя по опубликованному, «по всей вероятности, суждено было произвести переворот в существующих биологических взглядах».

После смерти Н. Я. Данилевского К. Н. Бестужев-Рюмин как бы старался наверстать все, что он не успел сказать о нем и его учении при его жизни. Фигура Данилевского, его заслуги перед наукой становились для него все более очевидными, приобретали все более крупный масштаб. Поэтому в 1888 году в связи с выходом третьего издания «России и Европы» (второе – в виде отдельной книги) К. Н. Бестужев-Рюмин выступил в четвертом номере «Журнала Министерства народного просвещения» с рецензией на этот труд. Он приравнял в ней разработанную и обоснованную Данилевским «естественную систему» исторического процесса к открытию Коперника в астрономии. Он рекомендует Данилевского читателям как автора, который «поражает строгою логичностью своих выводов, необыкновенным глубокомыслием, широтою взглядов и многосторонностью своих познаний». А только что появившийся неоконченный труд Данилевского «Дарвинизм», по мнению Бестужева-Рюмина, служит «новым доказательством и глубины ума его, и обширности знания» [29]. Поэтому в том же 1888 г. он опубликовал большую статью «Теория культурно-исторических типов» в журнале «Русский вестник» (кн. 5), в которой подробно изложил ее, высказав убеждение, что «едва ли

можно доказать, что прогресс совершается не тем путем, который указал Данилевский». Статья эта в 1888 и в 1895 годах была включена в переиздание книги «Россия и Европа» в качестве приложения к ней.

В этой статье Бестужев-Рюмин снова подчеркивает, что непреходящая уникальная ценность книги «Россия и Европа» – в содержащейся в ней и убедительно обоснованной Н. Я. Данилевским теории культурно-исторических типов. Однако, отмечает Бестужев-Рюмин, оппоненты Данилевского, как правило, или обходят, или искажают эту теорию, приписывая автору стремление обосновать полную замкнутость и изоляционизм в политике России. В связи с этим Бестужев еще и еще раз разъясняет: «Данилевский, не отрицая возможности дальнейшего развития науки европейскими народами, а также и возможности пользоваться результатами их трудов народами нового типа, указывает как на условие неизбежности нового типа культуры на то, что для дальнейшего развития цивилизации необходима перемена направления, обретение нового предмета деятельности» [30].

Причину злобных нападок на книгу Данилевского прозападнических критиков Бестужев-Рюмин усматривает в том, что этой теорией у Европы отнимается самочинно присвоенная ею самой себе роль носительницы мировой культуры на все времена, и в том, что эта теория провозглашает возможность развития всеславянской культуры. Особую пользу книги для русского читателя Бестужев-Рюмин видит в том, что она помогает ему избавиться от своеобразного комплекса неполноценности, ибо, говорит он, «мы так привыкли к самоунижению, самобичеванию, что каждый твердый голос, защищающий русское начало, кажется нам какой-то непозволительной ересью» [31].

В 1890 г. К. Н. Бестужев-Рюмин выступил с большой рецензией на «Сборник политических и экономических статей» Н. Я. Данилевского. В ней он очень высоко оценил статьи

сборника по внешнеполитическим и экономическим вопросам, высокую степень их научности, конструктивизм критики и логичность в выводах. Статьи Данилевского, по мнению Бестужева-Рюмина, учат, что «чем национальнее внешняя политика, чем глубже национальные чувства в народе, тем страна здоровее и сильнее». Вместе с тем, статьи Данилевского, считает Бестужев-Рюмин, содействуют пониманию в русском народе его исторических задач, пробуждают в нем веру в себя. Но и в этой рецензии, в начале ее, он отдает еще раз дань уважения главному труду Данилевского – его книге «Россия и Европа». Он выражает чувства глубокого удовлетворения, что произведение это «наконец получило общественное признание» [32], вслед за быстро разошедшимся в 1888 году изданием было предпринято и следующее издание – 1889 года. Автор выражает уверенность, что, вероятно, потребуется еще одно издание. Действительно, в 1895 году книга «Россия и Европа» была переиздана еще раз.

Поддержка выдающегося русского историка, возглавлявшего кафедру русской истории в столичном университете, была очень важна для Н. Я. Данилевского и его книги. Велики заслуги К. Н. Бестужева-Рюмина в исторической науке. Огромны его заслуги и в подготовке кадров историков, и в просветительской деятельности. Нельзя забывать, что он был организатором, руководителем и лектором известных в России Высших женских курсов (знаменитых Бестужевских курсов, которые открылись в 1878 г.). Обо всем этом у нас есть научные исследования – статьи и диссертации и даже одна добротная научная монография Р. А. Киреевой. «К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в.» (М., Наука, 1990 г.). Но до сих пор не было сказано еще об одной заслуге К. Н. Бестужева-Рюмина – о его последовательной и существенной пропаганде научных трудов Н. Я. Данилевского, несмотря на хор злобных нападок на него со стороны либерально-западнических и леворадикальных критиков. Он не уставал повторять

всей читающей России: перед нами русский гений, его книга – открытие в философии истории, его особая позиция по вопросу о судьбе России – бесценный гражданский поступок, его проповедь целей и задач русского народа, всего славянского мира спасительна для России и для всего славянства.

Этот голос имел очень важное значение еще и потому, что он прозвучал в тот момент, когда началась жесткая бескомпромиссная полемика по книге Н. Я. Данилевского между двумя весьма авторитетными в 80-х годах представителями русской общественной мысли – религиозным мыслителем В. С. Соловьёвым и литературным критиком и философом-публицистом Н. Н. Страховым.

***

В год своей смерти Н. Я. Данилевский выступил с уже упоминавшейся критической статьей «Владимир Соловьёв о православии и католицизме» («Известия славянского благотворительного общества». 1885. №№ 2, 3). В. С. Соловьёв ответил немедленно в том же журнале – «Ответ Н. Я. Данилевскому» (№ 3). В отличие от статей, направленных против учения Н. Я. Данилевского и опубликованных после его смерти, «Ответ Н. Я. Данилевскому» был выдержан в спокойных и уважительных тонах. Он писал, например, что «серьезные и обстоятельные возражения столь заслуженного писателя, как Н. Я. Данилевский», решил не оставлять без ответа, хотя и относились эти возражения «к прежним моим опытам». Из содержания «Ответа» Соловьёва видно, что эта уважительность была вызвана не просто тем, что Данилевский был старше его на тридцать лет, но именно «серьезностью и обстоятельностью» возражений Данилевского. Соловьёв, отвечая, как бы пытается оправдаться против выдвинутых обвинений в большей его приверженности к католицизму, нежели к православию. В своем несогласии с позицией Данилевского по чисто богословскому

вопросу об истинности католического символа веры Соловьёв заявляет, что окончательно прояснить этот вопрос можно только «при дальнейшем ближайшем знакомстве с католичеством». А это возможно, считает Соловьёв, «только при полноте богословской свободы». И тут он делает вполне дружелюбный, примирительный жест в сторону Данилевского: «Вот где мы сошлись наконец с уважаемым Н. Я. Данилевским в общем желании». (Данилевский действительно высказывался за свободу обсуждения богословских вопросов в печати. – *Б. Б.)* И совсем смиренно добавляет: «Со всеми превосходными замечаниями его я вполне согласен и радуюсь, что он их высказал» [33].

В своей статье Н. Я. Данилевский фактически сам вызвал В. С. Соловьёва еще и на спор о своей теории локальных цивилизаций, раскритиковав точку зрения Соловьёва на исторический процесс – как слишком огрубленную схему противостояния Востока и Запада, указав, что в истории было гораздо больше культурно-исторических типов. Поэтому Соловьёв высказался и по этому вопросу, но вполне деликатно, совсем не так агрессивно, как он это делал в своих последующих статьях. Он писал в своем «Ответе»: «Я вполне признаю существование культурно-исторических типов, указанных г. Данилевским, но их типические различия не закрывают для меня еще более важной противоположности между историческим Востоком и Западом, а также не мешают мне признавать последовательное преемство всемирной истории, которое гораздо сложнее простого хронологического порядка» [34]. Выходило, что, признавая теорию Данилевского, Соловьёв в противостоянии Востока и Запада видел более обобщенную типизацию культур, включение всех культурно-исторических типов Данилевского в два более крупных типа – Восточный и Западный.

Однако всего через три года в статье, названной, как и книга Данилевского, – «Россия и Европа», опубликованной в жур-

нале «Вестник Европы», В. С. Соловьёв со всей силой слова обрушился на концепцию Н. Я. Данилевского. Что же изменилось? Неужели он сделал это потому, что теперь, когда Н. Я. Данилевского уже не было на свете, с ним легче было полемизировать? Это обстоятельство, во всяком случае, было не в пользу В. С. Соловьёва, и некоторые его оппоненты впоследствии обращали на него внимание.

Но главное все-таки, что подталкивало В. С. Соловьёва к полемике с Н. Я. Данилевским и его книгой и делало полемику, по существу, неминуемой, было то, что у него к этому времени сформировалась своя доктрина будущего России, ее мессианской роли в мире, которая в корне противоречила теории Данилевского. Вернее, теория Данилевского, в случае ее достоверности, делала невозможной, несбыточной ту роль, которая была уготована России В. С. Соловьёвым.

Уже в «Ответе Н. Я. Данилевскому» Соловьёв объявил читателям, что готовит к печати «обширное сочинение по церковному вопросу», но что, помимо его воли, появление этого труда может быть «замедлено». Речь шла о цензурных препятствиях к изданию в России его очередного, для него чрезвычайно важного в концептуальном отношении труда «История и будущность теократии». Первый том его из-за цензурных препятствий Соловьёву пришлось издать в Загребе, в 1887 году, хотя небольшое вступление к этой работе – «Первоначальные судьбы теократии» ему удалось выпустить в 1885 году в издательстве Московского университета.

Нельзя забывать, что к этому времени В. С. Соловьёв был уже широко известен как автор ряда фундаментальных богословско-философских работ, как, безусловно, выдающийся русский религиозный мыслитель и талантливый поэт (первое издание его стихотворений вышло в 1891 г., второе – в 1895 г.). Вообще, его быстрое шествие по ступеням образования и науки было необычным и скорее давало основание говорить о нем как о вундеркинде. «Семи лет отроду, – пишет один из би-

графов, – маленький Владимир Соловьёв прочел жития святых, – и не только прочел, но принялся и сам их “переживать” по мере своего все растущего понимания. Он стал испытывать и закалять свою волю во славу Божию» [35]. А восьми лет имел уже серьезные познания в истории и географии, которыми особенно увлекался.

Фактически за три года он успешно освоил курс историко-филологического факультета Московского университета, но по завершении учебы, 21 года отроду, представил магистерскую диссертацию из области философии – «Кризис западной философии. Против позитивистов». За основу была взята работа «Философия бессознательного» Э. Гартмана [36].

Защита проходила в 1874 г. в Петербургском университете по моральным соображениям – ректором Московского был в это время его отец, знаменитый русский историк С. М. Соловьёв. Содержание диссертации, диспут по ней вызвали большой интерес ученых и в основном положительные отклики в печати. Для многих собравшихся послушать юного ученого преподавателей и студентов, воспитанных на модных в 60-е годы идеях материализма и атеизма, завораживающе неожиданными прозвучали вдохновенные мысли диссертанта о том, что отрицательное отношение к религиозной вере характерно лишь для первоначального этапа человеческого разума, что в ходе своего развития он приходит к признанию истинности религии и что задача философии – достижение высшего синтеза философского познания и религиозной веры. Вернувшись с защиты, К. Н. Бестужев-Рюмин, к тому времени уже возглавлявший кафедру русской истории Петербургского университета, в одном из частных писем сообщил в Москву: «Россию можно поздравить с гениальным человеком» [37].

То, что В. С. Соловьёв успел сделать за последующие десять лет, вполне подтверждало эту высокую оценку личности диссертанта. В 1877 г. он опубликовал большую работу «Философские основы цельного знания». В этом же году В. С. Со-

ловьёв начал печатать в журнале «Русский вестник» свой новый философский труд «Критика отвлеченных начал». Завершив публикацию этого труда в 1880 г., 25-летний В. С. Соловьёв тогда же защитил его в качестве докторской диссертации. В ней западная философия также была подвергнута критике, на этот раз главным образом за односторонность каждой из философских школ. Все отдельно взятые западные философские начала, часто противостоящие друг другу, преподнося каждое свое одностороннее учение как самодовлеющую, безусловную и полную истину, в конце концов в своей сумме являют собой ложь. Чтобы избежать этого, Соловьёв предлагает свою систему истинного знания, представляющую собой синтез теологии, рациональной философии и положительной науки. В этом труде были заложены основы теории Соловьёва о целостном понимании мира, его учения «положительного всеединства».

Начав до защиты докторской диссертации читать свои лекции о Богочеловечестве, В. С. Соловьёв одновременно публиковал их в журнале «Православное обозрение» в течение 1878–1881 гг. Затем «Чтение о Богочеловечестве» было издано отдельной книгой (1881). Впервые перед студенческой аудиторией лектор стал говорить о вопросах веры, о богословских проблемах на высоком философском уровне и, вместе с тем, увлекательно, ясным, сочным, выразительным русским языком. А. Ф. Кони считает, что это было целым событием в жизни русского общества, а со стороны В. С. Соловьёва – духовным подвигом. Он вспоминал: «Бестрепетно и чуждый малодушного искания популярности пришел он к восприимчивой, державшейся противоположных взглядов, горячей в своих симпатиях и антипатиях и в значительной степени враждебно настроенной молодой толпе и пред нею, открыто и твердо, без уступок и оговорок, изложил свое исповедание веры, – да не только изложил, а настойчиво стал призывать к нему!» [38]. Он объяснял, что смысл существования человека – внутреннее и свободное объединение земной силы и Божественно-

го действия, что соединение человека с Богом создает Богочеловека, т. е. Христа. Лекции его приумножали духовные силы в слушателях, убеждали их, что в своем обращении и движении к Богу они не просто очищают себя, но приготовляют к активной, благодатной земной деятельности. Критикуя в своих первых философских работах позитивизм, распространившийся в России вместе с учением Огюста Конта, за его узость и приземленность, Соловьёв провозгласил: «Творят жизнь люди веры; люди факта живут чужой жизнью, они не творят жизнь». Принципы высокой нравственности, пути движения человечества к Богочеловечеству были обоснованы и развиты им и в работе «Духовные основы жизни» (1884).

Немалую долю популярности добавил В. С. Соловьёву и его довольно мужественный гражданский поступок – обращение к Александру III во время публичной лекции с просьбой отменить смертную казнь первомартовцам. Вынужденный после этого прекратить преподавательскую деятельность, В. С. Соловьёв получил в глазах общественности статус гонимого. Ореол страдальца за проявленную публично гуманность по отношению к приговоренным к смерти усилил симпатии к Соловьёву среди либеральной части общественности.

В эти годы В. С. Соловьёв почти единодушно определяется всеми исследователями его творчества как человек, тяготеющий по своим взглядам к славянофильскому крылу русской общественно-политической мысли. Действительно, в речи «Три силы», произнесенной в 1877 году в Московском «Обществе любителей российской словесности», как отмечают исследователи, славянофильский мировоззренческий крен Соловьёва проявился достаточно выпукло. (Хотя славянофилом в полном смысле слова В. С. Соловьёв никогда не был, так же как, впрочем, и полноценным, стопроцентным западником, как увидим дальше.) В этой речи, опубликованной затем в виде статьи, Соловьёв проводит вполне славянофильскую мысль о России как третьей силе, по сравнению с двумя другими – Вос-

током и Западом, более перспективной и даже спасительной в человеческом сообществе. По мнению В. С. Соловьёва, Восток совершенно уничтожает человека в Боге, он утверждает «бесчеловечного Бога» и «характерное отличие восточной культуры составляет безличное единство, поглотившее всякое разнообразие». Напротив, Запад, считает Соловьёв, страдает другой крайностью – он «стремится к исключительному утверждению безбожного человека» и особенность его культуры «есть индивидуализм, грозящий упразднить всякие общественные связи» [39]. Если бы в мире существовали только эти две силы, то человечество постоянно страдало бы от их непрерывного конфликтного противостояния. Но, слава Богу, над этими двумя силами возвышается третья, которая примиряет эти два начала, создает «целость общечеловеческого организма и дает ему внутреннюю тихую жизнь». В роли этой примирительницы, посредницы между Западом и Востоком, олицетворенным их синтезом и предназначено исторической судьбой быть России. Соловьёв прямо утверждает: «Между тем две первые силы совершили круг своего проявления и привели народы, им подвластные, к духовной смерти и разложению. Итак, повторяю, или это есть конец истории, или неизбежное обнаружение третьей всецелой силы, единственным носителем которой может быть только славянство и народ русский» [40]. Как бы упреждая доводы тех, кто мог бы указать, что западные страны побогаче и подемократичнее России, Соловьёв подчеркивает, что мессианская роль России определяется ее силой, которая «не от мира сего», она не измеряется ни степенью богатства, ни особенностями государственного порядка.

Его славянофильские пристрастия в этот период определяются и его сотрудничеством в славянофильских органах печати – в «Известиях Санкт-Петербургского благотворительного общества», в аксаковской «Руси», в его близких, дружеских отношениях с Н. Н. Страховым, И. С. Аксаковым, К. Н. Леонтьевым, хотя последнего тоже лишь отчасти можно считать сла-

вянофилом. Сказались славянофильские симпатии Соловьёва в этот период и в его патриотическом порыве с началом русско-турецкой войны за освобождение славян.

Однако с 80-х годов начинается постепенный отход от славянофильского крена. Поначалу этот отход не был хорошо заметен. Во всяком случае, И. С. Аксаков не без колебаний, но взялся за публикацию в своей газете «Русь» цикла статей Соловьёва «Великий спор и христианская истина», в первых главах которых никакого существенного поворота во взглядах автора не отмечалось. Тем более что опубликованная докторская диссертация Соловьёва «Критика отвлеченных начал», посвященная исключительно философским и религиозно-нравственным проблемам, покорила сердца многих читателей своей глубокой разработкой этих проблем и яркой, талантливой формой изложения. А. Ф. Аксакова – жена И. С. Аксакова и дочь Ф. И. Тютчева, человек высокообразованный – даже написала Соловьёву благодарственное письмо за его «непротивные разуму» разъяснения «Ветхого Завета», который вызывал в ней раньше мучительные сомнения.

В первой статье «Великого спора», посвященной в основном польскому вопросу, автор поставил более широкую проблему – о необходимости руководствоваться христианскими принципами в политике. По его мнению, осуществление подлинно христианской политики всеми государствами разрешит «великий спор Востока и Запада». Более того, по его убеждению, «христианская политика должна подготовлять пришествие Царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей – народов, племен и государств» [41]. Однако, считает Соловьёв, многие государства руководствуются в своей политике дурно понятым патриотизмом, национализмом. В пример он приводит «людоедскую» внешнюю политику Англии и Германии. Во имя своих корыстных интересов, отмечает автор, «богатые и властительные англичане морят голодом ирландцев, давят индусов, насмерть отравляют

опиумом китайцев, грабят Египет». «Самодовольно» высасывая кровь из «низших рас» ради своей выгоды, англичане к тому же уверяют, что приобщают их «к высшей цивилизации», осуществляют якобы тем самым свое историческое культуртрегерское призвание. Немцы же объясняют свою «людоедскую политику» необходимостью онемечивания подвластных им народов, поскольку считают себя высшей расой. Так они «поглотили вендов, прусов и собираются поглотить поляков». Поэтому если англичане просто «грабят и давят народы», то немцы уничтожают в них их «внутреннюю сущность», «самую народность». Автор отмечает, что «народом народов» считают себя также и евреи, французы, греки, итальянцы и т.д. По его мнению, именно дурно понимаемый патриотизм, национализм, подтолкнул иудеев к расправе над Христом.

Исходя из того, что только христианская политика способна искоренить «людоедские отношения» между народами, Соловьёв подходит и к решению польского вопроса. По его мнению, напрасны усилия решать этот вопрос на основе «племенного родства», ибо главное, что разделяет нас с поляками, – религия, а «дух – сильнее крови». Россия, кроме участия в трех разделах Польши и подавления в ней вооруженных восстаний, сделала для Польши, считает Соловьёв, немало добра: в 1814 г. сохранила ее от «неизбежного онемечения», не отдав всю Польшу Пруссии; в 1864 г. «эмансипацией крестьян освободила Польшу от того ожесточенного антагонизма между панством и холопами, который в корне подрывал жизненные силы Польши».

И, тем не менее, несмотря на эти добрые дела, попытки сблизиться с поляками не могут увенчаться успехом не только на «племенной», но и на социальной и государственной почве. Ибо в социальном отношении поляки все еще настолько разделены, что, протягивая руку холопам, мы задеваем панов, а протягивая руку панам, вынуждены опять усугублять угнетенное положение холопов. А на государственной почве с поляками

сойтись невозможно потому, что они страдают «несообразными притязаниями» на русские земли, на восстановление Польши сначала 1772 года, затем 1667 года с присоединением Киева «польского», Смоленска «польского», Тамбова и т.д. Все эти «галлюцинации» автор относит к «патологическим явлениям».

Решение польского вопроса автор видит только в одном – в примирении Церквей: православной и католической. Заметим, что речь здесь пока идет не о соединении Церквей, а именно о примирении, что никогда не противоречило славянофильской доктрине. И потому такая идея не могла быть отвергнута аксаковской «Русью». К тому же В. С. Соловьёв опять заговорил здесь о мессианской роли России как третьем Риме. Именно Россия, по его мнению, как «христианская и православная страна, не принимавшая участие в начале братоубийственного спора (между восточным и западным христианством. – *Б. Б.*), первая должна его покончить» [42].

Постепенно тема *примирения* Церквей в цикле статей Соловьёва «Великий спор и христианская политика», однако, стала перерастать в тему «химического» [43] *соединения* Церквей со все большими обвинениями в расколе именно православия. Стали отчетливо звучать чуждые для аксаковской «Руси» ноты возвеличения католицизма, попытки доказать его примат в христианской религии. Это и вызвало уже упоминавшееся выступление Н. Я. Данилевского со статьей «Владимир Соловьёв о православии и католицизме» и «Ответ Н. Я. Данилевскому» В. С. Соловьёва. Но это привело также к почти полному разрыву редакции «Руси» с Соловьёвым.

Данилевский сразу заметил своим зорким взглядом аналитика, что Соловьёв не просто заблуждается и искажает историю взаимоотношений православия и католицизма, но воздвигает, сооружает ошибочную концепцию всемирной истории, опасную для России.

Публиковать последнюю, заключительную статью цикла «Великий спор и христианская политика», посвященную идее

соединения Церквей, И. С. Аксаков решительно воспротивился и предложил Соловьёву ее переделать. Однако Соловьёв твердо стоял на своем. «Будь я проклят, как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слово осуждения на святыню Рима», – заявил он в письме Аксакову в марте 1883 г. [44]. В конце концов редакция опубликовала заключительную статью Соловьёва со значительными сокращениями, что вызвало его протестующее письмо. На этом сотрудничество В. С. Соловьёва в «Руси» прекратилось.

Вынашиваемые им идеи вселенской теократии он решил выразить без оглядки на цензуру в новых трудах, которые предпочел издать за границей. Так появились три его работы, посвященные новой теории: «История и будущность теократии» (Т. 1. Загреб, 1887), «Россия и вселенская Церковь» и «Русская идея» (обе на французском языке, Париж, 1888 г.).

Теократия для Соловьёва – это «Царствие Божие» на земле. Достигнуть его можно только через Церковь. На заре христианства Церковь была единой. Бог создал единую Церковь для борьбы с «врагами адовыми», но Церковь разделилась, и зло распространяется в мире с удвоенной силой. Церковь только там, подчеркивает Соловьёв, «где люди, соединенные взаимною братскою любовью и свободным единомыслием, становятся достойным вместилищем единой благодати Божией, которая и есть истинная сущность и жизненное начало Церкви, образующее ее в единый духовный организм» [45].

Соловьёв отвергает мнение славянофилов (главным образом А. С. Хомякова), что православие является единственно истинным христианским вероисповеданием, что весь западный мир находится вне настоящего христианства. Он находит изменения в символе веры у отколовшегося от православия католицизма несущественными и напоминает, что эти изменения не были осуждены православными соборами как ересь. При этом явно обходит молчанием наиболее возмущавший православных иерархов догмат первого Ватиканского собора

(1869–1870) о непогрешимости папы Римского. Соловьёв осуждает не только разделение христианской Церкви на восточную (православную) и западную (католическую), но и всякое церковное обособление по национальному принципу. Где нет единого духовного центра, Церкви становятся автокефальными, в них начинает господствовать антихристианский абсолютизм, распространяется атеизм. В пример Соловьёв приводит Грецию, Болгарию, Румынию, Сербию.

Идеальной Соловьёв считает организацию католической Церкви с ее наднациональной властью Римского первосвященника. Поэтому он выдвигает перед русскими православными людьми совершенно конкретную задачу: *«Прежде всего мы должны осознать себя тем, что мы есть на самом деле, а именно: органической частью великого христианского тела, – и признать нашу тесную солидарность с братьями на Западе, обладающими центральным органом, недостающим нам»*. И поясняет: *«Этот моральный акт, акт справедливости и любви, был бы уже сам по себе огромным шагом вперед для нас и необходимым условием всякого дальнейшего прогресса»* [46]. Насколько важна была эта мысль для Соловьёва, свидетельствует тот факт, что слова, ее выражавшие, в тексте книги «Россия и вселенская Церковь» были выделены автором.

Во всяком случае, к этой мысли Соловьёв возвращается не раз. В этой же книге он подчеркивает: «Все, что мы решаемся утверждать, это – что папство есть *единственная международная и независимая* власть, единственная действительная и пребывающая основа для *вселенского* действия Церкви. Это – факт неоспоримый, и его достаточно, чтобы заставить признать в папе единого хранителя преимущества и власти, данных Христом Петру (апостолу. – *Б. Б.)*». И в подтверждение «легитимности» папского престола добавляет: «Перенесение в Рим верховной церковной власти, установленной Христом в лице апостола Петра, есть очевидный факт, подтверждаемый церковным преданием и оправдываемый логикой вещей» [47].

Власть в Церкви, основанной Христом, напоминает Соловьёв, являлась единодержавной. Христос основал ее на монархической власти Петра: «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою», – цитировал Соловьёв Евангелие в подтверждение своих слов [48]. Он считал, что на коллективном мнении не может строиться управление Церковью, ибо это отдаст его во власть случайных страстей. Такое управление Церковью не будет соответствовать Божественному величию.

Иисус Христос в своем богочеловеческом служении, по Соловьёву, выступал в трех ипостасях: как первый священник, как царь и как пророк. В теократии, считал Соловьёв, все эти три вида деяния должны быть продолжены для достижения Царства Божьего на земле. Священническая роль должна осуществляться, по мнению Соловьёва, христианской Церковью под руководительством Римского первосвященника. Царская власть во вселенской теократии должна была бы принадлежать русскому царю. Как сын Церкви, царь духовно должен быть подчинен папе Римскому. Этот щекотливый момент в своей теократической конструкции Соловьёв пытался устранить тем, что сосуществование двух властей должно было регулироваться христианской моралью, проведением царем исключительно христианской политики. В представлении Соловьёва, цари должны были бы нравственно восходить до религиозного союза с Римским первосвященником. Пророческую функцию в обществе Соловьёв отводил пророкам, которые всегда во все времена существовали в любом обществе.

Свою конструкцию Соловьёв недаром называл также свободной теократией, ибо в ней свободными, а не юридически регламентированными предполагались отношения между первосвященником и царем, предполагалось свободное, сыновнее подчинение Церкви, свободным было пророчество. Триединство социальных функций было призвано олицетворять власть Христа через посредников – Святую Троицу в действии. Государству в традиционном смысле с его методами насильствен-

ного принуждения не было места в теократии Соловьёва, все должно было регулироваться по такому принципу: тому больше, кто менее эгоистичен. Всеобщая взаимная любовь должна была положить конец классовой борьбе и «истребительной» конкуренции и постепенно преобразить человечество в Тело Христово.

Вместо национальных квартир Соловьёв предлагал единое, всемирное христианское отечество. И во имя этой, единственно оправданной, по его мнению, цели он предлагал России самопожертвование. Собственно, в этой миссии России – послужить соединению Церквей, взять на себя главную роль в создании христианского отечества он и видел «русскую идею», о чем и написал в одноименной своей работе. Эту мысль он проводит достаточно откровенно и настойчиво. Как бы подбадривая читателей на этот шаг, он напоминает им, что русское государство, собственно говоря, даже возникло благодаря национальному самоотречению, «в дни, когда наши предки... по своей доброй воле и по зрелым размышлениям призвали к власти скандинавских князей, сказав им достопамятные слова: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами"» [49]. Он старается убедить читателя, что жертва, собственно, и не так велика в данном случае, «что единственное, чем мы должны пожертвовать истины ради, это – лжецерковным учреждением... основанным на раболепстве и материальном интересе и действующим путем обмана и насилия» [50]. В этой критической эскападе было немало правды относительно синодального управления русской православной Церковью. Но Соловьёв как бы не замечал или не хотел замечать, что такие пороки в более крупных масштабах водились и за католической Церковью.

Понимая, что его проповедь «национального самопожертвования», призыв «принести в жертву истинному Богу наш национальный эгоизм» могут встретить не только непонимание, но и отпор, Соловьёв угрожающе предупреждал: «Но не жела-

ющие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине не могут и не должны называться христианами» [51].

Несмотря на эти предостережения, теократическая «русская идея» Соловьёва была встречена почти единодушным осуждением не только среди православных священнослужителей, но и во всех кругах русского общества. В отличие от более ранних работ, таких как «Критика отвлеченных начал», «Чтения о богочеловечестве», «Духовные основы жизни» или более поздний фундаментальный труд «Оправдание добра», работы, выражавшие теократическую идею, подвергались резкой массированной критике в периодической печати. Сам Соловьёв жаловался в письме отцу-иезуиту П. Пирлингу 26 февраля 1887 года: «Всех статей (значительных по содержанию и по объему), изданных против меня по вопросу о соединении Церквей, известно мне 27, не считая мелких заметок и пасквилей, продолжающих являться и до сего дня» [52]. И это еще до выхода его указанных выше парижских работ по данной проблематике.

Не только оппоненты В. С. Соловьёва, но и его доброжелатели, его последователи, исследователи, высоко ценившие его философско-богословское наследие, единодушно называли его теократическую идею крайне противоречивой, несостоятельной и утопической. Основательной критике идею теократии Соловьёва подверг Е. Н. Трубецкой в своем фундаментальном двухтомном труде «Миросозерцание Вл. С. Соловьёва» (М., 1913), в котором он в целом высоко оценил духовное наследие философа, особенно «бессмертную душу» этого наследия – учение о богочеловечестве. Что касается учения Соловьёва о теократии, то Трубецкой отмечает его крайнюю противоречивость и утопичность. Одну из коренных ошибок Соловьёва Трубецкой видит, с одной стороны, «в противоречивой попытке включить государство как составную часть в Царствие Божие», «изобразить теократическое государство как со-

циальное Тело Христово». Это Трубецкой называет мистификацией естественного порядка. С другой стороны, столь же неправомерной представляется Трубецкому «попытка втиснуть Царствие Божие, хотя бы здесь на земле, в рамки церковно-государственной организации и найти земное осуществление мистического Триединства в объединении трех теократических властей». Это Трубецкой назвал «недозволительной рационализацией» мистического начала [53]. Вообще, идея строительства Царства Божия на земле была подвергнута критике Е. Н. Трубецким и многими другими именно как утопическая. Похвалив Соловьёва за то, что он правильно определил достижение полноты и целостности истинной жизни в Боге как окончательную цель для человека и человечества, Трубецкой вместе с тем увидел ошибку его в том, «что он поверил в возможность достижения этого высшего предела всякого существования в рамках здешнего, земного». Трубецкой поясняет: «В полноте своей идеал цельности жизни не может быть осуществлен не только в пределах государства, но и в пределах всего вообще греховного, несовершенного, а потому самому – *становящегося* мира» [54].

Трубецкой убедительно показал наивность надежд Соловьёва увидеть в теократии идеальных святителей, идеальных царей и идеальные народы, которые «добровольно и по совести» будут исполнять свои обязанности, нисколько не заботясь о своих правах. Подданные теократического государства, в котором исповедание христианской веры будет связано с мирскими выгодами, немедленно все, иронизирует Трубецкой, даже политические мошенники, объявят себя правоверными католиками и ревностными теократами. Трубецкой недоумевает, как может существовать государство, не защищая себя от внешних и внутренних врагов «вещественным оружием». Но теократия Соловьёва не предполагает содержания не только воинов, но даже судей и администраторов, не руководствующихся христианскими заповедями: «не убий; не судите, да не

судимы будете» и т.д. Трубецкой справедливо отмечает, что тем самым отрицается само существование государства.

Заложенное в учении Соловьёва о теократии отрицательное отношение к существующим формам государства Трубецкой осуждает. Он напоминает, что Христос в Евангелии проявлял более чем терпимое отношение к разного рода исполнителям государственных обязанностей, в том числе и к воинам; что «Евангелие ценит государство не как возможную часть Царствия Божия, а как ступень, долженствующую вести к нему в историческом процессе». Поэтому, считает Трубецкой, надо благословлять ту силу, которая до времени мешает миру превратиться в ад. «Тот ложный максимализм, – поясняет Трубецкой, – который с мнимо-религиозной точки зрения отвергает низшие и посредствующие ступени во имя вершины, во имя христианского идеала, отрицает христианский путь: это – *максимализм не христианский, а беспутный*» (выделено Е. Н. Трубецким) [55].

Некоторые из критиков теократической концепции обращали внимание на то, что Соловьёв как бы не видит на земном шаре никого, кроме христиан; вопрос о месте при теократии миллионов сторонников таких фундаментальных религий, как буддизм, иудаизм, ислам, не был им поставлен. Лишь из других работ В. С. Соловьёва можно было заключать, что он, очевидно, считал само собой разумеющейся христианизацию всего мира. Констатируя, что иудейство заняло «господствующее положение в наиболее передовых странах», что они «господа в современной Европе», что в Англии, «да и в других странах финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)» [56], Соловьёв в своих работах неоднократно цитирует слова Христа, что и «Израиль спасется», т. е. в конце концов примет христианство. Правда, для этого он призывал читателей относиться к евреями по-христиански, несмотря на то, что они относятся к христианам по-иудейски. В книге «История и будущность теократии» Со-

ловьёв напомнил, что в первоначальной ветхозаветный теократии, кроме главного ствола, возросшего от Авраама, имелась и побочная ветвь – от Агари и Исмаила, что ислам, таким образом, получил обетование Господне. В духе веротерпимости была выполнена им и работа «Магомет. Его жизнь и религиозное учение» (1896). Но в тщательно разработанной им схеме «свободной теократии» место ислама не прояснено. И совсем не поставлен вопрос о будущем буддизма, хотя уже и тогда его исповедовала значительная часть населения планеты.

Неудивительно, что пропаганда Соловьёвым идеи теократии не нашла отклика в русском обществе, ибо, как писал А. Ф. Лосев: «Такая философия истории и такая вера в теократический прогресс истории решительно никого не устраивали. И, можно сказать, из всех соловьёвских учений не было такого учения, которое бы так далеко отстояло от тогдашней русской общественности. Эту соловьёвскую теократию все считали каким-то курьезом» [57].

Еще менее удивительно, что пропаганда этой теории встретила запреты со стороны духовной и светской цензуры, поддержанные самим царем. На жалобе, поданной Соловьевым Александру III 14 ноября 1890 г. по поводу цензурных запретов на распространение его последних сочинений, несмотря на содержащиеся в ней комплименты в адрес самодержавия, царь решительно начертал: «Сочинения его возмутительны и для русских унизительны и обидны» [58].

И впоследствии, спустя многие годы, даже те, кто боготворил В. С. Соловьёва, высоко ценил его духовное наследие или отмечал в этом наследии немало выдающегося, считали его «свободную теократию» явной неудачей. Н.А. Бердяев, например, писал в 1925 году: «Соловьёвская вселенская теократия есть чистейшая утопия, которая в последний период его жизни потерпела крушение в его сознании» [59]. В работе, написанной также в эмиграции, В. В. Зеньковский, высоко ценивший В. С. Соловьёва как философа, тем не менее, отмечал: «Католи-

ческие симпатии Соловьёва, его утопические планы совершенно изолировали его от русского общества, и доныне нет никого, кого вдохновили бы эти мечты Соловьёва» [60].

И вот исповедание этой теории, которой, как с сожалением отмечал Е. Н. Трубецкой, Соловьёв посвятил лучшие годы своей жизни, и послужило причиной его жесткой, весьма агрессивной критики теории Данилевского, последовавшей после его смерти. Ибо теократия Соловьёва по всем пунктам была антиподом теории культурно-исторических типов Данилевского. Имеется много свидетельств, что именно в теории Данилевского Соловьёв увидел основное идейное препятствие для пропаганды своей «свободной теократии». Даже племянник В. С. Соловьёва – С. М. Соловьёв в своей апологетической книге «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва» вынужден был признать: «Но, конечно, главной причиной его борьбы с “кораном” славянофильства (так В. С. Соловьёв называл книгу Н. Я. Данилевского “Россия и Европа”. – *Б. Б.)* было то, что при подобном понимании истории соединение Церквей является невозможным в самом принципе» [61]. Но, собственно, и сам В. С. Соловьёв не скрывал, что именно этим мотивом он руководствовался в своем публицистическом походе против книги Данилевского. В письме к Н. Н. Страхову от 10 ноября 1887 г., поясняя свое намерение выступить с критической статьей о книге Данилевского, он откровенно заявил, что Данилевский «соорудил некоторое неуклюжее здание, которое стоит на моей дороге», что разбор книги давал ему возможность продолжить «проповедь Вселенской Церкви и примирения с папством», которую ему мешает вести цензура [62].

Статья В. С. Соловьёва с резкими нападками на Данилевского под названием «Россия и Европа», опубликованная им во втором и четвертом номерах журнала «Вестник Европы» за 1888 г., послужила началом полного разрыва многолетних теплых, дружеских отношений с ним Страхова. И не только потому, что автор ее развивал в ней с прежней настойчивостью

идеи, уже осужденные Н. Я. Данилевским, не только потому, что оскорблял память этого еще более духовно близкого Страхову человека, но и потому, что совершенно неожиданно круто повернул в сторону ненавистного Страхову оголтелого западничества и его флагмана – журнала «Вестник Европы». На самом деле в полном смысле западником Соловьёв с его неизменно религиозно-монархическими убеждениями никак стать не мог. Но западникам, и в частности редакции «Вестника Европы», явно ко двору пришлась яростная публицистическая атака В. С. Соловьёва против «русского национализма», к которому она причисляла Н. Я. Данилевского.

Намерение Соловьёва написать критический разбор книги Данилевского, ставшей ему вдруг поперек дороги, не могло не покоробить Страхова, потому что за год до этого на опубликованную им статью «О книге Н. Я. Данилевского» в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» никаких возражений Соловьёв не высказывал. В своей статье Страхов дал очень высокую оценку книге. Он объяснил, что хотя и можно назвать ее «катехизисом или кодексом славянофильства», но этим далеко не исчерпывается значение книги. Более того, Страхов счел нужным подчеркнуть, что это не главное в книге Данилевского, что основная ценность ее – в новой теории всеобщей истории, а вопрос о славянстве и взаимоотношениях между Россией и Европой – всего лишь частный случай, поясняющий эту новую общую теорию исторического процесса. Открытие и обоснование Данилевским культурно-исторических типов он охарактеризовал как переворот в науке, внесение в историческую науку естественной системы вместо искусственной, господствовавшей в ней долгое время.

Страхов обратил внимание читателей на абсолютную оригинальность теории Данилевского, на ее поразительную «простоту и трезвость», на отсутствие в ней стремления обосновать национальное превосходство славян. Последнее, по мнению Страхова, выгодно отличает ее от подобных историософских

построений в странах Европы, «насильственной и властолюбивой не только на практике, но и в своих умственных построениях». Он поясняет, что в теории Данилевского «славяне не предназначены обновить мир, найти для всего человечества решение исторической задачи; они суть только особый культурно-исторической тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов». В этом, а также в явном отсутствии следов влияния на Данилевского немецкой философии увидел Страхов отличие его теории от славянофильских взглядов.

О том, что своей теорией Данилевский подчеркивает самоценность каждой национальной культуры, по мнению Страхова, убедительно свидетельствует характеристика в книге «Россия и Европа» китайского культурно-исторического типа. Для западного историка, говорит Страхов, Китай «есть нечто неправильное и пустое, какая-то ненужная бессмыслица», поэтому в учебниках по истории «о Китае и не говорят, его выкидывают за пределы истории». А согласно теории Данилевского, «Китай есть столь же законное и почтительное явление, как греко-римский мир или гордая Европа».

Попытки поставить под сомнение новаторство теории Данилевского Страхов решительно отвергает. Он допускает, что предшественники у Данилевского были, что в исторической мысли имелись зачатки его теории. Но это наблюдается перед гениальным прорывом в любом виде творчества – научном или художественном. И у А. С. Пушкина были свои предшественники – В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, И. И. Козлов и др. Но только Пушкину, напоминает Страхов, принадлежит заслуга создания русской поэзии и основания русской литературы. Чтобы усилить эту свою мысль, Страхов приводит еще такое сравнение: «Иной скептик готов будет, пожалуй, сказать, что и великолепный дом, который он видит в первый раз, не представляет ничего нового, так как он уже давно видел кучу кирпичей, из которых этот дом построен» [63].

В. С. Соловьёв в статье «Россия и Европа», выполняя сверхзадачу отстаивания своей теократической теории, почти по всем пунктам статьи Страхова высказывает противоположную точку зрения. Надо сразу отметить, что в этой статье, в отличие от последующих, Соловьёв в какой-то мере еще продолжает воздавать должное Н. Я. Данилевскому. Он пишет, в частности, что, обладая «крупным умственным дарованием и безукоризненным нравственным характером, автор «России и Европы» примыкает к лучшим представителям славянофильства и целою бездною отделяется от торжествующего ныне площадного патриотизма и национализма» [64].

Соловьёв, однако, отвергает теорию культурно-исторических типов прежде всего на том основания, что она противоречит универсальной сверхнародной христианской идее единого человечества. По его мнению, начиная с древнего Рима идет процесс нарастающей универсализации культуры, становление культуры сначала всеевропейской, а затем и общечеловеческой. «Если внешнее единство Римской империи с ее военными дорогами, – пишет он, – материально обеспечило и ускорило всесветное распространение евангельской проповеди, как это замечали еще древние христианские писатели, то гуманитарные начала римских юристов и религиозных философов подготовили умственную почву для восприятия самой нравственной идеи христианства, и по существу своему общечеловеческой и сверхнародной» [65].

Таким образом, и возникновение единой культуры, и ее распространение, универсализация всех культур – все это связано у Соловьёва с христианством. Единая сверхнациональная культура у него по существу – христианская. Поэтому он ставит в вину Данилевскому то, что у него в книге «нельзя найти ни одного намека» на то, как примирить универсальную христианскую истину с автономностью культурно-исторических типов. Фактически он ставит под сомнение существование

культур вне христианской идеи, как в прошлом, так и в настоящем.

Данилевский доказывал весомость и значительность древних культур, приводил в пример китайский культурно-исторический тип. Он отмечает в древнем Китае высокий уровень промышленности и торговли, земледелия и садоводства, недосягаемое для европейцев качество окрашивания тканей, производства шелка, фарфора. Продолжая перечень завоеваний древней китайской цивилизации, Данилевский писал: «Порох, книгопечатание, компас, писчая бумага давно уже известны китайцам и, вероятно, даже от них занесены в Европу. Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию, весьма, правда, несовершенную в космологическом отношении, но представляющую здравую, возвышенную для языческого народа систему этики. Когда на древних греков кометы наводили суеверный страх, китайские астрономы, говорит Гумбольдт, наблюдали уже научным образом эти небесные тела. Науки и знания нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае. Неужели же эта высокая степень гражданского, промышленного и в некотором отношении даже научного развития, которое во многом оставляет далеко за собою цивилизацию древних греков и римлян, в ином даже и теперь может служить образцом для европейцев, – вышла во всеоружии из головы первого китайца, как Минерва из головы Юпитера, а все остальные четыре или пять тысяч лет своего существования этот народ пережевывал старое и не подвигался вперед?» (С. 61).

Через призму единой всеевропейской универсальной, связанной с христианской идеей, культуры Соловьёв не желает видеть и не видит никакой особый китайский культурно-исторический тип. Он пишет в своей статье: «Огромная Китайская империя, несмотря на все сочувствие к ней Данилевского, не одарила и, наверное, не одарит мир никакою высокою идеей и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесет никако-

го вековечного вклада в общее достояние человеческого духа... Вообще китайская оригинальность обнаруживается более всего отрицательным или *дефективным* образом» [66].

Как уже отмечалось, Н. Я. Данилевский вовсе не был атеистом, во всей его историософской системе ясно просматривается его вера в конечную предопределенность судеб человечества Божьим Промыслом. Как показывает его полемика с В. С. Соловьёвым, он был убежденным православным христианином. Как и Соловьёв, он считал, что христианство «должно со временем обнять его (человечество. – *Б. Б.)* вполне» (С. 67). Но Данилевский не выделял культурно-исторические типы по религиозному принципу и вовсе не исключал принадлежность народов одного вероисповедания к разным культурно-историческим типам. Между тем Соловьёв, исходя из противоположной точки зрения, не вполне корректно стал опровергать закон непередаваемости цивилизации на примере буддизма. Ему даже показалось, что он нашел решающее опровержение теории Данилевского. Он пишет: «...религия, которая создала как свое средоточие такую своеобразную местную культуру, как тибетская, и однако же сохранила свой универсальный международный характер и исповедуется пятью- или шестьюстами миллионами людей, рассеянных от Цейлона до Сибири и от Непала до Калифорнии, – вот колоссальное фактическое опровержение всей теории Данилевского, ибо нет никакой возможности ни отрицать великой культурно-исторической важности буддизма, ни приурочить его к какому-нибудь отдельному племени или типу» [67]. Но надо еще раз заметить, что, ничуть не опровергая теорию Данилевского, проблема буддизма могла бы стать серьезным препятствием в осуществлении вселенской христианской теократии Соловьёва. В какой-то степени Соловьёв ломился в открытую дверь, когда опровергал «непередаваемость цивилизаций» с помощью фактов передаваемости «образовательных начал». Данилевский в своей книге указы-

вал, что прежде всего завоевания науки переходят по закону преемства от одной цивилизации к другой.

Более убедительными выглядели замечания Соловьёва об отсутствии политического единства между странами, принадлежащими к европейской цивилизации, о вспышках антагонизма между ними, о существенных различиях между языками романо-германской группы. Но Данилевский вовсе не исключал таких временных политических разногласий и конфликтов внутри стран одной цивилизации. Он говорил лишь об их принадлежности к одному культурно-историческому типу, о неоправданно высокомерном отношении стран этого культурно-исторического типа к другим цивилизациям, в частности к славянскому миру.

Но основной полемический огонь В. С. Соловьёв сосредоточил как раз против обоснования Н. Я. Данилевским права на существование в мире особого славянского культурно-исторического типа. И здесь не обошлось без передержек и искажений при изложении взглядов Данилевского. Соловьёв, например, большой акцент сделал на тезисе, что Данилевский якобы проповедует национальную исключительность славян, превосходство их над другими народами, заявляя, что славянский культурно-исторический тип будет более совершенным. Причем мысли Данилевского на этот счет он укладывает в далекие от подлинника формулы: «Наш народ по самому ходу истории и по естественному преемству национальных культур должен сменить все прочие отжившие или отживающие народы. "Смена" эта тоже не обходится без жестокой кровавой борьбы и разных национальных убийств...» Данилевский «считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, – однако наиболее совершенным и полным (четырехосновным, по его терминологии), совмещающим в себе преимущества прежних типов» [68].

Да, Данилевский считал, что Россия и славянство имеют все основания быть одним из многих существовавших куль-

турно-исторических типов. Но он также писал о нем как о еще несостоявшемся, который лишь при определенных условиях может состояться; никогда не писал, что он будет последним и заменит собой «все отжившие и отживающие народы». Он не считал Россию и славянство уже сложившимся «наиболее полным и совершенным» культурно-историческим типом, а полагал, что у России и славянства есть только задатки такого развития. Он писал, что мы можем только «надеяться, что славянский тип будет первым (и, возможно, не последним. – *Б. Б.) четырехосновным культурно-историческим типом»* (С. 430), т.е. воплотит в себе деятельность религиозную, культурную (в узком смысле), политическую и общественно-экономическую.

Конечно, представители либерально-буржуазной и марксистской мысли могли только аплодировать Соловьёву, когда он решительно отверг тезис Данилевского о том, что наличие общины у славян является одним из доказательств «особости» славянского культурно-исторического типа. Хотя у народнической интеллигенции, которая в это время еще количественно преобладала, как мы видели из отзыва Н. К. Михайловского, этот тезис возражений, естественно, не вызывал.

Возмущение во многих органах печати вызвало отрицание Соловьёвым каких-либо задатков для развития у славян своей науки и культуры. Действительно, заявления Соловьёва на этот счет, сделанные в его статье, могли покоробить национальное чувство читателей самых различных политических убеждений. Говоря, например, о ничтожном будто бы опыте русской науки, Соловьёв резюмировал: «Видеть в этом дефективном опыте какие-либо задатки самобытности русской науки нет никакой возможности» [69]. Хотя российская наука к этому времени уже могла гордиться такими именами, как М. В. Ломоносов. И. М. Сеченов, Н. И. Пирогов, М. В. Острогорский, Д. И. Менделеев. Названные Данилевским имена некоторых выдающихся славянских ученых, например чехов Яна Пуркинье и П. И. Шафарика, Соловьёв проигнорировал, а по-

ляка Коперника аттестовал не очень убедительно как представителя вненациональной европейской науки.

Пассажи Соловьёва относительно русской литературы и искусства были еще более тенденциозными. Чтобы увидеть в русской литературе задатки складывающегося славянского культурно-исторического типа, надо, чтобы эта литература развивалась по восходящей линии, а этого, считает Соловьёв, в ней не наблюдается. Самый «прославленный» из русских романистов Л. Н. Толстой, по наблюдению Соловьёва, уже десять лет ничего не пишет. Что касается остальных писателей, то, считает Соловьёв, «при самой доброжелательной оценке все-таки остается несомненным, что Европа никогда не будет читать их произведения» [70]. В музыке и живописи, по мнению Соловьёва, есть только два имени – М. И. Глинка и А. А. Иванов.

Дело даже не в том, что названные Данилевским в доказательство достижений русской культуры А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь были проигнорированы Соловьёвым. Его скандальные статьи о Пушкине в этом отношении многое проясняют. Но Соловьёв не нашел ничего достойного европейского уровня культуры и в таких представителях русской литературы, живописи, музыки, как М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. М. Васнецов, А. П. Бородин, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский. Большинство из перечисленных представителей культуры к этому времени уже завершили свой жизненный путь, другие уже создали произведения, сделавшие их имена широко известными в России, а в некоторых случаях и в Европе. Например, у П. И. Чайковского уже поставлены были балет «Лебединое озеро», оперы «Евгений Онегин», «Мазепа», «Чародейка», прозвучало большинство его симфоний, фортепьянных и скрипичных концертов, «Итальянское каприччио». И. Е. Репин уже создал

«Бурлаков на Волге», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван», многие портреты, в том числе портрет Мусоргского. Н. С. Лесков уже написал «Некуда», «На ножах», «Соборяне», «Очарованный странник», «Левша», «Тупейный художник». Но для Соловьёва русская культура в своем развитии остановилась на М. И. Глинке, А. А. Иванове и раннем Л. Н. Толстом и никаких задатков на будущее не имела.

Естественно, это выступление Соловьёва вызвало протесты в печати. Перчатку в споре с ним поднял его недавний единомышленник по славянофильским увлечениям и долголетний друг Н. Н. Страхов, для которого верность своим принципам и памяти Н. Я. Данилевского была, несомненно, дороже. Страхов выступил со статьей «Наша культура и всемирное единство. Замечания на статью г. Вл. Соловьёва "Россия и Европа"» («Русский вестник». 1888. № 6). Между ними началась полемика, которая продолжалась шесть лет. Последовал обмен ударами с нараставшей силой ожесточения: Соловьёв В. С. «О грехах и болезнях» («Вестник Европы». 1889. № 1) – Страхов Н. Н. «Последний ответ Вл. С. Соловьёву» («Русский вестник». 1889. № 2); Соловьёв В. С. «Письмо в редакцию» («Вестник Европы». 1889. № 3) – Страхов Н. Н. «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского» («Русский вестник». 1889. № 12); Соловьёв В. С. «Мнимая борьба с Западом» («Русская мысль». 1890. № 8) – Страхов Н. Н. «Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского» («Новое время», 1890 от 21 сентября и 20 ноября).

После статьи Соловьёва «Мнимая борьба с Западом» Толстой уговаривал Страхова: «...не отвечайте Соловьёву... По тону видно, что он не прав» [71]. Толстой, вообще с предубеждением относясь к газетно-журнальной полемике, считал, что она как низший сорт литературы только отвлекает Страхова от серьезных научных трудов. Но ответная статья Страхова была уже готова, и он ее опубликовал.

Однако на следующую статью Соловьёва «Счастливые мысли Н. Н. Страхова» («Вестник Европы». 1890. № 11), сле-

дуя совету Толстого, Страхов отвечать не стал [72]. Презрительное молчание Страхова Соловьёв истолковал как свою победу в полемике, что и отразилось в его новом выпаде против Страхова в статье по поводу книги Д. Щеглова «История социальных систем» («Вестник Европы». 1891. № 7). Страхов жаловался Толстому: «Соловьёв недавно напечатал, что он победил меня, заставил молчать... Он на меня нападает и не слышит ответа. Вы видите, я Вас слушаюсь. И об этом нужно посоветоваться с Вами» [73]. Поэтому на статью В. С. Соловьёва «Немецкий подлинник и русский список» («Вестник Европы». 1890. № 12) Страхов, помедлив, все-таки ответил написанной в Ясной Поляне за полтора года до своей смерти статьей «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» («Русский вестник». 1894. № 10).

В этой полемике Соловьёвым было допущено немало передержек, искажений теории Н. Я. Данилевского, его позиции по многим вопросам. В отличие от прежнего уважительного тона при упоминании Данилевского и его книги, он допустил несколько оскорбительных выпадов в его адрес. К. Н. Леонтьев, который высоко ценил некоторые религиозно-богословские работы В. С. Соловьёва, сообщил И. И. Фуделю в письме от 24 января 1891 г., что «*ужасно* недоволен им за последние три года», и пояснил: «т.е. с тех пор, как он вдался в эту ожесточенную и часто действительно недобросовестную полемику против славянофильства. Недоволен *самым направлением*, недоволен злорадным и ядовитым *тоном*, несомненной наглостью подтасовок» [74]. Хотя, до того как познакомиться с первой статьей Соловьёва о «России и Европе» и его «Русской идеей» на французском языке, Леонтьев в письме к К. А. Губастову, симпатизирующему Соловьёву, считал нужным признать, что это настоящий гений, «и гений с какою-то таинственною, высшею печатью на челе», что он «единственный из наших писателей, который подчиняет до известной степени мой ум» [75].

Нельзя, конечно, забывать, что полемизировал Соловьёв непосредственно не с Данилевским, а со Страховым, истолкователем и защитником его учения. И резкости замечаний Соловьёва в отдельных случаях относились не столько к Данилевскому, сколько к самому Страхову и его книге «Борьба с Западом в нашей литературе». Но все же основное содержание и весь пафос его статей был направлен против теории Данилевского, против в основном точного истолкования ее Страховым. Когда Страхов в статье «Наша культура и всемирное единство» оказался несколько неточным в передаче мыслей Данилевского, заявил, что события только внутри одного культурно-исторического типа бывают тесно связаны между собой, Соловьёв немедленно зафиксировал эту неточность, за которую, по его мнению, на Данилевского никак невозможно «возлагать ответственности» [76]. Других конкретных искажений Страховым мыслей Данилевского Соловьёв больше не указал, хотя и заявил в статье «Мнимая борьба с Западом», что их якобы очень много.

Соловьёв сознавал, что в своих атаках на книгу Данилевского не всегда придерживался тона невозмутимой корректности, которая была в гораздо большей степени свойственна статьям Страхова. В «Письме в редакцию» он даже как бы извинился на этот счет. «Я весьма сожалею, – писал он, – что наш спор принял отчасти вид “личного препирательства”, и охотно беру назад все резкости в моем предыдущем ответе» [77]. Но и после этого объяснения тональность его полемических публикаций не изменилась.

Суть его позиции, изложенной в его первой статье «Россия и Европа», также не изменилась. Под действием полемических страстей он лишь дополнил ее, заострил ее направленность против концепции Данилевского, не очень церемонясь с ее точным содержанием в угоду своему, часто фельетонно-саркастическому, стилю полемики.

Соловьёва не смутил тот факт, что мнение Страхова о его статье «Россия и Европа» «было уже высказано – и с большею силою – во многих газетных статьях», что популярные газеты, представляющие тогдашнее русское просвещение, были возмущены его отрицательным взглядом на русскую культуру и не ограничились упреками во вражде Соловьёва к отечеству, а стали прямо опровергать его положения, «доказывая, что наша культура процветает, что в науках, искусствах, литературе мы отчасти уже превзошли Европу, а отчасти непременно превзойдем в самом ближайшем будущем» [78]. Хотя Соловьёв и приправил более скромные возражения газет некоторой долей преувеличения для саркастической ядовитости, но даже в этом виде их оценки состояния русской культуры к концу XIX века оказались ближе к истине, чем мрачные приговоры ей Соловьёва, от которых он отнюдь не отказался в ходе полемики со Страховым.

Теорию Данилевского он с еще большей решительностью называет «ложной», книгу его считает «литературным курьезом». По-прежнему пишет, что Данилевский якобы преподносит славянский культурно-исторический тип как последний, завершающий исторический процесс, и относит это к выражению «национального самодовольства». Соловьёв опять настаивает на том, что никаких культурно-исторических типов нет, а есть процесс развития единой христианской культуры, «все более и более втягивающий в свою жизненную сферу все прочие народы земли». И в этом плане видит только одно препятствие: «Некоторое относительно твердое сопротивление этому европейскому влиянию оказывает пока один только Китай, который и составляет со своим исключительно национальным просвещением единственную и действительную, хотя, разумеется, лишь временную противоположность нашей – общечеловеческой, христианской культуре» [79].

Н. Н. Страхов отметил, что главным мотивом, подтолкнувшим В. С. Соловьёва к ожесточенной полемике с книгой «Рос-

сия и Европа», была его теократическая теория, его мысль о соединении Церквей. Он пояснял: «Сильнейшее препятствие к такому соединению автор усмотрел в “национальной исключительности”, которою будто бы заражены наши образованные и управляющие классы. Нужно было бороться с этим направлением, разрушать веру в самобытные начала русской жизни. Но сильнейшей поддержкой этой веры оказалась литературная школа славянофилов, к которой причислял себя и сам автор. Нужно было отказаться от этой школы и употребить всякие усилия, чтобы уронить ее значение. Но наибольшим успехом из славянофильских писателей пользовалась книга Данилевского. Нужно было, сколько возможно, подорвать авторитет этой книги» [80]. Здесь только явно завышена степень славянофильства Данилевского, о чем уже говорилось и будет сказано еще. Но что основным мотивом полемики Соловьёва была именно его новая теоретическая концепция, распространению которой препятствовала книга Данилевского, – факт бесспорный, подтвержденный, как уже указывалось, многими знатоками творчества В. С. Соловьёва.

Ощущение опасности для его теократических идей должно было усиливаться у Соловьёва в связи с нарастанием успеха книги «Россия и Европа», быстро разошедшейся третьим (вторым книжным) изданием в 1888 году. Страхов также отметил это обстоятельство. В статье «Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского», опубликованной в 1890 году, когда уже почувствовалась потребность в еще одном издании «России и Европы», Страхов писал: «Теперь уже многие тысячи читателей знают и любят книгу Н. Я. Данилевского; поэтому можно только подивиться, что ее противник так мало боится выступать перед этими читателями, и можно твердо надеяться, что они сейчас же оценят его выходку, увидят, что она лишена всякой основательности, всякого беспристрастия» [81]. В этой же статье Страхов сообщает: «Но самый важный успех “Россия и Европа” имела не в отечестве, а в славянских землях; там усердно

читали теорию “славянского культурного типа”, ссылались на нее в политических статьях и прозвали ее автора “апостолом славянства”» [82].

Именно поэтому и решил Соловьёв, считает Страхов, отнять у книги «всякое научное достоинство» [83]. Главные вопросы – о культурно-исторических типах, об отношениях России и Европы, о «европейничании», – поставленные и проанализированные Данилевским, Соловьёв, по верному наблюдению Страхова, обошел. Попытки Соловьёва разрушить теорию Данилевского путем разного рода поправок: перемещением какой-либо народности из одного культурно-исторического типа в другой или изменением их количества – обречены на неудачу, полагает Страхов, ибо они ничего не меняют в принципе, в самой сути «естественной систематизации» Данилевским исторического процесса. Неудачна сама попытка заменить теорию равенства культурно-исторических типов в судьбах человечества теорией «мнимого единства» народов, основанной на обязательном приведении их, хотя бы и силой, к единой христианской вселенской культуре.

А что Соловьёв не исключал при этом насильственного приобщения к христианству, Страхов доказывает, ссылаясь на тезис Соловьёва о прогрессирующем в мире процессе единения человечества, возрастающие по степени ростки которого он увидел еще в монархии Кира и Дария, в царстве Александра Македонского и в Римской империи, покорившей множество народов и создавшей таким образом предпосылки для широкого распространения христианства. Страхов напомнил Соловьёву, что все эти насильственным образом созданные империи в конце концов распадались на государства, созданные по национальному принципу. Тем же закончилась и предпринятая Наполеоном попытка «объединить» народы. Вообще, Соловьёв обошел вопрос о роли национального фактора в истории, справедливо считает Страхов. Он напомнил Соловьёву: «“Россия и Европа” есть взгляд на всемирную историю, осно-

ванный на начале национальности. Следовательно, для опровержения критик обязан был рассмотреть вопрос, какую роль играет национальность во всемирной истории и показать, что эта *не та* роль, какую приписывает этому началу автор книги» [84]. Но Соловьёв уклонился от этой задачи.

Зато Соловьёв, по мнению Страхова, явно исказил позицию Данилевского, приписав ему «национальное самодовольство», культивирование национальной исключительности славян, их якобы мессианской роли в истории. Он подчеркнул, что теорией Данилевского отрицается вообще мессианская роль в истории какого-либо народа, нации или культурно-исторического типа. Теория линейного, поступательного прогресса, возглавляемого по очереди разными нациями, была отвергнута Данилевским. По теории Данилевского, никакая культура, в том числе и славянская, не может быть высшей целью человечества. Мультилинейное развитие локальных цивилизаций исключает мессианизм в истории. «Н. Я. Данилевский первый почувствовал и призрачность этих понятий об истории, и всю опасность и мечтательность этих притязаний на будущее первенство», – возражает Страхов Соловьёву [85].

Страхов указал и на ряд других искажений мыслей Данилевского под пером Соловьёва. Особое внимание он уделил попытке Соловьёва высмеять «претензию» Данилевского на развитие «самобытной» русской науки. Во-первых, возражает Страхов, у Данилевского именно наука является тем, что бесспорно переходит от одного культурно-исторического типа к другому, что составляет «общую сокровищницу» человечества. Во-вторых, Данилевский говорит не о национальной самобытности наук (такую «претензию Данилевского» Соловьёв «сам придумал»), а о предрасположенности каждой нации к каким-либо наукам. И в-третьих, в отличие от Соловьёва, который не видит в русском народе задатков для развития наук, Данилевский в этом отношении настроен оптимистически, – он верит в будущие успехи науки в славянском мире. Страхов

видит ростки этих успехов уже в современной ему российской действительности. Он напоминает Соловьёву: «Наши математики, химики, зоологи, физиологи, слависты уже известны целому миру и вносят в общую сокровищницу вклады самого высокого достоинства» [86].

Страхов приходит к убеждению, что, как ему кажется, резкий переход Соловьёва со славянофильских на западнические позиции, всяческое угождение главному органу западников – «Вестнику Европы», в котором теперь публиковался Соловьёв, не прибавят ему популярности. «Все признали, кажется, единогласно, – пишет Страхов, – что заметки его отличаются более недоброжелательством, чем остроумием и меткостью; вообще, можно надеяться, что за справками о состоянии русской науки и русского искусства никто не пойдет в статью г. Соловьёва» [87].

В споре с Соловьёвым, как, впрочем, и в полемике с другими оппонентами, Страхов всегда сохранял равновесие, старался воздействовать на читателя логикой своих размышлений, ссылками на неопровержимые факты. Эту черту его публицистики подметил В. В. Розанов, который писал: «...кто следил за его полемикой по поводу различных научных вопросов, не мог не чувствовать почти постоянного превосходства его над своими противниками, быть может поэтому именно всегда соединенного со спокойным изяществом постоянно правильного спора» [88]. К корректности в споре с Соловьёвым он чувствовал себя обязанным еще и в силу многолетних дружеских чувств, которые они испытывали друг к другу. Страхов в свое время высоко оценил в печати защиту Соловьёвым магистерской диссертации («Гражданин». 1874. № 48. С. 1211–1212). Об изданной отдельной книжкой этой работе он писал Л. Н. Толстому 1 января 1875 года: «А книжка его, чем больше читаю, тем больше мне кажется талантливою» [89]. Об этой книге, а также об изданной позднее докторской диссертации Соловьёва «Критика отвлеченных начал» в 1881 году он опублико-

вал большую хвалебную статью в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 1, отд. 11. С. 79–115). Все первые философские и богословские труды Соловьёва – «Философские начала цельного знания», «Духовные основы жизни», «Чтения о богочеловечестве», в которых еще не проявлялась его новая прокатолическая и прозападническая ориентация, воспринимались Страховым положительно.

С большим уважением и, несмотря на разницу в возрасте, с дружеским чувством относился поначалу и Соловьёв к Страхову. Они переписывались, встречались, в период славянофильских пристрастий Соловьёва нередко вместе проводили время во взаимоприятных и взаимополезных беседах. В одном из писем того времени он писал Страхову: «Дорогой и многоуважаемый Николай Николаевич! Я уже давно собирался писать Вам, чтобы поблагодарить за Вашу прекрасную книжку. Прочел ее с наслаждением и с двумя приятелями (обычный шутливо-каламбурный тон в частных письмах Соловьёва. – *Б. Б.)*. Особенно понравилась нам статья о Дарвине (позднее статьям Страхова о Дарвине Соловьёв давал прямо противоположную оценку. – *Б. Б.)*. Я Вас очень люблю, и мне всегда бывает хорошо с Вами» [90]. Свой «Ответ Н. Я. Данилевскому», написанный, как указывалось, еще при его жизни и с большим пиететом к нему, Соловьёв, прежде чем опубликовать, дал почитать и подредактировать Страхову [91].

Но в период полемики со Страховым Соловьёв стал проявлять по отношению к своему другу сначала неискренность и двуличие, а затем и все нарастающую враждебность. Страхова, например, настолько потряс один эпизод в поведении Соловьёва, что он подробно описал его в письмах и к Л. Н. Толстому, и к В. В. Розанову.

После «трех раундов» обмена взаимными ударами, после статьи Страхова «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского» (декабрь 1889) и перед появлением статьи Соловьёва «Мнимая борьба с Западом» (август 1890) между ними еще сохранялись,

по крайней мере внешне, вполне дружеские отношения. Такое отношение и продемонстрировал Соловьёв к Страхову во время их последней встречи летом 1890 года, даже не намекнув о сданной им в редакцию «Русской мысли» еще одной статье, направленной против Страхова и Данилевского. Страхов написал об этом Толстому 22 августа 1890 г.: «В Москве опять за мною очень ухаживал Вл. Соловьёв и навещал и провожал в дорогу; как же я удивился, что в “Русской мысли” (сегодня только узнал и прочитал) он тиснул против меня презлую статью, вот уж по Иудиному» [92]. Комментируя подобное же письмо к нему Страхова, В. В. Розанов рассказывал: «Беря эту книжку со статьей Соловьёва, он (мне и другим) говорил: “Вот – *видите?* Книжка вышла (такого-то) числа и, следовательно, *печаталась* (такого-то) числа. Вы читали? Нет? Я вам прочту только несколько выражений (унизительные, ругательные). А та-ко-го-то чис-ла (слышите!!!) он со мной пил чай, и я не подозревал ничего, говорил с ним, если не как с другом, то не как с врагом. О-н ни-че-го об ста-тье не сказал, а она пе-ча-талась”. И он бросал книгу на стол. Теперь судите, что это за человек!!!» Действительно, это было просто – *дурное,* не философия, не литература, не разные теории, а кривое лицо, кривая душа, в которую человек (Страхов) оступился... Именно после этого (вот «питья на вокзале чая») Страхов совершенно перестал выносить Соловьёва, выбросил его из сознания своего, как «что-нибудь»... [93]

Но Страхову пришлось пережить еще одно потрясение, когда он прочитал в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1890 год статью Соловьёва «Немецкий подлинник и русский список», в которой предпринималась попытка доказать, что теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский полностью позаимствовал из книги малоизвестного немецкого историка Г. Рюккерта (1823–1875) «Учебник всеобщей истории в органическом изображении», вышедшей в Лейпциге в

1857 году и ни тогда, ни позже не переведенной на русский язык.

Соловьёв ухватился за мимоходом высказанное замечание Страхова в предисловии к изданию книги «Россия и Европа» в 1888 году. В одной из сносок он указал, что *зачатки* теории культурно-исторических типов «можно встретить и у других писателей». И для примера сослался на книгу Рюккерта, о чем ему потом пришлось не раз пожалеть. Несмотря на то, что Страхов имел в виду тот факт, что любое открытие не возникает на абсолютно пустом научном поле, что любому прорыву гения в науке или в художественном творчестве предшествуют какие-то ростки, делающие возможным этот прорыв, Соловьёв почти в каждой статье стал намекать на несамостоятельность мыслей Н. Я. Данилевского, упоминая при этом фамилию Рюккерта, якобы опередившего Данилевского своей теорией. И вот, наконец, он посвятил специальную статью этому вопросу. Он как бы проводил в жизнь мысль, высказанную им в последнем письме Страхову от 23 августа 1890 года: «Когда в каком-нибудь лесу (имелась в виду книга “Россия и Европа”. – *Б. Б.)* засел неприятель (имелись в виду люди, не разделявшие его теократические идеи. – *Б. Б.),* то вопрос не в том, хорош или дурен стоит лес, а в том, как бы его получше поджечь» [94].

Соловьёв на этот раз прямо обвинял Данилевского в плагиате. Он заявил, что его теория является всего-навсего «плохим повторением взглядов, высказанных в книге третьестепенного немецкого ученого, появившейся за двенадцать лет перед тем» [95]. Правда, буквально через страницу он не совсем последовательно заключает, что теория Данилевского «есть пустой вымысел». Но все же вывод о заимствовании Данилевским теории культурно-исторических типов у Рюккерта кажется Соловьёву «несомненным». Для большей убедительности он так приступает к доказательствам этой несомненности: «Приводим почти дословно главные рассуждения Рюккерта, в которых читатели книги “Россия и Европа” могут узнать знакомую

теорию – только в приличной европейской одежде вместо дырявого татарского халата» [96].

Слова «почти дословно», очевидно, были сказаны для усиления достоверности дальнейших ссылок на Рюккерта. Но для доказательства плагиата обычно оперируют точным цитированием, и даже вырванные из контекста закавыченные отдельные выражения в этом случае не считаются убедительной иллюстрацией. Излагая взгляды Рюккерта «почти дословно», но своими словами, Соловьёв вынуждал читателя верить ему на слово. Но при этом способе трудно было избежать тенденциозности в пересказе содержания книги. И Соловьёв ее не избежал, стараясь во что бы то ни стало продемонстрировать близость выраженных в ней идей к теории Данилевского.

Именно на эту тенденциозность, на искажение идей и даже терминологии Рюккерта в вольном, «почти дословном» пересказе Соловьёва в пользу его «сверхзадачи» – доказать заимствование, и обратил внимание Страхов в своей статье «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского».

Но, прежде всего, он покаялся, что в своем примечании о Рюккерте выразился неточно и дал повод тем, кто не читал книги Рюккерта, посчитать его первооткрывателем теории культурно-исторических типов. Страхов уточняет: он имел в виду в книге Рюккерта то, «из чего *могла бы* развиться мысль о типах, но не самую эту мысль, хотя бы в первоначальной ее форме» [97]. Страхов отмечает, что при переводе цитат из Рюккерта Соловьёв вставлял свои слова «как будто для пояснения текста, но в сущности для того, чтобы придать ему другой смысл» [98]. Да, соглашается Страхов с Соловьёвым, Рюккерт три раза употребил оборот «культурно-исторический» и 20 раз – слово «тип». Но сочетания «культурно-исторический тип» Страхов у него не обнаружил. Рюккерт писал о «культурных рядах», которые живут и развиваются на протяжении всей истории человечества. Соловьёв же говорит, что Рюккерт употребляет термин «культурно-исторические типы и ряды».

В отличие от Данилевского у Рюккерта «культурные ряды» развиваются по линейному принципу. Они составляют, подчеркивает Страхов, «единую нить истории». И вопрос об исторической судьбе человечества решается Рюккертом в традиционном для романо-германских цивилизаторов ключе: «Та культура, в которой жил сам Рюккерт, *западноевропейская культура,* как он ее называет, в ее последних фазисах, составляет, по его мнению, *главную нить* в истории, которой должно быть подчинено все остальное, ибо в ней, говоря его словами, наиполнее осуществляется “стремление к высшему человеческому бытию”». Т.е. концепция Рюккерта предусматривает целеполагание в истории. Тогда как, напоминает Страхов, в теории Данилевского нет места целеполаганию. Согласно его теории, «цель истории вполне известна только одному Богу». По Рюккерту же, единое человечество имеет цель, к которой его ведет передовая европейская культура. Таким образом, схема Рюккерта типично искусственная, тогда как у Данилевского естественная система. Страхов подводит читателя к выводу, что вообще «Рюккерту едва ли можно приписать особую теорию, строго определенный своеобразный взгляд на историю» [99].

Опираясь на свои многолетние наблюдения за Данилевским при встречах и беседах с ним, Страхов приходит к твердому выводу: «По моему убеждению, Данилевский даже вовсе не читал и не знал книги Рюккерта». В подтверждение он рассказал, что при их встречах с Данилевским они часто говорили об интересных книгах, что, посещая друг друга, показывали друг другу наиболее интересные для них книги. Но «ни разу не слышал я от него ничего об Рюккерте», вспоминает Страхов. Но самое главное, говорит он, в тексте книги Данилевского «ни в терминологии, ни в формулировках своих положений или делаемых самому себе возражений, нигде не видно, чтобы писавшему “Россию и Европу” были знакомы мнения Рюккер-

та» [100]. Указанной книги Г. Рюккерта, отмечал Страхов, не было в домашней библиотеке Данилевского.

Соловьёв был уверен, что в полемике со Страховым по книге Данилевского он одержал полную победу. В упомянутом письме к Страхову от 23 августа 1890 года он заявил: «Во всяком споре из-за “России и Европы” последнее слово во всяком случае должно остаться за мной – так написано на звездах» [101]. Что давало ему такую уверенность? Во-первых, в 80-х и начале 90-х годов он был еще убежден в торжестве своих теократических идей над, как ему казалось, узко-националистической теорией Данилевского. Во-вторых, он был уверен, что он окончательно похоронил эту теорию, обвинив Данилевского в плагиате. В-третьих, у него было немало хвалителей из либерально-западнического лагеря, которые сопровождали каждый его удар по книге Данилевского долго несмолкающими аплодисментами. В-четвертых, как справедливо впоследствии подметил В. В. Розанов, выступая на страницах «Вестника Европы», тираж которого составлял более 6 тысяч экземпляров, Соловьёв имел более широкую читательскую аудиторию, ибо тираж «Русского вестника», где печатал Страхов свои полемические статьи, едва ли достигал в эти годы 3 тысяч. В-пятых, было у Соловьёва еще одно очень важное техническое преимущество перед Страховым. Как раз в это время он получил приглашение возглавить философский отдел в «Энциклопедическом словаре», издание которого началось с 1890 года немецкой издательской фирмой Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. На страницах этой, самой распространенной в дореволюционной России энциклопедии В. С. Соловьёв получил неограниченную возможность как автор или путем подбора авторов по-своему толковать ключевые философские вопросы, понятия, творчество выдающихся мыслителей. Выбор редакции был не случайным – к этому времени уже вполне определилась прозападническая, прокатолическая ориентация Соловьёва, а редакция «Энциклопедического словаря», даже по сдержанному

признанию Соловьёва в письме к Розанову, придерживалась направления «более или менее западнического» [102]. Соловьёв, и как редактор и как автор, развил большую активность в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Его собственному перу принадлежит 31 статья по истории философии (персоналии и понятия), 24 статьи по богословию, по истории религий, ряд статей по истории русской литературы (персоналии).

Здесь, в десятом томе (1891), появилась его статья о Н. Я. Данилевском, необычайно пространная для негативной оценки какого-либо деятеля в любой энциклопедии. Хотя Соловьёв и придал ей внешне максимально пристойный, лишенный каких-либо эмоций вид, но он сохранил в ней всю обойму своих развенчаний теории Данилевского, повторил при этом все свои передержки и искажения ее, весь тот набор «наглых подтасовок», о которых К. Н. Леонтьев написал 24 января 1891 года в письме к И. И. Фуделю. В этой «энциклопедической» статье Соловьёва перед читателем вставал совершенно искаженный образ Н. Я. Данилевского – неплохого ботаника и ихтиолога, усердного и полезного работника в народном хозяйстве, но претенциозного мыслителя, автора вредной работы «Россия и Европа», позаимствовавшего основную идею этой книги – ложную и вредную – у немецкого историка Г. Рюккерта и скрывшего этот факт.

Одно дело, когда эта позиция выражалась в ходе газетно-журнальной полемики, – ей был противопоставлен твердый, убедительный, хотя, может быть, и не столь растиражированный ответ оппонента. Другое дело – полное торжество ее на страницах энциклопедии, которая призвана была десятилетия просвещать не только рядовых читателей, но и ученых мужей, которые нередко с энциклопедической справки начинают свой поиск. А рядовой читатель чтением такой справки часто и заканчивает свое знакомство с предметом своего временного интереса. Магическое воздействие на него всякого рода энцикло-

педических словарей общеизвестно. Приговор Соловьёва Данилевскому приобретал дополнительную гипнотическую силу. Соловьёву могло показаться, что действительно на звездах написана его окончательная победа над опасным противником распространения теократической идеи. Стоявшая под статьей в «Энциклопедическом словаре» подпись «Вл. Соловьёв» для многих почитателей его философско-богословских трудов, его поэтического дара воспринималась как знак абсолютной справедливости содержащейся в статье оценки Данилевского. Но даже и среди поклонников таланта В. С. Соловьёва отношение его к Н. Я. Данилевскому и его книге «Россия и Европа» далеко не всегда одобрялось, а иногда и встречало решительный отпор. В частности, солидарность с позицией Н. Н. Страхова и свое несогласие с В. С. Соловьёвым в развернувшейся полемике выразили два выдающихся русских мыслителя – К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов, высоко ценивших Соловьёва как философа.

Леонтьев прочитал работу Данилевского еще в журнальном варианте и сразу нашел, что она «превосходна». В письме к Н. Н. Страхову от 12 марта 1870 г. он пояснял это мнение так: «Главная заслуга Данилевского, кроме исчисленных Вами в заметке против "Русского вестника", – это еще то, что он первый в печати смело поставил своеобразие культуры как цель». В том же году в другом письме к Н. Н. Страхову он явно с почтительным оттенком упоминает «Россию и Европу» как «Евангелие Данилевского» [103]. А прочитав, спустя 17 лет, статью Страхова о книге «Россия и Европа» 8 февраля 1887 года, писал ему: «Как Вы меня утешили и обрадовали, дорогой Николай Николаевич, Вашей статьей о Н. Я. Данилевском в "Русском вестнике"! Выразить Вам не могу!» Леонтьев особенно рад, что на страницах того же журнала, где много лет назад был опубликован «пошлый отзыв» о «России и Европе» редактора «Варшавского дневника» П. К. Щебальского, появилась наконец оценка этой работы, достойная «нашего великого учи-

теля». Он просит Страхова поскорее еще раз издать книгу Данилевского с его, Страхова, предисловием и поясняет: «Имя его растет в Москве, и похвалюсь, и я много этому содействовал словесной проповедью, но старое издание все вышло. Молодые люди ищут, бьются, и нет "России и Европы". Для меня один юноша свою, всю растрепанную от чтения, подарил» [104].

Таким образом, хорошо зная и книгу Данилевского, и литературу о ней, Леонтьев отозвался на статью Соловьёва «Россия и Европа» довольно оперативно – в том же 1888 году в журнале-газете «Гражданин» появилась его статья «Владимир Соловьёв против Данилевского». Положения, изложенные в этой статье, он дополнял и развивал в переписке со своими корреспондентами. Прежде всего, он одобрил «горячую защиту газетой "Русское дело" взглядов Н. Я. Данилевского против внезапного нападения на него В. С. Соловьёва» и присоединился к выводу этой газеты, «что наше русское национальное чувство представляется г. Соловьёву самым главным препятствием для достижения его высшей цели: соединения Церквей под главенством папы». Эту мысль Леонтьев считал, очевидно, очень важной, так как чуть ниже счел необходимым еще раз подчеркнуть, что Соловьёв видит в теории Данилевского помеху «на главном пути» объединения в единую Церковь не только всех христиан, но и евреев, ибо «весь Израиль спасется», и что он пытался развенчать Данилевского для того, чтобы «обезнадежить раз и навсегда его учеников и поклонников» [105]. О том, что Соловьёв не нападал бы на теорию Данилевского, если бы не видел в ней основное препятствие на пути к своей «главной цели», Леонтьев писал и И. И. Фуделю в январе 1891 года [106].

Ожесточенные нападки Соловьёва на книгу Данилевского поэтому не случайно совпали с нарастанием интереса к ней со стороны тогдашних читателей. Об этом нарастающем интересе в обществе к книге «Россия и Европа» Леонтьев несколько раз

упоминает в своей статье. Он пишет о «торжестве и распространении идей Данилевского», о том, что «число приверженцев Данилевского все растет и растет» [107]. А после двух переизданий книги, в 1888 и 1889 гг., сообщает А. А. Александрову 3 мая 1890 г. из Оптиной Пустыни: «Данилевский со своими культурными типами был лет 6-7 никому почти не известен, кроме Страхова, меня и, может быть, еще сотни разбросанных там и сям по России людей. Теперь идет за книгу его борьба...» [108].

И без всякого злорадства, а скорее как бы с предостережением об опасности обращается он к Соловьёву с напоминанием, что на этом фоне выглядят безутешно результаты пропаганды его теократических идей. «Где же в нашей жизни теперь признаки, благоприятные для успеха у нас католической проповеди?» – задает он риторический вопрос. И отвечает: «Их вовсе нет». Я, говорит Леонтьев, «еще один из самых благоприятных его идеям русских людей». Другие «отступают чуть не в ужасе от его мыслей, даже и восхищаясь его талантом» [109].

Леонтьев решительно встает на защиту «замечательных трудов Данилевского», его теории культурно-исторических типов, которую считает вполне справедливым приравнивать «к открытию Бернардом де Жюсье естественной классификации растений» [110]. Несмотря на «либеральные заблуждения», которые усматривал Леонтьев в политических взглядах Данилевского, по его убеждению, последний сказал «одно великое слово», сделал один исполинский шаг в области исторической мысли: «Теория культурных типов и смена их!» [111]

Поэтому с возмущением говорит Леонтьев в своей статье о попытке Соловьёва в памфлетном, хлестком стиле заклеймить теорию Данилевского как «ползучую». По мнению Соловьёва, в противоположность «крылатым» «ползучие» теории держатся за данные основы общества и никогда не поднимаются на значительную высоту над современной жизнью: «Они умира-

ют там, где выросли, и в будущие века переходят лишь как историческое воспоминание». Именно такую участь предрекал Соловьёв теории Данилевского, ибо автор ее «стоит всецело и окончательно на почве племенного и национального раздора, осужденного, но еще не уничтоженного евангельскою проповедью» [112].

Как видим, главное доказательство «ползучести» теории Данилевского Соловьёв видел в том, что она строилась на чрезвычайно бережном отношении Данилевского к национальным особенностям, к сохранению самоценности каждой нации, каждого культурно-исторического типа. В целях достижения полемического эффекта он характеризует эти взгляды Данилевского как узаконение в мире «племенного и национального раздора». Он также видит эту «ползучесть» в известном консерватизме Данилевского, в приверженности его «данным основам общества», имея в виду скорее всего отношение Данилевского к православию и к общине. Попытки некоторых исследователей увидеть тут какой-то намек Соловьёва на необходимость ограничения самодержавия вряд ли имеют под собой почву на фоне той роли, которую он отводил царскому самодержавию в своей «вселенской теократии», на фоне его прославления царствования Николая I и стихов на «чудесное спасение» Царской Семьи во время крушения царского поезда в Борках [113].

Казалось бы, легче всего опровергнуть попытки представить Данилевского консерватором ссылками на элементы либерализма в его теоретических построениях, например: на его положительную оценку реформ 60-х годов; на его заявление, что Россию не надо пугать свободами – она в состоянии усвоить любую форму свободы; на его рассуждения о том, что «свобода слова не есть право или привилегия политическая, а есть право естественное», что установление цензуры над печатью было в России одним из заимствований, «прекращение же ее

было восстановлением естественного порядка отправлений общественной жизни» (С. 237). Но для Леонтьева либеральные нотки в книге Данилевского – явная ее слабость. «Крылатость» его теории он видит прежде всего в том, что эта теория имеет большую будущность в науке, – в то время как за теорией «вселенской теократии» Соловьёва, которую сам ее автор, несомненно, видел, в противоположность теории Данилевского, «крылатой», такой будущности Леонтьев не усматривал.

По мнению Соловьёва, подчеркивает Леонтьев, получается, что теория, которая опирается на историю народа, на бережное отношение к его традициям, является непременно «ползучей». Леонтьев с этим подходом категорически не согласен.

С другой стороны, он отвергает обвинения со стороны Соловьёва теории Данилевского и в том, что она якобы реставрирует прошлое и консервирует существующие общественные формы. Напротив, считает Леонтьев, это Соловьёв стремится восстановить далекое ветхозаветное теократическое прошлое и единую христианскую Церковь, в рамках которой христианство существовало свои первые десять веков. Леонтьев еще раз подчеркивает, что теорию Данилевского Соловьёв обозвал «ползучей» только потому, что она мешает его «крылатой» мысли о теократии. По его убеждению, для строительства здания на фундаменте теории Данилевского есть все предпосылки и условия, в то время как для теократии Соловьёва в действительности ничего подобного нет. И Леонтьев выражает твердую уверенность, что «богословскими надеждами» Соловьёву не дано уничтожить в принципе «историческую классификацию» Данилевского. Какие-то количественные поправки в его культурно-исторические типы возможны, но по существу они ничего не в состоянии изменить.

Столь горячая защита Леонтьевым Данилевского и его книги «Россия и Европа» не означала, однако, что он был абсолютным апологетом его теории. Он был слишком самостоя-

тельной личностью в русской философской и общественной мысли. В выражении и отстаивании своих взглядов он отличался большой твердостью и последовательностью, никогда ни в чем не поступался своими принципами в угоду авторитетам или так называемому «общественному мнению». Например, еще в 1884 году в работе «Дополнение к двум статьям о панславизме» он публично выразил свое несогласие с оценками Данилевским славянского мира (подробнее об этом дальше). Правда, и тут он предварил это несогласие существенной оговоркой, что всегда «был учеником и ревностным последователем нашего столь замечательного и (увы!) до сих пор одиноко стоящего мыслителя Н. Я. Данилевского, который в своей книге "Россия и Европа" сделал такой великий шаг по пути русской науки и русского самосознания, обосновавши так твердо и ясно теорию *смены культурных типов* в истории человечества» [114].

Высоко оценивая теорию Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьев в работе «Византия и славянство» в 1875 году развил свою концепцию исторического процесса. Она как бы дополняла теорию Данилевского, раскрывала закономерности развития культурно-исторических типов. Все явления в природе и общества, в том числе и «культуры мира», по его мнению, проходят три стадии: «I) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смесительного упрощения» [115]. Эти три стадии прошли все имевшие место в прошлом человечества культурно-исторические типы. Период «цветущей сложности» был в истории периодом наибольшего цивилизационного плодоношения. А «вторичное смесительное упрощение» знаменовало собой их увядание, приближение конца. Леонтьев неоднократно подчеркивал в своих работах, что смешение разных культур в одну или насильственное торжество одной культуры в мире приведет человечество к вырождению и гибели.

Хотя три стадии в развитии культурно-исторических типов у Данилевского тоже построены на органистическом принципе

(второй период он, например, иногда называет «цветением»), Леонтьев придавал большое самостоятельное значение своей теории, с гордостью отмечал ее универсальный характер. «Исходите всегда мыслью из идеи развития, осложнения и смешения – и вы редко будете ошибаться», – писал он [116]. Свою теорию он считал даже в какой-то степени равновеликой по значению теории Данилевского. Он заметил в одном из писем: «Данилевскому принадлежит честь открытия культурных типов. Мне – гипотеза вторичного и предсмертного смешения. Пусть-ка ее опровергнут! Что-то не суются» [117].

На стороне Н. Н. Страхова в его споре с В. С. Соловьёвым о книге Н. Я. Данилевского выступил и В. В. Розанов. После октября 1917 года он был предан умышленному забвению на 70 лет. Но в дореволюционной России его труды читали с интересом и высоко ценили. В. В. Зеньковский в своей фундаментальной эмигрантской работе по истории русской философии дал Розанову ту оценку, которая вполне соответствовала прижизненной его репутации: «Розанов едва ли не самый замечательный *писатель* среди русских мыслителей, но он и подлинный мыслитель, упорно и настойчиво пролагающий путь, свою тропинку среди запутанности мысли и жизни современности. По основному содержанию неустанной работы мысли Розанов один из наиболее даровитых и сильных русских религиозных философов – смелых, разносторонне образованных и до последних краев искренних с самим собой» [118].

Розанов высоко ценил Данилевского как мыслителя. В 1890 году в журнале «Вопросы философии и психологии» он писал, что его идеи, высказанные в книгах «Россия и Европа» и «Дарвинизм», «высоко возвышаются над умеренною производительностью нашего общества», и высказывал уверенность, что чем больше сменится поколений, «тем яснее проступят черты умственного здания, которое он пытался воздвигнуть» [119]. На появление статьи Н. Н. Страхова «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» в «Русском вест-

нике» (1894. № 10) Розанов отозвался своей статьей под характерным названием «Рассеянное недоразумение». Скорее всего это был одновременно и отклик на призыв Страхова, обращенный к Розанову годом раньше, в его письме из-за границы – «определить отношение книги Рюккерта к книге Данилевского». Страхов тогда еще раз решительно подчеркнул, что «эти две книги не имеют между собой ничего общего», хотя Рюккерт и говорит о типах, «но это не те типы, какие у Данилевского» [120].

В своей статье Розанов солидаризируется со Страховым, а в своем примечании к этой статье отмечает, что вывод Страхова «можно было предвидеть и заранее, притом на основаниях чисто психологических: плагиатор робок в отношении к заимствованной им мысли и в изложении ее неуклюж, неумел (большинство русских диссертаций) – особенности, которые совершенно отсутствуют в смело, мастерски, хотя и несколько грубо написанной "России и Европе". Только очень недальновидный читатель не отличит творца, инициатора от последователя, заимствователя. И, притом, к чему ему было скрывать родственность своих взглядов с идеями Рюккерта, когда все вообще русские подобною родственностью гордятся, на нее ссылаются, как на непререкаемый авторитет?... И, наконец, ведь не открытие, не изобретение он сделал, приоритет которого мог бы бояться потерять, а высказал некоторый взгляд на историю человечества, где всякая и для всякого поддержка может быть только ценна, желательна, – как для Гегеля были ценны идеи Гераклита и Аристотеля, и он их разъяснял, освещал и гордился совпадением их идей со своими, нисколько не затушевывая этого поведения» [121].

Комментируя в 1913 году указанное выше письмо к нему Страхова, Розанов еще раз подчеркивает абсурдность даже подозрений в плагиате Данилевского с точки зрения логики, здравого смысла и человеческих черт характера автора «России и Европы». Он пишет: «Соловьёв мог бы понять, что *са-*

мый ум Данилевского был не компилятивный, и если он не пошел за Дарвином, странно было бы вообразить, что он начнет компилировать с (безвестного) Рюккерта. Данилевский вообще этого *не мог, не умел.* Дар компиляции и плагиата... есть именно дар, и очень тонкий, ажурный, к которому несколько “медвежья” натура русского антидарвиниста, винноградаря и рыбовода... была совершенно не приспособлена. Нельзя тайно не подумать про себя, что сам бурный Соловьёв в муть и пену свою вовлек, без особых ссылок внизу страницы, весьма и весьма много чужих идеек – и средневековых, и манихейских, и просто католических» [122].

В отличие от В. С. Соловьёва, никогда не встречавшегося с Н. Я. Данилевским, многие хорошо знавшие его известные люди отмечали черты его характера и интеллекта, несовместимые с поступком, который инкриминировал ему Соловьёв. Отмечались, например, его «скромность и застенчивость» (П. П. Семёнов-Тян-Шанский), его «сильный, смелый ум, независимый и самостоятельный, и притом какой-то особенный, *честный* ум, чуждый всякого лукавства мысли, строго проверявший трудолюбивым изысканием и анализом всякое понятие, им усвояемое, всякое убеждение, на коем он утверждался» (И. С. Аксаков). Но эти отзывы нашли место в изданиях, которые давно стали библиографической редкостью. Отзыв же В. С. Соловьёва на страницах «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в нарастающем масштабе тиражировался в научных статьях, книгах, диссертациях. Книга Г. Рюккерта была доступна лишь единицам исследователей, поэтому они чаще всего полностью доверялись В. С. Соловьёву.

Даже советская философская наука, отнюдь не жалуя В. С. Соловьёва, полностью повторяла его приговор Данилевскому как несамостоятельному мыслителю, позаимствовавшему свою теорию культурно-исторических типов у Г. Рюккерта. Тон здесь на долгие годы задал «патриарх» советской исторической науки М. Н. Покровский, который еще в 1904 г. в соци-

ал-демократическом журнале «Правда», в статье «“Идеализм” и “законы истории”», со всей решительностью заявил: «Полемизировать с Данилевским после В. Соловьёва значило бы писать “Илиаду” после Гомера. Мы отсылаем интересующихся поэтому к “Национальному вопросу в России” (сборник статей В. С. Соловьёва. – *Б. Б.)* и статье Соловьёва “Немецкий подлинник и русский список”...» [123].

А уже в советское время в одной из работ он утверждал, что поскольку Александру III в юности историю якобы преподавал Победоносцев, то книга Данилевского «Россия и Европа» во время его царствования будто бы «настойчиво рекомендовалась всем преподавателям истории в качестве настольного руководства». На самом деле Победоносцев преподавал будущему царю Александру III законоведение, а историю – С. М. Соловьёв и К. Н. Бестужев-Рюмин. Была ли во время его царствования такая директива историкам, установить не удалось. Но зато хорошо известно, что Александр III прослыл в своей внешней политике миротворцем, и если он при этом руководствовался идеями Данилевского, то это значит, что в них ничего вредоносного не содержалось. Но Покровский склонен был считать, что книга «Россия и Европа» могла подталкивать российских императоров к агрессивной политике. Поэтому, определив внешнюю политику отца Александра III – Александра II – как агрессивную, Покровский посчитал, что это было следствием влияния на него сына, проникшегося идеями Данилевского [124].

В некоторых советских изданиях о заимствовании Данилевским идеи локальных цивилизаций у Рюккерта хотя прямо и не говорилось, но все же отмечалось, что Рюккерт раньше его обосновал эту теорию. Об этом можно прочитать, например, в статье о Данилевском Н. Л. Рубинштейна в 4-м томе «Советской исторической энциклопедии» (М., 1963). И даже в 1-м томе энциклопедии «Отечественная история», вышедшем в 1994 году, сказано, что Данилевский разработал теорию культурно-

исторических типов «вслед за немецким историком Г. Рюккертом» (С. 671). Что касается позиции советской историографии в целом, то ее отторжение теории Данилевского объясняется ее полной с ней несовместимостью, ибо она была построена на линейной модели восходящего исторического процесса, на прогрессивной смене формаций (первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической), на принципе «единого человечества». Степень несовместимости теории Данилевского с марксистской формационной схемой исторического процесса была не меньшей, чем с теократией Соловьёва. Намек на ее неоригинальность, на ее несостоятельный характер, на ее сомнительное происхождение от заурядного, неизвестного на Западе немецкого мыслителя как бы само собой снимал вопрос о ее серьезном значении. Постановка же вопроса о заимствовании в постсоветской научной литературе может объясняться лишь недостаточной изученностью литературы о Данилевском или особым расположением к позиции Соловьёва.

Двадцатый век стал веком медленного, но неуклонного торжества в исторической науке теории Н. Я. Данилевского. Причем на Западе, как в русской эмигрантской, так и в иностранной исторической науке, интерес к идеям Н. Я. Данилевского возник значительно раньше, чем в советской России, где на пути к ним стоял жесткий идеологический заслон в течение всех семидесяти послеоктябрьских лет. Достаточно сказать, что за эти годы книга Данилевского «Россия и Европа» ни разу не переиздавалась.

Ее новое издание в несколько сокращенном виде вышло почти сто лет спустя после переиздания ее в 1895 году – в серии «Историко-литературный архив» (редактор А. Н. Казакевич) издательства «Книга», в 1991 году. Незначительные купюры, коснувшиеся некоторых ссылок Данилевского на современное ему естествознание, не нанесли никакого ущерба основному содержанию книги, зато сделали ее легко восприни-

маемой массовым читателем. Рекордный не только для «России и Европы», но и для научного труда вообще, девяностотысячный тираж ее разошелся почти мгновенно. Этому способствовало и хорошее оформление книги, и интересное, содержательное послесловие, и впервые сопровождающие текст книги научные комментарии к нему С. А. Вайгачёва. В статье С. А. Вайгачёва впервые была воссоздана в наиболее объективном освещении драматическая история книги Данилевского и острой идейной борьбы вокруг нее, показано ее влияние на историософию XX века, обострившаяся актуальность идей Данилевского для судьбы России в конце XX столетия.

Наконец, в 1995 году вышло в Петербурге полновесное научное издание «России и Европы», названное шестым. Издательство Санкт-Петербургского университета «Глаголъ» выпустило книгу в серии «Литературное наследие русских мыслителей», что тем самым уже указывает на признание высокого авторитета Н. Я. Данилевского в науке. Книга была снабжена добротным научным аппаратом – указателем имен, глубокой аналитической вступительной статьей известного петербургского историка русской философии и социологии А. А. Галактионова, его же комментариями к тексту. Великолепно художественно оформленное, с приложением статей Н. Н. Страхова и К. Н. Бестужева-Рюмина, издание это, предпринятое довольно значительным тиражом (14 тыс. экз.), несомненно, сослужило большую пользу для постижения десятилетиями искажаемой правды о Н. Я. Данилевском и его книге.

Шествие книги Данилевского на Западе началось с ее издания на французском языке в Бухаресте еще в 1890 году. Затем последовал ее выход на немецком языке в Германии в 1920 и на английском в США – в 1966 году. Большую роль в пропаганде учения Данилевского на Западе сыграл выдающийся всемирно известный русский социолог, эмигрант первой волны П. А. Сорокин, высланный из советской России в 1922 году. Несомненно, под влиянием идей Данилевского он разработал свою кон-

цепцию всемирно исторического процесса, согласно которой этот процесс рассматривался им как циклическая флуктуация разных типов культур со своими философскими представлениями о природе реальности, а историческая действительность – как иерархия в разной степени интегрированных культурных и социальных систем. Таким образом, далеко не все принимая в теории культурно-исторических типов Данилевского, он горячо пропагандировал его учение как величайшее научное открытие. Он писал о книге «Россия и Европа»: «Начатая как политический памфлет высочайшего уровня, она демонстрирует политическую дискуссию такой пробы, что превращается в выдающийся трактат по философии истории и социологии культуры и оканчивается как образец необычайно проницательного и верного по существу политического прогнозирования и проповеди» [125]. Поскольку П. А. Сорокин был фактически основателем и организатором целой школы социологических исследований в США, его мнение имело большой научный вес. Не случайно книга Данилевского была издана в США при жизни П. А. Сорокина (умер в 1968 году).

Наши исследователи, в последние годы уделяющие Н. Я. Данилевскому и его книге «Россия и Европа» большое внимание, обращаясь к зарубежной историографии вопроса, приходят к заключению, что если к политическим выводам Данилевского из его теории на Западе доминирует отрицательное отношение, то непосредственно сама его теория получает, как правило, высокую научную оценку. В самом полном и обстоятельном за последнее время аналитическом обзоре зарубежных исследований, посвященных Н. Я. Данилевскому и его книге, в статье «Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке», на основе изучения большого количества работ Ю. С. Пивоваров приходит к твердому убеждению, что «в западной науке возникла одна весьма устойчивая и влиятельная традиция»: «Сторонники этой традиции рассматривают Н. Я. Данилевского по преимуществу как самостоятельного и крупного

философа истории, социолога, создателя концепции культурно-исторических типов» [126].

Именно здесь, в западном научном мире, состоялась как бы окончательная экспертиза по поводу обвинения В. С. Соловьёвым Н. Я. Данилевского в плагиате. На слепых почитателей этой соловьевской версии отрезвляюще подействовал тот факт, что в защиту Данилевского прозвучал не только авторитетный голос П. А. Сорокина, но и голос американского ученого Роберта Мак-Мастера, написавшего, как справедливо отмечает Ю. С. Пивоваров, самую фундаментальную в западной науке монографию о Данилевском, как бы подытожившую все написанное о нем – «Н. Я. Данилевский – русский тоталитарный мыслитель» (Кембридж, Массачусетс, 1967, Гарвардский университет. Центр изучения России). К сожалению, на родине Данилевского к тому времени не было издано не только ни одной монографии о нем, но даже ни одной брошюры.

Мак-Мастер долго и основательно изучал творчество Данилевского, посвятив ему ряд работ и научных докладов. Он действительно ссылается на все то немногое, что было написано о нем в России, и на обширную литературу о нем в других странах.

Он очень внимательно и в высшей степени добросовестно изучил и всю дискуссию Страхова с Соловьёвым по поводу обвинений Данилевского в заимствовании им теории культурно-исторических типов у Г. Рюккерта. Он произвел также тщательную экспертизу-сопоставление текстов обеих книг – «России и Европы» Данилевского и двухтомного «Учебника всеобщей истории» Г. Рюккерта. Причем эту работу Мак-Мастер начал еще за двенадцать лет до появления своей монографии. Уже в 1955 году в научном журнале «Американское славянское и Восточно-европейское обозрение» (Т. 14. № 1) появилась его статья «Вопрос о влиянии Генриха Рюккерта на Данилевского». Уже тогда он поставил под сомнение версию Соловьёва, которая, как он отмечал, была некритически затем пере-

несена во все энциклопедические статьи и научные работы о Данилевском, как в России, так и за ее пределами.

Мак-Мастер называл обстоятельства, которые породили в нем серьезные сомнения в правдивости версии Соловьёва. Во-первых, он обращает внимание на то, что Рюккерт подходит к воссозданию всеобщей истории как эмпирик, а не с точки зрения философии истории. Во-вторых, в своих редких фрагментарных размышлениях о человеческой истории он говорит о «культурах» и о «типах», но нигде не употребляет термин «культурно-исторический тип». В-третьих, его культуры линейно развиваются параллельно друг другу, а не циклами, локально, как у Данилевского. В-четвертых, зарождение и развитие культур он связывает с фактором самосознания человеческих обществ в борьбе с природой. В-пятых, он откровенно провозглашает абсолютное преимущество западноевропейской христианской культуры над прочими: исламской, китайской, индийской и т.д. – и видит перспективу человечества только в разрушении их культур, в универсализации их западной христианской культурой, в которой ядром является немецкая культура.

Мак-Мастер делает вполне обоснованный вывод, что концепция Рюккерта – типичное неогегельянство, что если бы Данилевский и прочитал книгу Рюккерта, то, хотя бы и обнаружил в ней что-то подтверждающее его взгляд на исторический процесс, он также увидел бы еще один образчик ненаучной, линейной «европейской», нетерпимой, империалистической точки зрения на историю. И только в этом отношении он мог бы использовать книгу Рюккерта – для иллюстрации новизны своих взглядов [127]. Таким образом, Мак-Мастер почти полностью подтвердил соображения Страхова о слишком большой разнице между теорией Данилевского и взглядами Рюккерта и наблюдение Страхова о «редактировании» Соловьёвым в своем переводе текста Рюккерта для большей убедительности своих домыслов о «заимствованиях» Данилевского.

В монографии Мак-Мастер не отступил от своей позиции, от своих сомнений по поводу обвинений Соловьёва в адрес Данилевского.

***

За рубежом создана обширная литература о Н. Я. Данилевском. Вот перечень в хронологическом порядке лишь основных работ, которые посвящены специально ему, и тех, в которых его фигура находится как бы в центре внимания из-за характера темы: А. Лютер. Русский предшественник Освальда Шпенглера. Лейпциг. 1921; М. Швартц. Шпенглер и Данилевский (Два типа культурной морфологии). Париж, 1926; А. фон Шелтинг. Россия и Европа в русской исторической мысли. Берн, 1948; Г. Кон. Славяне и Запад. История панславизма. Вена–Мюнхен, 1956; Ф. Фаднер. Семьдесят лет панславизма в России: от Карамзина к Данилевскому. 1800–1870. Джорджтаун, 1962; Г. Мюллер. Панславизм и культурная морфология. О труде Н. Я. Данилевского. Мюнхен, 1963; Д. Таден. Консервативный национализм в России в XIX веке. Сиэтл, 1964; Р. Мак-Мастер. Н. Я. Данилевский – русский тоталитарный мыслитель. Гарвард, 1967; А. Вусенич. Социальная мысль в царской России. Чикаго, 1976. И это не считая отдельных статей и докладов, посвященных Данилевскому.

В той или иной степени инкриминируя Данилевскому панславизм, они, почти все, высоко оценивают историко-философскую часть его труда, его теорию культурно-исторических типов. Г. Мюллер называет его «многосторонним мыслителем», Д. Таден – «выдающимся первооткрывателем в исследовании проблем социального и культурного развития», для А. Вусенича он – «наиболее оригинальный и эрудированный философ истории в России XIX столетия» [128]. И не случайно, конечно, созданное в 60-х годах Международное Общество сравнительного изучения цивилизаций высоко оценило его вклад в историческую науку [129].

Подавляющее большинство ученых всего мира признают приоритет Н. Я. Данилевского в обосновании исторического процесса в виде развития локальных цивилизаций. Во многих случаях предположительно или даже определенно говорится о его влиянии на О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Нортропа, В. Шубарта, С. Хантингтона. Во всяком случае, то, что он был основателем цивилизационного метода изучения исторического процесса, теперь почти никто не решается открыто оспаривать. Хотя замалчивание этого факта иногда имеет место.

Теперь принято говорить не о заимствовании Данилевским теории культурно-исторических типов у Г. Рюккерта, ибо, как справедливо замечает Ю. С. Пивоваров, статья Мак-Мастера «сняла» с него эти обвинения, а о том, что он имел предшественников, в работах которых шел накопительный процесс для этого открытия. Но этого не отрицал и Н. Н. Страхов, первый упомянув о «зачатках» мыслей Данилевского у Г. Рюккерта. К. Н. Бестужев-Рюмин добавляет имена немецкого философа И. Г. Гердера, итальянского социолога Д. Вико и английского историка Э. Фримана, в трудах которых есть «зачатки» некоторых мыслей Данилевского. В предисловии к последнему изданию «России и Европы» А. А. Галактионов, говоря об органической теории, которой придерживался Н. Я. Данилевский в своих историко-социологических построениях, справедливо указывает на целую плеяду представителей русской общественной мысли (более двух десятков имен), которые так или иначе исповедовали эту теорию, многие из них высказывали свои убеждения раньше Данилевского.

Когда отмечают влияние на Данилевского славянофилов, то обычно в первую очередь указывают на работы А. С. Хомякова и А. А. Григорьева. Но хотелось бы отметить, что в их творчестве Данилевский мог обнаружить и «зачатки» своей теории культурно-исторических типов, причем выраженные в некоторых случаях раньше, чем у Рюккерта, или почти одно-

временно с ним, нередко и в более рельефной, определенной форме.

Данилевский с большим почтением относился к А. С. Хомякову и его литературному наследию. Влияние идей Хомякова на его работу не подлежит никакому сомнению. В тексте «России и Европы» имеется семь ссылок на произведения Хомякова, причем его мысли в стихах и прозе использованы в качестве эпиграфов к четырем главам книги. Три брошюры А. С. Хомякова под общим названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» дважды высоко оценены в тексте книги «Россия и Европа». Все это говорит о том, что Данилевский со вниманием относился ко всему написанному А. С. Хомяковым. Между тем в работах, созданных за 17 лет до появления книги Г. Рюккерта: «Мнение иностранцев о России» и «Записки о всемирной истории», – А. С. Хомяков уже писал о «различии во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы», о совершенном «различии духа ветвей германской и славянской» [130]. Мысли о разных ветвях одного человеческого древа вполне могли подтолкнуть Данилевского к размышлению об органическом развитии разных культурно-исторических типов всечеловеческого древа. Сопоставляя идеи А. С. Хомякова и Н. Я. Данилевского, Н. М. Соколов в 1904 году пришел даже к категорическому выводу, «что, если бы не было Хомякова, не было бы и Данилевского или Данилевскому пришлось бы самому поднимать девственную почву нетронутой нивы» [131].

В одном из писем к Н. Н. Страхову К. Н. Леонтьев как-то заметил: «Помните, наш бедный “ихтиозавр” Аполлон Григорьев говорил где-то – “наше типовое растет”» [132]. Действительно, следуя принципам органицизма, А. А. Григорьев в статье «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения» в № 1 за 1858 год, т.е. почти одновременно с книгой Г. Рюккерта и задолго до начала работы Данилев-

ского над «Россией и Европой», как бы развивая взгляды Ф. Шеллинга, писал, что каждый народный организм «вносит свой органический принцип в мировую жизнь» [133]. Близкие, «однородные» народные организмы соединяются вместе (и образуют культурно-исторические типы, – очень существенно добавил Н. Я. Данилевский. – *Б. Б.).* И именно они, а не все человечество в западноевропейском измерении (как и у Данилевского), проходят «циклы древнего, среднего, нового мира». И совершенно в духе будущей теории Данилевского Григорьев добавляет: «Каждый таковой организм сам в себе замкнут, сам по себе необходим, сам по себе имеет полномочия жить по законам, ему естественным, а не обязан служить переходною формою для другого...» Редактор этого тома сочинений Григорьева В. Саводник, на наш взгляд, вполне справедливо в своем примечании к этим словам отмечает: «Изложенные выше идеи Григорьева представляют собой как бы зародыш теории “культурно-исторических типов”, с которою несколько позднее выступил Н. Я. Данилевский в своем известном труде “Россия и Европа”. Этим опровергается предположение Вл. Соловьёва, будто Данилевский заимствовал свою теорию у немецкого ученого Рюккерта» [134].

В другой статье – «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина», опубликованной в журнале братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» в 1861 г. (№№ 2, 3, 4, 5), Григорьев продолжал развивать взгляды на исторический процесс: «Нет сомнения, что романо-германский мир своим долгим и славным существованием выработал великие общественные, нравственные и художественные идеалы, как некогда выработал таковые же мир эллино-римский. Нет сомнения, что ни в какой новой жизни идеалы эти не должны пройти бесследно, но нет сомнения и в том, что всякая новая жизнь имеет собственные могучие силы творчества, носит в себе свои идеалы, которые отрицать ради прежних, готовых и выработанных, как бы блестящи эти прежние ни были, – грех, да и

фактически невозможно» [135]. Здесь культурно-исторические типы – эллино-римский, романо-германский и идущий ему на смену славянский – названы «мирами», но суть их от этого не меняется: они имеют свои «общественные, нравственные и художественные идеалы», т. е. особенности, отделяющие друг от друга и культурно-исторические типы.

Таким образом, А. А. Григорьев, творчество которого Н. Я. Данилевский знал, о чем свидетельствует его переписка со Страховым, мог быть более реальным вдохновителем, предшественником Данилевского в его научном открытии, нежели Г. Рюккерт. Но в целом Данилевский, благодаря своей необычайной эрудиции, наверняка впитал множество источников, и русских и иностранных, подтолкнувших его к пересмотру традиционной, «искусственной» схемы мирового исторического процесса. Нельзя исключить, например, что бывшему петрашевцу приходилось читать хотя бы некоторые номера «Колокола», где А. И. Герцен в цикле статей «Концы и начала» (1862–1863) однажды написал: «История представляет нам *на самом деле* схваченную, не осевшую, оседающую формацию, хранящую в памяти своей главные фазы развития и их переливы. Одни части рода человеческого достигли соответствующей формы и победили, так сказать, историю; другие в разгаре деятельности и борьбы творят ее; третьи, как недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всяких семян, для всяких посевов и всем дают неистощимую, тучную почву». И еще: «В природе, в жизни нет никаких монополий, никаких мер для предупреждения и пресечения новых зоологических видов, новых исторических судеб и государственных форм... не только фазы развития и формы быта изменяются, но создаются новые народы и народности, которых судьбы идут иными путями» [136]. Нетрудно заметить, что эта историческая парадигма гораздо ближе к «естественной» системе исторического процесса Данилевского, нежели к традиционной «искусственной» однолинейной схеме.

Теория Н. Я. Данилевского оказала влияние на весь дальнейший ход обсуждения исторической судьбы России, особенно в переломные периоды ее истории. Возникшая в эмиграции после революционных бурь 17-го года, гражданской войны и образования СССР теория евразийства, несомненно, несла в себе следы влияния этой теории. Евразийцы взяли на вооружение теорию культурно-исторических типов, но только в одном направлении развили и углубили ее – в плане несовместимости европейской и русской цивилизаций. Их ориентация на автономное от остального славянского мира развитие России, опора на особенность «русского славянства» в связи с якобы благотворной примесью в нем туранского элемента, их положительные оценки якобы созидательного влияния татаро-монгольского ига для государственного строительства на Руси – все это резко отделяет их от Данилевского и очень сближает с Леонтьевым. Поэтому нельзя не согласиться с выводом В. В. Зеньковского: «В евразийстве прежде всего оживают и развиваются леонтьевские построения об особом пути России, – не Данилевский с его верностью "племенному" (славянскому типу), а именно Леонтьев с его скептическим отношением к славянству ближе всего к евразийству. Но если и у Леонтьева славянство было все же *неизбежным* политическим злом, то в евразийстве проблемы славянства выпадают уже совершенно» [137]. Можно не сомневаться, что Данилевский никогда не принял бы концепцию, отсекающую Россию от славянского мира, никогда не принял бы понятие «Евразия» как синоним понятия «Россия».

Философией истории как таковой евразийцы занимались в самой минимальной степени. Их больше интересовала прикладная, геополитическая сторона теории культурно-исторических типов, которую они сделали основой своей концепции с корректировкой ее в сторону леонтьевского варианта, с противопоставлением романо-германского культурно-исторического типа не славянскому, а русскому (евразийскому). Что ка-

сается самой теории, то она ими не только не развивалась, но, как подметила В. М. Хачатурян, посвятившая евразийству целый цикл статей, в отдельных случаях они обеднили ее. Так, исследовательница отмечает, что если Н. Я. Данилевский признавал поступательность в развитии культурно-исторических типов, возрастание их обогащенности от одноосновных – к четырехосновным, то один из ведущих евразийцев Н. С. Трубецкой считал, что все культуры «полностью эквивалентны» [138].

Значительно продвинул теоретическую мысль на евразийском направлении Л. Н. Гумилёв, который считал, «что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» [139]. Но под его геополитическими выкладками и практическими рекомендациями лежал фундамент фактически нового обоснования локальных цивилизаций: теория этногенеза и пассионарности, основательно разработанная им в ряде книг: «Этногенез и биосфера земли», «Этносфера. История людей и история природы», «Ритмы Евразии». Теоретические построения, выраженные в этих трудах, сделали евразийский настрой Л. Н. Гумилёва радикальным, его геополитическую ориентацию определенно проазиатской. Он пишет: «Евразийский тезис: надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников надо искать искренних. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами» [140]. И хотя Гумилёв высоко ценил историософскую мысль Н. Я. Данилевского, гносеологические корни его теоретических и геополитических настроений, как и у всех евразийцев, лежат в трудах К. Н. Леонтьева. Но все же нельзя не признать: не было бы теории Данилевского, не было бы и теории Леонтьева, а не было бы теории Леонтьева – не было бы евразийства, а не было бы евразийства, вряд ли бы возникло учение Гумилёва.

За последние годы теория Н. Я. Данилевского, как это и предсказывали наиболее проницательные русские ученые – Н. Н. Страхов, К. Н. Бестужев-Рюмин, П. А. Сорокин, – получает все большее признание не только за рубежом, но и в нашей стране. Ученые, которые написали о нем в 80–90-е годы XX века статьи, диссертации, главы монографий и учебных пособий, уже, как правило, не решались называть его компилятором идей Г. Рюккерта, как это пытался доказать В. С. Соловьёв. В работах таких и маститых, и начинающих ученых, как (назовем по алфавиту, а не по степени научной весомости) Л. Р. Авдеева, А. Н. Аринин, В. В. Афанасьев, С. И. Бажов, Б. Н. Бессонов, С. А. Вайгачёв, А. А. Галактионов, И. А. Голосенко, А. П. Дубнов, А. А. Захаров, А. Э. Маякунов, В. М. Михеев, Н. Х. Нугманова, Ю. С. Пивоваров, О. А. Платонов, А. А. Псеуш, Е. С. Троицкий, В. М. Хачатурян, Г. Д. Чесноков, – исторические взгляды Н. Я. Данилевского оценены как выдающийся вклад не только в русскую, но и в мировую науку. Причем нарастает тенденция очищения этих взглядов от явных, иногда бесцеремонных и грубых искажений их его оппонентами, допущенных по идеологическим и политическим соображениям.

Например, с легкой руки В. С. Соловьёва во многих статьях и книгах советского периода культурно-исторические типы, локальные цивилизации Данилевского изображались как абсолютно изолированные монады, а сам Данилевский как крайний изоляционист. И это несмотря на то, что в его книге не только не отрицалось взаимное влияние (до определенного предела) разных культур, но и были проанализированы механизмы этого процесса, были определены субстанции (наука, техника), которые безоговорочно оценивались автором как подлежащие передаче от одного культурно-исторического типа к другому. В. М. Хачатурян поясняет: «Данилевский в противоположность О. Шпенглеру и раннему А. Тойнби не рассматривает цивилизации как некие замкнутые, изолированные друг от друга монады. Но проблема пользы или вреда от усво-

ения “чужой” культуры стоит в его книге достаточно остро, и это естественно: сохранение и развитие самобытных начал культурно-исторических типов Данилевский считал невозможным в том случае, если происходит слишком сильное или тем более насильственное культурное воздействие одной цивилизации на другую» [141].

Цивилизационный метод в постсоветской российской исторической науке завоевывает все больше позиций. Отталкиваясь от него, историки выходят на новые направления в своих исследованиях. Институт всеобщей истории один за другим стал выпускать сборники «Цивилизации». Но это не значит, что новая методология, основателем которой был Н. Я. Данилевский, полностью доминирует на огромном пространстве исторической науки. Ряд ученых придерживаются политизированной цивилизационно-формационной методологии, когда каждая цивилизация рассматривается через призму сменяющихся в ней традиционных формаций. Кроме того, в зарубежной исторической науке наряду с цивилизационным принципом имеют место различные линейные периодизации исторического процесса: Даниэла Бэлла (доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество), Алвина Тоффлера (цивилизация первой, второй и третьей волны). Они исходят из принципа единой общечеловеческой цивилизации, лидером которой, естественно, провозглашается западная. Тем не менее, как отмечают исследователи, «устойчивый интерес» к теории Н. Я. Данилевского западной историографии и «нарастающий интерес» в отечественной исторической науке является непреложным фактом.

А какова судьба теории «вселенской теократии», с позиции которой В. С. Соловьёв неистово атаковал теорию Н. Я. Данилевского? Соловьёва, жаждавшего увидеть ростки своей теории в окружающей его действительности, ожидало горькое разочарование. Он, как известно, пережил на этой почве тяжелую духовную драму.

В кругах иерархов русской православной Церкви его проповедь была воспринята как ересь и сумасбродство. Уже на первые попытки Соловьёва пропагандировать свое теократическое учение обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев так прореагировал в письме к И. С. Аксакову: «Боже мой! Как это ужасно, что умные люди ныне сплошь впадают в сумасшествие. В. С. Соловьёв все дальше и дальше идет по этой дороге» [142].

Без энтузиазма встретили идею вселенской теократии и отцы-иезуиты в Париже, перед которыми Соловьёв эту идею развивал. Во-первых, для католиков православие никогда не было равноценной частью христианского мира, – это была ее «заблудшая» часть. Во-вторых, принимая как должное мысль о власти Римского папы над объединенной Церковью, они с порога отвергали идею о светской власти в лице русского царя в будущей теократии. Для них сам Соловьёв, ринувшийся к ним навстречу, являл собой объект «уловления заблудшей души во славу Божию». После выхода в Париже его книжки «Россия и вселенская Церковь» один из влиятельнейших римских кардиналов написал ему: «Возлюбленный во Христе сын мой, поспешай в Рим, чтобы возможно скорее присоединиться к истинной вере» [143]. В письме к М. М. Стасюлевичу в ноябре 1888 г. Соловьёв сообщает, что даже «русский иезуит» Пирлинг отказался принимать участие в издании его книги «Россия и вселенская Церковь» «вследствие различия наших взглядов» [144]. Все это не могло не отрезвить Соловьёва.

В его письмах появляются признания, что из-за границы он вернулся «более православным», заверения, что «в латинство он никогда не перейдет» [145]. В 1890 году он обратился с письмом в редакцию «Нового времени» (опубл. в № 5026 от 25 февраля) с опровержением слухов о его якобы переходе в католичество. Одновременно он заявил, что никогда не выступал даже за внешнюю унию православия с католической Церковью.

А в письме Николаю II в 1900 году вместе с призывом к установлению в России свободы вероисповедания Соловьёв воздает хвалу историческому самодержавию в России, без которого, по его словам, «отечество наше не получило бы своей внешней политической самостоятельности в XV веке, а в начале XVII утратило бы свою внутреннюю национальную самобытность». Он видит заслугу Александра III в том, что он явился «перед всем светом в образе могучего миротворца». И, наконец, он характеризует православие как «чистейший и совершеннейший вид христианства» [146].

Полное отсутствие в реальной действительности конца XIX века каких-либо даже намеков на движение мирового христианского сообщества в сторону «вселенской теократии» повергло Соловьёва в глубокую депрессию. Вместо благостного движения христианских Церквей к объединению он видел нарастающую враждебность народов друг к другу на почве религиозной и национальной розни. Отсюда ощущение скорого апокалипсиса или, по крайней мере, грандиозной катастрофы для христианского мира от нашествия желтой, монголоидной расы с Востока, под которой он разумел сотни миллионов китайцев. (Предчувствия двух самых кровавых нашествий на Россию с Запада, унесших 37 миллионов жизней в России, у Соловьёва не было.)

Будущая власть антихриста виделась ему в образе лживой, лицемерной демократии. Он полагал, что, может быть, тогда-то христиане всего мира, снова загнанные для своих молитв в катакомбы и леса, наконец объединятся. Теократия теперь представлялась ему достижимой только за пределами земной жизни. В нем углублялось чувство тревоги за судьбу России. А ощущение близости антихриста нарастало с каждым днем в его неприкаянной, мятущейся душе. В. Л. Величко вспоминает, как, прочитав однажды приятелю в рукописи свою «Повесть об Антихристе», он «спросил его внезапно:

– А как Вы думаете, что будет мне за это?

– От кого?

– Да от заинтересованного лица! *От самого*!

– Ну, это еще не так скоро!

– Скорее, чем Вы думаете!»

Это была отнюдь не жанровая юмористическая сценка – Соловьёв, да и его друзья исповедовали вполне искренне тот мистицизм, который широко захватил в 80-е годы часть интеллигентских и аристократических кругов в России. Величко заключает: «Приятель Соловьёва, В. П. Протейканский, рассказавший мне это, и сам тоже немного мистик, подобно всем верующим людям, добавил потом не без волнения: “А заметьте, однако: через несколько месяцев после этого вопроса нашего Владимира Сергеевича не стало! Точно кто вышиб этого крестоносца из седла!”» [147]

Умер В. С. Соловьёв, приобщившись Святых Тайн по православному обряду, развеяв окончательно ложные слухи о переходе в католицизм.

Пророчество его относительно своей окончательной победы в споре с Данилевским не сбылось – он оказался плохим звездочетом. Но в истории России он, тем не менее, остался первым всемирно известным русским религиозным мыслителем, проложившим дорогу целой плеяде выдающихся представителей теперь уже тоже всемирно известной школы русской религиозной философии.

Примечания

1. Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959. С. 519.
2. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 400.
3. *Соколов Н. М.* Россия, Европа и человечество // Русский вестник. № 10. С. 656–657.
4. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Изд. 6-ое. СПб., 1995. С. 57. Далее при ссылках на этот труд будут указываться лишь соответствующие страницы в тексте данной монографии, непосредствен-

но после цитирования.

5. *Гумилев Л. Н.* Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 493.
6. В нынешней научной литературе понятие «цивилизации» нередко употребляется как синоним понятия «культурно-исторический тип». Мы же считаем, что Данилевский обоснованно разделяет эти два понятия, и будем следовать за ним.
7. *П. Щ.* Заметка // Русский вестник. 1869. № 7–8. С. 368.
8. Критические заметки о текущей литературе // Заря. 1869. № 7. С. 148.
9. *Безобразов В. П.* Война и революция. М., 1873. С. 22.
10. В том же апрельском номере журнала за 1871 г., где появилась рецензия на книгу Н. Я. Данилевского, редакция поместила статью А. И. Шеллера-Михайлова «Рабочие ассоциации», в которой познакомила читателей с «Капиталом» К. Маркса.
11. Дело. 1871. № 4. II Отд. С. 102.
12. Там же. С. 103.
13. *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. III. СПб. 1909. С. 867.
14. Там же. СПб. С. 761, 763.
15. Там же. СПб. С. 884.
16. Начиная публикацию рукописи книги Н. Я. Данилевского, редакция нигде не оговорила, что это именно книга, и поэтому не только Ф. М. Достоевский, а и другие читатели воспринимали ее в первых номерах как статью с продолжениями.
17. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 30-и томах. Т. XXIX. Кн. 1. Л., 1986. С. 30.
18. Там же. С. 46.
19. Там же. С. 115.
20. Там же. С. 36.
21. Там же. Т. XXVIII. Кн. 2. М., 1985. С. 469, 273.
22. *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1987. С. 441.
23. Там же. С. 260.
24. *Твардовская В. А.* Достоевский в общественной жизни России. М., 1990. С. 3.
25. *Киреева Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 93.
26. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Указ. соч. С. 3–4.
27. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Николай Яковлевич Данилевский // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного

общества. 1885. № 10. С. 457.
28. Там же. С. 458.
29. Журнал Министерства народного просвещения. 1888. №4. С. 532.
30. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Теория культурно-исторических типов / Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1996. С. 443.
31. Там же. С. 462.
32. Русский вестник. 1890. № 3. С. 261.
33. *Соловьёв В. С.* Собр. соч. Изд. 2-ое. СПб., 1911–1914. Т. 4. С. 201.
34. Там же. С. 195.
35. *Величко В. Л.* Владимир Соловьёв. СПб., 1904. С. 13.
36. Работа Э. Гартмана (1842–1906), немецкого философа-идеалиста, «Философия бессознательного» была к тому времени издана только на немецком языке (1869), русский перевод ее появился в 1902 г. Автор выражал в своем труде пессимистический взгляд на историю, считая мировой процесс иррациональным, орудием бессознательной мировой воли.
37. *Кони А. Ф.* Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 191.
38. *Кони А. Ф.* Указ. соч. С. 203.
39. *Соловьёв В. С.* Собр. соч. Т. 1. С. 215.
40. Там же. С. 224.
41. Там же. Т. 4. С. 3.
42. Там же. С. 19.
43. *Соловьёв В. С.* Письма. Т. 1. СПб., 1908. С. 114.
44. Переписка Владимира Сергеевича Соловьёва с Иваном Сергеевичем Аксаковым // Русская мысль. 1913. № 12. С. 82.
45. *Соловьёв В. С.* История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Собр. соч. Т. 4. СПб., 1914. С. 253.
46. *Соловьёв В. С.* Россия и вселенская Церковь. М., 1991. С. 147–153, 169.
47. Там же. С. 249.
48. Там же. С. 160–161.
49. *Соловьёв В. С.* Русская идея. М., 1911. С. 12.
50. Там же. С. 30–31.
51. Там же. С. 33.
52. *Соловьёв В. С.* Письма. Т. III. СПб., 1911. С. 140.
53. *Трубецкой Е. Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 573–574.
54. Там же. С. 585.

55. Там же. С. 583.
56. *Соловьёв В. С.* Еврейство и христианский вопрос (1884). Собр. соч. Т. 4. С. 121.
57. *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьёв и его время. М., 1990. С. 629.
58. РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.
59. *Бердяев Н. А.* Типы религиозной мысли в России. Собр. соч. Т. 3. Париж, 1989. С. 211.
60. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. Изд. 2-ое. Париж, 1965. С. 257.
61. *Соловьёв С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. Брюссель, 1977. С. 295.
62. *Соловьёв В. С.* Письма. Т. 1. СПб., 1908. С. 42.
63. Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 3.
64. *Соловьев В. С.* Сочинения в 2-х томах. М., Правда. 1989. Т. 1. С. 337.
65. Там же. С. 358.
66. Там же. С. 353.
67. Там же. С. 369.
68. Там же. С. 336–337.
69. Там же. С. 386.
70. Там же. С. 351.
71. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 65. М., 1953. Письма. С. 160.
72. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914. С. 414.
73. Там же. С. 435.
74. *Леонтьев К. Н.* О Владимире Соловьёве и эстетике его жизни (По двум письмам). М., 1912. С. 5.
75. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. СПб., 1993. С. 376–377.
76. *Соловьёв В. С.* Счастливые мысли Н. Н. Страхова / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. С. 557.
77. *Соловьёв В. С.* Сочинения в 2-х томах. Т 1. С. 638.
78. *Соловьёв В. С.* О грехах и болезнях / Сочинения в 2-х томах. Т. 1. С. 513.
79. *Соловьёв В. С.* Мнимая борьба с Западом. Там же. С. 542.
80. *Страхов Н. Н.* Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. Киев, 1898. С.182–183.
81. Там же. С. 138.

82. Там же. С. 129.
83. *Страхов Н. Н.* Наша культура и всемирное единство / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. Изд. 2-ое. СПб., 1890. С. 218.
84. *Страхов Н. Н.* Спор из-за книг Н. Я. Данилевского // Русский вестник. 1889. № 12. С. 187.
85. *Страхов Н. Н.* Наша культура и всемирное единство / Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2. С. 233.
86. Там же. С. 273.
87. Там же. С. 221.
88. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 4.
89. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 56.
90. *Соловьёв В. С.* Письма. Т. 1. С. 15.
91. Там же. С. 23.
92. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 109.
93. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Т. 1. С. 245.
94. *Соловьёв В. С.* Письма. Т. 1. С. 59.
95. Вестник Европы. 1890. № 12. С. 562.
96. Там же. С. 568.
97. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. С. 158.
98. Там же. С. 163.
99. Там же. С. 171.
100. Там же. С. 158.
101. *Соловьёв В. С.* Письма. Т. I. СПб., 1911. С. 59.
102. Там же. Т. III. С. 51.
103. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 73, 79.
104. Там же. С. 302.
105. *Леонтьев К. Н.* Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 7. СПб., 1913. С. 285, 292, 294.
106. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 532.
107. *Леонтьев К. Н.* Собр. соч. Т. 7. С. 293, 329.
108. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 504.
109. *Леонтьев К. Н.* Собр. соч. Т. 7. С. 330.
110. Там же. С. 291, 356.
111. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 500.
112. *Соловьёв В. С.* Россия и Европа / Соч. в 2-х томах. Т. 1. С. 334–335.
113. Крушение поезда, перевозившего Александра III и его семью из

Крыма в Петербург, произошло у с. Борки 17 октября 1888 г.
114. *Леонтьев К. Н.* Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 108.
115. Там же.
116. *Леонтьев К.Н.* О Владимире Соловьёве и эстетике его жизни. С. 30.
117. *Леонтьев К.Н.* Избранные письма. С. 504.
118. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991. С. 266.
119. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 5.
120. Там же. С. 367.
121. Там же. С. 109.
122. Там же. С. 367.
123. *Покровский М. Н.* Избранные произведения. Кн. 4. М., 1967. С. 259.
124. *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 248.
125. *Sorokin P.* Social philosophies of an age crisis. Boston, 1951, P. 329. Цитата эта приводится во многих работах о Данилевском. Поскольку она лучше всего иллюстрирует отношение Сорокина к «России и Европе», привели ее и мы.
126. *Пивоваров Ю. С.* Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. № 1. С. 167.
127. *McMaster R. E.* The question of Heinrich Ruckert's influence of Danilevskiy // The American Slavie and East European review. Vol. 14. № 1. 1955. Pp. 61, 63, 65, 66.
128. См. *Пивоваров Ю. С.* Указ. соч. С. 176, 167, 168.
129. *Султанов К. В.* Философско-социологическая система Н. Я. Данилевского и ее толкование в современной буржуазной философии. Автореферат канд. дисс. (история философии). Л., 1975. С. 4.
130. *Хомяков А. С.* Соч. Т. 1. М., 1878. С. 3; Т. 3. М., 1882. С. 52.
131. *Соколов Н. М.* А. С. Хомяков и Н. Я. Данилевский // Русский Вестник. 1904. № 7. С. 147.
132. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. СПб., 1993. С. 302.
133. *Григорьев А. А.* Собр. соч. Вып. 2. М., 1915. С. 90.
134. Там же. С. 90–91.
135. Там же. Вып. 3. М., 1915. С. 4.
136. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-и томах. Т. XVI. М., 1959. С. 173, 198.

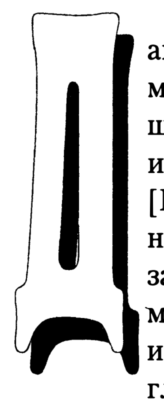
137. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. Изд. 2-ое. Париж, 1955. С. 158–159.
138. *Хачатурян В. М.* Историософия евразийства / Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 46. См. там же ее статьи: «Евразия: между Западом и Востоком»; Культура Евразии: этнос и геополитика». Ее же: «Революция и русская культура в концепциях евразийства» / Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992.
139. *Гумилёв Л. Н.* Ритмы Евразии. М., 1993. С. 25.
140. Там же. С. 31.
141. *Хачатурян В. М.* Н. Я. Данилевский: европейская цивилизация и Россия / Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 70.
142. ИРЛИ РО. № 22583. Л.33.
143. *Величко В. Л.* Владимир Соловьёв. СПб., 1904. С. 83.
144. *Соловьев В. С.* Письма. Т. IV. С. 38.
145. Там же. Т. III. С. 189, 187.
146. ОР РНБ. Ф. 718 (Соловьёв В. С.) Д. 34. Лл. 1, 2.
147. *Величко В. Л.* Владимир Соловьёв. СПб., 1904. С. 171.

Глава третья

Европа и славянский мир

анилевский по выходе своей книги счел необходимым разъяснить, что ее основное содержание посвящено разработке проблем «не политического, а преимущественно историко-философского свойства» [1]. Очевидно, уже первые немногие газетно-журнальные отклики на книгу, сведения о ходе ее реализации показали ему, что покупатель иногда проходит мимо книги, а читатель – мимо главного содержания из-за ее явно «зауженного», политизированного заглавия. Поскольку основной замысел книги, ее сверхзадача не сразу были замечены, Н. Н. Страхов как ее издатель, начиная с издания «России и Европы» 1888 года, вынужден был повторять в предисловиях к ней: «Эта книга названа слишком скромно. Она вовсе не ограничивается Россией и Европою или даже более широкими предметами – миром Славянским и миром Германо-Романским. Она содержит в себе новый взгляд на всю историю человечества, новую теорию Всеобщей истории» [2].

Разъяснить это для Страхова было важно не только и не столько для того, чтобы расширить круг

ее потенциальных покупателей, но прежде всего для того, чтобы учеными был наконец замечен огромный вклад Н. Я. Данилевского в историческую науку, в историософскую мысль.

Однако среди недобросовестных оппонентов Данилевского нашлось немало таких, которые сделали вид, что именно политологическая проблема: Россия и Европа – и является центральной в его книге. Не без умысла, как кажется, и свою рецензию на книгу В. С. Соловьёв так и назвал «Россия и Европа». С фундаментально обоснованной, логически четко выстроенной теорией Данилевского легче всего было полемизировать, перенеся центр тяжести в область геополитических и политических проблем, затронутых в его книге. Если для критики конкретно-исторических, а тем более историософских аспектов книги Данилевского требовались основательные научные знания, то в области внешнеполитических, геополитических вопросов, поставленных в ней, почти каждый публицист считал себя специалистом. А взгляды Данилевского на эти проблемы имели немало противников в численно преобладавшей официозной, проправительственной и либерально-западнической прессе. Поэтому те, кто не отказались от тактики осознанного замалчивания книги, прибегали с помощью тенденциозного выборочного цитирования к искаженному воспроизведению именно политических взглядов Данилевского. Как бы подкрепляя заголовок работы, многие оппоненты Данилевского приписывали ему «грехи», в которых он был абсолютно неповинен: его обвиняли в обосновании агрессивной, макиавеллистской политики России по отношению к Европе.

Между тем Данилевский поставил и основательно разработал прежде всего геополитическую проблему – «Европа и славянский мир», из анализа которой вытекала и постановка в книге вопроса об отношении России к Европе. То есть акцент был сделан на анализе политики Европы по отношению к славянскому миру или, еще более конкретно, – к России. И именно политика Европы по отношению к России и славянским на-

родам из конкретных исторических фактов, приведенных в книге, вырисовывалась как агрессивная и макиавеллистская. А Данилевский лишь предлагал свой вариант «обороны» славянскому миру от постоянных агрессивных посягательств Запада, от его коварной политики по принципу «разделяй и властвуй», от его неуемного стремления воспрепятствовать единению славян и на корню умертвить зарождающийся новый славянский культурно-исторический тип. Политико-публицистическая часть книги Данилевского была посвящена анализу именно этой проблемы, но его критики или обошли ее полным молчанием, или совершенно извратили, приписав ей указанный выше абсолютно противоположный смысл. Объяснялось это очень просто: многие наблюдения Данилевского по поводу неоправданного самомнения Европы, ее насильственных действий по распространению своей культуры и религии, по поводу стойкой враждебности ее к славянскому миру, по поводу причин и проявлений этой враждебности попадали не в бровь, а в глаз, носили неопровержимый характер, и для оппонентов Данилевского не оставалось ничего другого, как или не касаться их, или извращать.

Данилевский, например, впервые обратил внимание читателей на то, что провозглашение Европы целой частью света основано на историческом недоразумении. Ибо все остальные части света отделены друг от друга морями и океанами, а Европа отделена от Азии далеко не самыми высокими горами в мире – Уральским хребтом – и небольшой рекой Урал. Данилевский ставит вполне правомерный и необходимый вопрос: «Ежели Урал обращает Европу в часть света, то почему же не считать за часть света Индию? Ведь и она с двух сторон окружена морем, а с третьей – горами (не Уралу чета); да и всяких физических отличий (от сопредельной части Азии) в Индии гораздо больше, чем в Европе». Данилевский напомнил, что названия «Европа» и «Азия» идут от древних народов, населявших район Средиземноморья, которые называли «Евро-

пой» все, что лежало к северу от этого моря, а «Азией» все, что распростерлось к Востоку. В дальнейшем, однако, проведя границу по Уралу между Европой и Азией, европейские ученые и государственные мужи стали все чаще вкладывать культурно-политический смысл в эти географические понятия. Европа стала олицетворением романо-германского культурно-исторического типа, подчеркнул Данилевский. Под понятием «европейская цивилизация» стала подразумеваться только романо-германская цивилизация как «самая передовая», самая последняя ступень человеческой цивилизации в линейном измерении исторического процесса. По мнению западноевропейских ученых, она «обречена» стать общечеловеческой, и миссия Европы состоит в распространении ее на всем земном шаре всеми доступными средствами.

В этом понятии «Европа», разъяснял Данилевский, уже не было места для народов, не входящих в романо-германский культурно-исторический тип. Это уже была не вся географическая Европа, а только Западная Европа. Появился и ее синоним «Запад», в который позже стали включать и Северо-Американские Соединенные штаты. Но славянский мир, находящийся в Восточной Европе, а тем более Россия, значительная часть которой находится в Азии, в это ограниченное рамками «европейской цивилизации» понятие высокомерно не включались.

На вопрос, принадлежит ли Россия к Европе, в свете своей критики понятия «Европа» Данилевский не без иронии отвечал: «Как угодно, пожалуй – принадлежит, пожалуй – не принадлежит, пожалуй – принадлежит отчасти, и притом насколько кому желательно. В сущности же, в рассматриваемом теперь смысле, и Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии...» (С. 46–47).

Но если вопрос о принадлежности России к Европе в географическом смысле представляется Данилевскому несущественным в силу спорности в этом плане самого понятия «Евро-

па», то с точки зрения теории культурно-исторических типов он совершенно определенно относит «Европу» и Россию к разным мирам. Он напоминает, что в отличие от романо-германского мира Россия образовывалась не на развалинах Древнего мира и не питалась корнями германского духа. Она не входила в состав империи Карла Великого, из ствола которой образовалось многоветвистое европейское дерево; не являлась и частью «теократической федерации», которая возникла после распада этой империи. В течение пятнадцати веков латынь в Европе была общим языком науки, культуры, дипломатии и церковного богослужения. Россия этого не знала. Россия не знала и отделившегося от православия католичества, и последующей борьбы с ним протестантства, не знала и распространившейся в Европе философской схоластики. Словом, заключает Данилевский, Россия «не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу». Поэтому, считает он: «Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой» (С. 49).

Данилевский на конкретных фактах показывает, что ко всем народам, не охваченным влиянием европейской цивилизации, Европа (в самом узком политико-культурном значении) относится, как к отсталым, нуждающимся в прививке этой цивилизации, которая может осуществляться или огнем и мечом, или экономической экспансией. К славянам Европа испытывает не только презрение, как к нецивилизованным народам, но и ненависть, так как чувствует, что эти молодые народы (моложе европейских на 500–600 лет) несут в себе способность рождения новой, своей самобытной, культуры. И удвоенную ненависть она испытывает к России, ибо в отличие от других славянских племен она обрела самостоятельность, выработала прочную государственность, превратилась во влиятельную мировую державу и таит в себе способность сплотить вокруг себя весь славянский мир.

Кроме осознанных причин для своей неприязни и даже ненависти к России и к славянам вообще, Европа, отмечает Данилевский, просто интуитивно чувствует в них «нечто ей чуждое». Причина этого явления, считает он, «лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против, их воли и сознания) к неведомой для них цели; ибо в общих, главных очертаниях история слагается не по произволу человеческому, хотя ему и предоставлено разводить по ним узоры» (С. 41–42). Разумеется, Данилевский подразумевал здесь судьбу двух различных культурно-исторических типов, ощущающих свою несовместимость.

Надо сказать, что по этому вопросу и в целом по проблеме «Европа и славянский мир» Данилевский шел, как и в своей теории, не «по целине». И здесь у него были источники, питавшие его мысль, толкавшие ее к обобщениям. В частности, по данному вопросу И. С. Аксаков еще в 1861 году в газете «День» (т.е. когда, возможно, у Данилевского еще не было и замысла книги «Россия и Европа») писал: «Пора догадаться, что благосклонности Запада мы никакою угодливостью не купим, пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запада к Славянскому православному миру происходит от иных, глубоко скрытых причин; эти причины – антагонизм двух противоположных духовных просветительных начал и зависть дряхлого мира к новому, которому принадлежит будущность» [3].

Мысли Данилевского о враждебности Европы к славянскому миру, к России не были результатом его чисто умозрительных заключений на основе только его теории культурно-исторических типов. Они основывались на неопровержимых фактах истории и текущих внешнеполитических событиях, происходивших при жизни Данилевского, на его глазах, нередко в виде не только дипломатических, но и военных акций. Его мысли на этот счет находили наглядные подтверждения и в трудах, книгах, статьях, речах западных ученых, государствен-

ных деятелей, политиков, журналистов. При своем стабильном интересе к вопросам внешней политики и свободном владении тремя европейскими языками Данилевский был в этом плане тоже вполне осведомленным человеком.

Западные ученые под презрительно-высокомерное отношение к славянскому миру старались подвести «научную» подкладку в виде разного рода расистских измышлений. Данилевский приводит в пример учение шведского натуралиста А. А. Ретциуса, который, разделив человеческие племена на более полноценных (длинноголовых) и менее полноценных (короткоголовых), отнес славян к последней категории. Он напомнил также о работах немецкого историка Г. Вебера, в которых народы делятся на три категории – ученые, военные и кормящие племена; и славяне отнесены к третьей категории, т. е. обречены на обслуживание двух первых (С. 46). Россия фигурирует в европейской литературе, пишет Данилевский, как «гасительница света и свободы, темная мрачная сила». Он ссылается на книгу немецкого историка Карла Роттека «Всеобщая история», в которой цинично указывалось, что «всякое преуспеяние России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение благоденствия ее и могущества есть общественное бедствие, несчастие для всего человечества» (С. 36). С чувством горечи он отмечает, что все самобытно русское и славянское кажется Европе «достойным презрения и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации», что русский в глазах европейцев «может претендовать на достоинство человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик». В популярных на Западе очерках путешественников по России, констатирует Данилевский, можно увидеть проявление симпатий к самоедам, корякам, якутам, татарам, «только не к русскому народу». Это отношение прослеживается, по наблюдениям Данилевского, в поведении и приезжающих в Россию матросов, и наемных управляющих в дворянских имениях, и, наконец, в европейских газетах. Его воз-

мущает, что «наша пресса молчит в ответ на эту клевету» (С. 42, 40).

О фантастических злобных измышлениях в западноевропейской литературе по адресу славян, и особенно русских, в образованных кругах России многие были хорошо осведомлены. Но чувство протеста по этому поводу в периодической печати выразить было непросто. Руководивший Министерством иностранных дел рекордный по длительности срок, с 1814 по 1856 год, Карл Нессельроде, придерживавшийся австро-прусской ориентации, через цензурное ведомство внимательно следил за тем, чтобы в печати ничего не появлялось, что могло бы вызвать в западных странах неудовольствие и раздражение. Поддержку ему в этом оказывал сам Николай I, да и многие другие высшие сановные лица. В связи с этим А. С. Пушкин в письме к шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу высказал характерную для того времени просьбу: «Пусть позволят нам, русским писателям, отражать бесстыдное и невежественное нападение иностранных газет» [4].

Иногда все-таки этот протест прорывал и цензурные препоны. А. С. Хомяков, например, посвятил этой теме статью «Мнение иностранцев о России», опубликованную в журнале «Москвитянин», № 4 за 1845 г. Наблюдая за нарастающим на Западе потоком литературы о России, Хомяков с возмущением констатировал: «И сколько во всем этом вздора, сколько невежества!.. какая бесстыдная ложь, какая наглая злоба!» [5].

Вряд ли Данилевский не знал о фактах, приведенных в монографии известного в то время слависта В. И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», вышедшей одновременно с книгой «Россия и Европа», в 1871 году. Речь в ней шла главным образом о том, как подавалась история славянства, история России в трудах западноевропейских историков, в каком виде в этих трудах воспроизводились национальные черты славян, их взаимоотношения с Западной Европой. Во введении к книге В. И. Ламанский вы-

соко отзывается о труде Данилевского, с которым, очевидно, познакомился еще в журнальном его варианте. Он пишет о нем как о труде, «мало у нас понятом и тем менее оцененном». В книге Ламанского читатель мог найти огромный иллюстративный материал к тезису Данилевского о намеренно злостном искажении образа славян в западноевропейской научной литературе.

Научный авторитет В. И. Ламанского (1833–1914) был достаточно высок к этому времени. Окончив историко-филологический факультет Петербургского университета в 1854 г. со степенью кандидата, он несколько лет работал в Императорской публичной библиотеке, а затем в Министерстве иностранных дел. В 1859 году защитил магистерскую диссертацию «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». С 1862 по 1864 год совершил длительную поездку в славянские земли, а также в Италию, Грецию и Турцию с целью изучения истории культуры и быта славян по архивным материалам, по книжным и газетно-журнальным источникам на славянских и западноевропейских языках. С 1865 года стал штатным доцентом кафедры славянской филологии Петербургского университета, а с 1871 года, защитив в качестве докторской диссертации названный выше труд – «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», возглавил эту кафедру.

Впоследствии В. И. Ламанский стал ведущим специалистом в России по вопросам славяноведения, создав в этой области целую научную школу. Он читал лекции по славяноведению не только в Петербургском университете, но и в Академии Генерального штаба и в Петербургской Духовной Академии, где в течение 25 лет возглавлял кафедру русского и церковнославянского языка и истории русской литературы. Одновременно с преподавательской и исследовательской вел большую научно-организационную, общественную и редакторско-публицистическую деятельность. Был председателем Этнографического отделения Русского географического общества

(1865–1871, 1887–1910), с 1880 г. – председателем Историко-филологического общества при Петербургском университете, с 1887 по 1888 гг. – редактором «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», а с 1890 г. издавал этнографический журнал «Живая старина». Часто выступал со статьями не только по истории южных и западных славян, их культуре и быту, но и по истории русской науки и культуры, особенно много сделал по пропаганде творческого наследия М. В. Ломоносова. За свои научные заслуги В. И. Ламанский был избран членом (в том числе и почетным) ряда иностранных академий, университетов и научных организаций, а в 1900 году – действительным членом Российской Академии наук. Мнение В. И. Ламанского имело, следовательно, большой научный вес. Тем более что в своей монографии он не просто ссылался и пересказывал десятки научных трудов западноевропейских ученых, но и часто прибегал к обширному их цитированию, в том числе и на языке подлинника. Работа В. И. Ламанского усиливала научную аргументацию книги Н. Я. Данилевского, помогала понять и принять присутствующий в некоторых ее главах публицистический тон. Сама же работа Ламанского была совершенно лишена какой-либо эмоциональной, публицистической окраски, носила сугубо научный, даже фактографический характер.

Ламанский констатирует, что в подавляющем большинстве книг западных ученых и государственных деятелей наличествует явно высокомерное, презрительное отношение к славянам как к низшей, малокультурной расе. На этом основании в некоторых работах европейских ученых по всеобщей истории славяне вообще не упоминаются. А если немецкие историки и вынуждены все-таки о них писать, как о соседних народах, то только в определенном контексте, как о племенах, которые «в истории не имеют большого значения», или когда их нельзя обойти молчанием в связи с определенными разделами истории Западной Европы. Формально для упоминания славян

лишь в рамках истории других, главным образом западноевропейских, стран повод был: кроме русских (под которыми в русской научной литературе всегда подразумевались не только великороссы, но и малороссы и белорусы), ни один славянский народ к этому времени не обладал своей государственностью. Все они находились под властью или Германии, или Австро-Венгрии, или Италии, или Турции. Но свою историю и культуру каждый из этих народов, естественно, имел. Однако именно этого не хотели признавать историки Запада. История южных славян рассматривалась лишь в связи с историей Византии и Турции, западных – в связи с историей Австро-Венгрии и Германии, да и то не всегда. О славянах на территории Венгрии историки часто вообще не упоминали. О полабских и поморских славянах, в период до их завоевания и истребления немцами, говорилось как о германских подданных. И вообще, о восточных славянах в учебниках по всеобщей истории нередко речь шла в разделах «Германия» или «Восточная Германия», а об их восстаниях против поработителей говорилось, как о бунтах непокорных германских подданных. О русских нередко рассказывалось лишь в разделах, посвященных истории скандинавских государств.

Широко распространенными были рассуждения западных ученых мужей, в том числе и историков, о расовой неполноценности славян, об их второсортности по сравнению с романо-германскими народами, об их низком нравственном и культурном уровне. Резюмируя господствующее в Европе, и особенно в Германии, воззрение на славян, Ламанский писал, что чаще всего в интеллектуально-психологическом отношении их приравнивают к неграм и туранцам, считают их пассивной расой, напоминающей своим характером больше женскую, чем мужскую натуру. Характер славян, особенности их быта и общественное устройство определяются в трудах западных ученых, отмечает Ламанский, «бедностью, пригнетенностью, забитостью, неразвитостью, страшною грубостью и невежеством

славянского простонародья, преданного суевериям, лености, беспечности и пьянству; постоянным господством безнарядья и всевозможных злоупотреблений в славянской общественной и государственной жизни, совершенною неспособностью и неумением славян пользоваться умеренною свободою; крутыми переходами их государственного быта от дикой анархии, необузданной вольности к жестокому произволу самого наглого деспотизма, подражательностью, испорченностью и легкомыслием высших классов, их невыдержанностью характера, дряблостью воли».

Все это довольно откровенно преподносилось для обоснования необходимости германской, австро-венгерской опеки над славянскими племенами, т. е. экспансии на Восток, онемечивания славянских племен с помощью распространения среди них немецкого языка и культуры, католицизма и протестантства. Причем немецкие авторы утверждали, что это делается для блага всей Европы и самих славян.

Ламанский писал, что из трудов западных, особенно немецких, историков можно составить целую «любопытную и поучительную хрестоматию» о расовом превосходстве романо-германских народов над славянскими. Он вынужден был констатировать под напором приведенных и рассмотренных им взглядов, восторжествовавших в европейской науке: «Это воззрение прежде всего поражает своею обширною распространенностью. Оно господствует не в одной исторической литературе. Оно ежедневно высказывается в Европе в речах политических ораторов, профессоров и проповедников, в журнальных статьях и брошюрах публицистов. Целые европейские поколения воспитывались, учились, жили, действовали, умерли в этом воззрении».

Для обоснования своего господства в славянских землях, для возможного дальнейшего продвижения на Восток, нового Drang nach Osten немецкие авторы особый упор в своих исторических работах делали на якобы полной неспособности сла-

вян к самостоятельному государственному строительству и устройству. Насколько широко была распространена на Западе эта спекуляция в различных политических кругах, свидетельствует тот факт, что ее не постеснялся эксплуатировать даже один из основоположников «научного коммунизма» Ф. Энгельс в своей работе «Революция и контрреволюция в Германии», опубликованной в виде серии статей в американской газете «New York Daily Tribune» в 1851–1852 гг. Теоретик «пролетарского интернационализма» вдруг заговорил в ней языком немца-шовиниста, ненавистника славян. Исторический факт вытеснения славян от Эльбы на Восток он горделиво объясняет следствием благотворной «физической и интеллектуальной способности немецкой нации к покорению, поглощению и ассимиляции своих старинных восточных соседей». С чувством превосходства представителя романо-германского мира над славянами он далее пишет, «что эта тенденция к поглощению со стороны немцев всегда составляла и все еще составляет одно из самых могучих средств, при помощи которых цивилизация Западной Европы распространилась на Восток нашего континента, что эта тенденция перестанет действовать лишь тогда, когда процесс германизации достигнет границы крупных, сплоченных, не раздробленных на части наций, способных вести самостоятельное национальное существование, как венгры и, в известной степени (sic! – *Б.Б.*) поляки, и что, следовательно, естественная и неизбежная участь этих умирающих наций (sic! – *Б.Б.*) состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями». Имея в виду зародившиеся в эти годы среди чехов и южных славян идеи славянского единения (выразившиеся не только в книгах и в статьях, но и в созыве Первого Славянского съезда в Праге в июне 1848 г.), Энгельс категорически отвергает возможность их реализации «в угоду нескольким хилым человеческим группам» (sic! – *Б.Б.*), ибо они, по его мнению, не обладают главными условиями «национального существова-

ния»: значительной численностью населения и сплошной территорией [6].

Эта неспособность к самостоятельному государственному устройству иллюстрировалась историей не только южных и западных славян, но и российского государства, у основания которого, по мнению европейских историков, без всякого сомнения, стояли варяги, а в дальнейшем, при Петре I и после него, немцы по своему образу и подобию выстраивали весь административно-бюрократический аппарат. Эта мысль проводилась в наиболее широко распространенном на Западе «Энциклопедическом словаре» Пирера, изданном в 1863 году. Из статьи в этом словаре о славянах, которую цитирует Ламанский, следовало, что славяне в своей истории обнаружили «недостаток энергии и организационной силы, замечательную политическую неспособность», что почти все государственные образования славян «вызваны иноплеменниками, преимущественно германцами», что «городовое устройство, ремесла, искусство, торговлю, мещанство – все заимствовали славяне у чужа», что даже сословия там созданы иноземцами, а свое, родное – только «мужики». Эта «неспособность» и явилась причиной того, что славянские племена подпали под зависимость от соседних государств. Автор статьи утверждал, что русским удалось создать свое государство исключительно благодаря помощи иностранцев, прежде всего германцев, что в городах России промыслы и торговля находятся в руках немецкого, греческого и итальянского населения, дворянство сплошь и рядом состоит из представителей скандинавских, германских, романских, кавказских и монгольских народов. В «Энциклопедическом словаре» отмечалось, что даже царствующий дом в России, а также большая часть «государственных людей и полководцев» – из немцев. Некоторые авторы в Германии, отмечал Ламанский, советовали немцам, находящимся на русской службе, препятствовать развитию у русских национального самосознания.

Особая неприязнь была замечена Ламанским в трудах европейских историков о России. Объяснял он это тем, что именно в ней Западная Европа видела основное препятствие для своего полного и безраздельного господства в славянском мире, угрозу рождения на Востоке новой культуры, чуждой по духу европейской. Ибо Россия – первая славянская страна, которая обрела независимую от Запада государственность – превратилась в мощную мировую державу, по выражению английского дипломата Лонгверта, – в целый «русский космос», со своей самобытной культурой, с динамично развивающейся экономикой и наукой.

Не все ученые Запада видели в этом исключительно негативный факт. Ламанский называет имена тех из них, кто с величайшим почтением относились к природным дарованиям русских «и с несомненною уверенностью в великом будущем, их ожидающем». Это немецкие ученые Я. Фальмерайер, А. Гакстгаузен, Л. Окен, А. Гумбольдт, К. Фогт, И. Блазиус. Но мнение этих людей было скорее исключением. Немецкий писатель Вольфганг Менцель, выражая точку зрения большинства, считал, что мнения этого меньшинства «должна стыдиться немецкая нация», что его высказывают, с одной стороны, «подкупленные Россией писатели», а с другой – неудачники, что славяне «ничего такого не представляют, что бы им давало право на образование новой мировой эпохи», что их низшие слои «совершенно грубы, а высокие глубоко испорчены», что их Церковь «есть мумия», а «их литература есть только помои чужеродных литератур» [7].

Неприязнь к России со стороны западных историков, политиков, государственных деятелей, публицистов, по наблюдению Ламанского, объяснялась их опасением, что Россия может оказаться центром притяжения остальных славян, опорой в их освободительной борьбе. Поэтому в их книгах, статьях и публичных речах постоянно проявляется стремление оттолкнуть славян от России, разъединить их. С этой целью во Франции

стала распространяться в 60-е годы версия, что славяне – благородное, талантливое арийское племя, достойное прекрасного будущего. Они свободолюбивы и умеют пользоваться свободой; они способны к наукам; они храбры и всегда спасали Европу «от азиатов и варваров». Словом, славяне теперь признавались друзьями и братьями европейцев. Но только сорок миллионов великороссов по этой версии никакого отношения к славянам не имели. Согласно ей, это было особое туранское племя «московитов», только говорящих по-славянски и лишь «по виду» исповедующих христианство. Ламанский сослался на ряд трудов французских авторов, в которых эта фантастическая концепция подробно излагалась.

Распространение этой версии преследовало сугубо практическую политическую цель – похоронить идею панславизма, которая зародилась в славянских землях, стала приобретать все больше сторонников среди славян, в том числе и в России. Эту концепцию подхватил, «обосновал» и подробно развил польский историк и публицист, профессор Польской школы в Париже Франциск Духинский (1817–1880). Она пришлась по вкусу не только западноевропейским русофобам, но и некоторым «интеллигентным» националистам среди славян, в том числе и среди некоторых украинцев и белорусов, которых Духинский и его сторонники к туранцам не относили. Ламанский привел факты, свидетельствовавшие, что во Франции и Австрии версия о «московитах» получила официальный статус: она была рекомендована к распространению в школах и вузах министерствами народного просвещения этих стран.

Ламанский подчеркнул то, что отмечал и Данилевский в своей книге: страны Западной Европы могут враждовать между собой, но «эти временные раздоры между своими» прекращаются, как только перед ними начинает маячить Россия и славянский мир. Они всегда видят более важной для себя стратегической задачей – поссорить славян, ослабить Россию, а когда она обессилит, добить ее. В доказательство Ламанский

цитирует слова французского писателя Г. Мартена, который даже Петра I, как и всех «московитов», считал «чистым татарином», прямым преемником Атиллы и «разных азиатских бичей Божьих». Россия для него была совершенно чуждой и потому враждебной страной, своего рода загадкой Сфинкса, которую можно решить только совместной борьбой Франции и Германии. Для выполнения этой задачи он призывал Францию и Германию прекратить распри между собой.

То, что Н. Я. Данилевский был, несомненно, знаком с этим потоком славянофобской и русофобской литературы на Западе, кроме упомянутых выше концепций А. Ретциуса, Г. Вебера и К. Роттека, в содержании книги «Россия и Европа» имеется немало и других подтверждений. Есть в ней, например, и несколько иронических строк по адресу Ф. Духинского и его взглядов. Критически рассматривая расистскую теорию шведского натуралиста Андреса Ретциуса, он напомнил «пану Духинскому», что, согласно теории Ретциуса (широко распространенной в то время на Западе), Духинский попадает вместе с русскими и со всеми славянами в один и тот же разряд короткоголовых. Польскому публицисту было дано понять, что Запад, с удовольствием принимая его подыгрывание антирусской пропаганде, в своих фундаментальных, «научно обоснованных» взглядах на славян как на низшую расу нигде не оговаривает, что делает для поляков исключение.

Данилевский в своей полемике с этими антиславянскими и антирусскими теориями не стал действовать по принципу «сам дурак». Он противопоставил всем этим злобным измышлениям и нападкам свою теорию, которая ясно и просто объясняла глубинные причины этих нападок, проистекающие из коренного различия двух культурно-исторических типов – стареющего романо-германского и молодого славянского. В. В. Зеньковский справедливо отмечал, что прямое антизападничество у Н. Я. Данилевского было выражено «очень слабо», что на основании своей теории он просто разрушает миф о европейской

культуре, «глядит на Европу как бы с другого берега». Главное в книге Данилевского, подчеркивал Зеньковский, – не вражда к Европе, не отчуждение от нее, «а мотив своеобразия русской культуры» [8]. И, соответственно, главную заслугу Н. Я. Данилевского он видел в развитии русского и славянского самосознания.

В самом деле, изложив в книге суть своей «естественной» системы исторического процесса, Н. Я. Данилевский начинает прослеживать ее проявление на характеристике двух культурно-исторических типов – романо-германского и славянского. Поскольку это, по его мнению, два разных культурно-исторических типа, то он, естественно, основное внимание сосредоточивает на их различии. И таким образом показывает, что подчас инстинктивное, неосознанное их взаимоотталкивание имеет вполне научную основу. Но, вместе с тем, многие акценты в его аргументации расставлены так, чтобы, опираясь на нее, можно было противостоять не только в науке, но и в публицистике враждебной западной фальсификации истории, быта, нравственных и духовных сторон жизни славян.

Без знания литературно-исторической и литературно-публицистической среды, в которой создавалась Н. Я. Данилевским книга «Россия и Европа», нельзя в полной мере понять, осмыслить и правильно оценить ее содержание. Между тем многие научные труды о Данилевском и его книге до сих пор пишутся в полном отрыве от исторических реалий того времени, в которых он жил и творил. У Данилевского в русской науке и культуре были и предшественники, и единомышленники, и последователи. Он не был совершенно одинокой фигурой не только в разработке своей теоретической концепции, но и во взглядах по конкретным историческим, политическим и геополитическим вопросам, которые он счел нужным осветить в своей книге.

В частности, отдельные черты, отличающие два мира – романо-германский и славянский – он мог найти в трудах исто-

риков, в путевых очерках русских путешественников, в газетно-журнальной публицистике, почерпнуть из личных впечатлений знакомых и незнакомых лиц, подолгу живших за границей, частично из их публикаций, частично – из их писем, а иногда и просто из бесед на разных частных встречах. В большинстве случаев все эти свидетельства клонились к одному и тому же выводу: Европа – это мир, чужой для русской души. Не обязательно – плохой, но обязательно чужой, живущий по своим законам мир. Эти настроения в полной мере выразил А. С. Пушкин, который в связи с попыткой Н. А. Полевого свою «Историю русского народа» построить на основе схем западноевропейских историков, в частности Ф. Гизо, подчеркнул, «что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы» [9]. У Пушкина это ощущение возникло только из исторической и художественной литературы, из общения с представителями Запада в России, ибо он никогда не выезжал за границу – был «невыездным». Но это не мешало ему создавать безупречно правдивые характеры европейцев, достоверные, реалистические портреты деятелей мировой истории. Как заметил П. А. Вяземский: «В Пушкине было верное понимание истории, свойство, которым одарены не все историки» [10].

Но было немало свидетельств на ту же тему, оставленных и другими выдающимися представителями русской общественной мысли и культуры, лучшими писателями, историками, государственными деятелями России, причем самой разной политической ориентации. Для примера сошлемся на глубоко мотивированные свидетельства по этому вопросу А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского.

Есть одна закономерность, которую познали многие русские эмигранты: чем дольше русский человек живет в Европе, тем острее он начинает ощущать свое духовно-нравственное отторжение от нее. Так, писал В. В. Розанов, произошло с Н. Н. Страховым: «...именно вникание в духовную жизнь Европы,

долгое и постоянное вращение в сфере ее идей и интересов, произвело в конце концов и его собственное отчуждение от нее» [11]. Познал эту закономерность на собственном опыте и А. И. Герцен, человек совершенно иного социально-политического умонастроения. Неприятие им духовно-нравственных основ западной цивилизации отразилось в целом ряде его произведений, но особенно в таких, как «Письма из Avenue Marigny», «Письма из Франции и Италии», «С того берега», «Концы и начала», «Былое и думы». Заметим одну немаловажную деталь: эту сторону в творчестве Герцена впервые в русской дореволюционной критике раскрыл Н. Н. Страхов в своих статьях в журнале «Заря» в 1870 году, напечатанных сразу после известия о смерти Герцена. Можно высказать предположение, что Н. Н. Страхов неспроста свои статьи о Герцене опубликовал сразу вслед за публикацией книги Данилевского на страницах этого же журнала. Быть может, он хотел показать читателям, особенно критикам западнического лагеря, что единомышленником Данилевского по многим пунктам, находясь вдали от Родины, выступал и их кумир, о чем они, может быть, уже знали, но умалчивали. Заметим, кстати, что эту сторону творчества А. И. Герцена вынуждена была замалчивать и советская историография, строго следовавшая за статьей В. И. Ленина «Памяти А. И. Герцена».

Автор показал хорошую осведомленность обо всем написанном А. И. Герценом в эмиграции не только на русском, но и на немецком и французском языках, что, конечно, было далеко не ординарным фактором в условиях, когда за распространение произведений Герцена можно было подвергнуться суровой каре. Безусловно, открытое выступление в печати со статьями, по-славянофильски реабилитирующими опального Герцена, лишенного в России «всех прав состояния», было в определенном смысле актом гражданского мужества. Но здесь важно отметить другое – вряд ли и Данилевский не был столь же осведомлен об эмигрантском творчестве Герцена, ведь со Страхо-

вым он был знаком как минимум с 1868 года. Во всяком случае, многие мысли Герцена на тему «Россия и Европа» весьма созвучны содержанию книги Данилевского.

Хотя, разумеется, нельзя забывать, что в своих программных установках оба мыслителя существенно отличались друг от друга. Данилевский будущее России видел в следовании ее тем государственным формам, которые исторически сложились в ней в недрах народной жизни, то есть в сохранении самодержавия и форм земского, мирского самоуправления. Он находил в сельской общине большое преимущество славянского культурно-исторического типа перед западной цивилизацией, но категорически отвергал попытки нарядить ее в социалистические одежды, придать ей форму западного социализма. Герцен же видел в царском самодержавии «допотопную» форму правления, а русскую общину тоже высоко ценил, но не просто как самобытное русское и славянское явление, которое надо сохранить именно по этой причине и как некое преимущество перед Западом, а прежде всего как ячейку будущего русского социализма.

Итак, какое же впечатление сложилось у Герцена от Европы в первые же годы эмиграции? Он увидел Европу совсем не такой, какой представлял ее в России – как мир правового порядка, свободы и равенства, высокой духовности, просвещенности, цивилизации. Основные выводы звучат с беспощадностью приговоров. Французскому историку Жюлю Мишле он пишет 22 сентября 1851 года: «Какое уважение может внушить нам ваша римско-варварская законность, это глухое, неуклюжее здание без света и воздуха, подновленное в средние века, подбеленное вольноотпущенным мещанством?» [12]. Не только правовой порядок оказался сомнительным, но и сама западная демократия в целом оказалась при ближайшем рассмотрении блефом. «Разве мы не видали, – писал он в “Колоколе”, – что французская демократия, т. е. равенство в братстве, самая близкая форма к безграничному самовластью» [13].

Но особенно удручающее впечатление произвела и постоянно производила на Герцена господствующая на Западе специфическая социально-нравственная атмосфера. В состоянии европейской духовности Герцен обнаружил худшие черты, контрастирующие с тем миром, который он покинул. Оказалось, что восторжествовавший на Западе капитализм породил всепоглощающую идеологию собственничества, накопительства, тотального мещанства. Эти черты стали основой морального кодекса жизни, единого здесь для верхов и низов. «Мещанство, – писал он, – последнее слово цивилизации, основанное на безусловном самодержавии собственности... в этой среде Альмавива равен Фигаро: снизу все тянется в мещанство, сверху все само падает в него по невозможности удержаться» [14]. Причем мещанство, по наблюдению Герцена, набирает повсеместно силу, идет к своему полному торжеству. Это «окончательная форма западной цивилизации». Заглянув в душу буржуа и в душу рабочего, он «ужаснулся», ибо увидел там только одного бога – бога накопительства. Ему стало ясно, что скоро на все проявления жизни капиталист в Европе поставит «свою торговую марку».

Познакомившись ближе с религиозной жизнью западных стран, Герцен, будучи атеистом, тем не менее, начинает радоваться, что судьба отвела от русского народа угрозу слияния с западным церковным миром. По мнению Герцена, католицизм («папизм», иезуитизм) исповедует методы, далекие от христианских заповедей, он подавляет личность, это государство в государстве. В католицизме он видит злокачественную опухоль христианства, которая может быть излечена только ядами. В роли этих «ядов» выступил протестантизм, но «который затем только и освобождает умы с одной стороны, чтоб еще сильнее сковать их с другой» (имелась в виду проявляемая протестантами религиозная нетерпимость). А поскольку, считает Герцен, Россия не принадлежала к великому единству западной

Церкви, она «не имеет надобности вмешиваться в историю Европы» [15].

Для Герцена теперь совершенно ясно, что Европа – это стареющая цивилизация, у нее нет того счастливого будущего, которое она обещает сама себе и всему человечеству. Его вывод: «Ветхий мир католико-феодальный дал все видоизменения, к которым был способен, развился во все стороны, до высшей степени изящного и отвратительного, до обличения всей истины, в нем заключенной, и всей лжи; наконец, он истощился. Он может еще долго стоять, но обновляться не может» [16].

Европа представляется Герцену в образе аристократии, выродившейся «до болезненных кретинов». Ему кажется, «измельчавшая Европа изживает свою бедную жизнь в сумерках тупоумия, в вялых чувствах, без убеждений, без изящных искусств, без мощной поэзии». Будущее Европы он прозревает с космической высоты, через призму исторического библейского времени, и видит следующую картину: «Слабые, хилые, глупые поколения протянутся как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая их покроет каменными покровами и предаст забвению летописей». Здесь все, как спустя некоторое время у Данилевского.

И еще. Он, как и Данилевский, не считает, что исторический занавес над европейской цивилизацией вот-вот опустится. «По-видимому, еще многое стоит прочно, – предостерегает он, – дела идут своим чередом, судьи судят, церкви открыты, биржи кипят деятельностью, войска маневрируют, дворцы блестят огнями – но дух жизни отлетел...». Говоря далее о том, что приближение смерти западной цивилизации многие не замечают, он объясняет это тем, что, как правило, эти «многие» «под смертью воображают какое-то уничтожение». Но смерть цивилизации выглядит, по Герцену, совсем иначе – почти как по Данилевскому: «Смерть не уничтожает составных частей, а развязывает их от прежнего единства, дает им волю существовать при иных условиях. Разумеется, целая часть света не мо-

жет сгинуть с лица земли; она останется так, как Рим остался в средних веках; она разойдется, распустится в грядущей Европе и потеряет свой теперешний характер, подчиняясь новому и с тем вместе влияя на него».

Новые настроения Герцена, как и мысли Данилевского о европейской цивилизации, вполне можно охарактеризовать так же, как квалифицировал воззрения славянофилов по этому вопросу В. В. Зеньковский: не антизападничество, а внезападничество. Акцент у обоих мыслителей сделан на стремлении отделить Россию с ее культурой и духовностью от разлагающейся духовно-нравственной атмосферы Европы. Герцен, как позже и Данилевский, не просто возлагал на Россию большие надежды, он видел в ней определенно «нечто свое, особенное, что необходимо понять и изучить в истории и в настоящем положении дел» [17].

Обычный как будто для всякого русского эмигранта переход от эйфории, от восторженных чувств перед встречей с Европой к постепенному духовному неприятию ее в случае с А. И. Герценом, однако, приобретал особенный смысл. Эта метаморфоза произошла с убежденным западником. Но произошло это, по мнению того же Зеньковского, потому, что Герцен принадлежал к той когорте западников первого призыва, которые не страдали космополитизмом и любили Россию не меньше славянофилов, не теряли связи с русской действительностью. И все это роднило их со славянофилами. К таким представителям западничества Зеньковский относил в первую очередь Герцена и Белинского. Герцен сам выразил это в своем вдохновенном, выстраданном признании: «У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы за пророчество: чувство безграничной, охватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума» [18]. Познакомившись поближе с Европой, познав как бы изнанку ее жизни, Герцен пишет, что «он по-

краснел от стыда», ибо увидел, как мало она достойна его благоговения: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину» [19].

Герцен на этом «другом берегу» испытал необыкновенный прилив любви к своему народу, к России. Для этого чувства он нашел удивительные слова: «Народ русский для нас больше, чем родина». В трудные периоды эмигрантской жизни его спасает от полного отчаяния, от «нравственной гибели» вера в Россию, ему кажется, что в отличие от «усталых» народов она полна «юношеских стремлений к жизни», что «история толкается именно в наши ворота» [20]. «За эту веру в нее, за это исцеление ею – благодарю я мою родину. Увидимся ли, нет ли – но чувство любви к ней проводит меня до могилы» [21].

Прослеживая эти эмигрантские переживания и переосмысления Герцена, В. В. Зеньковский заключает, что они «типичны вообще как встреча русской души с Западом» [22]. Этот выдающийся русский религиозный мыслитель, сам «проживший» и переживший все терзания такой «встречи», разумеется, имел право на такое обобщение. Отчетливое ощущение двух несхожих миров – западноевропейского и русского, славянского – подорвало веру Герцена в «единое человечество». «Объясните мне, пожалуйста, отчего верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно? Верить в Царство Небесное глупо, а верить в земные утопии – умно?» [23]. Его ответ на эти риторические вопросы был недвусмысленными и оставался неизменным. Он прямо написал об этом в «Былом и думах»: «Я утратил веру в слова и знамена, в канонизированное человечество и единую спасающую Церковь западной цивилизации» [24]. И по этому вопросу мы наблюдаем у Н. Я. Данилевского полное созвучие мыслям А. И. Герцена. Данилевский только как бы объясняет ощущения Герцена, когда пишет, что под общечеловеческим обыкновенно понималось «то, что так широко развивалось на Западе в противоположность узкона-

циональному русскому, т. е. германо-романское, или европейское» (С. 97). Естественно, исходя из своей теории, всем содержанием своей книги он обосновывает несостоятельность претензий европейской цивилизации на глобальное распространение.

Зачатки и многих других мыслей Данилевского можно обнаружить у Герцена. Данилевский, например, не склонен был присоединяться к утверждению некоторых славянофилов, что «Запад гниет». У него другое мнение: западная цивилизация вступила в период осеннего плодоношения. А сколько продлится этот период, он, судя по всему, не желал точно предсказывать. Читатель сам должен был предполагать исходя из примерных цифр исторического времени существования культурно-исторического типа, которое у Данилевского составляет приблизительно две тысячи лет. Но что совершенно точно у Данилевского: успехи науки и техники – отнюдь не показатель прогрессирующего развития культурно-исторического типа в целом. Они указывают, что наступила именно фаза «осеннего плодоношения» данной цивилизации.

По существу, утверждая, что западный мир «может еще долго стоять, но обновляться не может», Герцен сказал о том же, только значительно раньше Данилевского. Он совершенно определенно заявлял, как и Данилевский, что развитие науки и техники в Европе не является фактором, положительно влияющим на ее духовную жизнь. Герцен предупреждал: «Все это составляет светлую четверть европейской жизни. Жизнь темных трех четвертей не видна издали, вблизи она постоянно перед глазами» [25]. Он делал, по словам Зеньковского, подобно славянофилам другой вывод: «“Замирание” духовной жизни на Западе не только не ослабляется грандиозным развитием интеллектуальной и технической культуры, но, наоборот, оно прямо пропорционально ее возрастанию» [26].

В дальнейшем констатация того, что вместе с техническим прогрессом, развитием бытовых удобств «душа убывает»

(Джон Стюарт Милль), стала общим местом в русской общественной мысли. В 1899 году сын известного либерального народника А. Н. Энгельгардта – М. А. Энгельгардт – издал книгу «Прогресс как эволюция жестокости», широко известную в России в начале XX века. В ней он на множестве конкретных фактов и статистических данных убедительно показал, что от столетия к столетию, вместе с эволюцией науки, прогрессом техники, усовершенствованием законов, неизменно растут на земле масштабы и проявления жестокости, коварства и лицемерия людей. Помимо нарастающего ожесточения способов ведения все более истребительных войн между народами, автор обращает внимание на тот факт, что в период с XVI по XIX век на земле были уничтожены целые племена, чего раньше история не знала. Причем в роли своеобразных ликвидаторов выступили европейские цивилизаторы. Автор рассказывает, с какой изощренной жестокостью было истреблено англичанами полностью племя тасманийцев в период с 1803 по 1878 год. На них устраивалась охота, младенцев бросали в огонь, мужчин убивали или кастрировали, женщин насиловали, привязав «для забавы» к шее головы убитых мужей. Беременных женщин использовали в качестве живых мишеней на стрельбищах. Убивали тасманийцев иногда, чтобы обеспечить мясом собак.

Истребление европейцами краснокожих в Северной Америке сопровождалось не меньшей жестокостью. В течение XVII-XIX веков, рассказывает М. А. Энгельгардт, в Америке постоянно устанавливались таксы премий за скальпы. В Калифорнии еще в 1867 году (в то время, когда Данилевский писал свою книгу) назначалась премия в 20 долларов за скальп индейца «с ушами». Целые племена и расы, напоминает автор, были истреблены и испанскими конкистадорами в Центральной и Южной Америке. Индейцы, не принимавшие католицизм, заживо сжигались на кострах.

Автор на основе множества подобных фактов делает вывод, что в человеческом обществе наряду с эволюцией возвышен-

ных идей и принципов, создающих иллюзию «смягчения нравов» и маниловское представление о прогрессе, имеет место эволюция низменных чувств и инстинктов: «Прогрессируя умственно, человечество регрессировало нравственно» [27]. На пороге XX века автор отмечал тенденцию к некоторому реальному смягчению нравов или, во всяком случае, надеялся, что оно произойдет. Увы, XX век наряду с небывалыми прорывами в науке и технике отмечен в истории небывалым масштабом жестокостей и зверств: двумя мировыми войнами, убившими на земле 70 миллионов человек, концлагерями, газовыми камерами, атомными бомбами, медицинскими опытами на людях, как на животных. Взгляд автора книги на «прогресс как эволюцию жестокости» так и не был опровергнут.

Но здесь хотелось бы, между прочим, отметить одну существенную деталь. В конце XIX века русская общественная мысль уже без всякой эйфории и экзальтации употребляла слова «прогресс» и «цивилизация». Она знала их подлинную цену, не считала, что содержание, стоящее за ними, имеет абсолютную ценность. Многие уже видели ту неутешительную нравственную изнанку «прогресса» и «цивилизации», которую М. А. Энгельгардт гротескно нарисовал в своей книге: «Сотня скорпионов глотает друг друга, жиреет, растет, наконец, остается один, заглотивший всех остальных, чудовищный, осовевший, отяжелевший; откуда ни возьмись врывается новая орава, разрывает его на клочки, затем обращается друг против друга; вот история всех народов и государств, созидавших и двигавших вперед цивилизацию» [28].

Понимание неоднозначности терминов «прогресс» и «цивилизация» останавливало даже газетчиков того времени от их употребления для выражения похвал в превосходной степени, для наименования, например, «цивилизованными» стран Европы, до которых «нецивилизованной» России далеко.

Как и Данилевский, Герцен был поражен несправедливым, а нередко и враждебным отношением многих европейцев к

России, их «умением» «видеть деспотизм только под 59 градусом северной широты» (т. е. в Петербурге. – *Б. Б.*) и не замечать его, когда он является «в виде президента республики, временного правительства или национального собрания» [29]. Двойной стандарт в оценке одних и тех же явлений действительности, который постоянно исповедовали европейцы, особенно часто проявлялся в их отношении к России. «Откуда и почему две разные мерки?» – задавался Герцен вопросом, на который впоследствии подробный ответ дал Данилевский своей теорией культурно-исторических типов. Герцену не раз приходилось выступать с опровержением злостных измышлений европейских ученых и политиков о России. Особое место в этом ряду занимает его открытое письмо известному французскому историку Жюлю Мишле (1798–1874) – «Русский народ и социализм». Популярность Мишле среди либеральных и радикально-демократических кругов во Франции в эти годы была чрезвычайно велика. Он был известен не только как выдающийся историк, автор «Очерков новой истории» (1828), «Введения во всемирную историю» (1831), многотомной «Истории Франции» и «Истории французской революции», но и как разоблачитель католической Церкви, убежденный республиканец, борец против режима Наполеона III.

Выступление Мишле с нападками на Россию и русский народ в 1851 году в серии журнальных статей, которые затем были изданы в отдельном томе его сочинений, имело большой резонанс. Поэтому, при всем уважении к Мишле, Герцен не мог промолчать. Его потрясло, что человек, вооруженный огромным и заслуженным авторитетом, утверждает, что «Россия не существует, что русские не люди, что они лишены нравственного смысла». Герцен готов был согласиться с презрительными эскападами Мишле, если бы они относились к «византийско-немецкому» правительству России, но, увы, все его высокомерное словоизвержение относилось именно к самому русскому народу. Мишле, например, писал о русских: «У них недо-

стает существенного признака человечности – нравственного чутья, чувства добра и зла. Истина и правда – не имеют для них смысла; заговорите о них – они молчат, улыбаются и не знают, что значат эти слова». Герцен, знавший русский народ не понаслышке, потрясенный этим чудовищным искажением его лика, с недоумением спрашивает Мишле: «Кто же те русские, с которыми вы говорили? Какие понятия о правде и истине оказались для них недоступными?» Для Герцена, который отмечал в русском народе как раз нечто противоположное – обостренное его отношение к правде и истине, совершенно ясно: речь у Мишле идет о другом понимании «правды» и «истины». Он не без сарказма объясняет это французскому историку: «*Истина* и *правда* старой Европы в глазах Европы рождающейся (т. е. России и всего славянского мира. – *Б. Б.*) – *неправда и ложь*».

Герцен считает наветом и другое заключение Мишле: «Русский лжет и крадет; постоянно крадет, постоянно лжет, и это совершенно невинно; это в его природе». Герцен утверждает, что русские крестьяне исключительно честны между собой, их материальные и денежные сделки не требуют юридического оформления – для этого достаточно слова. Герцен мог бы добавить, что по криминальной статистике XIX века русская деревня почти не знала такого преступления, как кража, крестьянская изба в отсутствие хозяев никогда не закрывалась замками. Что касается обмана, говорит Герцен, то русский крестьянин перед беспощадным произволом помещиков и чиновников для того, чтобы выжить, вынужден иногда к нему прибегать.

Мишле обвинил русский народ в том, что он ничего не читает, а тех европейцев, которые начали поговаривать о достоинствах русской прозы и поэзии, призвал перестать «обманывать бледным призраком будто бы русской литературы». Герцен отмечает высокую поэтичность русских, которая проявляется в их народных песнях, называет имена гениев русской поэзии – Пушкина и Лермонтова. Он указывает на высокую об-

разованность русского дворянства и среднего сословия, намекая, что и во Франции Вольтера и Данте читают не поселяне. И прибавляет многозначительно, что русское дворянство своим количеством равняется числу всех избирателей Франции по закону от 31 мая 1850 года. А на злобную, бранную реплику Мишле: «Россия – ложь, Россия – холера» – трудно было и отвечать, соблюдая общепринятый тон литературной полемики. Имея в виду, что все эти и подобные им в европейской печати клеветнические выпады почти полностью замалчивались русской официозной и либерально-западнической прессой, Герцен горестно восклицает: «Бедный русский народ! Некому возвысить голос в его защиту!» [30]

И. С. Аксаков был единственным, кто иногда давал в своих изданиях отпор наиболее злобным выпадам идеологов европейской цивилизации против России и русского народа. Именно он, имея в виду проявления патологической русофобии в западной научной и публицистической литературе, разъясняет, что Россия виновата перед Европой только тем, что существует, что источник ненависти Европы к России кроется в «историческом инстинкте непримиримой вражды двух противоположных начал» – «латинского и православного», что Россия для Европы плебей, при общении с которым не следует соблюдать никаких нравственных норм, и поэтому вполне допустим двойной стандарт [31]. Но это «своеволие» Аксакова перед «немецко-византийским» правительством дорого ему стоило. В 1853 году за редактирование «Московского сборника» он был лишен права издавать газету или журнал и отдан под полицейский надзор. Когда он все-таки получил разрешение на издание еженедельника «Парус», то уже после второго номера газета была закрыта. В 1862 году он был отстранен от редактирования издаваемой им с 1861 года газеты «День». Издаваемая им в 1867–1868 гг. газета «Москва» получила 10 предостережений и 3 раза была приостановлена в общей сложности на 13 из 22 месяцев ее формального существования и в конце

концов закрыта. Попытка возобновить издание газеты под новым названием – «Москвич» (декабрь 1867 – февраль 1868) не увенчалась успехом: редакция откровенно заявила, что «Москвич» – продолжение запрещенной «Москвы», и поэтому правительство прекратило ее новое издание. В 1878 году И. С. Аксаков был выслан из Москвы за резкую критику в речи на заседании Московского славянского благотворительного общества внешней политики правительства в связи с унизительными для России решениями Берлинского конгресса. Постоянными трудностями сопровождалось и издание им газеты «Русь» (1880–1886). В 1881 году цензура запретила сборник его передовых статей из газеты «Русь». В 1885 году газета получила предостережение, на которое Аксаков ответил резкой отповедью на страницах своей газеты [32]. Фактически до конца своих дней И. С. Аксаков был опальным человеком (умер в январе 1886 г.).

Раздражение царского правительства вызывала главным образом борьба Аксакова за более независимый от Запада курс внешней политики России. Его заверения, что, «противополагая Россию Западу», он и его издания «находятся по отношению к нему в положении не наступательном, агрессивном, а лишь оборонительном», впечатления на правительство не производили.

По проблеме «Европа и славянский мир» в унисон многим мыслям Н. Я. Данилевского звучат и наблюдения Ф. М. Достоевского. Иногда пишут о том, что в общественно-политических воззрениях Достоевского чувствуется сильное влияние идей «России и Европы». Да, по указанной выше проблеме это влияние, несомненно, ощущается, особенно в «Дневнике писателя» за 1876, 1877 и 1881 годы. Хотя и тут Достоевский не во всем следовал за Данилевским, о чем будет сказано дальше. Но главное было в том, что, как уже указывалось, Достоевский сразу почувствовал родство своих мыслей мыслям Данилевского, – даже еще не прочитав «России и Европы», а познако-

мившись с ее идеями из письма к нему Н. Н. Страхова в конце 1868 года [33]. Частично эти мысли были уже высказаны Достоевским на страницах его почвеннических журналов «Время» и «Эпоха», особенно после его первой заграничной поездки в 1862–1863 гг., когда он посетил Германию, Францию, Англию, Австрию и Италию и написал об этой поездке «Зимние заметки о летних впечатлениях».

При знакомстве с публицистикой Достоевского этого периода невольно возникает убеждение, что тут можно говорить и о влиянии Достоевского на Данилевского. Трудно допустить, что Данилевский мог не следить за творчеством своего бывшего товарища по кружку петрашевцев, недавно вернувшегося из ссылки уже известного всей России писателя. Смертный приговор, варварская инсценировка смертной казни, каторга и ссылка – все круги ада, через которые прошел Достоевский, могли быть и его уделом.

Что же мог он прочитать у Достоевского в эти годы? Отчасти то, что мы найдем затем в книге Данилевского в более объемном, научно-обоснованном виде. Уже в объявлении о подписке на журнал «Время» Достоевский написал в конце 1860 года: «Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами, что мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, – точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке. Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» [34].

Мысли о некоторых коренных, типологических отличиях России и славянского мира от Европы, русских, всех славян от европейцев были высказаны Достоевским также до появления книги Данилевского, но затем совершенно совпали с ее кон-

цепцией. Достоевский, например, неоднократно повторял тезис: Европа – стара, мы – молоды. Уже эта возрастная разница прокладывает межу между двумя мирами. Между тем Европа этого не понимает или не принимает во внимание и судит Россию и весь славянский мир меркой своей стареющей цивилизации. Для Европы это безнадежно отсталый, а не молодой, стартующий в человечестве мир. Сознание молодости России, напротив, вооружает Достоевского глубокой верой в нее: «Она знает, что она еще только начинается, но ведь начало-то и главное: всякое дело зависит от первого шага, от начала; она знает, что она уже кончила с вашей европейской цивилизацией и теперь начинает новую, неизмеримо широкую жизнь». И еще: «Мы, русские, – народ молодой, мы только начинаем жить, хотя и прожили уже тысячу лет; но большому кораблю большое плавание» [35]. Характерно, что и Достоевский, как и Данилевский, оперирует при этом масштабами «исторического времени».

Ощущение европейского мира как типологически совершенно иного по своей духовной атмосфере достаточно ярко отразилось в его сатирических зарисовках «Зимние заметки о летних впечатлениях». Его поразил дух стяжательства, накопительства, которыми пронизана жизнь не только европейского буржуа, но и рабочего. На фоне какого-то изначального гипертрофированного эгоцентризма в бытовой и социальной жизни Запада ему показались особенно фальшивыми модные здесь политические лозунги французской республики – свобода, равенство и братство. Он не без иронии поясняет: «Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно. Что же из этого следует? А следует то, что кроме свободы есть еще равенство, и именно равенство перед зако-

ном. Про это равенство перед законом можно только сказать, что в том виде, в каком оно теперь прилагается, каждый француз может и должен принять его за личную для себя обиду. Что же остается из формулы? Братство. Ну эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сих пор составляет главный камень преткновения на Западе» [36].

Отметив, что такое качество, как братство, дается только природой, Достоевский находит, что «в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось». Здесь он увидел «начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в своем собственном Я». Это «Я» здесь, по наблюдению Достоевского, противопоставляется «всем остальным людям» как самоправное отдельное начало, совершенно равное и равноценное «всему тому, что есть кроме него» [37].

Достоевский вполне мог считать, что хорошо знает русский (т.е. и великорусский, и украинский, и белорусский) народ. Суровая судьба предоставила ему возможность наблюдать все его социальные срезы – от аристократии до крестьян, солдат и каторжан. При его гениальной способности проникать во внутренний духовный мир людей он за его многократные длительные поездки за границу уже в зрелом возрасте (после сорока лет) вполне мог составить себе довольно точный психологический портрет европейца. Поэтому его неоднократные сопоставления характера русского человека и европейца представляют собой определенный научный интерес в плане типологии двух цивилизаций – европейской и славянской – по Данилевскому. Он видит в этих характерах большое и существенное различие. «Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем все обратно», – подчеркивает Достоевский [38].

В противоположность замкнутости европейцев в самих себе, их «гордой надежде на себя одного», их взаимному сопер-

ничеству Достоевский отмечает в русском характере способность к «всепримиримости, всечеловечности». Русский человек «со всеми уживается и во все вживается», «сочувствует всему человеческому вне различия национальности, крови и почвы». В отличие от национального чванства, «самовозвышения» европейцев Достоевский видит в русском человеке полную способность «самой здравой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда». Способность «самоосуждения» Достоевский считает достоинством русского народа. В русском человеке он не видит религиозного фанатизма и нетерпимости, бытующих в Европе. Он отмечает также в Европе больше сословной разделенности, чем в России. «Всякий русский прежде всего русский, а потом уже принадлежит к какому-нибудь сословию. Не так у вас, и мы о вас сожалеем. У вас бывает даже совершенно обратно. Из сословного интереса у вас предавалась иногда в жертву вся нация...», – напоминает он. Понимая, что не всякий русский человек отмечен этими особенностями и достоинствами, что ему могут привести противоположные примеры, Достоевский подчеркивает, что имеет в виду среднестатистический русский характер: «Разумеется, мы говорили про русского человека вообще, собирательно, в смысле нации» [39].

Достоевский глубоко убежден, что Россия, русский народ должены стремиться не к европейским стандартам поведения, а к сохранению своей самобытности. Но если речь заходит о ценностях европейского «просвещения», то тут ответ Достоевского неоднозначен. Он считает, что необходимость заимствований у Запада достижений науки, разного рода «полезных знаний» и «ремесел» не подлежит никакому сомнению. Он считает, что в этом отношении мы многим обязаны Европе, «за что хвала Европе и благодарность наша ей вечная» [40]. В признании прошлых услуг Европы в прогрессе русского просвещения он шел значительно дальше славянофилов. Имея в виду благотворное влияний романов Жорж Санд на русскую ли-

тературу и жизнь, он даже заявил: «У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся)» [41].

Но он категорически против того мнения, что Россия нуждается в *духовном* просвещении из западных источников. В этом плане «наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его», считает Достоевский. «Главная же школа христианства, которую прошел он, это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!» [42] Перенесенные страдания повышают отзывчивость человека на чужую беду, его способность к состраданию, которое всегда – показатель высокой духовности. В силу всех этих соображений народ русский, считает Достоевский, не нуждается в заемной духовности вообще, а тем более в такой сомнительной, как западная.

Несовместимость двух духовных миров – западного и русского – Достоевский с особой остротой почувствовал во время своего длительного пребывания в Европе, которое продолжалось с 17 апреля 1867 г. по 6 июля 1871 г., то есть более четырех лет. К исходу этого затянувшегося пребывания вне России (Германия, Швейцария, Италия, Австро-Венгрия) он буквально задыхался в чужой для него среде и довольно выразительно сформулировал свое состояние в письме к А. Н. Майкову от 30 декабря 1870 года: «...если бы Вы знали, какое кровное отвращение, до ненависти, возбудила во мне к себе Европа в эти четыре года. Господи, какие у нас предрассудки насчет Европы!» [43]

Достоевский был, понятно, далек от идеализации и России, и русского народа. Но все их изъяны, которые он с душевной болью отмечал, должны были устраняться, по его убеждению, не за счет ориентации на европейские образцы. Безмерная его

любовь к России, к русскому народу, все увиденное им собственными глазами в Европе – все это приводило его к непоколебимому заключению: тотальное, некритическое подражание Европе во всем, особенно в духовной сфере, – гибельный для России путь.

Лозунг «свобода, равенство и братство» в представлении Достоевского должен в России воплотиться совершенно поиному. Осуществленный по-европейски лозунг «свободы», по его мнению, «полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение». Но обладание большими деньгами приводит к «разнузданности желаний», а это порождает новое рабство – «рабство от денег». Поэтому он предлагает «насаждать» в России убеждение, что «настоящая свобода лишь в одолении себя и воли своей так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином». Самую высшую степень свободы Достоевский видит не в том, чтобы копить деньги, а в том, чтобы «разделить всем, что имеешь, и пойти всем служить». Лозунг «равенство» на Западе – это тоже фикция, еще раз разъясняет Достоевский. Вместо равенства торжествует «ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть». Настоящее равенство, по мнению Достоевского, диктует человеку примерно такие мысли: «Какое мне дело, что ты талантливее меня, умнее меня, красивее меня? Напротив, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнее тебя, но как человека я уважаю себя, и ты знаешь это и сам уважаешь меня, а твоим уважением я счастлив...» и т.д. Вот при таком понимании свободы и равенства, полагает Достоевский, люди «станут и братьями, и не из одной только экономической пользы, а от полноты радостной жизни, от полноты любви» [44].

Разумеется, Достоевский не считал, что русский человек готов жить по евангельским заповедям, иначе он не говорил бы о необходимости «насаждать» эту мораль, но он был убежден,

что Россия, несомненно, готова к этому больше, чем Западный мир. Конечно, некоторые черты характера русского народа явно не нравились ему: «Это, прежде всего, забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся как бы каким-то наваждением). Это потребность хватать через край, потребность в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее, как ошалелому, вниз головой» [45]. Но все же постоянно наблюдаемые и отражаемые им такие черты народа, как его преданность православной вере, честность, простодушие, искренность, широкий ум, отсутствие «наивного глупого довольства собой», давали ему надежду на особенное будущее России. Его не смущало, что некоторые положительные черты русского характера имели оборотную сторону, отнюдь не положительную. Он придавал большое значение именно положительной стороне. «Русские люди, – писал он, – долго и серьезно ненавидеть не умеют, и не только людей, но даже пороки, мрак невежества, деспотизм, обскурантизм, ну и все эти прочие ретроградные вещи. У нас сейчас готовы помириться, даже при первом случае, ведь не правда ли? В самом деле, подумайте: за что нам ненавидеть друг друга? За дурные поступки? Но ведь это тема прескользкая, прещекотливая и пренесправедливая – одним словом, обоюдоострая; по крайней мере, в настоящее время за нее лучше не приниматься. Остается ненависть из-за убеждений; но тут-то уж я в высшей степени не верю в серьезность наших ненавистей» [46].

Свою «огромную надежду» на будущее обновление России Достоевский во многом связывал с русской женщиной как более стойкой и надежной хранительницей русской духовности. В мае 1876 г. в «Дневнике писателя» он отмечает, что она гораздо меньше мужчины поддалась распространившемуся в последние десятилетия «разврату стяжания, цинизма, материализма», что гораздо более мужчины «верна чистому поклоне-

нию идее, служению идее». Выдающуюся роль в воспитании подрастающего поколения женщина начинала играть не только в семье, но и на ниве просвещения. Прорыв к равным правам с мужчиной в получении высшего образования происходил через преодоление не только формальных трудностей, но и предрассудков. И Достоевский с удовольствием отмечает: «В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества». В открывшейся перед русской женщиной перспективе высшего образования Достоевский увидел для России «огромный и своеобразный шаг перед всей Европой» [47]. С благоговением отмечает Достоевский, как «светло» и «свято» проявила себя русская женщина во время русско-турецкой войны. В связи с этим он взывает к обществу и властям: «Ей ли, этой ли женщине, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать в полном равенстве прав с мужчиной по образованию, по занятиям, по должностям, тогда как на нее-то мы и возлагаем все надежды наши теперь, после подвига ее, в духовном обновлении и в нравственном возвышении нашего общества!» [48]

***

Итак, мы видим, насколько неосновательными, скорее даже недобросовестными, были обвинения в адрес Данилевского, будто он своей книгой ставил цель воспитать ненависть к Европе, которая якобы своим влиянием всегда оказывала исключительно положительное и даже спасительное воздействие на судьбу России. Во-первых, своей книгой Данилевский убедительно показал, что «инициатива» в проявлении чувства ненависти принадлежит Европе, и эта изначальная и стабильная ненависть направлена на Россию и славянский мир. Это наблюдение не принадлежало только Данилевскому. Наиболее наблюдательные русские люди, читавшие литературу на европейских языках, бывавшие подолгу за границей, не могли не

отмечать если не ненависть, то неприязнь и высокомерное отношение европейцев, представителей романо-германского мира, ко всему русскому и вообще славянскому. Написать об этом в русской печати, да еще и осудить это явление было дано не каждому. Чтобы «раскрыть русские глаза на действительное отношение европейского общественного мнения к России», нужна была определенная степень смелости, ибо, как отмечал Данилевский, «всякое оскорбительное слово о России было тщательно не допускаемо до нашего слуха...» (С. 252).

Во-вторых, Данилевский указал и на ощущение чужеродности западноевропейского мира, возникающего у всякого постоянно или длительно соприкасающегося с этим миром славянина, и в том числе русского. Это наблюдение также подтверждали многие выдающиеся русские мыслители и писатели.

В-третьих, Данилевский раскрыл подлинную глубинную причину этого взаимного отталкивания, доказав, что романогерманцы и славяне относятся к двум разным культурно-историческим типам. Он указал и на конкретные историко-культурные, религиозные, национально-этнические, бытовые различия этих двух культурно-исторических типов, в том числе и на их существенную разницу в возрасте. Эти черты различий, хотя и не в такой системной полноте, как у Данилевского, отмечались также многими другими русскими мыслителями. Во всех этих наблюдениях Данилевский увидел убедительное подтверждение своего учения о культурно-исторических типах.

Вместе с тем, на основании этого вывода со всей очевидностью выявлялась опасность бездумного перенесения на русскую почву всех «образцов» европейской действительности. Данилевский увидел в этом явлении опасную социальную болезнь, которую он назвал «европейничанием». Он посвятил анализу этой болезни целую главу в своей книге «Россия и Европа», касался ее и в своих публицистических статьях.

И опять же, здесь он шел в какой-то степени уже проторенной дорогой. В литературе, в русской общественной мысли еще со второй половины XVIII века стала зарождаться традиция критики, сатирического осмеяния слепого подражательства Европе. Это веяние нашло отражение в творчестве Фонвизина и Сумарокова, в сатирической журналистике при Екатерине II. Именно еще тогда началась борьба «передовых литературных сил за национальные пути развития русской культуры против распространенного в аристократических кругах преклонения перед Западом» [49]. Однако в последующие царствования, особенно при Павле I и Николае I, борьба эта не особенно поощрялась верхами, и указанная болезнь продолжала развиваться, поражая не только аристократические и, соответственно, правительственные круги, но и прозападнически настроенную интеллигенцию. Это вызывало возмущение у лучших представителей русского общества. Но не всегда была возможность высказаться по этому поводу публично. Препятствовало выражениям протеста внешнеполитическое ведомство. В письме к П. А. Вяземскому 27 мая 1826 года А. С. Пушкин с горечью заметил: «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда» [50].

Заслугой Н. Я. Данилевского было то, что он не просто публично выступил с осуждением этого явления, но провел своего рода полномасштабный научный анализ его. Назвав «европейничание» серьезной болезнью ввиду его разрушительного воздействия на организм России, он изложил свою версию истории болезни. По его мнению, болезнь пустила корни при Петре I, который одновременно и любил Россию, и ненавидел ее. Петр «любил в ней орудие своей воли и своих планов, любил материал для здания, которое намеревался возвести по образу и подобию зародившейся в нем идеи, под влиянием европейского образца; ненавидел же самые начала русской жизни – самую жизнь эту как с ее недостатками, так и с ее достоинствами» (С. 224). Поэтому Данилевский предлагает строго разли-

чать в деятельности Петра две стороны: созидательную и разрушительную. Первая – это «все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения». Она, по мнению Данилевского, «заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства», благодаря ей «заслужил он себе имя Великого – имя основателя русского государственного величия». Вторая сторона – это «те изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвести в русском народе». К числу этих ненужных насильственных изменений в быте, нравах и обычаях народа он относит те, которые вынуждали русских людей брить бороды, надевать немецкие кафтаны. Их загоняли в ассамблеи, заставляли «курить табак, учреждать попойки (в которых даже пороки и распутства должны были принимать немецкую форму), искажать язык, вводить в жизнь придворную и высшего общества иностранный этикет». Просвещение, считает Данилевский, надо было насаждать не извне, а изнутри, оно развивалось бы медленнее, но вернее и плодотворнее. Этой своей деятельностью, по мнению Данилевского, Петр «не только принес величайший вред будущности России (вред, который так глубоко пустил свои корни, что доселе еще разъедает русское народное тело), он даже совершенно бесполезно затруднил свое собственное дело: возбудил негодование своих подданных, смутил их совесть, усложнил свою задачу, сам устроил себе препятствия, на поборение которых должен был употреблять огромную долю той необыкновенной энергии, которою был одарен и которая, конечно, могла бы быть употреблена с большею пользою» (С. 224, 225). Для Данилевского нет никакого сомнения, что болезнь европейничания, заразившая Россию полтора столетия назад, прогрессирует и угрожает ее погубить. Для него не вполне ясен только характер болезни: является ли она доброкачественной или злокачественной. Хорошо, если она будет протекать как доброкачественная, явится своеобразной прививкой, которая не оставит вредных последствий, а лишь благодетельно подей-

ствует на организм. От течения болезни, полагает Данилевский, зависит судьба не только России, но и всего славянства.

Формы болезни европейничания Данилевский распределил по трем группам.

Первая – это «искажение народного быта и замена форм его формами чуждыми, иностранными». Данилевский предостерегает против недооценки опасности этой формы болезни. Задевающая, казалось бы, сначала чисто внешние, поверхностные проявления жизни – образ жизни, одежду, «устройство домов», «домашнюю утварь», болезнь эта начинает затем проникать все глубже и глубже, считает Данилевский. Подражание на уровне бытовом начинает оказывать пагубное влияние на искусство.

В частности, Данилевский замечает следы этого влияния на скульптуре. Ему кажется смешным, когда фигуры знаменитых русских людей скульптор наряжает в замысловатые европейские одежды. Нелепо выглядит, например, фигура адмирала Лазарева в Севастополе, наряженная в мундирный фрак с фалдочками, в панталоны в обтяжку. Простое русское народное одеяние представляется ему более величественным и изящным. И поэтому скульптурные изображения Минина на Красной площади, Сусанина в Костроме кажутся ему более удачными. Следы этого влияния он усматривает и в живописи, в том числе церковной, отмечая «фанфаронский характер» портретов святых – Георгия Победоносца, Александра Невского, Михаила Архангела и призывая вернуться к технике русской иконописи. Те же процессы он отмечает и в музыке, и в архитектуре, и в отношении к народным видам промышленности.

В конце концов, в результате изменения форм быта, полагает Данилевский, русский народ раскололся на два слоя даже по наружному виду: «Низший слой остался русским, высший сделался европейским – европейским до неотличимости» (С. 232). Это порождает настороженное отношение народа к «гос-

подам», «чужеземная наружность наших объевропеившихся классов вводит народ в соблазн, побуждая его считать их способными к переходу во враждебный России лагерь». Народ инстинктивно чувствует ненависть Европы к России «и потому всякое из ряда обыкновенного выходящее бедствие, постигающее его, склонен приписывать этой враждебности, хотя, конечно, и преувеличивает ее проявление» (С. 233). В пример Данилевский приводит мнение поморов, что умирали они не от холеры, а от отравлений, которые были делом рук «немцев», под которыми разумелись, как всегда, иностранцы вообще. Царь об этом не знал, считали поморы, а господ чиновников «немцы» подкупали.

Таким образом, искажение форм быта народа, перестройка их на иностранный манер оказываются по своим последствиям, считает Данилевский, делом далеко не безобидным.

Второй формой европейничания, по Данилевскому, является стремление переносить на русскую почву образцы «чужеземных учреждений» по принципу, «что все хорошее на Западе непременно также будет хорошо и у нас» (С. 235). Данилевский против экспериментов по пересадке в Россию учреждений иностранного образца, напоминающих немецкие бюрократические порядки. Он за те изменения в государственной и общественной жизни, которые вытекают из внутренних народных потребностей. Такого типа изменением он считает крестьянскую реформу 1861 года, которая была произведена не «по западному или остзейскому образцу, а по самобытному плану, упрочившему народное благо...» (С. 235). Не вполне иностранный образец видит он и в судебной реформе. «Гласность и изустность были и у нас исконными формами суда. Независимость от администрации есть необходимое следствие усложнения гражданской жизни. Следы ее видны в старом русском суде губными старостами», – поясняет он (там же).

Данилевский также ничего не видит противоречащего исконно русским началам в освобождении печатного слова от

цензурных уз и введении судебной ответственности за нарушение правил о печати. Главную функцию периодической печати он видит в отражении ею общественного мнения. Но ему кажется, что введенная «Временными правилами о цензуре и печати» в 1865 году система административных предостережений – «продукт, родившийся при другой обстановке, при других жизненных условиях, к нам из чужи занесенный» (С. 243). Он ратует за наказания только по суду органов прессы, нарушивших законы. И, надо сказать, в этом его позиция вполне совпадала с требованиями многих представителей либеральной и демократической печати. Не случайно жесткий в своем консерватизме К. Н. Леонтьев, горячо защищая теорию Данилевского, в то же время дистанцировался от него, так как, по его мнению, Данилевский «поддался эмансипаторским либеральным веяниям 60-х годов» и вообще совершил очень много «либерально-европейских ошибок» [51].

Третьей формой европейничания, и притом самой вредной, Данилевский считает освещение и истолкование в печати событий внутренней и внешнеполитической жизни России с иностранной, европейской точки зрения, взгляд на них «сквозь европейские очки» (С. 243). При этом, подражая западной многопартийности, одни русские европейцы изображают из себя аристократов, другие – демократов, третьи – конституционалистов, четвертые – нигилистов. Но во всех случаях, говорит Данилевский, получается карикатура. Русские аристократы, сплотившиеся в газете «Весть», ничего общего не имеют с французскими маркизами и английскими лордами. Они солидаризировались с польской шляхтой и остзейскими баронами в борьбе с русским народом и, в конечном итоге, в борьбе с национальными интересами России. Русский нигилизм есть производное от германского материализма и атеизма в лице К. Фохта, Я. Молешотта, Л. Фейербаха, Б. Бауэра. А потому «если в нигилизме есть что-нибудь русское, то это его карикатурность» (С. 247).

Но самой «зловредной» формой европейничания в этом третьем его разряде Данилевский считает унизительное заискивание перед общественным мнением Европы. Его размышления на эту тему исполнены сарказма. Он пишет: «Мы уподобляемся тем франтам, которые, любя посещать общество, не имеют уверенности в светскости своих манер. Постоянно находясь под гнетом заботы, чтобы их позы, жесты, движения, походка, костюм, взгляды, разговоры отличались бонтонностью и комильфотностью, – они, даже будучи ловки и неглупы от природы, ничего не могут сделать, кроме неловкостей, ничего сказать, кроме глупостей. Не то же ли самое и с нашими общественными деятелями, беспрестанно оглядывающимися и прислушивающимися к тому, что скажет Европа, – признает ли действия их достойными просвещенного европеизма?» (С. 248). Эти деятели при каждом своем слове и поступке озираются со страхом на Европу и думают: а что скажет европейская «княгиня Марья Алексеевна?». «Вместо одобрения народной совестью, – с горечью констатирует Данилевский, – признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствие от ее похвал» (С. 248).

Многие русские мыслители неоднократно замечали, что те русские интеллигенты, которые старались заслужить комплименты на Западе хулой на свою страну, холуйским поношением русского народа, как правило, вызывали к себе там снисходительно-презрительное отношение. «И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, – писал в 1877 году в “Дневнике писателя” Достоевский, – тем более они презирали нас самих» [52]. Эти увещевания русского гения, однако, мало воздействовали на находившуюся в угаре европейничания интеллигенцию. «Общечеловеческие ценности», европейская цивилизация как их образец – все это для нее было важнее «национального эгоизма», которым клеймились малейшие проявления патриотического чувства. Ряды интеллигентов, лакейст-

вующих перед западным «общественным мнением», продолжали пополняться, хотя, как отмечал И. С. Аксаков 15 марта 1884 года в передовой статье газеты «Русь»: «Запад и не перестает смотреть на таких русских прихвостней свысока, как на parvenus, как на мещан во дворянстве, или как древний грек на варвара...» [53].

Несмотря на неприязнь Запада к России, устойчивый интерес и высокую оценку там получала как раз самостоятельная, самобытная русская общественная мысль, а не ее либеральные и леворадикальные газетно-журнальные очернители. Об этом свидетельствует и судьба книги Данилевского «Россия и Европа». Спустя почти сто лет после ее появления американский ученый Д. Таден в своей монографии «Консервативный национализм в России в XIX веке» (Сиэтл, 1964) назвал Н. Я. Данилевского «первооткрывателем в исследовании проблем социального и культурного развития» и отнес его к числу тех русских мыслителей (А. А. Григорьев, Ю. Ф. Самарин, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев), которые говорили о России больше и внесли больший вклад в интеллектуальную жизнь России, чем их леворадикальные оппоненты [54].

Критика Данилевским нигилизма как явления, порожденного «смотрением» на жизнь России «сквозь европейские очки», перерастает в его книге и особенно в написанной им спустя четырнадцать лет статье «Происхождение нашего нигилизма» в критику леворадикальной интеллигенции вообще. Причем здесь уже просматриваются все те пункты обвинений русской интеллигенции, которые двадцать пять – тридцать лет спустя получили широкое развитие в работах С. Н. Сыромятникова «Опыты русской мысли» (СПб., 1901), Н. М. Соколова «Об идеях и идеалах русской интеллигенции» (СПб., 1904) и в знаменитом сборнике «Вехи» (СПб., 1909). В работах Н. Я. Данилевского в той или иной степени выражены основные «веховские» мысли. Известно, что веховцы обвиняли русскую интеллигенцию в отсутствии у нее национального самосознания.

Данилевский отмечал то же самое и подчеркивал при этом, что западная интеллигенция, которой стараются подражать русские либералы и леворадикалы, этим недостатком не страдает. В противовес их мнению, что либерал должен быть непременно космополитом, ощущать себя только гражданином мира, Данилевский утверждал: «...либеральная политика совершенно невозможна, если она не национальна, так как либерализм заключается в свободном развитии всех здоровых сил народной жизни, между которыми национальные стремления занимают главное место» (С. 274). А между тем, отмечает Данилевский, среди русских интеллигентов-нигилистов даже «всякая мелочная бытовая черта считалась уже чем-то достойным презрения, потому что была русскою, – как это, например, отразилось в самом языке тем презрительным оттенком, который присвоился у нас слову "доморощенный"...» [55].

Веховцы считали существенным недостатком русской интеллигенции ее безгосударственность. Данилевский был убежденным государственником. Он полагал, что «государство есть такая форма или такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества, понимая под личностью жизнь, честь и свободу» (С. 186). По мнению Данилевского, формы государственной жизни не могут привноситься для нации со стороны, они, эти «высшие народные идеалы, не сочиняются, не составляются искусственно, а коренятся в этнографической сущности народа. Они зарождаются и вырабатываются в бессознательно-творческий период его жизни, вместе с языком, народною поэзией и прочими племенными особенностями». В русской интеллигенции, в отличие от западной, которая в массе своей бережно относится к государству и его институтам, Данилевский отмечает склонность к анархизму. Эта ее настроенность связана с ее европейничанием, заимствованием всего худшего, что есть в политической мысли Запада. Поскольку в своих поисках новых государственных форм, в своей «жажде и алкании» нового государствен-

ного идеала они ничего «живого и органического найти не могут, то полное отрицание, т.е. нигилизм, и остается их единственным прибежищем, – нигилизм же в политике называется анархией». Опасность для российского государства увидел Данилевский (вероятно, одним из первых) не только в «чисто теоретическом нигилизме», но в распространявшемся среди русской интеллигенции социализме «в новейшей форме» Лассаля и Маркса [56].

Веховцы обвиняли русскую интеллигенцию в отрыве от народа, от его истории. Данилевский и эту черту отметил значительно раньше. Он настойчиво подчеркивал в книге «Россия и Европа» и в своих статьях, что монархическая форма правления в России – это исторический выбор самого русского народа, к этому выбору его подталкивал инстинкт самосохранения. И возвращение к этой форме, избрание новой царской династии Романовых после смутного времени в начале XVII века, по его мнению, достаточно убедительно подтверждает этот факт. Но русская интеллигенция в лице «отрицателей» монархической формы правления – нигилистов, говорит Данилевский, даже не желает вникать в сущность этого идеала. Она и не помышляет его познать и понять в сравнении с политическими идеалами других народов. «Не обращалось внимания и на то, что это идеал чуть не ста миллионов людей, не со вчерашнего дня появившийся, а переживший несколько исторических превратностей, мало того – не раз восстанавливавшийся самим русским народом, когда ход событий делал его более или менее полным хозяином своих судеб» [57].

Вряд ли было бы справедливо подозревать в Данилевском сторонника абсолютной монархии на вечные времена. Скорее он хотел показать безуспешность попыток либеральных его оппонентов перенести на российскую почву формы западной демократии. Правота этого утверждения была доказана провалом народнического «хождения в народ». В ответ на агитацию против царя народ представлял пропагандистов по начальству.

Что касается дальней перспективы монархии в России, то Данилевский, очевидно, допускал ее ограничения, ибо трижды повторил на страницах своей книги, что русский народ способен выдержать «всякую дозу свободы» в силу отсутствия в нем властолюбия, тщеславия, в силу своей умеренности, консерватизма, традиционного уважения и доверия к власти. В пример он привел благоразумное, спокойное пользование народом теми новыми гражданскими правами, которые дали ему реформы 60-х годов (С. 221, 413, 416).

Одну из причин распространения нигилизма среди русской интеллигенции Данилевский усматривал в том, что она без уважения относится к истории своего отечества, позволяет себе глумиться не только над отдельными ее периодами, но и чернит ее целиком. Данилевский напоминает любителям подражать всему европейскому, что как раз европейские народы – французы, англичане, немцы – с любовью относятся ко всем периодам своей истории. «У нас, – поясняет он, – этой любви к прошедшей жизни не было и не могло быть там, где мысль была построена подражательно, ибо подражательность необходимо предполагает отсутствие любви к своему» [58]. Другими словами, европейничающая русская интеллигенция смотрела на свою историю «сквозь европейские очки» и видела ее такой, какой ее создавали западные историки и публицисты. Эту тенденцию заметил еще А. С. Пушкин у П. Я. Чаадаева. В письме к нему 19 октября 1836 года он написал свои знаменитые строки: «...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог ее дал» [59].

Наконец, обвинения веховцев в безрелигиозности русской интеллигенции также прозвучало у Данилевского значительно раньше – в его наблюдении о пренебрежении интеллигенцией «русским религиозным идеалом» [60].

Тема «европейничания» русской интеллигенции после появления книги Данилевского стала чаще звучать на страницах

русской периодической печати, хотя большинство газет и журналов придерживалось в той или иной степени прозападнической ориентации. Особенно большое место заняла она в публицистике И. С. Аксакова, который еще задолго до появления книги Данилевского, в 1861 году, в газете «День» писал, что русская интеллигенция «постоянно ищет поддержку в общественном мнении Европы, заискивая его благосклонность или чрез низкое отречение от своих начал, или чрез смиренное и унизительное безмолвие» [61]. Но с появлением книги Данилевского, после его научного анализа причин, корней, форм проявления и последствий «болезни европейничания» (впервые введенного им в оборот понятия), эта тема в публицистических выступлениях И. С. Аксакова стала звучать постоянно и громко, особенно в газете «Русь». И. С. Аксаков был одним из тех (К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев), кто еще при жизни Данилевского способствовал распространению его идей. По вопросу об «европейничании» интеллигенции, о его вредных последствиях для России взгляды И. С. Аксакова и Н. Я. Данилевского полностью совпадали.

Как и Данилевский, Аксаков часто обращается к тому «направлению» российской интеллигенции, «которое, веруя только в последнее слово европейской науки и жизни, истощается... в бесплодных помыслах и мечтаниях: преобразить по чужому образу и подобию весь русский народный исторический склад» [62]. Как и Данилевский, он старается довести до сознания интеллигенции, что последнее слово европейской мысли, будь то в науке, в обществоведении, в искусстве, в любой другой области, необязательно есть в то же время и самое верное слово. Российская интеллигенция, считает Аксаков, фальшивит не только тогда, когда навязывает русскому обществу «чужое убеждение, чужое мерило, продукт чужой истории, чужих нравов», но и тогда, когда какую-либо гипотезу европейской науки «выдает уже за научную аксиому, случайное, преходящее мнение или явление на Западе возводит в крайнее слово

знания или жизни, обобщает частные факты, искажает смысл возникающих там задач и вопросы, еще не решенные там, – сразу решает во имя "европейского прогресса" для своего отечества!»

Аксакова возмущает тот факт, что творческая русская мысль гаснет от общественного равнодушия, а абстрактная, вздорная, но западная, заемная пробивается через все препятствия, охватывает повально, «как-то стадообразно», массы умов. Он объясняет это тем, что эта мысль имеет дело «с общественною средою, более или менее отчужденною от своей народности и истории, не представляющею никаких серьезных преград для нашествия абстрактных, совсем несвойственных русской жизни и даже прямо враждебных ее духу идей и затей, а иногда и реформ» [63]. Последствия печальны: это «подражание истинно рабское, обезьянство в подлинном смысле слова, извратило весь основной дух государственного строя, исказило его до самых мелочей» [64].

Особенно большое внимание Аксаков уделил «европейничающей» российской прессе. И это не случайно. После того, как книга Данилевского была написана и издана, в 70-е годы произошел заметный количественный рост периодической печати, особенно газет. По новым «Временным правилам о цензуре и печати» стало легче получить разрешение на издание газеты или журнала без предварительной цензуры. Это стимулировало рост печати. С другой стороны, в связи с ускорением развития капитализма в пореформенный период издательское дело, особенно выпуск газет, стал превращаться в выгодный бизнес. Хорошо поставленная газета стала приносить немалые дивиденды (главным образом, за счет публикуемой рекламы). Но поскольку для организации издательского дела был нужен немалый стартовый капитал, то подлинными хозяевами газет и журналов все чаще становились крупные предприниматели, заводчики и купцы. Литературные сотрудники и редакторы газет и журналов превращались в обычных наемных работников.

Их культура и нравственный уровень заметно понизились по сравнению с журналистикой 40–50-х годов. В русской журналистике, особенно в газетном деле, все шире стали распространяться нравы, которые уже во всю торжествовали в странах буржуазной Европы. Естественно, и идеалы Западной Европы стали для большинства газетчиков путеводной звездой. Именно в эти годы на Западе за периодической печатью, в связи с ее непомерно возросшим влиянием на формирование общественного мнения, стала закрепляться репутация четвертой власти в системе государства, причем власти абсолютно аморальной («вторая древнейшая профессия»). Этот процесс не мог не вызвать протеста в среде русских литераторов, писателей, ученых и даже сановников старшего поколения, воспитанных на других образцах журналистики, выступавшей орудием служения высоким духовным идеалам и принципам. Причем этот протест звучал со стороны представителей разных политических групп. Многих возмущало совершенно новое явление – человек не весьма образованный, с откровенно низкими нравственными жизненными установками, набив руку на ремесленном строчкогонстве, получал трибуну для распространения своих мыслей и эмоций на всю страну, неограниченную возможность ежедневного воздействия на умонастроения десятков тысяч людей, что было недоступно ни одному государственному деятелю.

Против этого нового явления особенно резко и аргументированно выступил К. П. Победоносцев. «Любой уличный проходимец, – возмущался он, – любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чем угодно, репортеров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, – и штаб у него готов, и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на минис-

тров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность» [65]. Заметим в скобках, что против этой социальной опасности Победоносцев предупреждал в то время, когда тираж газеты в 10 тысяч экземпляров считался большим, когда еще не было ни радио, ни телевидения, когда возможности журналистского гешефта на инсинуациях, на манипулировании общественным мнением были меньше в сотни тысяч раз.

Победоносцев обращает внимание на то, что процветали как раз наиболее бесцеремонные, безнравственные издатели и редакторы и их газеты, промышлявшие распространением, а иногда и сочинением слухов, публикацией непроверенных известий, завуалированной рекламой и даже шантажом. И именно такая газета, писал Победоносцев, «может процветать, может считаться органом общественного мнения и доставлять своему издателю громадную прибыль... И никакое издание, основанное на твердых нравственных началах и рассчитанное на здравые инстинкты массы, – не в силах будет состязаться с нею» [66].

Легковесность, безответственность в суждениях и оценках стали отличительной чертой не только откровенно бульварных изданий, но и газет, претендующих на серьезное общественно-политическое содержание. И. С. Аксаков выделяет среди них те газеты, которые особенно сильно были заражены болезнью европейничания. В своих полемических статьях в этом плане он особенно часто упоминает такие либеральные петербургские газеты, как «Голос» (1863–1884), «Новости» (1871–1886) и «Порядок» (1881–1882). По наблюдению Аксакова, для газет такого рода «все зло – в отсутствии “европейского правового порядка” или “европейских либеральных учреждений”, в “недовенчании здания по образцу Европы” и “все спасение – в европеизме”». Считая это глубоким заблуждением, Аксаков ссылается на Северо-Американские Соединенные Штаты, где, подчеркивает он, даже для доктринеров либерализма в самой западной Европе правовой порядок кажется

идеальным и где, тем не менее, «“хищение” доросло до таких размеров, пред которыми почти бледнеют хищения российские...» [67].

Как общую черту газет, страдающих болезнью европейничания, Аксаков отмечает их открытую или скрытую русофобию. «И в самом деле, – пишет он в одной из передовых статей в газете “Русь”, – точно будто лозунг дан по всей “либеральной печати”, лозунг – чернить наш простой народ, выставлять на вид самые темные его стороны, и в его истории, и в его настоящем» [68]. Газета «Порядок» это делает открыто, считает он.

А вот пример завуалированной русофобии в газете «Голос». Аксаков рассказывает, что газета «Голос» познакомила своих читателей со статьей под ироническим названием «Русский гений», опубликованной в одной из немецких газет. В ней была предпринята попытка доказать, что «никакого русского национального гения не бывало и нет», никакой самобытности, оригинальности русский народ никогда «не проявлял в течение всей своей тысячелетней истории, да и не проявит, потому что к такому и не способен, – он безличен, он бессодержателен, он ничтожен, равняется нулю, а потому должен отказаться от всяких притязаний на личность и самостоятельность и без лишних околичностей присоединиться к общему европейскому концерту – запеть в унисон с остальною Европою», ибо его «попытка на китайский лад выработать из себя собственную музыку никогда не удастся» [69].

Газета, познакомив читателей с этой статьей, как будто осудила ее, но в то же время сочла необходимым добавить, что мнения других о нас полезно знать, так как они служат «зеркалом», в котором народ «может “хоть сколько-нибудь” видеть свое отражение». К этому явно издевательскому резюме автора «Голоса» Аксаков добавляет свою ремарку: «Он не оговаривается тут, что зеркало может быть и кривое, напротив, несколько ниже замечает, что статья “написана не без знания дела и не без понимания нашего положения”» [70]. Аксаков за-

ключает, что такие газеты, как «Голос», фактически проявляют солидарность с враждебными выпадами европейской прессы против России и русского народа. Сообщения либеральных газет о «прискорбных явлениях нашей жизни», когда в них замешаны русские, всегда полны гнева, но когда виновники инородцы – тон сообщений сочувственный, сообщает Аксаков. Они получают от Европы комплименты за публикацию материалов, как бы иллюстрирующих антирусские статьи и книги на Западе.

На примере газеты «Голос» Аксаков показывает, что либерализм и демократизм не могут быть подлинными, если они сопряжены с антинациональной направленностью, что европейничание неизбежно приводит к лжелиберализму и лжедемократизму. В передовой статье первого номера за 1882 год редакция «Голоса» обратилась к газете Аксакова «Русь» с призывом: «Не разнуздывайте зверя!» «Голос» имел в виду, что своими статьями о необходимости народной политики, о народе и народности «Русь» якобы противополагает народ и не народ, что это может возбудить в 80 процентах населения вопросы, от которых не поздоровится 20 процентам, и придется защищать эти 20 процентов не одним духовным оружием. В отношении к народу как к «зверю», в запугивании последствиями народной политики Аксаков увидел абсолютное несоответствие прокламируемому газетой демократизму, а в угрозах применения против народа «не одних духовных средств» – явное несоответствие ее стараниям казаться либеральным изданием. Аксаков видит в газете неясное «либеральное» вожделение «властолюбивого свойства» – «мудрить над 80% населения, доктринерствовать без точной программы и цели, если не просто ораторствовать и восседать "во имя народа" на манер европейский» [71].

Тема «европейничания» российской интеллигенции в 70–80-е годы была подхвачена и либерально-народнической публицистикой [72]. Особенно наглядно это проявилось в пуб-

лицистике П. П. Червинского и И. И. Каблица (Юзова) на страницах еженедельной народнической газеты «Неделя». Влияние книги Н. Я. Данилевского на либеральных народников заметно и в их историософских взглядах. П. П. Червинский, например, высказал мысль о России как о стране, отстающей от стран Западной Европы по степени развития, но превосходящей их по типу развития (имелось в виду наличие общины как ячейки социализма). Правда, он при этом претендовал на приоритет своей мысли в качестве открытия некоего социологического закона. На что последовало деликатное напоминание Н. К. Михайловского, что он раньше развивал эту мысль, высказанную прежде всех славянофилами в 40-х годах и Н. Я. Данилевским в его книге «Россия и Европа» [73].

В критике «европейничания» российской интеллигенции в публицистике Червинского и Каблица отмечается даже буквальное терминологическое совпадение с текстом Данилевского. Интеллигенция, по Червинскому, должна прекратить «трепать» заграничные формулы, смотреть на русскую жизнь «сквозь европейские очки», «мудрить над русской жизнью по иностранным образцам и книжкам» [74]. Несостоятельность «европейничания» Червинский, как и Данилевский, объясняет большим своеобразием России, которое проистекает вовсе не от ее отсталости, а от «своеобразного склада общества», от особенностей ее экономического и бытового уклада, национального характера русского народа.

У Каблица обширные размышления на эту тему имеют также немало точек соприкосновения с основными теоретическими положениями книги Данилевского. Как и Данилевский, Каблиц восстает против фетишизации «законов истории», которые выработала теория и практика Запада. В частности, он считает, что капитализм в его западном воплощении не является неизбежностью для России, что Россия не обязательно «должна пройти весь экономический цикл этой экономической формы, как он выразился на Западе» [75]. И вообще, пола-

гает Каблиц, «ошибочно было бы считать лучшим социальным устройством выработанное европейцами на том только основании, что они опередили другие народы в умственной и технической культуре» [76]. Духовную, этическую культуру он считает более важным фактором в выработке народом социальных отношений.

Каблиц настойчиво повторяет и развивает мысль, высказанную Данилевским, что общественный и государственный строй тогда является жизнеспособным, когда он органично вырастает из глубины народной жизни, из исторического опыта народа, из особенностей его социально-психологического поведения в прошлом и настоящем. «Ведь всякая общественная форма, – поясняет он, – нужна только для увеличения счастья людей, а каково же будет положение народа, который должен будет насильно подчиняться общественной форме, не соответствующей его характеру и уму, а следовательно, и желаниям» [77]. Самобытный путь развития любого народа, таким образом, Каблиц характеризует как счастливый путь. Как и Данилевский, он подчеркивает, что хлопочет о самобытном пути не только для России. При полной солидарности по этой проблеме с автором «России и Европы» он развивает мысль, что чем больше будет на земле самобытных народностей, тем богаче будет человечество, «тем жизнь этого человеческого целого будет полнее и ярче во всех отношениях» [78].

Национализм для Каблица, как и для Данилевского, не абсолютно отрицательная величина. Он разделяет его на истинный и ретроградный. Истинный национализм исходит из того, что каждая национальность имеет право на самобытное существование и развитие, что общечеловеческая солидарность достигается не нивелировкой наций, а, напротив, полным развитием их особенностей. Истинный национализм, по Каблицу, альтруистичен. Национализм ретроградный эгоистичен, он допускает хищническое отношение к другим нациям.

Как и Данилевский, Каблиц специально оговаривается, что он не изоляционист, что не намерен отрицать значение «опыта других народов». Но заимствуемый опыт, предупреждает Каблиц, не должен «идти вразрез» с самобытным путем данного народа. «Опыт других народов, – разъясняет он, – может послужить только подспорьем при отыскании самобытного пути» [79].

Поэтому он отвергает неразумную «пересадку» (именно этот термин Данилевского употребляет Каблиц) разного рода «мероприятий» западного образца на русскую почву, усматривает в западничестве «вредное влияние», разрушающее «веру в умственные и нравственные силы русского народа» [80]. Как и Данилевский, он рекомендует интеллигенции не «мудрить над народом и не навязывать ему насильно свои идеалы» [81]. Оторванная историческим процессом от своего народа, российская интеллигенция обращается с народом по законам бюрократии, диктует ему его поведение, навязывает свои идеалы, утверждает Каблиц. Она стремится установить свое господство над народом. «Народ, по мнению западников, есть только человеческий материал, бесформенный и бессмысленный, который только под влиянием интеллигенции превращается в культурное общество», – отмечает он [82]. В случае прихода к власти «интеллигентной бюрократии» народу будет еще труднее, считает Каблиц, ибо его будут эксплуатировать по последнему слову науки во имя «прогресса». Каблиц предупреждает, «что плох тот прогресс, от которого горько приходится народу и сладко только избранным вести его по пути этого мнимого прогресса» [83].

Он еще и еще раз объясняет той российской интеллигенции, которая, «заимствуя свои идеалы от европейцев», полагает, что «они всецело могут быть перенесены на русскую почву»: «Социальные формы настолько хороши, насколько они приспособлены к характеру и потребностям народа. Нет и не может быть никакой идеальной общественной формы, годной для всех народов» [84].

***

Особо опасной для судьбы России и всего славянского мира представлялась Н. Я. Данилевскому болезнь европейничания во внешней политике России. Стремление чиновников Министерства иностранных дел смотреть на положение России в мире «сквозь европейские очки» приводило его в негодование. И он на эту тему размышлял не только в книге «Россия и Европа», но и выступал с гневными, обличительными статьями в периодической печати.

Европа как раз в своей внешней политике особенно отчетливо и откровенно демонстрировала свою враждебность к России. Причем не только в историческом прошлом, но и на том временном отрезке, который суждено было прожить Данилевскому. Человек очень уравновешенный и сдержанный, но неравнодушный к судьбе своей страны, он тяжело переживал каждый подобный факт. А проявлений враждебности Европы, очевидцем которых был Данилевский, наблюдалось достаточно много. Назовем лишь главное и самое заметное из них – Крымскую войну. Не исключено, что она послужила еще одним толчком для последующего переосмысления Данилевским всемирного исторического процесса. На страницах своей книги он несколько раз возвращается к этому событию, говорит о большом значении его в плане понимания подлинного отношения к России именно Европы в целом, а не отдельных европейских государств. По мнению Данилевского, эта война «показала нам, что ненавидела нас не какая-либо европейская партия, а, напротив того, что каковы бы ни были разделяющие Европу интересы, все они соединяются в общем враждебном чувстве к России. В этом клерикалы подают руку либералам, католики – протестантам, консерваторы – прогрессистам, аристократы – демократам, монархисты – анархистам, красные – белым, легитимисты и орлеанисты – бонапартистам». Для до-

казательства Данилевский ссылается на дебаты во французском Законодательном собрании по внешней политике, из которых следует, что разные партии по-разному оценивают итальянскую, американскую и германскую политику французского правительства, но враждебную политику по отношению к России одобряют все. Значение этой войны Данилевский, кроме прочего, видит и в том, что «общая (поглощающая все различия партий и интересов) ненависть к России, которую и словом и делом обнаружила Европа, начала наконец открывать нам глаза» (С. 251–252). Правда, оговаривается он, этому прозрению не помогала периодическая печать, которая в основном замалчивала этот факт впечатляющей солидарности Европы в проявлении враждебности к России.

Около указанных строк на полях своей книги незадолго до своей смерти Данилевский с горечью написал: «Глаз не открыл и Берлинский конгресс, а разумного слова и произносить некому: раз-два и обчелся» (С. 252). В самом деле, Берлинский конгресс 1878 года, изменивший условия Сан-Стефанского договора в ущерб России и славянским народам Балкан, явился еще одной наглядной демонстрацией враждебности ведущих стран Европы к России. Министры иностранных дел Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии, Италии и Греции фактически лишали Россию значительной части плодов ее нелегкой победы в русско-турецкой войне. Унизив Россию, они заодно постарались показать славянским народам, кто является настоящим хозяином в Европе, и дали понять славянам, как мало оправданны их надежды на Россию. В результате изменений Сан-Стефанского договора, проведенных под угрозой объявления Англией войны России (английский флот был введен в Мраморное море), от Болгарии фактически были отторгнуты области к югу от Балканского хребта, названные провинцией «Восточная Румелия», губернатор которой назначался турецким султаном и утверждался Англией. Фракия, Македония и Албания были оставлены за Турцией. Австро-Венгрия полу-

чила право на оккупацию Боснии и Герцеговины, а Англия – на оккупацию Кипра. В Закавказье Баязет с Алашкертской долиной от России был возвращен Турции, а Батум был объявлен вольной торговой гаванью.

На эти события Данилевский отозвался в журнале «Русская речь» большой статьей «Россия и восточный вопрос», которая в более полном виде была опубликована под заголовком «Горе победителям!» в посмертно вышедшем сборнике его статей. В ней Данилевский сделал несколько важных выводов относительно внешней политики европейских стран применительно к России и ко всему славянскому миру.

Прежде всего, в статье проводилась мысль, что Европа предстает целостным, единым политическим организмом каждый раз, когда она определяет свое отношение к России, к славянству. В политическом смысле, считает Данилевский, Европа – это совокупность государств, сознающих противоположность своих интересов интересам России и славянства, до сознания которых этот факт не дошел.

Анализ итогов Берлинского конгресса приводит Данилевского к безутешным выводам. Русские люди, вместо торжества и упоения славой после одной из самых полных и решительных побед, испытывают «всеобщее уныние, чувство глубокого унижения... оскорбленной народной чести и поруганного достоинства». Славяне на Балканах начинают размышлять: Россия действительно принесла для нас огромные жертвы, сокрушила Турцию; но, как только на сцену выступили настоящие враги, «т.е. Европа, и преимущественно Англия и Австрия, – Россия отступила»; не потому ли Европа так враждебна к нам, «что мы единоплеменны и единоверны с Россией», «в нашем ли положении мечтать о политической силе, о славном историческом будущем в союзе с Россией», когда она «сама от нас отрекается»; а с другой стороны, «когда еще самые элементарные человеческие права за нами не обеспечены», «не разумнее ли нам примкнуть к Англии и к Австрии», «не приглашает ли нас

к этому сама Россия, подавая сербам и черногорцам совет сойтись и сговориться с Австрией?» [85]. Горестные мысли Данилевского во многом совпадали с известной речью И. С. Аксакова, за которую он был выслан из Москвы [86].

Все это явилось следствием исключительно неудачной, антинациональной деятельности российской дипломатии, для которой на первом месте стоят интересы Европы, а не России, интересы так называемого «европейского равновесия», считает Данилевский. Причем подобную мысль он выразил еще в 1869 году в своей книге «Россия и Европа», обобщая предшествующий исторический опыт дипломатической деятельности России. И здесь размышлениям Данилевского на эту тему присуща определенная степень гражданского мужества: он позволил себе предъявить счет в провалах русской дипломатии царствующему дому Романовых, отдельным его представителям.

Данилевский открыто высказывает мнение, что немецкое родство российских царей нередко пагубно сказывается на государственных интересах России в области международных отношений. Правда, он сразу же отмежевывается от огульно-националистического подхода к этому вопросу, выдвинув как образец патриотического служения России внешнеполитическую деятельность Екатерины II. Но все же явно крамольная по тем временам мысль Данилевского звучит, например, в следующих его словах: «После Петра наступили царствования, в которых правящие государством лица относились к России уже не с двойственным характером ненависти и любви, а с одною лишь ненавистью, с одним презрением, которым так богато одарены немцы ко всему славянскому, в особенности к русскому. После этого тяжелого периода долго еще продолжались, да и до сих пор продолжаются еще колебания между предпочтением то русскому, как при Екатерине Великой, то иностранному, как при Петре III или Павле» (С. 225). Масштабы этого все возрастающего после смерти Петра I немецкого влияния были так велики, отмечает Данилевский, что во времена Анны Иоан-

новны многие сомневались: «не исчезнет ли, не сотрется ли совершенно русский национальный характер с русского (только по имени) государства; не обратится ли русский народ в орудие, в материальное средство для немецких целей» (С. 285).

Предпочтение иностранному проявлялось по-разному. Например, в подборе высших чиновников для Министерства иностранных дел, – как говорит Данилевский, явившихся «на пагубу русскому делу» (С. 25). Или в том, что нередко «Россия горячо принимает к сердцу так называемые европейские или, точнее, немецкие интересы, – горячее, чем собственные» (С. 34). Даже И. С. Аксаков не позволял себе таких намеков на «пагубу русскому делу», исходящую от немецкого родства российских царей. Это мог делать беспрепятственно только А. И. Герцен в своих эмигрантских статьях, свободных от российской цензуры. И он неоднократно и совершенно определенно высказывался по этому поводу. Писал, например, о «византийско-немецком правительстве» в России [87]; о «ненациональной», «частной политике Николая, Голштейн-Готторпов»; о том, что за пределами России «эта немецкая родня, жалкая, голодная, упрямая, обидчивая и наглая, – истинное бедствие для Зимнего дворца» [88]; о том, что «почти чужестранное правительство делает в Петербурге что хочет» [89]; о том, что «этим бравым немецким выходцам следовало бы вернуться к себе на родину, которая их призывает» [90], о том, что «нам надо было противопоставить нашу народность против онемеченного правительства и своих ренегатов» [91]. Наконец, считая, что Россия как славянская страна должна взять на себя гегемонию в славянском мире, Герцен с возмущением отмечает, что Николай I всячески отталкивает от России эту роль. Он пишет: «Вместо... того, чтобы призвать к себе народы, являющиеся братьями его народа, он предает их; вместо того, чтобы стать во главе славянского движения, он предоставляет помощь и золото палачам славян» [92].

С такой степенью откровенности Данилевский, понятно, не мог писать в российской печати, но все, что мог, он сказал.

Главный порок внешнеполитической деятельности России Данилевский видит в том, что она совершенно неадекватна внешней политике Европы по отношению к России. Российская политика, по его мнению, не самостоятельная, заискивающая перед западными державами и даже в отдельные моменты трусливая. Россия в ущерб себе пытается играть альтруистическую роль, записываясь во время конфликтов, в том числе и военных, в союзники то к одной европейской стране или группировке стран, то к другой. А проистекает такая политика, полагает Данилевский, «от тщеславно-унизительного желания втереться в члены древней и славной европейской семьи и от жалкого самообольщения, будто нас в нее приняли» (С. 376).

И это в то время как Европа проводила по отношению к России стабильно враждебную политику. Во всех исторических обстоятельствах, показывал своей книгой Данилевский, Европа не меняла своего мнения о России и своего отношения к ней. Либеральные и демократические реформы 60-х годов ничуть не изменили этого отношения, хотя Англия и Франция раньше якобы из-за отсутствия этих реформ дистанцировались от России. И в международной политике Россия совершила ряд либеральных деяний: «И правительство, и общественное мнение сочувствовали делу Соединенных Штатов искреннее, чем большая часть Европы. Россия из первых признала Итальянское королевство и даже, как говорят, своим влиянием помешала Германии помогать неправому делу». Но результат был тот же. Данилевский спрашивает: «И что же, переменилась ли хоть на волос Европа в отношении к России?» (С. 39–40). Ответ напрашивался сам собой.

Данилевский называет и иллюстрирует несколько принципов внешней политики ведущих европейских государств, в которых проявляется их солидарность по отношению к России. Первый – явное желание и стремление видеть Россию ослаб-

ленной и делать для этого все возможное. Причем тут допускаются любые дипломатические комбинации. Данилевский показывает, как коварно интригует Европа против России с помощью Турции. Это было в 1854 году, когда Турция была использована для удара объединенных сил Европы по России, и в 1878 году, когда нужно было свести на нет результаты успешной для России войны против Турции. С целью ослабления России, считает Данилевский, Европа подрывает в России самобытные «народные начала», старается ослабить национальное самосознание, внушить русскому народу комплекс неполноценности (С. 54, 56). Она также поддерживает все внутренние разрушительные, сепаратистские силы. Поэтому российская европействующая интеллигенция, угождая Западу, проявляет «сочувствие и стремление ко всему, что клонится к ослаблению русского начала по окраинам России, – к обособлению (даже насильственному) разных краев, в которых, кроме русского, существуют какие бы то ни было инородческие элементы; к покровительству, к усилению (даже искусственному) этих элементов и к доставлению им привилегированного положения в ущерб русскому» (С. 53). Данилевский уверен, что, если Европа увидела бы в конец ослабленную Россию, она все равно не оставила бы ее в покое (С. 370).

Второй принцип общей политики западных держав по отношению к России – изоляция ее от славянского мира, стремление раздробить и разделить славян. Тут главным в европейской политике является постоянное запугивание славян Россией. Они стараются представить «им родной славянский облик русского народа в виде пугала с оскаленными зубами, стремящегося их поглотить и обратить в состав собственного громадно-чудовищного тела» (С. 292).

Единая цель, которую преследуют ведущие государства Европы своей внешней политикой по отношению к России и другим славянам, – во что бы то ни стало не допустить не только славянского единения, но даже всеславянского самосознания,

– к такому выводу подводит своих читателей Данилевский. Для этого они, с одной стороны, стараются ослабить Россию, чтобы ликвидировать «магнит» примера независимости большого самостоятельного славянского государства для всех порабощенных юго-западных славян. С другой – стремятся как можно дольше сохранить этих раздробленных славян в составе Турецкой и Австро-Венгерской империй, где они легче поддаются ассимиляции и денационализации «религиозным, политическим и цивилизационным совращением» (С. 303), несмотря на то, что составляют большинство населения. Важным компонентом внешней политики европейских держав по отношению к славянскому миру, считает Данилевский, является также раздувание ими раздоров между славянскими племенами, например словаков с чехами, сербов с хорватами и болгарами, «при помощи религиозной розни и честолюбивых стремлений к преобладанию одних племен и щепетильных претензий других на независимость и самостоятельность» (С. 306).

Данилевский показывает, что стремление ослабить и разделить славянский мир продиктовано Европе не только опасностью влияния «чуждого, враждебного, варварского мира» (С. 41), но и желанием властвовать в этом мире и иметь от этого политические и экономические выгоды, какие она «извлекает из Китая, Индии, Америки и т.д.» (С. 41). Эти выгоды желают иметь и Англия, и Франция, и Италия, и особенно Германия. Территориальные приобретения Германии за счет оттеснения славян на восток, за счет полного истребления полабских и поморских славян создают для нее постоянный соблазн политики «Drang nach Osten», напоминает Данилевский.

В книге дается развернутая характеристика методов политики, осуществляемой ведущими державами Европы по отношению к России и ко всему остальному славянскому миру. Это поистине макиавеллистская политика, ибо в ней все дозволено. При этом она, подчеркивает Данилевский, коренным образом расходится с теми требованиями, которых Запад рекомен-

дует придерживаться России. Например, выдвигая к России разного рода претензии по демократическим правам, Европа, как отмечал Данилевский, вступала в дружественные союзнические отношения с султанской Турцией, в которой даже намека не было в то время на какую-либо демократию, в славянских землях которой царил террор. Почему? Данилевский объясняет, что для Европы главное – не допустить распространения идей независимости и единства в «варварском» славянском мире: «Не допускать до этого – общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации. Вот единовременное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми обмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) и когда оно идет о других странах и народах» (С. 41). В другом месте он еще раз поясняет: «Турция составляет препятствие к возникновению всеславянского сознания, – и поэтому только она и люба Европе» (С. 303).

Эту мысль Данилевского через семь лет поддержал в своем «Дневнике писателя» Достоевский. Он писал: «Вот эта-то неминуемость нравственного приобщения славян к России, рано ли, поздно ли, эта, так сказать, естественность, законность этого ужасного для Европы факта и составляет кошмар ее, ее главные опасения в будущем» [93]. И относительно вспыхнувшей в Европе любви к туркам также посчитал, что «это единственно из ненависти к России», что поэтому Европа подстрекала их и помогала им [94].

Данилевский отметил немало и других примеров двойного стандарта при оценке европейскими державами своей политики и политики России. Это он показал, в частности, на примере ожесточенной критики Западом притязаний России на Константинополь. Он напомнил читателям, что Англия владеет находящимися от нее за сотни и тысячи километров Гибралтаром, отнятым ею у Испании, и мысом Доброй Надежды, отня-

тым у Голландии. И это никого на Западе не смущает. Но посягательство России на расположенный вблизи ее территории один из исторических центров православия – город-порт, который жизненно необходим для безопасности ее южных границ, для ее связей с родственными славянскими племенами, вызывает бурю протестов (С. 32, 248).

На основе анализа истории международных отношений и, в частности, внешней политики европейских держав по отношению к России Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» приходит к выводу, что международная политика не только не строится, но и не может строиться по правилам христианской нравственности. Одно дело, говорит Данилевский, отношения между людьми. Поскольку требование христианской нравственности – это всегда требование самопожертвования как высшего нравственного закона, то люди, верящие в бессмертие души и во временный характер своей земной жизни, естественно, могут строить свои отношения на началах нравственности, любви и самопожертвования. Но государства – явление преходящее, «существующее только во времени, и, следовательно, только на требовании этого их временного существования могут основываться законы их деятельности, т. е. политики». Поэтому, считает Данилевский, «принцип утилитарности, т. е. здраво понятой пользы, – вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места любви и самопожертвованию». Своих будущих возможных оппонентов Данилевский предупреждает: не надо думать, что этим оправдывается макиавеллизм, это всего лишь фиксация закона (С. 27).

Исходя из этого реально существующего закона в международных отношениях, которым всегда руководствовалась и руководствуется Европа, Данилевский предлагает свою программу корректировки внешнеполитической деятельности России. В связи с этим он подвергает основательному критическому

пересмотру многие ее шаги на международной арене, которые предпринимались теми, кто смотрел на международное положение России сквозь очки европейских интересов, предъявлял к внешней политике России требования христианской нравственности, в то время как европейские державы руководствовались исключительно эгоистическими расчетами (известный принцип лорда Пальмеретона: «У Англии нет ни друзей, ни врагов, у нее есть только интересы»).

Данилевский призывает российскую дипломатию действовать «без ненависти и без любви», «с равнодушием и к красному, и к белому» и «быть верным другом и союзником тому, кто хочет и может содействовать нашей единой и неизменной цели» [имеется в виду освобождение славянства из-под турецкого и австро-германского ига и его объединение. – *Б. Б.*] *(С.* 375). Он предлагает перестать вмешиваться в разборки между европейскими державами на чьей-либо стороне во имя так называемого «европейского равновесия», т.е. во имя сохранения устойчивости в западноевропейском мире, который относится к России враждебно и эту устойчивость использует как раз для проявления своей солидарной и стабильной враждебности. Во времена своих междоусобий он как бы ограничен в проявлении этой враждебности, поэтому эти междоусобные столкновения и конфликты даже выгодны России: каждая из двух противоборствующих сторон начинает предлагать свою дружбу России. Данилевский уверен, что, как только Европа «устроит свои последние домашние дела, – когда новые элементы политического равновесия ее системы успеют отстояться и окрепнуть, – первого предлога (как во время Восточной войны) будет достаточно для нападения на Россию» (С. 360, 340).

Данилевский полагает, что Россия во имя своего процветания должна свести свое общение с западноевропейскими странами главным образом к торговле. Он цитирует записку Павлу I графа Ф. В. Растопчина с таким же предложением и резолю-

цию императора: «Святая истина!» – в эпиграфе к одной из глав своей книги. С позиции своего внешнеполитического кредо он подвергает критике многие акции международной политики России. Он считает ошибкой участие России в Семилетней войне, ибо Россия вмешалась тогда «в совершенно чуждое нам европейское дело» (С. 338). По его мнению, на протяжении 1799–1814 годов дипломатия России действовала исключительно в европейских, а не в своих, российских интересах. Поход Суворова в Европу в 1799 принес неувядаемую славу русской армии, но практической пользы не дал и, таким образом, вряд ли был целесообразен. При более гибких действиях русской дипломатии, если бы Россия отстаивала только свой интерес, то она могла бы избежать войны с Наполеоном, считает Данилевский. В 1813–1814 гг. Россия действовала только в пользу Европы.

Но особенно резкой критике подверг Данилевский участие России в Священном союзе. С одной стороны, он отвергает попытки Запада взвалить ответственность за неудачную деятельность этой организации на «мрачный абсолютизм Севера». Он считает, что Александру I принадлежал только замысел создания Союза, а всей его политикой руководил Меттерних. «Корнем всех реакционных, ретроградских мер того времени была Австрия и ее правитель Меттерних, который, опутывая всех своими сетями, в том числе и Россию, заставил последнюю отказаться от ее естественной и национальной политики помогать грекам и вообще турецким христианам против их угнетателей, – отказаться вопреки всем ее преданиям, всем ее интересам, всем сочувствиям ее государя и ее народа», – поясняет он. И поскольку получается, что Россия была всего лишь жертвой политики Меттерниха, Данилевский недоумевает, «почему же на нее, а не на Австрию, которая была всему виновницей и в пользу которой все это делалось, взваливается вся тяжесть вины?» (С. 37).

Но с другой стороны, Данилевскому кажется вообще неоправданной политика жертв «на алтарь Европы», участие в каких-либо группировках европейских стран. «Вместо того, чтобы быть знаменосцем креста и свободы действительно угнетенных народов, мы сделались рыцарями легитимизма, паладинами консерватизма, хранителями священных преданий версальской бонтонности, – как оно и прилично ученикам французских эмигрантов. Чем искреннее и бескорыстнее усваивали мы себе одну из европейских точек зрения, тем глубже ненавидела нас Европа...», – подводит он итог подобному «европейничанию» российской дипломатии (С. 251).

Данилевский не хотел, чтобы на основании этих его размышлений о характере взаимоотношений Европы и России, об агрессивной враждебности Европы к России и ко всему славянскому миру, о вреде «европейничания» был сделан вывод, что он проповедует полный изоляционизм. В двух разных местах книги он специально останавливается на том, чтобы доказать, что он не изоляционист. Он исходит из того, что «совершенная отдельность России от Европы немыслима». Он понимает, что в какие-нибудь отношения с Европой России все равно придется вступить. Но, с одной стороны, эта связь не должна быть родственной, а с другой – не следует попадать в положение подчиненности к Европе. Так или иначе, придется находиться в роли противовеса Европе. Но поскольку одной такую роль еще не очень могущественной России выполнить трудно, то «ей необходимо уменьшить силы враждебной стороны, выделив из числа врагов тех, которые могут быть ее врагами только поневоле, и переведя их на сторону своих друзей» (С. 340). В другом месте он поясняет: «Всякого рода сношения наши с нею неизбежно должны быть близкими; они только не должны быть интимными, родственными, задушевными. В политическом отношении не может быть другого правила, как око за око, зуб за зуб, – отмеривание той же мерою, которою нам мерят» (С. 374). Очень важным в выборе Россией временных европей-

ских союзников является утверждение Данилевского, мимо которого проходят исследователи, особенно его недоброжелатели и недобросовестные критики: «Различия в политических принципах еще не могут служить препятствием в дружбе правительств и народов» (С. 36).

***

Итак, «европейничание» образованных кругов России, в том числе и части высших сановников, Н. Я. Данилевский воспринимал как серьезную, опасную болезнь, угрожающую не только здоровью страны, но и самому ее существованию. Ибо это «европейничание», по наблюдению Данилевского, не только не ослабляло накал враждебности Запада к России, а скорее наоборот – как бы поощряло эту враждебность и ее проявления. А Россия в результате некритического, слепого копирования европейского опыта, в том числе и отрицательного, перенесения на ее почву новомодных европейских теорий, часто впоследствии отвергаемых самой Европой, испытывала все больше трудностей в своем развитии. Инородные заимствования входили в противоречие с самобытными основами России, с природой ее славянского культурно-исторического типа и потому порождали дополнительное напряжение в ее социально-экономическом состоянии. И Данилевский впервые во всеуслышание заявлял о нарастающей опасности распространения болезни «европейничания». Он писал: «Болезнь эта в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа и может, наконец (несмотря на все видимое государственное могущество), иссушив самобытный родник народного духа, лишить историческую жизнь русского народа внутренней зиждительной силы, а следовательно, сделать бесполезным, излишним самое его существование; ибо все, лишенное внутреннего содержания, составляет лишь исторический хлам, ко-

торый собирается и в огонь вметается в день исторического суда» (С. 253).

Данилевский не ограничился анализом болезни «европейничания», ее причин и проявлений. Он предложил и лекарство для ее излечения. Это лекарство он видел в развитии и повышении русского и славянского самосознания в населяющих страну и составляющих в ней абсолютное большинство – великороссах, малороссах и белорусах, которых он всегда считал единым русским народом. Вопрос этот впервые был поставлен как неотложный и рассмотрен им с научной основательностью, свойственной всем работам Данилевского. Не случайно, высоко оценивая «Россию и Европу», В. В. Зеньковский особо отметил: «Книга Данилевского занимает очень важное место в истории русского самосознания – и, может быть, в истории и славянского самосознания» [95].

Данилевский обратил внимание на неразвитость национального самосознания особенно в верхних слоях общества и в интеллигенции. В русском народе ослабленность этого самосознания он объясняет отсутствием в нем всякого национального эгоизма. Русский народ тем самым как бы выражает «черту чисто славянского бескорыстия, так сказать, порок славянской добродетели». В связи с этим Данилевский высказывает наблюдение, не раз подтверждавшееся в русской истории, о том, что «русский патриотизм проявляется только в критические минуты» (С. 53). Что касается образованных слоев общества, то неразвитость национального самосознания среди многих его представителей Данилевский объясняет именно их «европейничанием», тем, что этот слой в значительной своей части «признает бесконечное во всем превосходство европейского перед русским и непоколебимо верует в единую спасительную европейскую цивилизацию; всякую мысль о возможности иной цивилизации считает даже нелепым мечтанием». Даже тот из этого слоя, кто говорит или думает про себя: «Я люблю свое отечество», тут же добавляет: «но проку в нем никакого

нет». Естественно, такие люди далеки от национального самосознания. «Под таким внешним политическим патриотизмом, – пишет о них Данилевский, – кроется сознание жалкого банкротства» (С. 54).

Еще более низкий уровень национального самосознания, отмечает Данилевский, наблюдается среди славян в Османской и Австро-Венгерской империях. Это проявляется в том, что они, выступая там как *подавляющее большинство* населения и представляя религию *большинства,* тем не менее, являются *угнетаемыми.* Этот факт Данилевский называет «диковинкой» (С. 296).

Надо сказать, что после Данилевского эту черту русского народа и славян вообще, пагубно сказывающуюся на их судьбе, стали чаще замечать и отмечать и другие русские мыслители и публицисты. В одной из своих передовых статей в 1883 г. в газете «Русь» И. С. Аксаков нарисовал сатирический образ Российского Геркулеса, простодушного и презастенчивого, способного конфузиться своей богатырской мощи, который «до такой степени боялся до сих пор упреков в неотесанности и необразованности, что ничего так не желал, как придать себе турнюру иностранного денди с модной картинки, и с прелюбезной улыбкой давал себя обирать – не только не защищаясь, но еще благодаря за деликатное обращение» [96]. Аксаков находил удивительным, парадоксальным факт существования так называемой «русской партии» в России или «партии русофилов». «Разве мыслима, например, во Франции партия любящих Францию французов?» – иронизировал он (1882). Скорее всего, пояснял он, этой партией является там весь французский народ, за исключением небольшого числа отщепенцев. Возникновение «русской партии» в России, т. е. какого-то круга единомышленников, сознающих себя русскими, является трагической вынужденной мерой, так как «если во Франции, Германии, Италии, Англии отщепенцев от своего народа до ничтожности мало, то в России, в так называемой интеллиген-

ции, чиновной и нечиновной, бюрократической и вольнокритикующей, их – легион. В этом-то все наше и горе» [97].

Через некоторое время он возвращается к этой теме, называет существование «русской партии», или «русского направления», фактом странным, «почти чудовищным», поясняя, что это «уже само собою предполагает существование партии нерусской, направления “ненационального”, что ни во Франции, ни в Англии, ни в Германии было немыслимо» [98].

Пагубным следствием европейничания, отсутствия национального самосознания были не только ложные шаги во внутренней и внешней политике, но и моральные потери – утрата в народе веры в собственные силы, своеобразный комплекс неполноценности. На эту сторону дела обратил внимание Н. К. Михайловский в своей публицистике 90-х годов. Он писал: «Начиная монголами, инородцы не раз распоряжались на Руси, причем, “смеясь, дерзко презирали земли чужой язык и нравы”, и уже факт этого властного презрения не мог не отражаться печальнейшими последствиями. Одним из этих последствий является почти презрительное и, во всяком случае, недоверчивое отношение к самим себе, к своим силам: “Что уж! Где уж нам!” Многие из нас лишь с большим трудом, и то после аттестации, выданной европейцами, признали огромную всемирную ценность некоторых наших художников слова. Это отзывается и в практической области» [99]. Да, это отзывалось на всех сторонах жизни. Ибо европейничающие чиновники и интеллигенты, или, как их называл Ф. М. Достоевский, – «русские европейцы», а И. С. Аксаков – «доморощенные иноплеменники», орудовали во всех сферах научной, политической, экономической и культурной деятельности. В наиболее сильной степени сказывалось их влияние через прессу, а как раз здесь их позиции были наиболее сильны. Собственно, с этой самой массовой трибуны они могли влиять на все перечисленные сферы жизнедеятельности. Бацилла европейничания нашла в прессе благоприятную среду, так как в газетно-журналь-

ном деле год от года становилось все больше представителей нерусской части населения, настроенных часто прозападнически и русофобски. Это тревожило многих русских литераторов. «Нельзя допустить, – писал один из них, – чтобы инородцы забрали печать в свои руки и говорили от имени русского общества антирусским языком и антирусскими понятиями» [100].

Европейничание стало проникать и в историческую науку, появились «русские историки – знатные иностранцы в своей стране», которые в связи с тем, что «не нашли в русской истории западных шаблонов», «торжественно провозглашали, что в русской истории ничего и не было, что это какой-то первобытный хаос, пучина обскурантизма и косности, что-то ничтожное и бессмысленное». Отсюда они делали вывод, что «Россия как малокультурная страна свою самобытность может видеть только в самоотречении, должна поступиться своим вековым достоянием, своими землями и своими людьми» [101].

***

Таким образом, проанализировав взаимоотношения европейских держав и России на протяжении нескольких веков, Данилевский пришел к выводу, что при всех своих временных трениях, конфликтах и даже столкновениях ведущие европейские государства проявляют солидарность в чувстве неприязни, презрения и даже ненависти к России и ко всему славянскому миру. Все они проявляют заинтересованность в ослаблении России, способствуют отчуждению от нее славянства, поддерживают любые процессы сепаратизма в ней, провоцируют и подогревают вражду к России исламских государств, прежде всего Турции, тормозя национально-освободительные процессы в славянском мире, провоцируют и подогревают междоусобия среди славян. На ряде примеров, имевших место в исто-

рии, в том числе при его жизни (Крымская и Русско-турецкая войны, их результаты), он показал, что Россия нередко испытывает на себе агрессивное «коллективное дипломатическое действие всей Европы» (С. 4).

Ни Россия, ни тем более другие славянские племена никогда не нападали первыми на страны Западной Европы, никогда не посягали на их исконные земли. Напротив, эту агрессивность всегда проявлял Запад, в значительной мере оттеснив славян на восток от первоначальных мест их расселения, а некоторые славянские племена (полабские и поморские) поголовно истребив. Соглашаясь с теми учеными, которые объясняли это постоянным стремлением Запада колонизировать народы и извлекать из этого экономические блага, Данилевский, тем не менее, склонен видеть в отношении Европы к России и ко всем славянам более фундаментальную причину. То, что казалось проявлением каких-то неясных, иррациональных, инстинктивных агрессивных порывов, он относит, согласно открытой им системе цивилизационного развития мира, к несовместимости и противостоянию двух разных культурно-исторических типов: романо-германского и славянского. Причем он подчеркивает, что «инициатива» в проявлении враждебности принадлежит романо-германскому миру потому, что его подталкивает к этому ревнивая подозрительность к славянскому миру как к возможной новой силе на арене мировой истории, призванной сменить романо-германскую цивилизацию, как она когда-то сменила цивилизацию Древнего Рима. А между тем Европа во всей своей политике исходит из самообольщения, что европейская цивилизация является окончательным достижением человечества и ее необходимо всеми силами распространить на всем земном шаре. А что касается склонности к захватам чужих земель, к колонизации и жестоким насильственным действиям, то она является одной из типологических особенностей романо-германской цивилизации и проявляется не только к славянам, но и к другим народам земли.

Так примерно объяснял Данилевский характер взаимоотношений Европы и славянского мира.

Эту версию, так или иначе, разделяли некоторые выдающиеся представители русской общественной мысли, не всегда единомышленники Данилевского. Например, А. И. Герцен в своей эмигрантской публицистике до выхода книги Данилевского неоднократно писал о стихийной ненависти Европы к России и славянам, о молодости России в отличие от Запада, об «увядании» Европы, о возможной смене цивилизаций. У него также было ощущение, что именно этим объясняется поведение Европы: «Народы, как царские домы, перед падением тупеют, их понимание помрачается, они выживают из ума, как Меровинги, зачинавшиеся в разврате и кровосмешениях и умиравшие в каком-то чаду, ни разу не пришедшие в себя; как аристократия, выродившаяся до кретинов, измельчавшая Европа изживает свою бедную жизнь в сумерках тупоумия...» [102].

Намек на то, что враждебность Европы к России, ко всему славянству проистекает из-за ее ревностной зависти к нарождающейся молодой цивилизации содержится и в «политических статьях» Ф. И. Тютчева 40-х годов. «В течение целых столетий – объясняет он, – европейский Запад с полнейшим простодушием верил, что не было и не могло быть другой Европы кроме его...», но вот «рука исполина сдернула эту завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европою Петра Великого». Именно в этом явлении России Европе видит Тютчев основную причину того, что «нас оскорбляют, раздирают на клочки взапуски, без устали, без меры и стыда» [103]. В конце 1869 г., когда уже заканчивалась журнальная публикация «России и Европы», Тютчев открыто выразил свою полную солидарность с автором книги в письме к В. И. Ламанскому, назвав Данилевского «редким и освежительным явлением» [104].

Достоевский, с первых публикаций книги Данилевского в журнале «Заря» принявший ее как изложение его собственных мыслей, впоследствии, как уже отмечалось, неоднократно развивал эту тему в своей публицистике. Он отмечал, что Европа не знает нас, не желает знать, но «со страстью» распространяет о нас «совершенные нелепости», и удивлялся, как можно ненавидеть народ, который так мало знаешь. Но, впрочем, тут же объяснял: Европа ненавидит Россию потому, что относится к нам, «как к опасным противникам их цивилизации» [105]. Эту же мысль проводил в своей публицистике и И. С. Аксаков, особое ударение делая на «исторический инстинкт непримиримой вражды "двух духовных начал": с одной стороны, католицизма и протестантства, с другой – православия».

И. С. Аксаков, как в большей степени публицист, чем теоретик, особенно много уделял внимания конкретным проявлениям часто как будто совершенно немотивированной враждебности Запада к России, двойным стандартам Европы в оценке внешнеполитических событий, если они касались России. Но за всеми этими фактами, подчеркивал Аксаков, всегда стояло высокомерно-аристократическое отношение Запада, представлявшего «высшую цивилизацию» – образец для всего человечества, к славянам как к «плебеям человечества» (так характеризовал отношение Запада к славянам и А. С. Хомяков, напоминает Аксаков) [106].

Как и Данилевский, во многом его единомышленник И. С. Аксаков подчеркивал, что, «противополагая Россию Западу, мы находимся по отношению к нему в положении не наступательном, агрессивном, а лишь оборонительном, и, как мы уже сказали и прежде, – не ради азиатских наших владений содержим мы громадную армию, а ради высокопросвещенного и высококультурного Запада и ради отпора его притязаниям, его Drang'y nach Osten» [107]. Однако голоса этих выдающихся людей, предостерегавших о враждебности, высокомерии и ко-

варстве ведущих западных держав в отношении России и всех славян, тонули в хоре голосов европейничавшей интеллигенции, а отчасти и сановников, близко стоявших к престолу, занимавших ответственные посты в разных ведомствах, в том числе в Министерстве иностранных дел. Данилевский не только подверг тщательному анализу эту болезнь, раскрыв ее причины и формы, но и предложил, как ему казалось, единственно спасительный рецепт – воспитание национального самосознания в русском образованном обществе.

Его внешнеполитическое кредо носило исключительно оборонительный, рационалистический характер. Он призывал российские власти отказаться от игры в благородного рыцаря, устанавливающего равновесие на европейском континенте, присоединяясь то к одному, то к другому союзу европейских государств. Обычно «союзники» потом платят России черной неблагодарностью и легко объединяются со своими бывшими противниками в общей вражде к России. Фактически это был призыв к политике нейтралитета, которую успешно проводил в своей внешней политике Александр III, заслужив от современников прозвание «царя-миротворца», ибо при нем Россия, наконец, не участвовала ни в одной войне.

Тем не менее в некоторых зарубежных научных трудах, а также в работах российских «европейничавших» ученых, наряду с признанием ценности предложенного Данилевским цивилизационного метода изучения истории, распространена крайне негативная оценка внешнеполитической концепции автора книги «Россия и Европа».

Европейских ученых можно понять – над многими из них тяготеет традиция отношения к славянскому миру, которая закладывалась не одно столетие. Таких ученых в книге Данилевского должны раздражать многие положения:

1) о внешне не мотивированной стабильной враждебности политики Запада к России и славянскому миру, объясняемой

несовместимостью романо-германского и славянского культурно-исторических типов, их возрастной разницей не в пользу Европы;

2) о несостоятельности претензий Европы на мировое господство своей цивилизации, являющейся всего лишь одной из многих других цивилизаций, к тому же находящейся в стадии затухания – «осеннего плодоношения»;

3) о праве России и славян на самостоятельное, независимое от Запада существование как молодой, становящейся цивилизации;

4) о поистине макиавеллистских методах корыстной политики Запада по отношению к России и славянскому миру на основе двойных стандартов в оценках, на основе принципа «разделяй и властвуй», на основе нелепых инсинуаций.

Некоторые американские ученые также отвергают и резко критикуют внешнеполитическую позицию Данилевского, хотя в своей книге он отделил Северо-Американские Соединенные штаты от Европы. И в тех местах книги, где упоминает эту страну, выражает к ней определенное сочувствие. Можно было бы объяснить это конъюнктурными обстоятельствами. К тому времени, когда Данилевский начал писать свою книгу (1865), о США многие газеты и журналы разных направлений в России писали в таком же ключе. Это было время Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865), время отмены рабства в этой стране (1863); время, когда Англия и Франция выступили на стороне рабовладельческого Юга, а Россия – на стороне республиканского Севера, когда в разгар войны, в 1862 году, Александр II и президент А. Линкольн обменялись дружественными посланиями. Это было время сближения между США и Россией. Именно в связи с этими событиями, доказывая миролюбие России, стремясь опровергнуть обвинения Запада в реакционности ее внешней политики, Данилевский задает риторический вопрос: «Не пользуется ли русское прави-

тельство и русский народ симпатиями Америки и наоборот?» (С. 36).

Но Данилевский в своих девяти упоминаниях этой страны в разных местах книги идет дальше событий. Он пытается определить ее место в мире в связи со своей теорией культурно-исторических типов. Правда, он делает это менее определенно и уверенно, чем в других случаях. И это понятно: страна фактически еще только формировалась.

Тем не менее в его обрывочных мыслях по этому поводу угадывается вопрос: являются ли Соединенные Штаты новообразованным ответвлением романо-германского мира, т. е. европейской цивилизации, или же имеет место рождение нового культурно-исторического типа? Однозначного, определенного ответа на этот вопрос, пожалуй, нет. С одной стороны, он уверенно заявляет, что англичане «посредством колонизации» пересадили свою цивилизацию в Северную Америку, подобно тому как, например, финикияне пересадили свою цивилизацию в Карфаген или греки – в южную Италию и Сицилию (С. 83). Этот метод Данилевский осуждает как насильственный и сообщает о «пересадке» английской цивилизации в Соединенные Штаты как о свершившемся факте. Далее пишет (через сто страниц) о временном, переходном состоянии Северо-Американских штатов. Ему кажется, что там идет процесс образования «новой национальности, совершенно различной от английской», в рамках «самобытного государства Соединенных штатов». Процесс этот ему представляется однородным с Великим переселением народов в Европе, в результате которого образовались новые народности: англичане, немцы, французы, итальянцы, испанцы. Теперь от переселения в Северную Америку голландцев, англичан, немцев, кельтов, французов, испанцев и славян (чехов) и их смешения он ожидает появления одной или даже двух новых национальностей и, соответственно, одного или двух государств. Образование новых национальностей и государств вполне допустимо в рамках существу-

ющего уже культурно-исторического типа. Как видим, речь пока не идет о зарождающемся новом культурно-историческом типе, наряду со славянским. Но вот он пишет о том, что только две страны могли бы *противостоять Европе* и таким образом создать «всемирное равновесие»: Соединенные штаты и Россия. Правда, ему кажется, что Соединенные Штаты не захотят этого делать из-за своей удаленности от европейского театра действий, хотя они более сильны, чем Россия, для выполнения этой миссии.

Тут Данилевский вплотную приблизился к восприятию Соединенных Штатов как нового, зарождающегося культурно-исторического типа, как отдельной цивилизации. Хотя в начале книги речь шла о совершившейся пересадке в Северную Америку английской цивилизации, в конце ее эта страна предстает перед читателем как возможный противовес посягательствам Европы на всемирное владычество. Редкий случай непоследовательности Данилевский проявил в данном случае, несомненно, под влиянием текущих политических событий: изза острого и, как оказалось, временного противостояния Соединенных Штатов и двух ведущих стран Европы – Англии и Франции – и в связи, как показалось Данилевскому, со сходством этой конфронтации с противостоянием романо-германского и славянского миров. Однако прямого заявления, что Соединенные штаты – это зарождающийся особый культурно-исторический тип, Данилевский в своей книге так и не сделал и в других публикациях к этому вопросу больше не возвращался. Может быть, потому, что текущие события стали принимать другой оборот, а может быть, потому, что его первоначальная оценка цивилизации Соединенных Штатов как пересаженной из Европы получала подтверждение не только на практике, но и в трудах людей, мнением которых он дорожил.

А. И. Герцен, например, устойчиво придерживался точки зрения на американскую цивилизацию как на продолжение европейской задолго до появления книги Данилевского. «Разве

ушедшие в Америку не унесли с собой туда старую Англию?» – этот риторический вопрос в его письмах «С того берега» звучал как бесспорное утвердительное «да, унесли» [108]. Определенное сходство Соединенных Штатов и России Герцен усматривает только в одном – в молодом возрасте той и другой страны, но что касается их типологических черт, тут ему видится огромная разница. Здесь он отмечает полное сходство Соединенных штатов с европейской цивилизацией, в особенности с ее англосаксонским вариантом. Насильственность, агрессивность, несвойственная России и славянскому миру, но проявляемая европейской цивилизацией, в полной мере, считает Герцен, свойственна и характеру североамериканской цивилизации. «Соединенные штаты, – отмечает он, – как лавина, сметают все на своем пути, каждую пядь земли, которую они захватывают, они навсегда отбирают у туземцев» [109]. В Соединенных Штатах царил тот же дух буржуазного накопительства и мещанства, они только сбросили некоторые устаревшие атрибуты европейских государственных одеяний. Америка, по его мнению, «не является каким-то новым элементом, она представляет последнюю ступень протестантской Европы, освобожденной от исторических уз монархии и аристократии» [110]. Поэтому его окончательный вывод достаточно категоричен: «Америка – продолжение европейского развития, и не более как его продолжение» [111].

Без каких-либо колебаний, в отличие от Данилевского, шел по этому же пути К. Н. Леонтьев. Он видел в Соединенных Штатах не только продолжение европейского культурно-исторического типа, но в его развитии отмечал признаки все большего вторичного смешения, цветения науки и техники (что отмечал и Данилевский) рядом со все большей деградацией духовности. В этом двустороннем процессе Америка настолько обогнала Европу, что теперь, как ему кажется, уже «западные общества стремятся к американскому типу» [112]. К концу жизни Леонтьев настраивался все более пессимистически, на-

блюдая, как Запад идет к «всеобщему *однообразию* и *смешению»*, порождающему *«космополитизм* духа, вкусов, нравов и т. д.». В связи с этим его охватывало отчаяние, когда он убеждался, «что за очень немногими исключениями люди образованные и умные у нас, в России, ни жить, ни мыслить иначе как по-европейски до сих пор не могут...» [113]. Непременным условием спасения России от нарастающего процесса утраты ее культурно-исторической самобытности, от приведения ее к единому западному «цивилизационному» знаменателю, процесса, чрезвычайно усилившегося в связи с развитием средств коммуникации, Леонтьев считает «появление именно таких мыслителей и вождей, которые сумеют к делу приложить тот род ненависти к этой все-Америке, которою я теперь почти одиноко и в глубине сердца моего бессильно пылаю!» [114].

Таким образом, оценивая взгляд американских исследователей на политический аспект книги «Россия и Европа», нельзя не учитывать, что критика в ней опасного для России европейничания распространилась и на отношение к американской цивилизации, завезенной из Европы. Хотя в конце книги этот аспект был несколько скорректирован некоторыми, не вполне, впрочем, определенными замечаниями автора относительно зарождающейся «самобытности Соединенных штатов», из этого не следовало, что Данилевский соглашался на «американничание» вместо «европейничания», ибо противоположность американского и славянского культурно-исторических типов была для него вне всяких сомнений.

В критике американскими учеными политического аспекта книги Данилевского присутствовало немало их собственного политического субъективизма. В частности, в работах, написанных в годы холодной войны, доминирует политический, а точнее, госдеповский заказ – во что бы то ни стало доказать, что Россия не только в советское время, но и всегда была «империей зла».

Не избежал этого заказа и Р. Мак-Мастер, автор упомянутой книги под весьма характерным в этом отношении заголовком «Данилевский – русский тоталитарный мыслитель». Признав ценность теории культурно-исторических типов Данилевского, защитив ее самостоятельность от наветов В. С. Соловьёва, Мак-Мастер заклеймил внешнеполитическую доктрину Данилевского как плод тоталитарного мышления, свойственного якобы русской общественно-политической мысли вообще. Автор называет тоталитарной ту философию, которая «всецело и демонстративно идеологизирована». К тоталитарным мыслителям он относит тех, кто «не испытывает чувства ответственности перед страшными вещами – войной, революцией, диктатурой, к которым подталкивает их данная доктрина» [115]. «Тоталитарную» идеологию Данилевского Мак-Мастер относит к *русской* «по своему типу» и потому считает, что «изучение Данилевского становится естественной частью изучения природы и первопричины русского тоталитаризма» [116]. А наиболее известной вариацией этого тоталитаризма называет, естественно, большевизм и марксизм. Двигаясь по этому пути, Мак-Мастер пытается доказать, что внешнеполитическая программа Данилевского, особенно ее панславистская идея, была полностью реализована Сталиным в его железном занавесе от Запада и в создании социалистического лагеря.

Трудно понять, как мог Мак-Мастер при этом абстрагироваться от того неопровержимого факта, что Данилевский в своей книге и в своих политических статьях выступает открытым противником марксистских социалистических идей как заимствованных русскими нигилистами с Запада, противником попыток нарядить русскую общину в социалистическую одежду. Не поддается постижению и то, как мог Мак-Мастер совместить идею Данилевского о необходимости славянского единения с идеей пролетарского интернационализма, начисто отрицающего какую-либо племенную и национальную солидар-

ность; как можно было проигнорировать проводимую большевиками на государственном уровне политику жесткого подавления проявлений так называемого русского великодержавного шовинизма, под которым разумелся чаще всего нормальный русский патриотизм, малейших проявлений каких-либо элементов славянофильства в идеологии? Наконец, социалистический лагерь при Сталине вовсе не ограничивался очертаниями славянского мира, оттуда была вытолкнута Югославия, но туда входили отнюдь не славянские и ГДР, и Куба, и Вьетнам, и Китай.

Чтобы придать убедительность своим нелепым обвинениям Данилевского в тоталитаризме его мышления, Мак-Мастер, естественно, обошел молчанием оборонительный характер внешнеполитической доктрины Данилевского, о чем говорил он сам и его последователи. Многочисленные факты стабильной и нередко солидарной агрессивности политики Запада по отношению к славянскому миру, и особенно к России, на которые опирался Данилевский и которые приводились некоторыми его современниками, остались также без внимания. Без их анализа, обойдя молчанием оборонительный характер его внешнеполитической программы, конечно, легче всего было приписать мышлению Данилевского и тоталитаризм, и макиавеллизм. Встает вопрос: а разве не более убедительно предстает в роли «тоталитарного мыслителя» сам Мак-Мастер, подталкивавший своей книгой и созданным в ней ложным образом России как носительницы тоталитарных идей к разжиганию холодной войны?

К сожалению, и в современной российской научной литературе находятся желающие рассматривать книгу Данилевского «Россия и Европа» «сквозь европейские очки», особенно изложенную в ней внешнеполитическую программу. Некоторые даже пытаются совершенно на «западный манер» обвинить автора в макиавеллизме. Хотя Данилевский не просто отмежевался от макиавеллизма, а старался всем содержанием

своей доктрины показать, что она строится на холодном расчете, на чистом рационализме, на идее нейтралитета и, конечно, исключает обман, коварство и вообще принцип: «все средства хороши для достижения поставленных целей».

Один из примеров – статья Ю. С. Пивоварова «Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке», на которую мы уже ссылались. Как уже отмечалось, это самый обстоятельный обзор литературы о Данилевском на иностранных языках. Из него следует, что книга Данилевского и изложенная в ней теория культурно-исторических типов давно получили широкое признание за рубежом. Автор приводит множество положительных оценок книги «Россия и Европа», высказанных известными учеными Запада. Солидаризируется с защитой Мак-Мастером оригинальности теории Данилевского. Но в конце статьи автор делает неожиданный для читателей поворот в сторону фактического отрицания этой теории именно вследствие якобы вытекающих из нее неприемлемых внешнеполитических последствий. «Коли культурно-исторический тип есть высший предел человеческих обязанностей, так ведь тогда в отношении с другими государствами и другими культурно-историческими типами “все позволено”. Тогда можно цинично призывать властителей России начать борьбу с Европой, когда в ней нарушится политическое равновесие и она ослабеет», – делает вывод Ю. С. Пивоваров [117]. Вывод, к которому теория и внешнеполитическая доктрина Данилевского не только не обязывают, но и противоречат ему. Доказывать это – значит пересказывать все, что было сказано выше. Данилевский предлагает пользоваться противоречиями среди европейских государств для укрепления положения России, не вмешиваясь в эти междоусобицы, – позиция, которую занимает по возможности любое государство, и только по непонятным причинам такую позицию можно осуждать. Да, скорую кончину лоскутной Австро-венгерской империи, в которой господствовало национальное меньшинство, а две трети населения со-

ставляли порабощенные славяне, Данилевский считал неизбежной. Гибели таких «больных» империй Данилевский не считал нужным препятствовать – «пусть умирают!» Непонятно, почему Ю. С. Пивоварову это кажется кощунственным. Данилевский предрекает войну из-за Восточного вопроса, т. е. за освобождение балканских славян, но не призывает к ней. Война эта, русско-турецкая, состоялась, и, кстати сказать, ее впоследствии на официальном уровне никто не осудил, кроме, быть может, турок.

Впрочем, все встает на свое место, когда в самом конце статьи автор наконец обнародовал свою собственную исходную позицию. Процитировав высказывания Пушкина и других представителей русской культуры, подкреплявшие взгляды Данилевского или прямо их одобрявшие, автор статьи объясняет: «В отличие от Н. А. Бердяева (об относительности этого “отличия” – ниже. – *Б. Б.)* Ф. М. Достоевский и Ф. И. Тютчев, А. Ф. Писемский и А. Н. Майков, К. Н. Леонтьев и Н. Н. Страхов, И. С. Аксаков и О. Ф. Миллер, К. Н. Бестужев-Рюмин и В. В. Розанов, В. И. Ламанский и А. А. Потебня признали в Н. Я. Данилевском мыслителя, характерно русского, корневого, почвенного. В большей или меньшей степени солидаризируясь с ним, они подтверждали мощь и живучесть той самой глубоко национальной стихии, которая нашла в Н. Я. Данилевском столь яркое воплощение. Для меня же подобное отношение к идеям Н. Я. Данилевского выдающихся представителей отечественной культуры есть, прежде всего, свидетельство одной из сущностных болезней “русского духа”, проявление одной из трагедий исторической судьбы России» [118]. Если к этому списку добавить Пушкина, который задолго до Данилевского высказывал созвучные ему мысли на тему «Россия и Европа» (и за это автор статьи заклеймил его устами Ф. М. Достоевского «свистуном», хотя, как известно, Достоевский боготворил Пушкина) [119], добавить еще Л. Н. Толстого, который во многом разделял цивилизационные взгляды Данилевского

(вспомним хотя бы его рассказ «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн»), то станет ясно, что Ю. С. Пивоваров не приемлет цвет русской культуры, именно всех, кто наиболее талантливо выражал русское национальное самосознание, и главным образом за этот «грех».

Собственно, Ю. С. Пивоваров довольно откровенно признается в этом, отметив, что «родословная» Данилевского невозможна без имени Пушкина, что «именно Н. Я. Данилевский самым радикальным в прошлом столетии образом "реализовал" идею, четко сформулированную А. С. Пушкиным в 1830–1831 гг.». (имеются в виду цитированные уже слова: «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европой...» и т.д.). Автор статьи посчитал необходимым в качестве существенного недостатка Данилевского указать на то, что он «оказывается в традиции русского самосознания, русской мысли в целом, а не только мысли почвеннической, националистической или какой-либо вообще» [120]. Но эта традиция, по мнению Ю. С. Пивоварова, не что иное, как одна из «сущностных болезней русского духа». Автор хотел бы видеть русского человека без его национального самосознания.

Обычно критики такого рода инкриминируют Н. Я. Данилевскому как проявление макиавеллизма отказ его от христианских принципов в осуществлении внешней политики, понимаемых в толстовском духе непротивления злу насилием (ударили по одной щеке – подставь другую). Но при этом абсолютно и, естественно, умышленно замалчивают вопрос, руководствовался ли когда-либо Запад христианской моралью по отношению к России и может ли вообще выжить страна, руководствуясь этими принципами. Попытки дать утвердительный ответ вряд ли увенчаются успехом при самом блестящем владении методом изощренной казуистики. В истории своих взаимоотношений с другими странами как раз Россия, как отмечал Данилевский, не раз предпринимала шаги, отмеченные христианской моралью – «удивительнейшей гуманностью».

Характерно, что, укоряя Данилевского в отступлении от христианской морали, его оппоненты, как правило, бывают далеки от ее соблюдения в полемике с ним. Это проявляется не только в бесцеремонности цитирования в отрыве от контекста и разного рода других подтасовках, искажающих мысли Данилевского, но и в замалчивании противоположных мнений его единомышленников, достаточно основательно аргументированных. Особенно это касается темы «Европа и Россия», ее внешнеполитического аспекта, имеющего всегда особую остроту. Например, обвиняя Данилевского в отступлении от принципов христианской морали и макиавеллизме, противники Данилевского оперируют в основном доводами В. С. Соловьёва, но никогда не упоминают о достаточно взвешенных возраже́ниях ему, в свое время высказанных Н. Н. Страховым.

На обвинения Данилевского в равнодушии к человечеству, к свободе и к цивилизации Страхов напоминал, что Данилевский рассуждает о политических делах, а не о чувствах частного человека, «что “быть равнодушным” тут значит – не посылать наших войск на смерть и не приносить в жертву благосостояние нашего государства, что всякое внимание, всякая “симпатия и антипатия” тут выражается не иначе как кровью десятков и сотен тысяч людей и золотом, тяжко собираемым с целого государства». Страхов отмечает, что Данилевский весьма аргументированно отстаивает политику невмешательства в европейские междоусобицы, «перечисляет в своей книге множество исторических случаев, когда существенные интересы России приносились в жертву разным, будто бы высшим соображениям». Страхов обращает внимание на большую осведомленность Данилевского при разработке им своей внешнеполитической доктрины, подчеркивая, что «он слышал и такие голоса, что Россия есть вообще помеха для цивилизации и прогресса человечества и что всего лучше было бы, если бы можно было, совсем стереть великий русский народ с лица земли». Да, соглашается Страхов, Данилевский убедительно показал, что

Европа нам враждебна, «но ему и в мысль не приходит сказать, что нужно ей в этом подражать, что и мы должны быть враждебны Европе». Все усилия Данилевского направлены только на то, объяснял Страхов, чтобы мы прекратили «из унизительного тщеславия» гнаться за дружбой там, где нас «никогда не признают своими», и тем более прекратили «всякую преступную трату народной крови и народного благосостояния» на эти цели.

Цитируемая статья Страхова была написана в 1890 г., внешняя политика Александра III, вполне соответствовавшая доктрине Данилевского, принесла России желанный покой, а самому императору – лавры миротворца в Европе. Страхов не мог не обратить на это внимание. Он с удовлетворением отмечал: «Россия принесла Европе мир, она теперь сдерживает жестокие распри европейцев, и обуздала их просто тем, что замкнулась в себе, объявила себя свободною, не имеющею нужды дружить больше с одною стороною, чем с другою (что совершенно согласно с законом Данилевского)» [121].

В целом своей книгой, постановкой в ней вопроса «Европа и славянский мир» Н. Я. Данилевский способствовал разрушению насаждаемой с Запада и усердно тиражируемой в России «европейничающей» интеллигенцией легенды о второсортности славянских народов, об их обреченности на зависимость от европейских держав в силу якобы своей расовой неполноценности и социально-экономической, политико-культурной отсталости.

Опираясь на свою теорию культурно-исторических типов, он показал, что имперские претензии Европы на мировое господство своей романо-германской цивилизации иллюзорны. Они основаны на ложном представлении, что эта цивилизация знаменует собой завершение процесса движения человечества к единой мировой цивилизации. Самообольщение возникло из-за того, что эта цивилизация находится, по Данилевскому,

«в апогее своего цивилизационного величия» (С. 137), в стадии своего расцвета – «осеннего плодоношения».

Данилевский исходил из того, что человеку не дано ощущать историческое время, что оно измеряется другими временными масштабами. Все, кто вникали в теорию Данилевского, только тогда принимали ее, когда понимали этот постулат, который К. Н. Леонтьев сформулировал так: «жизнь человека считается годами, жизнь наций и государств – веками» [122]. Поэтому отдельным людям, представителям той или иной цивилизации, не дано ощущать ее возраст, чаще всего вообще не дано знать, что она имеет возраст. Она кажется им вечной, единственной, а все другие народы воспринимаются ими как «нецивилизованные». Так думали римляне о своей цивилизации, так думают европейцы – о своей.

Данилевский, исходя из масштабов исторического времени, полагал, что период «плодоношения» цивилизации может длиться сотни лет, и поэтому отвергал славянофильскую формулу «гниения Запада». Но он все же всеми силами воспротивился против посягательств зарубежных и доморощенных европейцев распространить на Россию чуждую ей по культурно-историческому типу европейскую цивилизацию, к тому же идущую к своему закату, что, по мнению Данилевского и его последователей, наблюдалось особенно отчетливо в ее нравственном разложении.

В России, в славянском мире он видел особый культурно-исторический тип, ростки новой цивилизации. Среди опасностей, грозящих становлению этой самостоятельной цивилизации, он выделял непрерывные экспансионистские посягательства Западного мира и разрушительную деятельность внутренних «европейничающих», «лакействующих» перед Западом сил. Своей книгой он не просто помогал своим соотечественникам избавиться от губительного для них комплекса неполноценности, но и старался развить и укрепить в них национальное самосознание.

При этом напрасно было бы приписывать Данилевскому изоляционизм и ксенофобию. Он специально подчеркивает, что от Европы просто невозможно самоизолироваться. Он лишь утверждал необходимость осмотрительности, трезвости, практичности во взаимоотношениях с Европой, не отрицая важности торговли с ней, заимствования науки, техники, промышленных достижений как элементов, переходящих из одной цивилизации в другую. И в этом его призыве к разборчивости в заимствованиях из Европы не было ничего специально славянофильского. Подобный подход исповедовали представители русской общественной мысли более широкого мировоззренческого спектра, как это было показано выше. Причем некоторые из них частично разделяли взгляды его оппонентов. Например, С. Н. Сыромятников, который в своей книге «Опыты русской мысли» (СПб., 1901) назвал себя другом В. С. Соловьёва и по некоторым позициям был его единомышленником, тем не менее, по проблеме «Европа и Россия» почти полностью солидаризировался с Данилевским. «Двести лет нас заставляют кланяться Западу... Но разве идолопоклонство перед Англией лучше идолопоклонства перед Византией или Китаем? Почему же холопство перед Византией вызывает негодование, насмешку, обвинение в изуверстве? Потому что Англия по русскому прогрессивному каталогу значится страной прогрессивной, а Византия – страной ретроградной, хотя на совести Византии не было ни Ирландии, ни Индии, ни Трансвааля, ни Китая», – возмущался он [123]. И наставлял совершенно в духе Данилевского: «“Познай самого себя” – вот основное правило мудрости. Выясни различие между тобою и окружающими, между твоим народом и его окружающими народами... Знай их, но живи своим... Никогда не было ни одного народа, в котором не было бы чужеродной крови, чужеземных влияний, чужеземных заимствований. Но беда была народу, который, заимствуя, презирал свое; не мог, не хотел, не умел претворять чужое в свое» [124].

Да и Н. А. Бердяев, который высоко ценил В. С. Соловьёва как религиозного мыслителя и отрицал теорию Н. Я. Данилевского, считал себя сторонником по-своему истолкованной «свободной теократии», тем не менее, в подходе к проблеме «Россия и Европа» нередко, вольно или невольно, почти полностью совпадал именно с Данилевским. Т.е. признавал существенную, типологическую разницу между миром романо-германским и славянским, самоценность того и другого, но разновременно и разнонаправленно раскрывающуюся. Приведем лишь некоторые мысли Бердяева на этот счет, высказанные и в дореволюционной России, и в эмиграции, но достаточно красноречиво свидетельствующие, что его нельзя однозначно заносить в список оппонентов Данилевского.

Вот как, например, воспринимал Бердяев Европу в 1907 году: «В современной Европе нет такого религиозного алкания (как среди русских богоискателей. – *Б. Б.)*, там победил иной дух. Каждый день дух земли отвоевывает там области своего царства, умертвляет вековечную мечту о Небе и жажду смысла жизни. Механическое побеждает в Европе все органическое, как в теоретическом сознании, так и в действии. Человек – совершенная машина, общество – совершенная машина, вся культура – усовершенствованный механизм, все мышление не органично, рассудочно, все мироощущение потеряло органический центр... Господствующая европейская философия так же механична, оторвана от абсолютного центра, безрелигиозна, как и господствующая европейская политика». Отрицая русский национализм, но сравнивая его с проявлениями национализма на Западе, он вынужден констатировать: «...мы даже сравниться не можем с французами, англичанами и немцами в национальной исключительности, в национальной корысти и самообожании» [125].

Незадолго до своей высылки из Советской России Бердяев познакомился с книгой Освальда Шпенглера «Закат Европы» и отозвался на нее статьей «Предсмертные мысли Фауста». Он

по-прежнему отвергает в ней морфологический принцип в изучении истории, склоняется к тому, что с появлением христианства человечество обрело единую историческую судьбу. Но ему очень понравились мысли Шпенглера о различии между культурой и цивилизацией, о переходе европейской культуры в стадию цивилизации, предвещающую ее закат. Он с этими мыслями согласен в полной мере (забывая, правда, упомянуть, что они раньше Шпенглера были высказаны Данилевским) и даже напоминает, что писал об этом же еще до первой мировой войны: «Еще до мировой войны я очень остро ощутил кризис европейской культуры, наступление конца целой мировой эпохи и выразил это в своей книге "Смысл творчества". Во время войны я написал статью "Конец Европы", в которой выразил мысль, что начинаются сумерки Европы, кончается Европа как монополист культуры, что неизбежен выход к другим материкам и расам. Наконец, два года тому назад я написал этюд "Конец Ренессанса" и книги "Смысл истории", "Опыт философии человеческой судьбы", в которых определенно выразил идею, что мы переживаем конец новой истории, что культура старой Европы склоняется к упадку». И добавляет: «Книга Шпенглера – замечательная книга, местами почти гениальная, она волнует и будит мысль. Но она не может слишком поразить тех русских людей, которые давно уже ощутили кризис, о котором говорит Шпенглер» [126].

В написанной уже в Берлине в 1923 году работе «Новое средневековье» он продолжает развивать эту тему увядания, заката «культуры Запада, перехода в Европе культуры в цивилизацию». В этом факте он не видит ничего удивительного, поясняя: «В истории, как и в природе, существует ритм, ритмическая смена эпох и периодов, смена типов культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски» [127]. Не совсем ясно, как располагает он сменяющиеся культуры – в линейном или мультилинейном порядке. Но важно, что само понятие «типы культур» появилось все-таки в его историософском этюде и что оно бы-

ло связано с его мыслями о крушении европейской культуры, в которой он видел капиталистическую систему хозяйства – «детище пожирающей и потребляющей похоти», порождение атеизма. В крушении культур он отмечал не только злую волю людей, но и действие Промысла Божия. Смысл происходящего он трактует почти по Данилевскому. «Мы живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного типа», – пишет он [128].

По существу, Бердяев согласился и с пророчеством Шпенглера о большом будущем России как восходящего русского культурно-исторического типа, идущего на смену европейскому. Бердяев пишет: «В России скрыта тайна, которую мы сами не можем вполне разгадать... Час наш еще не настал. Он связан будет с кризисом европейской культуры» [129].

Тайну России Бердяев постигал всю жизнь. В полной мере она так и осталась для него неоткрытой. Но что она существует, что у России собственная, индивидуальная жизнь и судьба, был уверен до конца своей жизни и всегда был против устремлений подверстать Россию под единую, всеевропейскую цивилизацию. В статье «Об отношении русских к идеям», опубликованной в «Русской мысли» в январе 1917 года, он в полной мере выразил свое отношение к европейничающим цивилизаторам. Формулировки его мыслей по этому поводу, как всегда, лапидарны и афористичны и к тому же напоминают многие положения книги Данилевского «Россия и Европа».

Вслушаемся: «Человек входит в человечество через национальную индивидуальность... Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще черты индивидуально-национальные... мечта о человеке и человечестве, отвлеченных от всего национального, есть жажда угашения целого мира ценностей и богатств. Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности. Совершенно не на-

циональной, отвлеченно-человеческой, легко транспортируемой от народа к народу является наименее творческая, внешне техническая сторона культуры. Все творческое в культуре носит на себе печать национального гения. Даже великие технические изобретения национальны, и не национальны лишь технические применения великих изобретений, которые легко усваиваются всеми народами... Дарвин мог быть только англичанином, а Гельмгольц – характерный немец... Принятие истории есть уже принятие борьбы за национальные индивидуальности, за типы культуры... Нивелирующая цивилизация уродлива». Призывая не бояться технической европеизации России, т. е. приобщения ее к европейской технике, достижениям промышленности, «новым формам общественности», Бердяев, тем не менее, еще раз предупреждает: «Космополитическое отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества» [130].

Подводя итог своей жизни в автобиографическом «Самопознании», Бердяев написал: «Я не националист, но русский патриот. Я также противник самомнения и самоутверждения европеизма и защищаю русский восток» [131].

Для Бердяева, как и для Данилевского, русское самосознание – большая духовная ценность. Еще до своей вынужденной пожизненной эмиграции, осуждая национализм, дистанцируясь от него, он всегда подчеркивал свою принадлежность к русскому народу, гордился этой принадлежностью, высоко ценил русскую культуру, русскую самобытную мысль, которая, по его мнению, «пробудилась на проблеме историософической». В статье «Россия и Запад», опубликованной в 1908 году, он с удовлетворением отмечал, что «многие русские люди испытывали славянскую тоску на Западе и по-разному ее выражали» [132]. История русского самосознания XIX – начала XX веков, по мнению Бердяева, представляет «огромный интерес». «История эта, – многозначительно замечает он, – еще не написана, многие страницы, самые для нас дорогие, отсутствуют, многие

лица остаются в тени, в закоулках, не выведены на большую дорогу» [133].

Все это говорит о том, что нет никаких оснований исключать Н. А. Бердяева из пушкинской традиции борьбы за развитие русского национального самосознания, получившей в книге Н. Я. Данилевского научное обоснование.

И дело не в том, что Бердяев провозглашал себя русским патриотом, а в том, что был таковым в каждом своем размышлении о России, во всех своих строчках, подчас весьма горьких, посвященных ей, во всех своих предостережениях рвущимся к власти над ней: «Исторические тела создаются тысячелетиями, и в несколько лет нельзя их ни разрушить, ни пересоздать в корне». Людей, власть имущих над ней, предупреждал: «Россия страна такая огромная, такая таинственная в своих недрах, что всего менее она может быть объектом экспериментов» [134]. Бердяев считал, что не каждый должен быть допущен к написанию истории России, а только тот, кто исполнен к ней чувством любви, ибо всякая индивидуальность познается лишь любовью. Во всяком случае, только людям, проникнутым этим чувством, дано понять, «что замыслил Творец о России». Он подчеркивал: «Для постижения России нужно применить теологальные добродетели веры, надежды и любви» [135].

За последние годы написано немало работ, посвященных теме «Россия и Европа» или «Европа и Россия». Тема эта приобрела в постсоветское время новое звучание и новую остроту, в ней, вместе с тем, ожили многие старые проблемы. В редких из работ на эту тему не упоминается книга Н. Я. Данилевского.

Примечания

1. *Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. I.
2. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995. С. XXIX. Далее после цитирования книги будут указываться ее страницы в тексте монографии.
3. *Аксаков И. С.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1886. С. 5.
4. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. XIV. С. 283.
5. *Хомяков А. С.* Поли. собр. соч. Т. 1. М., 1878. С. 3.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд 2-е. Т.8. М., 1957. С. 84.
7. *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 11, 127, 115, 99.
8. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. Париж, 1955. С. 123, 132, 134, 140.
9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-и томах. Т. 7. Л. 1978. С. 100.
10. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1950. С. 108.
11. *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 26–27.
12. *Герцен А. И.* Русский народ и социализм. Собр. соч. в 30-и томах. Т. VII. М., 1956. С. 333.
13. *Герцен А. И.* Россия и Польша. Там же. Т. XIV. М., 1958. С. 9.
14. *Герцен А. И.* Концы и начала. Там же. Т. XVI. М., 1959. С. 137.
15. *Герцен А. И.* Россия. Там же. Т. V. М., 1955. С. 212.
16. *Герцен А. И* С того берега. Там же. Т. VI. С. 51.
17. Там же. С. 109–110, 115–116.
18. *Герцен А. И.* Былое и думы. Там же. Т. IX. М., 1956, С. 170.
19. *Герцен А. И.* Письма из Франции и Италии. Там же. Т. V. М., 1955. С. 10. См. о том же: Т. VI. С. 222.
20. *Герцен А. И.* Еще вариация на старую тему. Там же. Т. XII. М., 1957. С. 433.
21. *Герцен А. И.* Письма из Франции и Италии. Там же. Т. V. С. 10.
22. *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 115.
23. *Герцен А. И. С* того берега. Там же. С. 104.
24. *Герцен А. И.* Былое и думы. Там же. Т. IX. С. 134.
25. *Герцен А. И.* Письмо к Ш. Риберолю. Там же. Т. V. С. 219.
26. *Зеньковский В. В.* Указ. соч. С. 81.
27. *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости. СПб.,

1899. С. 30.
28. Там же. С. 54.
29. *Герцен А. И.* Россия. Там же. Т. VI. С. 222.
30. Там же. Т. VII. С. 307, 308, 317, 328, 329, 331.
31. *Аксаков И. С.* Собр. соч. Т. 2. М., 1886. С. 364.
32. ИРЛИ Ф. 568. Оп. 1. Д. 81. Лл. 3–9.
33. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVIII. Кн. 2. Л., 1985. С. 328.
34. Там же. Т. XVIII. Л., 1978. С. 36.
35. Там же. С. 50; Т. XXII. Л., 1981. С. 72.
36. Там же. Т. V. Л., 1973. С. 78–79.
37. Там же. С. 79.
38. Там же. Т. XVIII. С. 54.
39. Там же. С. 55–57.
40. Там же. Т. XXVI. Л., 1984. С. 150.
41. Там же. Т. XXIII. Л., 1981. С. 30.
42. Там же. Т. XXVI. С. 151.
43. Там же. Т. XXIX. Кн. 1. Л., 1986. С. 161.
44. Там же. Т. XXV. Л., 1983. С. 62–63.
45. Там же. Т. XXI. Л., 1980. С. 35.
46. Там же. Т. XXII. С. 40.
47. Там же. Т. XXIII. С. 28–29.
48. Там же. Т. XXVI. С. 33.
49. Очерки по истории русской журналистики и критики. Т 1. Л., 1950. С. 58.
50. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-и томах. Изд. 4-е. Т. 10. Л., 1979. С. 161.
51. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 7. С. 322, 324.
52. *Достоевский Ф. М.* Т. XXV. С. 22.
53. *Аксаков И. С.* Русь. 1884. № 6. С. 2.
54. *Пивоваров Ю. С.* Указ. соч. С. 167, 179.
55. *Данилевский Н. Я.* Происхождение нашего нигилизма / Сборник политических и экономических статей. С. 254.
56. Там же. С. 244, 248, 249.
57. Там же. С. 255.
58. Там же. С. 259–260.
59. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 10. Л., 1979. С. 689.
60. *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 254.

61. *Аксаков И. С.* Соч. Т. 1. СПб., 1886. С. 3.
62. *Аксаков И. С.* Соч. Т. 2. СПб., 1886. С. 450.
63. Там же. С. 743.
64. Там же. С. 778.
65. *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 126–127.
66. Там же. С. 128–129.
67. *Аксаков И. С.* Соч. Т. 2. С. 551.
68. Там же. С. 545.
69. Там же. С. 497.
70. Там же. С. 598.
71. Там же. С. 562.
72. Об этом подробнее см. в кн.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 26–79.
73. *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. III. СПб., 1900. С. 760.
74. Неделя. 1875. № 31. СПб., 1889.
75. *Каблиц (Юзов) И. И.* Основы народничества. Ч. 2. СПб., 1893. С. 50.
76. *Каблиц (Юзов) И. И.* Основы народничества. Ч. 1. СПб., 1888. С. 53.
77. *Каблиц И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 145.
78. Там же. С. 205.
79. *Каблиц И. И.* Основы народничества. Ч. 1. С. 244.
80. *Каблиц И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 139, 144.
81. Там же. С. 48.
82. Там же. С. 132.
83. *Каблиц И. И.* Основы народничества. Ч. 1. С. 2.
84. Там же. С. 243.
85. *Данилевский И. Я.* Сборник политических и экономических статей. С. 139, 141, 142.
86. *Аксаков И. С.* Соч. Т. 1. СПб., 1886. С. 298–306.
87. *Герцен А. И.* Т. VII. С. 307.
88. Там же. Т. XII. С. 353.
89. Там же. С. 184.
90. Там же. С. 199.
91. Там же. Т. IX. С. 134.

92. Там же. Т. VI. С. 235. Не только А. И. Герцен, но и далеко не его единомышленник К. Маркс в «Новой Рейнской газете» 31 декабря 1848 года указал на засилье немцев в российском Министерстве иностранных дел. Он писал, что «вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев», что больше всего их «в русской дипломатии». Маркс приводит целый перечень лиц немецкой национальности, определявших или осуществлявших внешнюю политику Николая I: «Тут на первом месте граф Нессельроде – немецкий еврей; затем барон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстонии, и его подручный, адъютант императора, полковник граф Бенкендорф – тоже эстляндец. В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фонтон – все немцы. Барон фон Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец, служит промежуточным и посредствующим звеном между Меттернихом и Пальмерстоном. Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров, не говоря уже о креатурах петербургского царя, занимающих в Германии высокие и высшие посты и вместе с тем щедро оплачиваемых Россией» (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2-е. Т. 6. М., 1957. С. 156).
93. *Достоевский Ф. М.* Т. XXIII. С. 114.
94. Там же. Т. XXVI. С. 27, 42.
95. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. С. 140.
96. *Аксаков И. С.* Т. 2. С. 692.
97. *Аксаков И. С.* Т. 1. С. 481.
98. Там же. С. 734.
99. *Михайловский Н. К.* Поли. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1914. С. 15.
100. *Сыромятников С. Н.* Опыты русской мысли СПб., 1901. С. 298–299.
101. *Соколов Н. М.* Россия, Европа и человечество // Русский вестник. 1904. № 10. С. 634.
102. *Герцен А. И.* С того берега. Т. VI. С. 109.
103. *Тютчев Ф. И.* Политические статьи. Париж, 1976. С. 17, 29.
104. *Тютчев Ф. И.* Соч. Т. 2. М., 1960. С. 242.
105. *Достоевский Ф. М.* Т. XXVI. С. 28.

106. *Аксаков И. С.* Т. 1. С. 567.
107. Там же. Т. 22. С. 804.
108. *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. VI. С. 114.
109. *Герцен А. И.* Т. XII. М., 1957. С. 350.
110. Там же. С. 351.
111. Там же. С. 169.
112. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 470.
113. Там же. С. 197–199.
114. Там же. С. 473.
115. *McMaster R. E.* Danylevsky a russian totalitaren philosophen. P. 3–4.
116. Ibid. P. 20.
117. Мир России. Т. 1. № 1. С. 200.
118. Там же. С. 211.
119. Выражение «свистун Пушкин» Ф. М. Достоевский употребил в письме к Н. Н. Страхову от 23 апреля (5 мая) 1871 года отнюдь не в отрицательном смысле, как это попытался представить Ю. С. Пивоваров. Достоевский этим выражением в письме подчеркивает, что Пушкин, будучи еще совсем молодым, раньше славянофилов обратился к национальному, народному чувству, что это происходит в России со всяким действительным талантом рано или поздно (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-и томах. Т. XXIX. С. 207, 471).
120. Мир России. С. 206, 207.
121. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом. Кн. 3. Киев, 1897. С. 145–147, 151.
122. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 7. С. 348.
123. *Сыромятников С.Н.* Указ. соч. С. 79.
124. Там же. С. 80–81.
125. *Бердяев Н. А.* Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910. С. 32.
126. *Бердяев Н. А.* Предсмертные мысли Фауста / Освальд Шпенглер. Закат Европы. М., 1922. С. 56–57.
127. *Бердяев Н. А.* Новое средневековье. М., 1990. С. 3.
128. Там же. С. 8.
129. *Бердяев Н. А.* Предсмертные мысли Фауста / Освальд Шпенглер. Закат Европы. С. 72.
130. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 93–98.

131. *Бердяев Н .А.* Самопознание. М., 1990. С. 252.
132. *Бердяев Н. А.* Духовный кризис интеллигенции. С. 125.
133. Там же. С. 28.
134. Там же. С. 92, 89.
135. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Париж, 1971. С. 5.

Глава четвертая

Россия и славянский мир

Трудно сказать, каков был путь Н. Я. Данилевского к новым идеям, изложенным им в его книге «Россия и Европа». Он мог на основе своих обширных познаний мировой и русской историософской литературы придти сначала к построению новой системы исторического процесса и затем уже в числе выделенных им культурно-исторических типов рядом с угасавшим романо-германским типом увидеть ростки нарождающегося – славянского. А мог на основе своей обширной эрудиции, но главным образом с опорой на русскую общественную мысль, сначала утвердиться в убеждении о самобытности возникающей славянской цивилизации, а затем путем сравнительного анализа всех существовавших цивилизаций построить свою теорию. То и другое возможно. Никаких архивных данных, свидетельств самого Данилевского или его единомышленников на этот счет нет.

Да это и не так существенно. Важно подчеркнуть, что оба комплекса идей в его книге находятся в тесной и тоже «органической» связи. Но для изложения результатов исследования Данилевский решил идти пу-

тем от общего к частному, от общих основ своей теории к ее частному проявлению. Именно так и построил свою книгу Данилевский: сначала изложил свой взгляд на исторический процесс, раскрыл и обосновал закономерности развития культурно-исторических типов, а затем показал, как его историософская доктрина проецируется на политологическую проблему «Россия и Европа», а точнее, на две ее составные части – «Европа и славянский мир» и «Россия и славянский мир».

Выяснив для себя и для читателей, что стабильная, вековечная доминанта враждебности Европы к России и ко всему славянскому миру основывается на органической несовместимости двух культурно-исторических типов из-за их сущностных и возрастных различий, Данилевский перешел к более подробной характеристике складывающегося славянского культурно-исторического типа, перспектив его развития, роли в его судьбе России и остальных славянских племен (так принято тогда было называть национальные ветви славянского мира), а главным образом – роли взаимоотношений между Россией и остальными славянскими народами в судьбе этого нового культурно-исторического типа.

Некоторые из наиболее агрессивно настроенных к Данилевскому исследователей усиленно подчеркивают в его характеристике славянского культурно-исторического типа проявление некоего своеобразного славянского шовинизма. Как известно, Данилевский посчитал, что этот культурно-исторический тип складывался или обещал быть четырехосновным, то есть мог бы сочетать в себе четыре вида человеческой деятельности: религиозную, культурную (в узком смысле этого слова), политическую и общественно-экономическую. Это была бы, по Данилевскому, наибольшая многосторонность из известных к тому времени граней человеческой деятельности.

Данилевский здесь как бы признает существование в некоторой степени общечеловеческого прогресса. Первые человеческие культуры – Египетская, Китайская, Вавилонская, Ин-

дийская и Иранская, по его мнению, были автохтонными: «Они не проявились в особенности ни одной из только что перечисленных нами сторон человеческой деятельности, а были, так сказать, культурами подготовительными, имеющими своею задачею выработать те условия, при которых вообще становится возможною жизнь в организованном обществе». Все в них находилось еще в смешении, говорит Данилевский, – и религия, и политика, и культура, и общественно-экономическая организация «еще не выделились в особые категории деятельности» (С. 401).

Затем в истории культурно-исторических типов начался процесс дифференциации человеческой деятельности. Сначала это выражалось в преимущественном развитии одной из ее сторон, т. е. появились одноосновные цивилизации: еврейская, развившая религиозную сторону, греческая – собственно культурную, римская – политическую. «Дальнейший исторический прогресс, – отмечает Данилевский, – мог и должен был преимущественно заключаться как в развитии четвертой стороны культурной деятельности – общественно-экономической, – так и в достижении большей многосторонности, посредством соединения в одном и том же культурном типе нескольких сторон культурной деятельности, проявлявшихся доселе раздельно» (С. 405).

Именно на эту более сложную ступень развития, по мнению Данилевского, и вступил европейский, а точнее – романо-германский культурно-исторический тип. В полной мере синтезировать все три стороны предшествующих цивилизаций и вырастить в себе четвертую – общественно-экономическую – романо-германскому культурно-историческому типу не удалось, считает Данилевский. С его точки зрения, этому помешала его насильственность «и павшее на благоприятную почву сильное влияние римского властолюбия и римского государственного строя». Но успехи его в других областях человеческой деятельности несомненны, отмечает Данилевский. Если рели-

гиозная и общественно-экономическая деятельность романо-германского типа не может считаться успешной, то, по его убеждению, «с политической и собственно так называемой культурной стороны результаты исторической жизни Европы – громадны». Тот факт, что Данилевский отметил достижения европейской цивилизации в политической области, меньше всего характеризует его как однозначно реакционного, тоталитарного мыслителя, а именно так его дружно квалифицировали большевистские идеологи и некоторые иностранные антибольшевистские идеологи. Никто из них никогда не цитировал, например, те места книги «Россия и Европа», где говорится о «громадных» завоеваниях европейской цивилизации. Данилевский здесь пишет: «Народы Европы не только основали могущественные государства, распространившие власть свою на все части света, но и установили отвлеченно-правомерные отношения как граждан между собою, так и граждан к государству. Другими словами, они успели соединить политическое могущество государства с его внутреннею свободою, т. е. решили в весьма удовлетворительной степени обе стороны политической задачи» (С. 406). Подобное наблюдение, сделанное на основе обобщения опыта европейской истории и современной для Данилевского политической жизни Европы, вряд ли можно было встретить даже в западнической русской политологической мысли того времени. Данилевский и здесь был, безусловно, самостоятелен и оригинален.

Еще более обильными он видит плоды европейской цивилизации в области культуры в широком смысле, в которую он включал и науку, и технику. Он разъясняет: «Методы и результаты европейской науки находятся вне всякого сравнения с совершенным всеми остальными культурными типами, не исключая даже греческого. Таковы же плоды и промышленной, технической деятельности. Со стороны искусства, хотя народы Европы и должны уступить пальму первенства грекам по степени совершенства достигнутых результатов, они, одна-

ко же, значительно расширили его область и проложили в ней новые пути» (С. 407).

Естественно, вслед за этим Данилевский ставит вопрос, «в чем может заключаться славянская цивилизация, если она пойдет по пути самобытного развития», т.е. в какой степени она сможет проявить себя в области религии, культуры, политики и общественно-экономического строя. И понятно, что свой анализ он проводит в основном на базе России – как единственной представительницы славянского мира, обладавшей к этому времени государственной независимостью и наиболее многочисленным славянским населением.

Большое достоинство в **религиозном отношении** он тут видит в исповедании православия как полноты христианской веры. «Со стороны объективной, фактической, русскому и большинству прочих славянских народов, – подчеркивает он, – достался исторический жребий быть вместе с греками главными христианами живого предания религиозной истины – православия и, таким образом, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, – быть народами богоизбранными» (там же). Отмечая, что русским и всем славянам свойственна жажда религиозной истины, Данилевский не считает недостатком тот факт, что духовные искания русского народа носят в основном охранительно-консервативный характер. И его логика, с точки зрения верующего человека, неотразима. «Но религиозная деятельность, – возражает он возможным оппонентам (постоянный авторский прием в книге. – *Б.Б.*), – есть охранительная по самому существу своему, как это вытекает из самого значения религии, которая – или действительное Откровение, или, по крайней мере, почитается таковым верующими... Но если религия есть Откровение, то очевидно, что развитие ее может состоять только в раскрытии Истин, изначала в ней содержавшихся, точнейшим их формулированием, по поводу особого обращения внимания на ту или другую сторону, ту или другую часть религиозного учения в

известное время» (С. 408). Попытки философским путем истолковать религиозную истину приводят к перерождению ее в философскую систему или в грубый предрассудок, считает Данилевский.

Что касается развития в славянском мире **культуры** в широком и узком, «тесном» по выражению Данилевского, смысле этого слова, то тут в книге «Россия и Европа» содержится, прежде всего, признание, что по сравнению с греческим и романо-германским миром достижения его еще «весьма незначительны». Однако автор обращает внимание на весьма трудные условия для развития наук и искусств даже в независимом славянском государстве – России. И дело не только в том, что Россия вступает на путь своего цивилизационного развития на 500 лет позже Европы, но и в том, что вследствие своего географического положения она вынуждена тратить огромные средства на отражение своих внешних врагов как с Востока, так и с Запада. Такую протяженность опасных границ не имеет в мире ни одно государство, поэтому Россия вынуждена для безопасности своего существования содержать всегда самую большую армию.

Особенно неправомерным ему кажется сравнение уровня развития науки и техники в Америке и в России. Америка, окруженная с двух сторон океанами, не имела потребности тратить столько денег на создание централизованного государства и огромной армии, как это вынуждена была делать Россия. «Если взять в соображение лишь то, что должна была потратить Россия на свое вооружение со времени европейского замирения Венским конгрессом, то одно это составит уже миллиарды, которые Россия, подобно Америке, могла бы употребить на свою сеть железных дорог, на торговый флот и всякого рода технические усовершенствования промышленности и земледелия», – разъясняет Данилевский (С. 422). К тому же, напоминает он, Америка была заселена населением, «привыкшим к жизни в государстве, обладавшим уже значительной

степенью образованности», ориентированным на приобретение богатства, что «придало американской культуре характер преимущественно технический, промышленный» (С. 421).

И все же и в развитии наук и искусств Данилевский видит в славянском мире большие задатки, отчасти уже раскрывшиеся. Он называет уже состоявшиеся славянские «громкие имена в разных отраслях науки»: поляка Николая Коперника, чехов – профессора медицины Карла Рокитанского, физиолога Яна Эвенгелиста Пуркинье, филолога и историка Павла Шафарика, русских профессоров медицины М. В. Острогорского и Н. И. Пирогова. В художественной литературе он по силе таланта Гоголя ставит рядом с Сервантесом, «Бориса Годунова» Пушкина рядом с хрониками Шекспира. А по поводу «Войны и мира» Толстого, как уже отмечалось, восклицает: «Пусть укажут нам на подобное произведение в любой европейской литературе!» (С. 426). «Первоклассного поэта» он видит в поляке А. Мицкевиче. В области живописи Данилевский выделил как выдающееся произведение картину русского художника А. А. Иванова «Явление Христа народу». В результате глубокого, оригинального анализа религиозно-философского смысла картины, особенно образа в ней Иоанна Крестителя, Данилевский пришел к выводу: «Если Рафаэлем создан тип Святой Девы, то за Ивановым останется слава создания типа Предтечи» (С. 427). В музыке Данилевский отмечает как выдающиеся произведения М. И. Глинки.

В 60-е годы Данилевский не рискнул, да и, наверное, еще не мог назвать другие имена, достойные уровня греческой или европейской классики. Но и представленный им перечень имен имел большое значение для того, чтобы вселить в славян веру в свои творческие силы, для разрушения того комплекса неполноценности, который насаждался в славянском мире апологетами единой европейской цивилизации. Показанные им задатки славянского племени в культуре, по его мнению, давали возможность заключить о его способности достигнуть и в

этом отношении значительной степени развития, и «только относительная молодость племени, устремление всех сил его на другие, более насущные, стороны деятельности, которые их поглощали, – не дали славянам возможности приобрести до сих пор культурного значения в тесном смысле этого слова» (С. 429).

Характеристику славян в **политическом отношении** Данилевский также начинает с полемики с «недоброжелателями славянства». Он категорически не согласен с выводом о «политической несостоятельности» славян, сделанным якобы из их истории. Здесь Данилевский в качестве опровержения ссылается, прежде всего, на тысячелетнее существование российского государства, в котором живет две трети славян. Но не считает он справедливым этот приговор и относительно всех других славян. Данилевский напоминает, что в этнографический период своего существования западные славяне «находились под непрестанным, враждебным политическим воздействием ранее их сложившихся народов германо-романского культурного типа». Это создавало неимоверные трудности для образования славянскими племенами своей государственности. «Несмотря на это, – отмечает Данилевский, – образовалось уже в IX столетии могущественное моравское государство, получившее было и зародыши самобытной культуры – в православии и славянской письменности, но которые после были в нем вырваны враждебным немецко-католическим влиянием» (С. 410). А впоследствии, как показывает Данилевский в своей книге, эти славянские народы оказались полностью порабощенными своими агрессивными соседями – европейскими цивилизаторами.

Касаясь вопроса о способности славян, в частности русского народа, к государственному строительству, Данилевский ссылается также на благополучно проведенные реформы 60-х годов XIX века, на спокойную реакцию на них в обществе и в народе, без «противообщественных стихий и страстей». В свя-

зи с этим он задает риторический вопрос: «Не вправе ли мы после этого утверждать, что русский народ и русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы, – что советовать ограничить ее можно только в видах отстранения самосозданных больным воображением опасностей или (что еще хуже) под влиянием каких-нибудь затаенных, недобросовестных побуждений и враждебных России стремлений?» (С. 416). Ответ, содержащийся в самом вопросе, еще раз отмежевывает Данилевского от «идеологов реакции», в когорту которых его безапелляционно заносили недобросовестные критики, и в то же время делает понятными замечания К. Н. Леонтьева о нотах либерализма у Данилевского.

Для **общественно-экономической деятельности** в России и в славянском мире Данилевский видит более благоприятную почву, нежели в мире романо-германском. Аргументы в этом отношении у него почти те же, что и у народников. Он, как и народники, считает, что русская община дает полную гарантию от происходящего на Западе, по его мнению, губительного процесса обезземеливания массы крестьянства, который может привести к революции. Крестьянский надел и общинное землевладение, полагает Данилевский, обеспечивают социальную стабильность. Однако он заявляет, что он против восприятия общины как ячейки социализма. Он специально предупреждает: «Этимологическое сходство слов “община” и “общинный” в переводе на французский язык со словом “коммунизм” дало повод злонамеренной недобросовестности смешивать эти понятия, дабы набрасывать неблаговидную тень на нашу общину, а кстати уже и вообще на всю деятельность людей, заботящихся о благосостоянии крестьян...» (С. 417). Данилевский далее разъясняет, что община в России есть «историческое право», т.е. она выросла и существовала, создала нормы и обычаи в историческом прошлом, вовсе не коммунистическом, что это «такая же священная и неприкосновенная форма собственности, как и всякая другая, как сама частная собственность».

Последующее краткое резюме наводит на мысль, что Данилевский, как уже отмечалось, не вполне отрешился от своих фурьеристских мечтаний об ассоциациях и артелях, по-прежнему, как и Фурье, не признает лишь революционного пути к формам фурьеристской организации труда. Во-первых, он отрицает в этом месте книги не социализм вообще, а «европейский социализм». И именно за то, что, поскольку в Европе производитель уже обезземелен, европейский социализм требует «полного переустройства землевладения и всего общественно-экономического строя», т. е. революционного переворота. Весьма недвусмысленно звучит начало фразы: «Если бы он (европейский социализм. – *Б. Б.*) ограничивался приглашением мелких землевладельцев соединить свою собственность в общинное владение так же точно, как он приглашает фабричных работников соединить свои силы и капиталы посредством ассоциаций, то в этом не было бы еще ровно ничего преступного или зловредного...» (С. 417). Получается, что если бы процесс социализации шел мирно, как и рисовал его Фурье, то этот вариант был бы вполне приемлемым.

Но дальше – больше. Данилевский пишет: «*Беда не в социалистических теориях*, которые имеют претензию быть лекарствами для излечения коренной болезни европейского общества... Планов для перестройки здания много, *но нет материала, из которого его можно бы было возвести*, не разрушив предварительно давно законченного и завершенного здания. *У нас, напротив того, материал в изобилии и сам собою, органически складывается под влиянием внутренних, зиждительных начал*, не нуждаясь ни в каких придуманных планах постройки» (С. 417–418; подчеркнуто мной. – *Б. Б.*). Как видим, здесь ни слова осуждения нет цели перестройки здания; говорится лишь о непригодности плана, связанного с революционной ломкой. И в то же время фиксируется изобилие материала для перестройки в России, который автору видится в ее «зиждительных началах», т.е. все в тех же общинных отношениях. Окончатель-

ный же вывод автора скорее однозначен, чем двусмыслен: «Эта-то здравость общественно-экономического строя России и составляет причину, по которой мы можем надеяться на высокое общественно-экономическое значение славянского культурно-исторического типа, имеющего еще в первый раз установить правильный, нормальный характер той отрасли человеческой деятельности, которая обнимает отношения людей между собою не только как нравственных и политических личностей, но и по воздействию их на внешнюю природу как источник человеческих нужд и потребностей, – установить не отвлеченную только правомерность в отношениях граждан, но реальную и конкретную» (С. 418).

Как видим, в области общественно-экономического строя Данилевский выявляет задатки не просто развития славянского мира, но развития, дающего ему возможность стать первопроходцем в создании новых общественно-экономических отношений, поднять значение своего культурно-исторического типа на более высокий уровень. И не только потому, что это может быть первый четырехосновный тип, но и потому, что его общественно-экономическая деятельность будет качественно более высокой с точки зрения удовлетворения «человеческих нужд и потребностей». Теперь более понятным становится, почему насильственность Данилевский назвал главной причиной, по которой общественно-экономическая деятельность европейской цивилизации выразилась не в полной мере. Речь шла скорее всего о насильственности в социальных отношениях, о чем прямо сказать в подцензурной печати было нельзя.

Можно ли на основе размышлений Данилевского о славянском культурно-историческом типе заключать, как это делают некоторые его недоброжелатели, что он превозносил этот тип как самый совершенный и как бы обрекал человечество на его чуть ли не окончательное торжество. При добросовестном чтении книги «Россия и Европа» ничего подобного в ней мы не найдем. Во-первых, славянский культурно-исторический тип

Данилевский рассматривает в системе своей теории, согласно которой он так же «смертен», как и все предшествовавшие ему в истории. Он у него всего лишь *первый четырехосновный* культурно-исторический тип (С. 430). И нет ни слова, что после него наступит конец света, что не появятся другие четырехосновные культурно-исторические типы, еще более совершенные. Во-вторых, он пишет лишь о *задатках* развития этого культурно-исторического типа и превращения его в самобытную цивилизацию. И, в-третьих, он прямо говорит, что для того, чтобы это произошло, чтобы этот культурно-исторический тип состоялся, необходимы определенные исторические условия и усилия самого славянского мира.

Но прежде чем говорить об этих условиях, необходимо выяснить, что представлял собою этот славянский мир к моменту написания Н. Я. Данилевским его книги.

К моменту появления книги «Россия и Европа» в журнальном варианте (1869) ни одно из многочисленных славянских племен за пределами России не имело своей государственности. Все они находились в зависимом положении. Значительная их часть входила в состав Османской империи: с середины XIV в. под игом турок находились болгары, с конца XIV в. – македонцы, с середины XV в. – сербы и боснийцы, с конца XV в. – герцеговинцы и черногорцы. И хотя в результате неоднократных народных восстаний в XVIII – начале XIX веков деспотический оккупационный турецкий режим в некоторых славянских землях был ослаблен зачатками автономии (Черногория, Сербия), политическая и данническая их зависимость от Османской империи продолжалась.

Большая часть славянских земель также с давних времен входила сначала в состав Австрии и Венгрии, а затем в состав объединенной (1867) Австро-Венгрии. Под властью Габсбургов находились хорваты, словенцы, часть сербов, чехи и словаки, часть поляков. Как уже отмечалось, коренное население в этой «лоскутной империи» – австрийцы – находилось в явном

меньшинстве, составляя не более 25 процентов. Это соотношение не менялось до полного краха Австро-Венгерской империи. Так, по переписи 1910 года австрийцы составляли 23,5%, венгры – 19,1%, румыны – 6,5%, а славяне – чехи, словаки, сербы, хорваты, поляки, словенцы, украинцы – в общей сложности 47,5% (и прочие – 3,4%). Значительная часть земель западной Польши после ее разделов продолжала входить в состав Пруссии. В составе Пруссии и Саксонии находились также земли лужицких славян.

Под властью европейских цивилизаторов славянские народы иногда даже в более острой форме ощущали свое подневольное положение (особенно в моральном плане), чем под турецким игом. Они чаще подвергались унижениям как представители «низшей расы», испытывали разного рода дискриминацию, особенно в области культуры и языка, подвергались насильственному онемечиванию и окатоличиванию. И, может быть, именно поэтому процесс духовного, культурного возрождения в славянском мире, рост славянского самосознания в 20–30–40-х годах XIX столетия начался именно со славянских земель, порабощенных Австро-Венгерской империей, – среди чехов, словаков, сербов и хорватов: здесь сильнее было выражено сопротивление инородной культуре.

В работах славяноведов указываются разные причины, вызвавшие волну славянского возрождения и рост славянского самосознания. Среди этих причин можно выделить следующие.

Во-первых, обе империи – и Османская, и Габсбургская – начали входить в полосу кризиса своих государственных систем под давлением все более обострявшихся национальных и социальных противоречий. На Балканах нарастало национально-освободительное движение против турецкого господства в Сербии и Греции, которое по Адрианопольскому мирному договору 1829 года увенчалось предоставлением Сербии и Греции автономии, а последняя в 1830 году была признана незави-

симым королевством. Попытка Габсбургов удержать от распада свою «лоскутную империю» с помощью Священного Союза (1815) результатов не дала. Империя была потрясена революцией 1848–1849 годов, – по соглашению с венгерской аристократией австрийская монархия превратилась в дуалистическое государство, состоящее из двух частей – Цислейтании и Транслейтании. Это подтолкнуло славян к наращиванию борьбы за свои права.

Во-вторых, несмотря на усиленные, массированные попытки растворить славян в европейской культуре, онемечить и окатоличить их или подвергнуть исламизации, они в целом стойко сопротивлялись чужеземному влиянию и сохранили основы своей самобытности. В славянских народах постепенно вырабатывался своеобразный фильтр, позволявший брать от властителей только то, что приносило пользу развитию своего народа. Историк Н. П. Барсов в своей работе «Славянский вопрос и его отношение к России», вышедшей на два года раньше книги Данилевского, подчеркивал: «Все, что взяли они с Западной Европы, все, вместе с своими силами, они обратили на восстановление утраченной самобытности. С сорок восьмого года на берегах Эльбы, Влтавы, Моравы и Тиссы с каждым часом больше и больше высится и ширится почти забытый до того времени светом славянский мир, сбрасывая с себя шелуху чужеземщины и вбирая в себя из западноевропейской культуры только те соки, которые могут помочь его укреплению и возрастанию». Быстроту процесса возрождения славянских народов автор объясняет тем, что процесс этот долго искусственно задерживался, – как бы прорвало плотину на пути развития народа, «щедро одаренного от природы высокими духовными способностями» [1].

В-третьих, важную роль в сохранении славянами веры в свои творческие силы, в свое возрождение, в подъеме славянского самосознания сыграл фактор России. Даже просто своим существованием Россия как могучее независимое славянское

государство вселяла надежду на то, что и они, все другие славянские племена, поднимутся с колен, обретут самостоятельную государственность. Этот факт – существование мощного Российского государства – помогал противостоять внушаемому им западными цивилизаторами комплексу неполноценности, ущербным мыслям о неспособности славян к государственному строительству. Начиная с Петра I на российском престоле эта вера крепла год от года. Этому особенно способствовали многократные победы русской армии над турками, а также победы русских войск под руководством Суворова и Кутузова над лучшими европейскими армиями. Глубоко изучавший славянский мир А. Н. Пыпин отмечал: «...шумная и блестящая роль России в событиях 1812–1814 годов наполняла славянство гордостью за единоплеменный народ, и мысль о том, что славянству еще предстоит широкая историческая судьба, все больше укрепляется с тех пор в умах славянских племен, соединяясь с надеждами на Россию как на предводителя в этом историческом будущем» [2].

Первая половина XIX века была отмечена значительными достижениями в развитии национальных славянских культур. В чешских и словацких землях появились выдающиеся деятели славянского возрождения, «будители», лидеры борьбы против проводимой австрийскими властями политики германизации славян. Они много сделали для становления и развития своих национальных языков и литератур, чешской и словацкой науки, общественной мысли и журналистики. Разносторонней и ценной была просветительная деятельность чеха *Йосефа Добровского* (1753–1829), начатая им с конца XVIII века. Большим вкладом в чешскую культуру и в славянское языкознание была написанная им и дважды изданная (1809 и 1819) «Подробная грамматика чешского языка», а также фундаментальный труд «Основы старославянского языка» (1822). Важным вкладом в науку были и его труды по древнеславянской и чешской истории, например «Кирилл и Мефодий, славянские

Апостолы» (1823), научные сборники по славистике «Slavin» (1806–1807) и «Slovanka» (1814–1815). В 1792 году он посетил Россию. Выступал за укрепление межславянских и особенно чешско-русских культурных связей. В 1820 году был избран членом Российской Академии Наук.

Позднее на ниве чешского возрождения прославился *Франтишек Палацкий* (1798–1876), историк, философ и филолог, автор «Обзорной истории эстетики» (1823) и многотомного труда «История чешского народа в Чехии и Моравии» (на немецком языке: 1836–1867, на чешском: 1848–1876). Вел активную культурно-просветительную деятельность, сделав центром ее Чешский национальный музей и создав при нем в 1831г. «Чешскую матицу» (матицами назывались в славянских землях культурно-просветительные общества; первое было создано в Сербии в 1826 году). Выдающимся деятелем одновременно и чешского, и словацкого просвещении в этот период был *Павел Шафарик* (1795–1861), историк-славист, филолог, поэт и публицист, хорошо знавший почти все славянские языки. В борьбе за возрождение национальной культуры большое значение имел их совместный с Палацким труд «Начала чешской поэзии» (1818). Перу Шафарика принадлежали также такие крупные работы, как «История славянского языка и литературы всех наречий» (1826), «Славянские древности» (1837, русский пер. – 1837–1848), «Славянское народописание» (М., 1843), «Славянская этнография» (русский пер. – 1843). Он редактировал журналы на чешском языке «Svetozor» (1834–1835) и «Casopis ceskego» (1838–1843). Важную роль в чешском возрождении сыграли филолог и историк культуры *Йосеф Юнгман* (1773–1847), доктор права *Франтишек Ригер* (1818–1903), предпринявший вместе с Ф. Палацким издание первой чешской энциклопедии и некоторые другие его деятели.

Среди словаков также были видные представители славянского возрождения первой половины XIX века. Прежде всего,

это *Ян Коллар* (1793–1852), сын крестьянина, ставший выдающимся словацким поэтом и ученым, профессором кафедры славянских древностей в Венском университете. Всю свою жизнь Коллар посвятил идее единения славян, их борьбе за свободу. Его работа «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836) была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Отечественные записки» (1840. Т. 8). Идее единства славян и развитию славянского самосознания он посвятил свою известную во всем славянском мире поэму «Дочь Славы» (1824). Собранные им 2500 словацких песен и опубликованные под названием «Народные или светские песни словаков в Венгрии, как всего народа, так и высших сословий» (1834–1835) являлись существенным вкладом в изучение славянского фольклора. С большой симпатией Коллар относился к России.

И, конечно, нельзя не отметить выдающихся заслуг в славянском возрождении одного из идеологов и активных участников словацкого национально-освободительного движения *Людовита Штура* (1815–1856) – философа, филолога, публициста и поэта. В соавторстве с Й. Гурбаном и М. Годжей он разработал на основе народного наречия нормы словацкого литературного языка, его грамматику. Публикация данных работ в 1846 году положила начало самостоятельному развитию словацкого языка и литературы. Он внес свой вклад и в изучение славянского фольклора, опубликовав в 1853 году работу «О народных песнях и повестях славянских племен». Но особенно большое значение для славянского возрождения, для развития славянского самосознания имел его историко-социологический трактат «Славянство и мир будущего», написанный автором по-немецки в 1850–1855 годах (но изданный впервые в России на русском языке в 1867 г. и переизданный в 1909 г.). Л. Штур в совершенстве владел венгерским, немецким, хорошо знал русский и многие славянские языки.

Среди хорватов, давших в XVII веке выдающегося славянского и русского патриота *Юрия Крижанича* (1618–1683), выделялся также своей активной деятельностью в пользу славянского возрождения *Йосип Штроссмайер* (1815–1905). Он выступал за культурное и политическое сближение славянских народов, за югославянскую федерацию в составе хорватов, словенцев и сербов. Он много сделал для организации науки в югославянских землях, являлся одним из основателей Югославянской академии наук и искусств (1867) и Загребского университета (1874).

Выдающимся деятелем сербского национального возрождения был *Вук Караджич* (1787–1864), так же как и Коллар, выходец из крестьянской семьи, ученый-самоучка, за свои научные труды избранный членом-корреспондентом Венской (1848), Берлинской (1850) и Петербургской академий наук. Вклад его в сербское просвещение, в сербскую науку и в славяноведение поистине уникален. Он известен как реформатор сербохорватского литературного языка, его алфавита и правописания, издатель первой грамматики сербского языка (1814), первого сербского словаря (1818), собиратель и издатель сербского фольклора, автор работ по истории Сербии, Боснии, Черногории и т.д.

В ходе культурного возрождения в славянском мире все отчетливее и настойчивее звучала мысль о необходимости славянского единения, или, как принято было говорить, – «славянской взаимности». Причем речь шла не только о желании обмениваться культурными и научными достижениями, но и взаимодействовать в борьбе за обретение политической независимости. И нередко при этом большие надежды связывались с поддержкой России.

Все или почти все исследователи славянства, в том числе и западные, вынуждены признать, что идея панславизма зародилась вне России, что первыми ее пропагандистами были чехи и

словаки. Наиболее откровенно и ярко выразил эту идею Л. Штур в своем трактате «Славянство и мир будущего».

Подобно автору «Слова о полку Игореве» он обратился ко всем славянам с горячим призывом к единению, исполненным одновременно высокой поэтичностью и публицистическим накалом: «Пора, братья, сговориться нам... Выслушайте эти речи; цель их – взаимное соглашение между нами, братья... Внемлите словам моим во всех землях и во всех округах, где только раздается славянская речь...» Глубокой скорбью проникнуты его мысли о судьбе в Европе многочисленного славянского народа, разделенного, разорванного и порабощенного турками, немцами, австрийцами, итальянцами, мадьярами. Угрозу окончательной утраты славянскими племенами их национальной сущности он считает вполне реальной и спасение для них видит только в «соединении всех славян с Россией». Это для него единственно «имеющий будущность путь». Убеждая соплеменников в необходимости этого шага, он взывает к их памяти: «Отвечайте же, положа руку на сердце, братья, не Россия ли, подобно маяку, светила нам в наше печальное прошедшее, в глубокую ночь нашей жизни? Не Россия ли оживляла наши упования, ободряла наш упавший дух, подняла нашу почти угасшую жизненную энергию?... Не Россия ли своим могущественным, повелительным положением заставляет еще наших врагов несколько щадить нашу жизнь?» [3].

Не мудрено, что идея славянского единения нашла отклик и в России. Поборниками ее стали прежде всего славянофилы первого призыва – Аксаков К. С., Киреевский И. В., Киреевский П. В., Самарин Ю. Ф., Хомяков А. С. В нашей дореволюционной и в советской литературе немало работ посвящено их религиозно-философским и общественно-политическим взглядам. В монографиях Е. А. Дудзинской «Славянофилы в общественной борьбе» (М., 1983) и «Славянофилы в пореформенной России» (М., 1994) проанализировано и их участие в общественной деятельности. В обстоятельном труде Н. И.

Цимбаева «Славянофильство» (М., 1986) освещен вопрос и об истоках общественно-политических взглядов славянофилов, об их социальной природе. В этой и других работах справедливо отмечается, что в общественном сознании славянофильские идеи об особом характере русского исторического процесса возникли прежде всего под влиянием отрицательных сторон европеизации России, осуществленной Петром I. Убежденность в способности России развиваться самостоятельным путем резко возросла под воздействием победы над Наполеоном в 1812–1813 годах. Называются и другие факторы, оказавшие влияние. Но вопрос о взаимодействии двух процессов – славянского возрождения и зарождения славянофильства в России – остается в тени.

Правда, нельзя не отметить, что по своему содержанию эти два процесса на первоначальном этапе во многом не совпадали. В славянских землях акцент в общественном сознании был смещен в сторону славянской солидарности, объединения сил всех славян вокруг России, т.е. в сторону *славянского* самосознания. В России же было ярко выражено стремление повысить уровень *русского* самосознания, поскольку на первом плане было желание оградить Россию от чрезмерного подражания Западу. Кроме того, больше говорилось о православно-христианском мессианстве России в мире вообще, нежели о ее панславистской роли. Гораздо отчетливее, чем у названных первоучителей славянофильства, панславистская идея просматривается у любимого поэта Л. Штура – Пушкина в его знаменитом стихотворении 1831 года «Клеветникам России» с его сакраментальным риторическим вопросом – не сольются ли славянские ручьи в русском море.

Но все же оба процесса – возрождение в славянских землях и развитие русского славянофильства, – несомненно, стимулировали друг друга. Их взаимодействие и взаимовлияние осуществлялось через личные контакты представителей славянофильства посредством переписки и взаимных путешествий в

славянские земли и Россию. Например, один из выдающихся теоретиков раннего славянофильства Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) неоднократно посещал славянские земли (1826, 1828–1829, 1847).

Для ознакомления российской общественности со славянским миром много сделали представители быстрыми темпами развивавшегося с середины XIX века русского славяноведения. Российское славяноведение, первые ростки которого отмечаются в научных трудах М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, И. Н. Болтина, именно в этот период принялось за фронтальное изучение славянских древностей: истории происхождения славян, их общих корней, древнеславянского языка и отпочковавшихся от него славянских наречий, истории каждого из славянских племен, их географии, их переселений, их этнических особенностей, культуры и быта, взаимных связей и взаимовлияний, письменных памятников и фольклора и т.д. Появилась целая плеяда выдающихся ученых, которые считаются основоположниками и классиками российского славяноведения.

Прежде всего, это *А. Х. Востоков* (1781–1864), который своим трудом «Рассуждение о славянском языке» (1820) заложил фундамент для сравнительного славянского языкознания. Огромное научное значение имело составление им «Словаря церковнославянского языка» с разработанной в нем грамматикой (Т. 1–2. СПб., 1858–1861). Важным вкладом в славяноведение явились подготовленные и изданные им «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842), «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов... А. И. Тургеневым» (Т. 1–2. СПб., 1841–1842), «Остромирово Евангелие» (с лингвистическими комментариями и словарем; 1843).

Украинец из Закарпатья, принадлежавшего тогда Австрии, *Ю. И. Венелин,* (настоящая фамилия – Хуца; 1802–1839), переселившись в 1823 году в Россию, обогатил российское славя-

новедение фундаментальным трудом «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (Т. 1. 1829; Т. 2. Словене. М., 1841). После поездки в 1830 году в болгарские земли написал вышедшее уже после его смерти исследование «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты» (СПб., 1840). Существенным вкладом в изучение славянского фольклора явилась его работа «О характере народных песен у славян задунайских» (Т. 1. М., 1835). Несмотря на свою короткую жизнь, Ю. И. Венелин создал по славяноведению свыше 50 научных работ.

Значительным был вклад в русскую славистику историка *М.П. Погодина* (1800–1875), который проявил интерес к общеславянской истории еще на студенческой скамье. Переведенная им на русский язык книга Й. Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители» в 1824 году была издана в Москве на русском языке. После поездки в Прагу в 1835 г. он установил личный контакт и вел затем переписку с П. Шафариком и Ф. Палацким. В своей публицистике он отстаивал концепцию самобытности исторического пути славянского мира, выражая сочувствие освободительному движению славян, и был сторонником панславистских идей.

Но особенно выдающую роль в разработке основ славяноведения в России как науки сыграл *И. И. Срезневский* (1812–1880). Выпускник Харьковского университета (1829), он оказался среди тех, кто был командирован в славянские земли для подготовки к преподаванию на кафедрах славяноведения, создаваемых по университетскому уставу 1835 года [4].

Командировка Срезневского длилась с 1839 по 1842 год. За это время он изучил культуру, быт, славянские языки и наречия в Чехии, Словакии, Польше, Лужицкой земле, Хорватии, Словении, Далмации, Черногории, Сербии, Галиции, слушал лекции по санскриту и сравнительной грамматике знаменитого Франца Боппа в Берлине, посетил Вену. Основательная

подготовка обеспечила огромный успех его лекциям в Харьковском университете по курсу «Энциклопедическое введение в изучение славянства». После серии публикаций по языку, литературе и книгопечатанию славян в «Журнале Министерства народного просвещения» Срезневский осуществил фундаментальное исследование на тему: «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям», за которое в 1846 году ему впервые в России была присуждена степень доктора *славяно-русской филологии.* С 1847 до 1880 года Срезневский – профессор Петербургского университета, с 1859 по 1880 – декан его историко-филологического факультета, а в 1861 году – ректор университета. Неизменным успехом пользовались его лекции в университете по курсам: «Введение в славянскую филологию», «Славянские древности», «История и литература славянских наречий», а также в Главном педагогическом институте по курсам: «Общее филологическое обозрение славян», «Древности славянских языков», «Новая история славянской литературы». Он подготовил и издал целый ряд неизвестных ранее, открытых им древнерусских и древнеславянских памятников – «Саввина книга», «Листки Ундольского», «Киевские глаголические отрывки» и т. д. Выдающимся результатом его многолетних трудов явились собранные им и изданные посмертно «Материалы для словаря древнерусского языка» (Т. 1–3. СПб., 1893–1912). И. И. Срезневский создал целую школу русского славяноведения, среди его учеников были такие видные русские ученые, как А. С. Будилович (1846–1908), В. И. Ламанский (1833–1914), А. Н. Пыпин (1833–1904), М. И. Сухомлинов (1828–1901), Н. С. Тихонравов (1832–1893), Р. Ф. Брандт (1853–1920).

До появления книги Данилевского, кроме названных, заявили о себе своими научными трудами и некоторые другие крупные русские славяноведы. Это – *О. М. Бодянский* (1802–1877), которому в 1837 году за диссертацию «О народ-

ной поэзии славянских племен» впервые было присвоено звание магистра *славянских наречий*. Его командировка в славянские земли от Московского университета продолжалась с 1837 по 1842 год. Он, так же как и Срезневский, пожил среди славян Чехии, Словакии, Сербии, Славонии, Хорватии, изучил их культуру и языки, собрал большой научный материал в библиотеках Праги, Вены, Будапешта, ряда монастырей, установил научный контакт с П. Шафариком, Й. Юнгманом, Я. Колларом, В. Ганкой, В. Караджичем, Е. Копитаром, Л. Гаем и другими известными славянскими учеными-славистами. В 1855 году он был также удостоен степени доктора славяно-русской филологии за труд «О времени происхождения славянских письмен». Бодянский опубликовал большое количество научных статей и ряд важных источников по славяноведению и подготовил в этой области также ряд известных впоследствии специалистов.

Учеником его был, например, А.Ф. Гильфердинг (1831–1872). Сделанное им в славяноведении за его короткую жизнь можно назвать научным подвигом. Он записал на Севере более 300 русских былин, которые были изданы после его смерти, в 1873 году, и затем многократно переиздавались. Его перу принадлежат такие интересные работы, как «Сравнение языков славянских с языком санскритским», «Об отношении славянских языков к языкам родственным» (1853), «История балтийских славян» (1855), «Западные славяне» (1858), «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859), «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в средние века», «Очерк истории Чехии» (1862), «История сербов и болгар», «Взгляд западных славян на Россию», «Польский вопрос», «История древнейших славян» (1868), «Гус. Его отношение к православной Церкви» (1871). Часть его работ была переведена на европейские языки. В своих трудах он проводил идею о несовместимости германского и славянского миров. Стремясь не только своими научными исследованиями, но и практическим де-

лом содействовать славянскому единению, он разработал общую славянскую азбуку из 61 буквы, которая, однако, не была востребована. Обрусевший саксонский немец Александр Федорович Гильфердинг был горячим русским патриотом и когда был на дипломатической службе, и когда занимался научной деятельностью.

Из работ, появившихся в середине XIX века и оставивших заметный след в славяноведении, нельзя также не отметить труды *Ф. И. Буслаева* (1818–1897) и *В. И. Григоровича* (1815–1876). Работа последнего «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» (1848), написанная на основе длительного пребывания в землях балканских славян (1844–1847), была переиздана в 1877 году, во время русско-турецкой войны.

Говоря о значении научных трудов по славяноведению, изданных в эти годы, А. Н. Пыпин подчеркивал прежде всего их роль в воспитании чувства «славянской взаимности» в русском читателе. «Новейшее изучение народностей, – писал он, – указало между славянскими письменами столько родственного, что племенное чувство невольно оживлялось; из ученых кругов это впечатление распространялось в обществе и, как мы видим в сербо-турецкой войне, способно было вызвать даже в нашем хаотическом обществе известные предприятия на помощь сербам. "Взаимность" делалась сознательной» [5].

Надо сказать, что в эти годы возможность публиковать научные труды по славяноведению, в отличие от славянофильской публицистики, часто противоречившей правительственной внешней политике, была более широкой. Во втором отделе «Журнала Министерства народного просвещения» (1834–1917) постоянно публиковались статьи по разным отраслям науки, в том числе и по славяноведению. Статьи на эти темы печатались также в «Записках отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества» (1851–1918), в «Записках имп. Русского географического об-

щества» (1861–1864), в «Известиях имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности» (1852–1861), в «Известиях имп. Русского географического общества» (1865–1916), в «Русском архиве» (1863–1917), в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете» (1845–1848), «Временнике имп. Московского общества истории и древностей российских» (1849–1857).

Кроме того, научные, научно-популярные и научно-публицистические статьи на славянские темы публиковались в недолговечных славянофильских периодических изданиях, в газетах и журналах иных общественно-политических направлений. Все это, несомненно, способствовало пробуждению интереса к славянскому вопросу, повышению уровня славянского самосознания в русском обществе.

В этой атмосфере распространявшегося все шире настроения славянской солидарности в России произошло два важных события – в начале 1858 года появился в Москве Славянский благотворительный комитет, и здесь же девять лет спустя, в 1867 году, произошел Славянский съезд.

Инициаторами создания Комитета выступили члены так называемого «хомяковского кружка». Их поддержали многие русские ученые, видные журналисты, публицисты и издатели, некоторые государственные сановники. Среди подписавших прошение об учреждении Комитета на имя министра иностранных дел А. М. Горчакова были, кроме известных славянофилов – А. С. Хомякова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, – историки М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, П. И. Бартенев, П. М. Леонтьев, слависты О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, А. А. Майков, публицист и редактор М. Н. Катков, попечитель Московского учебного округа А. Н. Бахметев, археолог А. С. Уваров и другие. Как отмечает один из исследователей, уже с начала 60-х годов среди членов Комитета числились Н. Я. Данилевский и В.И. Ламанский [6].

Комитету разрешено было заниматься только благотворительной и просветительной деятельностью, оказывать помощь деньгами и литературой школам, библиотекам и православным храмам в славянских землях, материальную помощь учащимся в России студентам – посланцам славянских народов. Заявления о вступлении в члены Комитета стали поступать со всей России. Он постепенно расширял свою деятельность, и в 1868 году возникли его филиалы в Петербурге и Киеве. Особенно активизировалась деятельность славянских Комитетов в связи с обострением событий на Балканах с 1875 года и последующей русско-турецкой войной [7]. Тогда же, в 1877 году, Комитеты были преобразованы в «Славянские благотворительные общества» и был утвержден их новый устав. Правда, после «крамольной» речи И. С. Аксакова на заседании Московского общества 22 июня 1878 года в связи с решениями Берлинского конгресса деятельность его была приостановлена, и это на некоторое время парализовало работу всех славянских благотворительных обществ. Но постепенно их активность возобновилась. Как отмечал один из дореволюционных славяноведов, численность людей в России, желающих изучать славянство, завязывать связи со славянами, поддерживать славянство там, где оно борется за сохранение своей народности, за свою самобытность, расширять и углублять в нашем обществе славянское самосознание, неуклонно возрастала. И к 1909 году таких обществ уже было «девять, не считая ни ученых учреждений, ни отдельных кружков» [8].

В период написания Н. Я. Данилевским книги «Россия и Европа» деятельность Московского Славянского благотворительного комитета была на подъеме. Несмотря на ограниченность своего бюджета, который составлялся из добровольных пожертвований, он развернул активную благотворительную работу: отправлял на свои средства в славянские земли учебную и научную литературу, помогал стипендиями студентам-славянам, обучавшимся в России. «Одних молодых болгар,

пользовавшихся помощью, было 16 человек...» [9]. Комитет начинал организовывать или принимать активное участие в общеславянских культурных мероприятиях. Например, в 1862 году с его участием было торжественно и на высоком научном уровне отмечено тысячелетие со времени изобретения славянской азбуки.

Но особенно большое значение и широкий резонанс не только в России и славянском мире, но и во всей Европе имел состоявшийся в России в мае 1867 года Славянский съезд. Он проходил «под вывеской» организованной в Москве Этнографической выставки с представленным на ней большим славянским отделом, экспонаты для которого были заранее собраны из всех славянских земель. Как свидетельствует источник, мысль о ее устройстве зародилась еще в 1862 году в Обществе любителей естествознания при Московском университете и принадлежала профессору этого университета А. П. Богданову [10].

Поначалу задумано было провести Этнографическую выставку на российском материале. Затем было решено, что без общеславянского этнографического материала выставка не будет обладать научной полнотой и, по предложению историка-слависта Московского университета Н. А. Попова, был учрежден славянский отдел выставки [11]. На первом заседании организационного комитета выставки 29 декабря 1864 года постановили провести ее весной 1867 года. Сбор экспонатов, основным добытчиком которых за границей стал протоиерей русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский, решено было сосредоточить в Этнографическом музее В. А. Дашкова. Идея провести во время выставки Славянский съезд была высказана В. И. Ламанским в письме к Н.А. Попову [12]. Официально славяне приглашались принять участие именно в Этнографической выставке, но уже в то время в прессе, а впоследствии в научной литературе мероприятие это получило название Московского Славянского съезда.

Это был второй по счету Славянский съезд. Первый, разогнанный австрийскими властями, имел место в Праге в июне 1848 года. Однако на Пражском съезде не были представлены славяне России, точнее, они были представлены «случайным русским посетителем» [13] – М. А. Бакуниным, который делегатом съезда не считался. На Московском съезде были представлены все славянские народы, кроме поляков. Среди 80 посланцев славянских земель было немало известных ученых и общественных деятелей – Ф. Палацкий (председательствовавший на Пражском съезде), его зять Ф. Ригер, Я. Шафарик (племянник П. Шафарика), И. Богоров, М. Маяр, К. Эрбен, И. Субботич, М. Полит, Я. Ф. Головацкий, Л. Гай.

Хотя устав Славянского Комитета не позволял ему организовывать такого рода мероприятия (инициатива организации Этнографической выставки принадлежала Обществу любителей естествознания во главе с В. А. Дашковым при Московском университете), члены Комитета приняли активное неформальное участие в проведении съезда. С другой стороны, как отмечал советский славяновед С. А. Никитин, съезд привлек внимание к Комитету как к единственной в России славянской организации, повлиял на рост численности его рядов с 308 человек до 353 к январю 1872 года [14].

Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Н. Я. Данилевский присутствовал на этом съезде, тем более что сделать это было не просто – «по форме он и не был съездом, а большим и торжественным политическим турне» [15] по маршруту: Варшава – Петербург – Москва – Петербург. Но, разумеется, хотя Данилевский к этому времени, вероятно, уже заканчивал работу над рукописью книги «Россия и Европа», он не мог не следить за его работой по газетным и журнальным откликам. Слишком тесно были связаны вопросы в речах делегатов съезда с содержанием его труда. Есть и прямое подтверждение, что Данилевский внимательно следил за съездом, – упо-

минание о нем в конце пятнадцатой главы – «Всеславянский союз» (С. 366).

События вокруг съезда и на съезде, большинство мыслей, высказанных ораторами, настроения, возобладавшие на нем, были ярким подтверждением выводов, сделанных Данилевским в его книге. С другой стороны, некоторые суждения Данилевского имеют скрытую полемическую заостренность против отдельных оценок и предложений, высказанных на съезде. Это является косвенным подтверждением его осведомленности обо всем, что происходило на съезде.

Прежде всего, многое из того, что прозвучало на съезде, что происходило вокруг него, не могло не подействовать на Данилевского ободряюще и вдохновляюще, ибо полностью соответствовало его наблюдениям и мыслям по славянскому вопросу, а в некоторых случаях побудило, вероятно, к особым размышлениям и выводам на эту тему.

В частности, съезд явил собой яркую демонстрацию родства славянских душ, возросшее чувство братства славянских народов, славянского самосознания и в зарубежных, и в российских славянах. Многое происходило впервые. Впервые по территории России двигался поезд, который вез представителей почти всех славянских народов. Впервые с огромным энтузиазмом происходили массовые стихийные митинги россиян на всех больших стоянках этого поезда. На пути в Петербург такие митинги происходили в Гродно, Вильно, Пскове, Гатчине, Луге. В Петербурге встречать посланцев из славянских земель пришли представители всех слоев общества, в том числе «члены высшей администрации, ученые, духовенство, писатели, журналисты, художники, актеры и первостатейное купечество... да весьма значительная масса простого народа, привлеченная слухом о прибытии наших далеких родичей» [16]. Причем эта многотысячная масса людей, несмотря на ненастье, терпеливо ждала прибытия поезда, опоздавшего на два с половиной часа. Появление гостей из вагонов было встречено восторжен-

ными криками «ура!», «слава!», аплодисментами. Такой же энтузиазм среди петербуржцев и москвичей вызывало появление делегатов съезда во всех общественных местах. На состоявшуюся, например, прощальную встречу с гостями 21 мая в Москве в Сокольники пришло, по свидетельству современников, около 30 тысяч москвичей. Все они горячо выражали братские чувства к посланцам славянских народов. Очевидец пишет: «...на широком Ширяевом поле тысячи людей ждали своей очереди заявить заграничным братьям свое сочувствие. Нетерпение этих тысяч московского народа стало выражаться восклицаниями, которые как рев океана покрывали шум в павильоне» [17].

Поездка в Россию была сопряжена для славянских гостей с немалыми трудностями и даже риском для их дальнейшего благополучия, ибо сопровождалась открытыми угрозами в адрес отъезжающих со стороны официальных властей, злобными комментариями и улюлюканием почти всей европейской прессы. И это еще раз подтверждало тезис Н. Я. Данилевского об изначальной враждебности Западной Европы к славянскому миру, о ее патологическом неприятии даже разговоров о возможном единении славян. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Ф. Бейст накануне съезда заявил, что славян следует «прижать к стенке». Канцлер новообразованного Северо-Германского союза О. Бисмарк посоветовал властям Австро-Венгрии каждого участника Московского славянского съезда обвинить в государственной измене и арестовать. Одна из французских газет заклеймила славянских профессоров, поехавших на Славянский съезд, невеждами и изменниками. А одна из берлинских газет цинично предостерегала Австрию, что панслависты, собирающиеся в Москве, ставят целью «отнять у Австрийской империи некоторые члены, составляющие необходимое условие ее политического существования» [18]. Под «некоторыми членами» империи подразумевались, естествен-

но, славянские земли, обретение независимости которыми прекращало существование Австрии как империи.

В придворных кругах России и среди высших чиновников Министерства иностранных дел (А. Будберг, А. Унгерн, Э. Штакельберг, А. Жомини и др.) преобладали прозападная ориентация и скептическое отношение к славянам. Ставка делалась на союз то с одной, то с другой западноевропейской державой – Австро-Венгрией, Пруссией (затем – Северо-Германским союзом), Францией, Англией. А между тем каждая из этих стран имела свои нескрываемые империалистические интересы на Балканах. И соответственно каждая из них в отдельности и все вместе они не были заинтересованы в полной независимости славян, в поддержке Россией их освободительного движения и тем более – в создании в перспективе единого блока славянских независимых государств с Россией.

Царское правительство хорошо запомнило урок недавней Крымской войны, когда почти все ведущие европейские державы обрушили на Россию свою военную мощь ради своих интересов на Балканах и ради ослабления влияния России в славянском мире. Возможность нового выступления объединенных сил Европы против России в этот период, в связи с усилившейся антирусской пропагандой на Западе (особенно в Англии и Франции) после подавления польского восстания 1863–1864 годов, казалась вполне реальной. Как справедливо отмечала исследовательница, «мало заботясь о судьбе польского народа, западные правительства стремились воспользоваться восстанием для борьбы с Россией» [19]. В преддверии Славянского съезда Запад несколько раз продемонстрировал свою сплоченность в негативном отношении к России. В марте 1866 года на Конференции в Париже по случаю обострения обстановки в Молдавии и Валахии западные державы отклонили предложение России об отмене статьи Парижского договора 1856 года о нейтрализации Чёрного моря, запрещавшей России иметь там свой военный флот и военные арсеналы.

Как уже отмечалось, трения между западными державами отступали, как правило, на задний план, как только перед ними возникала необходимость препятствовать усилению России, ее влиянию в славянском мире, особенно на Балканах. В 1866 году в ответ на движение населения острова Крит за воссоединение с Грецией Турция высадила на Крите тридцатитысячное войско и начала кровавое подавление восстания, а также приступила к подавлению всколыхнувшегося повстанческого движения против турецкого ига сербов, черногорцев и болгар. Русская дипломатия пыталась оказать давление на Турцию, с тем чтобы требования населения Крита были удовлетворены. Однако Турция, заручившись поддержкой и Англии, и Франции, решительно отвергла эти попытки. Находившиеся временно в состоянии некоторых несогласий между собой западные державы проявили полное единодушие в антирусской политике на Балканах. Французский посол в Константинополе сумел к тому же с явно провокационной целью убедить турок, что восстание на Крите – дело рук России. Восстание было жестоко подавлено. Запад о правах человека на этот раз молчал. Россия приняла и приютила у себя большое число беженцев с острова.

В этой обстановке Александр II прислушался к тем, кто считал в его окружении, что не стоит рисковать обострением отношений с Западом из-за официальной поддержки Славянского съезда. Некоторым советникам царя казалось, что активной поддержкой славянства в этих условиях можно снова спровоцировать Запад на совместную агрессию против России. Но некоторые исследователи считают, что эта осторожность в то время была неоправданной и только подталкивала турок на дальнейшие акты возмездия сопротивляющимся их гнету балканским народам: «Политика невмешательства в условиях обострения европейского кризиса и роста влияния западных стран на Востоке оказалась для России несостоятельной. Пользуясь покровительством Франции и Англии, Турция

начала наступление на Сербию и Черногорию, усилив свои контакты с Австрией» [20].

Выдерживая выработанную линию на дистанцирование от Славянского съезда, отвечая на угрозы австрийской и немецкой прессы, на жесткое заявление министра иностранных дел Австро-Венгрии Ф. Бёйста, А. М. Горчаков разъяснил в письме к последнему, что политика российского правительства не совпадает с панславистскими идеями славянофилов, так же как не имеет с ними ничего общего и «покровительствуемая двором Этнографическая выставка» [21].

В дальнейшем, под влиянием невиданного, фактически всенародного проявления в России чувства солидарности со славянами, позиция царя и правительства, несомненно, трансформировалась в сторону открытого проявления их интереса к съезду и его гостям. Это сказалось в том, что Александр II принял 14 мая в Царском селе группу из 22 человек – гостей съезда, представлявших разные славянские народы. В составе депутации были: Петроневич, Шафарик, Миличевич, Теодорович, Георгиевич, Богоров, Палацкий, Ригер, Гаммерник, Браунер, Эрбен, Данилов, Полит, Бесович, Кунич, Ковачевич, Смоляр, Дучман, Маткович, Милутинович, Есенский, Субботич. В коротком приветствии царя делегатам весьма многозначительно прозвучала фраза: «Приветствую вас, родные славянские братья, на родной славянской земле!» [22]. Царь явно присоединялся к охватившему всех настроению и без оглядки на реакцию Запада выразил его. Сам факт приема у царя и сказанные им слова имели большой общественный резонанс. Один из современников позже вспоминал: «Многим еще памятно, какое сильное впечатление произвели эти слова Государя Императора не только на представлявшихся ему славянских делегатов, но и на весь славянский мир: в первый раз с высоты русского царского престола был услышан ясный, твердый голос о славянском братстве» [23].

Высшие официальные лица также несколько скорректировали свою позицию по отношению к съезду. Они стали встречаться с гостями в неофициальной обстановке, принимать у себя группы делегатов, присутствовать и даже произносить речи на отдельных заседаниях и банкетах. При этом они каждый раз старались в противовес западной пропаганде подчеркнуть, что у России нет, и никогда не было никаких притязаний на славянские земли, что цель выставки и съезда только в укреплении уз братства, культурных связей со славянским миром. Выступая в Петербурге 11 мая, в день Кирилла и Мефодия, на обеде в Дворянском клубе после торжественного заседания депутатов съезда в Академии наук, Министр народного просвещения Д. А. Толстой отметил, что в данном случае речь идет не о приеме у каких-то официальных лиц, а просто о встрече славян северных и восточных со славянами западными и южными, что в сочувствии первых вторым «нет никаких политических расчетов», что взаимная связь славян – «в нашей десятивековой истории, в нашем языке, в общей славянской мысли, она в нашем сердце, в нашей крови». Он пожелал постоянно укреплять эту связь и стремиться к тому, чтобы наука все более содействовала этому [24]. Его речь была наполнена необычными для официального лица эмоциональными всплесками. «Вы слышите, как бьется славянское сердце! – обращался он к делегатам съезда. – Скажите, так ли бьется сердце иноземца? Нет, господа, никто не может дать себе родного брата; его дает Провидение». И не случайно речь Д. А. Толстого прерывалась «взрывом рукоплесканий, продолжавшихся несколько минут» [25].

Гости отдельными группами побывали также на приемах у великого князя Константина Николаевича, у А. М. Горчакова, у директора азиатского департамента МИДа П. Н. Стремухова. Н. Я. Данилевский, несомненно, был осведомлен о происшедшей трансформации в позиции верхов к Славянскому съезду. Это легко угадывалось по газетной информации о съезде. Но у

него, конечно, были и другие источники информации – через знакомых среди высших чиновных лиц Петербурга, среди ученых и литераторов. Судя по содержанию его мыслей, высказанных в книге на тему «Россия и славянский мир», его позиция явно расходилась с позицией тех, кто ставил на первое место взаимоотношения с европейскими державами, а не вопрос о судьбе славян. Вряд ли он мог разделять и слишком умеренную, в чем-то взвешенную, но балансирующую между различными настроениями в придворных кругах позицию А. М. Горчакова. Уже тогда начала проявляться оппозиция прозападнической и умеренной группировке в вопросах внешней политики. В нее вошли весьма влиятельные представители либеральной бюрократии – посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, председатель комитета министров князь П. П. Гагарин, военный министр Д. А. Милютин [26]. Они были склонны к более определенной, решительной и последовательной политике в пользу славянских народов. С Д. А. Милютиным, как отмечалось, в период крымского периода своей жизни Н. Я. Данилевский поддерживал дружеские отношения.

Более гармонировали с умонастроением Данилевского речи подавляющего большинства участников съезда – как русских, так и представителей других славянских народов. Это был тот эмоциональный заряд, о котором сразу после съезда И. С. Аксаков написал в своей газете «Москва»: «Они пробыли здесь только месяц, но этот месяц был сплошной праздник, непрерывный ряд торжеств и ликований, в которых лично и заочно приняла участие, можно сказать, вся Россия. Знаменательность этого события нашла себе полное истолкование и в произнесенных речах, и в стихах, и в газетных статьях, русских и славянских...» [27].

Вся обстановка на съезде и вокруг него, выступления его делегатов, которые приводились полностью, цитировались или пересказывались прессой, могли лишь утвердить Данилевского в правильности развиваемых им в книге взглядов, в

чем-то усилить его аргументацию и, бесспорно, вдохновить его на завершение своего труда. На открытии выставки и в работе съезда участвовали такие выдающиеся русские историки, как К. Н. Бестужев-Рюмин, М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, В. И. Ламанский, Д. И. Иловайский. Высказанные ими мысли не только не противоречили теории Данилевского, но скорее подтверждали ее. Лейтмотив их выступлений, а также речей и выступлений других участников съезда, в том числе приехавших из славянских земель, был один и тот же: славяне – особый культурно-исторический мир, его судьба зависит от его единения. Причем гости прямо или завуалированно связывали успех этого процесса с ролью России.

Выступая в Петербурге на упомянутом обеде в Дворянском собрании 11 мая, депутат чешского сейма Браунер заявил: «Мысль о взаимности славянских народов – могу сказать это с гордостью – возникла у нас. Наша чешская литература первая стала развивать эту мысль. У нас на Западе она возникла из настоятельной необходимости спасти славянские народы от поглощения их чуждым элементом. Эту великую мысль духовной взаимности может осуществить только великий народ, являющийся полновластным господином в своей земле, и этот народ – русский, в земле которого не заходит никогда солнце» [28]. А выступивший от имени сербов М. Полит сказал: «У нас, сербов, любовь к русским братьям живет в сердце от самого нашего рождения. Наши матери говорят своим детям от самой колыбели о наших православных братьях, о святой Руси! В те черные дни, когда мы готовы были отчаиваться за самих себя, мы утешались мыслью, что мы не погибнем, доколе живет великая Россия». Член Загребской судебной палаты И. Субботич заявил от имени хорватов, что они приехали в Россию с верой, надеждой и любовью [29].

Полнее и ярче всех выразил чувства и мысли российских участников съезда впервые после длительной болезни появившийся на этом приеме Ф. И. Тютчев в своем стихотворении

«Австрийским славянам», которое по нездоровью автора прочитал Б. М. Маркович. В строках стихотворения нашли выражение и чувство радости по поводу прибытия гостей со всех концов славянщины, и чувство кровного родства с гостями:

«Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости.
Вы – свои!
Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, –
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех».

Тютчев напоминает, что хотя и были русский и славянский народы разлучены «враждебною судьбиной»,

«Но все же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия.
России – не прощают вас».

Именно возможность единения славян, подчеркивает Тютчев, больше всего страшит Запад:

«Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет – это я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид

Славянское самосознанье,
Как Божья кара, их страшит!»

С горечью и гневом констатирует он двойственность стандартов, по которым Западная Европа живет сама и по которым строит свои отношения со славянами:

«Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилье и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян» [30].

Это стихотворение произвело столь сильное впечатление на славянских гостей, что на последней торжественной встрече делегатов в Москве, 21 мая, они попросили прочитать его дважды – первый раз это сделал С. М. Сухотин, второй раз – И. С. Аксаков. В эти же дни Ф. И. Тютчев посвятил славянским гостям еще одно стихотворение – «Славянин», в эпиграфе к которому цитировались слова министра иностранных дел Австро-Венгрии фон Бейста: «Славян нужно прижать к стенке...». Автор говорил славянам, что если министр имеет в виду под стеной Россию, то они могут быть спокойны – она их не подведет:

«Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих» [31].

Мысль о необходимости единения славян как непременном условии сохранения их самобытности развивали на съезде в своих выступлениях многие представители российской стороны.

Неоднократно выступавший перед участниками съезда ректор Московского университета С. И. Баршев на торжественном заседании в университете 18 мая, обращаясь к славянским гостям, сказал: «Дети одной матери, мы уже и по одному кровному родству не можем не тяготеть друг к другу, и что как не славянская кровь могла вызвать столько живого и искреннего сочувствия, которое изъявлял вам простой народ на пути вашем сюда и здесь?» [32]. Историк С. М. Соловьёв трижды выступал перед участниками съезда, устраивал 22 мая у себя дома прием для группы историков и археологов из славянских земель. Он говорил о значении исторической науки в сближении славянских народов, отметил выдающиеся достижения славянских историков и археологов. На торжественном заседании в Университете он горячо приветствовал их: «Слава вам, братья, за ваше доброе дело, которое не будет пропущено в летописях славянской земли; слава вам, братья, слава!» [33].

Кроме представителей разных наук, гуманитарных и естественных, на съезде выступил и представитель русского музыкального искусства Н. Г. Рубинштейн. Обращаясь к «братьям славянам», он горячо приветствовал их, представляющих «одну великую семью». Он подчеркнул особый самобытный характер славянской музыки, народных напевов, составляющих ее основу, и напомнил собравшимся: «Разделенные пространством, историческими событиями и частью – особенностями наречий, мы находим полное единение в мире музыки: там, где недостает слова, наше братское чувство договаривается в напеве, для всех памятном, для всех родном» [34].

После съезда некоторые петербургские газеты прозападнической ориентации («Весть», «St. Petersburger Zeitung»), а также враждебные славянству проправительственные органы печати в европейских странах открыли кампанию по его дискредитации, заявляя, что он был лишь одной говорильней и никаких практических политических результатов не дал. Организаторы и сторонники съезда отвечали, что проведенный как об-

щественно-научное мероприятие на базе Этнографической выставки, без всякого патронажа со стороны правительств, он и не мог дать таких результатов. Его итогом стало укрепление чувства славянского братства, возросшее славянское самосознание, усиление научных, духовных и культурных контактов между славянскими народами. Так что речи, произнесенные на съезде, по выражению С. М. Соловьёва, «уже вписались на страницы русской истории» [35].

Сам факт, что наконец состоялся форум, на котором впервые в истории славяне западные и южные в лице своих лучших представителей встретились со славянами восточными и северными, оценивался заинтересованными в съезде представителями России как чрезвычайно важное событие: «Тысячу лет мы не видались, а сошлись – не наговорились» [36]. Проблем было много в славянском мире, и обсудить их все сразу было невозможно. А тем более прийти по каждой из них к какому-то решению. Но один вопрос удалось прояснить – о важности единения славянского мира, о необходимости общими усилиями сохранить его самобытность и самоценность. Во многом согласны были комментаторы, – прежде всего в том, что съезд способствовал укреплению братских чувств в славянских народах. «В этом-то именно чувстве, – говорил И. С. Аксаков в своей речи перед закрытием съезда, – и лежит свидетельство, что есть для нас еще иная задача, кроме индивидуальной задачи каждого племени, есть нечто высшее, поглощающее личный племенной эгоизм, нечто, не замыкающееся в географических и политических границах. Независимо от форм политического бытия, в которых живет то или другое славянское племя, независимо и поверх их – есть славянский народ, славянский мир, славянское братство. И всякое славянское племя, которое по малодушию или по гордости изменяет этому завету, отвращается от братьев, отрицает братство, тем самым отрицает свою собственную жизненную основу и имеет погибнуть... Таков непременный закон славянской истории» [37].

В книге, вышедшей через два года после съезда, Н. Я. Данилевский в том же духе формулирует главную задачу, стоящую перед славянским миром, только более определенно и жестко. «Итак, *для всякого славянина*, – пишет он, – *русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгара (желал бы прибавить, и поляка), – после Бога и Его святой Церкви идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага*, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления, – без духовно-, народно- и политически-самобытного, независимого Славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» (С. 107).

Политические вопросы были обойдены на съезде российской стороной из-за дипломатических соображений и из-за возможных осложнений в отношениях с правительством (приостановка на время съезда газеты И. С. Аксакова «Москва» была достаточно выразительным предупреждением на этот счет). А со стороны делегатов из славянских земель они были обойдены прежде всего из-за грозившей им расправы со стороны официальных властей тех государств, из которых они приехали. Но имелась и еще одна причина: все-таки были разными политические идеалы среди делегатов даже одной какой-либо страны, в том числе и среди представителей из России. В каждой национальной группе были свои консерваторы и либералы. Полемика по этим вопросам была также во многом стеснена рамками дипломатии и цензуры, да и могла бы скорее разъединить, чем объединить.

Данилевский в книге как бы восполнил этот пробел и в полной мере осветил политические аспекты проблемы «Россия и славянский мир», как он себе их представлял. Причем сделал он это со свойственной ему прямотой и, как всегда, с необходимой степенью аргументации.

Самым главным вопросом, по которому на съезде, тем не менее, изъяснялись уклончиво, осторожно, недоговаривали

или вообще умалчивали, – был вопрос о желательной форме единения славянского мира. Малейшее приближение к нему всегда вызывало волну антиславянской и особенно антирусской пропаганды во всех странах, где жили славяне, дискриминация их усиливалась. Правительства этих стран начинали открыто демонстрировать свою враждебность к России. Российское правительство выражало неудовольствие органам печати, – разумеется, прежде всего славянофильским, – даже за их сопереживание порабощенным славянам. Российские монархи предпочитали добрые отношения с австрийским царствующим домом Габсбургов проявлению солидарности с подвергающимися дискриминации и онемечиванию славянскими народами Австро-Венгрии. Как отмечал даже либеральный, прозападнически настроенный А. Н. Пыпин, всякая попытка помощи России славянам изображалась в Европе как «макиавеллистская», скрывавшая «завоевательные планы России». И это притом, изумлялся Пыпин, что Россия в войнах с Турцией, в итоге проявляя добродушие, приобретала всегда меньше, чем могла, и при этом «еще заявляла, что желает сохранения “целости и независимости” Турции, и действительно сохраняла». Русская дипломатия, отмечает Пыпин, «гораздо меньше думала о славянах Турции, чем о принципе законной власти его величества султана над славянами» [38].

Лидеры славянофилов, как, впрочем, и их оппонент А. И. Герцен, склонны были считать, что холодность российского самодержавия к славянскому миру объяснялась тем, что это было «немецкое самодержавие» [39]. Общение гостей на съезде с М. П. Погодиным, И. С. Аксаковым, В. И. Ламанским, особенно в неофициальной кулуарной обстановке, когда можно было говорить более откровенно на разные темы – без оглядки на цензуру и на «невидимое око», могло привести некоторых из них к подобным же заключениям. Во всяком случае, по возвращении домой М. Полит, ничуть не отказываясь от своей любви к русскому народу, тем не менее, заявил в печати, что «Росси-

ей владеют немцы и что сербы всё не могут понять, что русские и дома не хозяева» [40].

Но не только угрозы собственных властей по их адресу и не только сдержанность официальных верхов России по отношению к славянскому миру удерживали славянских делегатов от конкретных радикальных предложений по объединению славян в единое государственное образование вместе с Россией. Такие предложения были, но их было явное меньшинство и они выражались завуалированно. Большинство рассчитывало на первом этапе на укрепление славянской солидарности и взаимоподдержки в решении главной задачи – обретения славянскими народами независимости и, в основном, рассчитывало на поддержку могущественной России в их борьбе за достижение этой цели. Но были и такие, которые и в перспективе не видели славян в рамках единого государственного образования, так как были убежденными сторонниками конституционного строя, тогда как российские делегаты заявляли себя приверженцами монархического, правда оговариваясь, что эта форма выработана своеобразием исторического пути развития России.

«Если нам невозможно соединиться материально, то соединимся же, по крайней мере, "союзом духовным"», – заявил в одном из первых своих выступлений доктор права чех Ф. Ригер [41]. Еще никто не говорил о возможностях «соединиться» более тесно, но чешский представитель в деликатной форме уже дал понять, что, с его точки зрения, это вряд ли возможно. Выступая в Московском университете, Ригер говорил лишь о необходимости «искать друг у друга взаимной опоры» как цели славян. В его представлении образцом для подражания в достижении этой цели должны послужить древние греки, которые, несмотря на разность диалектов, «сходились на олимпийские игры, на которых показывали... все, что сделали, учились друг у друга, удивлялись друг другу». Т. е. путь к единению Ригер видел в организации регулярного обмена между

славянскими народами культурными, научными, спортивными и иными достижениями, в соревновании на ниве труда и творчества. Одобрялась такая форма единства, которая не привела бы к утрате своеобразия каждого из славянских народов. Намекая на нецелесообразность создания унитарного славянского государства, Ригер сказал: «Если бы вы слили все колокола Москвы в один громадный колокол – несравненно более громадный, чем большой колокол Ивана Великого, то далеко раздавался бы оглушительный гул его, но он все же не производил бы того приятного впечатления, как дружный трезвон всех колоколов Москвы, возвещающий нам “воскресение”» [42].

Другие делегаты из славянских земель горячо поддерживали идею единения, но старались обходить вопрос о вариантах ее конкретного воплощения. Российские представители вслед за выступлением Д. А. Толстого старались убедить славянскую аудиторию в том, что у России действительно никаких политических расчетов нет. Ректор Московского университета С. И. Баршев уточнил: «Грандиозна, конечно, мысль о слиянии стомиллионной славянской семьи в одно грандиозное целое, но мы этою мыслью не увлекаемся и не должны увлекаться. Желать должно того, что возможно и совместимо с действительными условиями и интересами. Для нас возможно только духовное единение, в сфере же политической желательно не единство, а то сочувствие, на котором основываются прочные союзы» [43].

Еще более конкретизировала и разъяснила позицию российских делегатов на съезде в ходе его работы газета М. Н. Каткова «Московские ведомости». Она заявляла в своих передовых статьях, что русский народ ничего не выиграл бы, если бы «какими-нибудь судьбами» славяне со своими территориями вошли в состав России. Такое приращение ее без того громадной территории, писала газета, лишь ослабило бы Россию: «она утратила бы всякую меру и стала бы в тягость себе». Не

нуждалась также Россия, по мнению Каткова, и в приращении населения, «которое и без того растет с пугающей всех быстротой» [44]. Эти мысли почти полностью повторил М. П. Погодин в последний день пребывания гостей в Москве: «Мы ничего не хотим, ничего нам не надо: ни земли, ни людей. Земли – мы можем поместить у себя хоть две Европы, людей – нас уже больше 70 миллионов, к которым всякий год прибавляется по миллиону. Нам ничего не нужно от вас, кроме любви» [45].

Данилевский в книге «Россия и Европа» изложил свое видение проблемы, свою конкретную программу ее решения. Прежде всего, он выразил решительное несогласие с теми, кто привносил в понятие «панславизм» исключительно негативный смысл и кто старался ограничить «славянскую взаимность» рамками культурного и научного общения.

Данилевскому и его сторонникам казалось, что в истолковании термина «панславизм» с особой наглядностью проявлялся двойной стандарт западноевропейских держав при оценке политики России, поведения славянских народов и своей собственной политики. Пангерманизм, от которого и возникла панславистская идея в славянских землях, так же как и интеграционные процессы в Италии и в других западных странах, например в Испании, не встречали ни столь единодушного осуждения, ни тем более такой жгучей ненависти всех западноевропейских держав, как панславизм. В Западной Европе, по прозорливому наблюдению Данилевского, уже тогда проявлялись признаки ее будущей интеграции в единый надгосударственный организм. Но даже заикнуться об объединении в любой форме родственных славянских народов, включая Россию, значило подвергнуться нападкам не только европейской прессы, но и дипломатов, некоторых общественных деятелей, ученых ведущих стран Западной Европы. Под влиянием европейского «общественного мнения» и всегда разделявшей его российской прозападной либеральной прессы обвинение в панславизме стало равносильным обличению в тяжком грехе.

Данилевский решительно воспротивился зарождающейся боязни быть обвиненным в панславизме: «как будто честный русский человек, понимающий смысл и значение слов, им произносимых, может не быть панславистом, т. е. может не стремиться всеми силами души своей к свержению всякого ига с его славянских братий, к соединению их в одно целое, руководимое одними славянскими интересами...» (С. 249). Здесь действовала та же логика, которой пользовались славянофилы, защищая свою позицию. Славянин, не любящий славянство (т.е. не славянофил), так же противоестественен, как немец, не любящий немцев (т.е. не германофил), англичанин, не любящий англичан (т.е. не англофил), француз, не любящий французов (т.е. не французофил). Между немцами, англичанами, французами такие люди воспринимаются как уродливые исключения. У нас – наоборот: славяне, любящие славян, подвергаются обструкции и со стороны правительственных верхов, и со стороны либеральной и радикально-демократической прессы.

Всем содержанием своей книги Данилевский показал, что панславизм в России никогда не был системой правительственной политики, скорее всего наоборот – она была антипанславистской. По крайней мере – на протяжении всей жизни Данилевского. Действительно, хорошо известно резко отрицательное отношение Николая I к панславизму [46]. О весьма сдержанном отношении к нему и дистанцировании от него во внешней политике Александра II говорилось выше. Что касается Александра III, то его отношение ко всем странам вообще выражалось с достаточной определенностью в его знаменитой формуле: у России есть только два верных союзника – ее армия и ее флот. Будучи наследником, он выражал неудовлетворенность Берлинским трактатом 1878 года, но в то же время не солидаризировался по традиции «немецкого самодержавия» Романовых со всеславянским движением за единство. А. А. Киреев в своем дневнике записал 22 февраля 1879 года, что це-

саревич «не особенно сочувственно относится к Славянскому комитету», что «все это называет славянщиной» [47].

Многие дореволюционные исследователи объясняли дистанцирование российского самодержавия от панславизма, т. е. от идей единения славянского мира, включая Россию, все той же причиной – его немецкими родственными связями, которые не позволяли ему из-за славян портить отношения не только с Австрией, Пруссией (позже – с Германией), но и с ведущими европейскими державами. Причем на эту причину указывали в переписке или намекали в российской прессе не только единомышленники Данилевского, но и его антиподы, например тот же А. Н. Пыпин – сторонник приобщения России к европейской цивилизации. В упоминаемом труде он отмечал, что в отличие от Петра I, который налаживал контакты с западными славянами, открывал «связи с Чёрной Горой» и задумывал «широкие планы будущего», его преемники отступили от его панславистских идей [48]. В другом месте, вспоминая, что во второй четверти XIX века чехи считали российскую политику «не славянской» и даже «немецкой», Пыпин соглашается: «Внутренняя политика этого периода не была благоприятна для панславистических идей, проявлявшихся в России: это уже совершенно известно» [49].

В то время, когда Данилевский работал над своей книгой, зерна панславизма, посеянные на российской почве западными и южными славянами, только начали давать свои первые всходы. И разумеется, вовсе не под покровительством правительства, а скорее испытывая все тяготы оппозиционности к его внешнеполитическому курсу. Причем в осознанной форме панславизм проявлялся лишь в небольших по численности группах образованных слоев российского общества. Временами, правда, его идеями, а скорее – настроениями, стихийно воспламенялись массы простого народа, как это было в дни Славянского съезда или в преддверии и в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Но в тех и других случаях он

проявлялся лишь на уровне осознания родственности славянских народов, общности их интересов, необходимости тесных связей. В России «панславизм» заявлял о себе также благотворительной и просветительной деятельностью Славянских комитетов.

Но именно после того, как идеи панславизма стали распространяться в России, Запад начал против него массированную пропагандистскую кампанию, запугивая западных и южных славян угрозой поглощения их могучим восточным «варваром». И это в то время как эти славяне на самом деле поглощались немцами, австрийцами, итальянцами, мадьярами. И уже тогда не только Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский, И. С. Аксаков понимали, что запугивание славянских и неславянских народов жупелом панславизма – это всего лишь прием, помогающий Западу разделять славян и Россию, продлевать свое господство в славянских землях. Тот же А. Н. Пыпин констатировал в своей работе, что «опасности панславизма», о которых трубят в Европе, – это «только политическая уловка, за которой скрывается просто вражда к России», что с помощью этого запугивания «балканское славянство осуждалось и осуждается на рабство», что вопреки «народным желаниям и всякой справедливости» Босния и Герцеговина отданы Австрии [50].

Исходя из этих обстоятельств Данилевский посчитал, что в российском обществе, да и среди других славян, уровень осознания опасности, исходящей от Западной Европы, для славянского мира, для его судьбы слишком низок. Во всяком случае, высказанные делегатами Славянского съезда благие пожелания о «славянской взаимности», о налаживании ради нее научных и культурных контактов, как ему казалось, не избавляли славянский мир от угрозы окончательной утраты самостоятельного развития как особого культурно-исторического типа. Он решительно предложил избавиться от ложного стыда в употреблении термина «панславизм» и провозгласил, что «бо-

роться с соединенной Европой может только соединенное Славянство» (С. 360).

И надо сказать, что после появления книги Данилевского в русской публицистике и тем более в славяноведении бранный оттенок при употреблении термина «панславизм» почти исчез. Даже либерал А. Н. Пыпин употребляет его в своей книге без иронии и кавычек, как термин, обозначающий явление, вполне закономерное. Более того, он пришел к выводу, что для славян «панславизм – в той или иной форме международной солидарности – есть единственное обеспечение их сохранения и будущего развития» [51].

То, что не смогли сделать делегаты Славянского съезда, лишенные возможности говорить конкретно о политических формах «славянской взаимности», сделал Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа». Через два года после съезда он, таким образом, представил конкретный план действий, согласно которому будущее славянское единение приобретало реальные очертания *славянской федерации.* Сама по себе идея славянской федерации была не нова. Она вынашивалась и в славянских землях, и в России. Но это была только идея. Планы ее реализации были неопределенными, туманными и часто утопичными. В России эта идея выражалась главным образом леворадикальной общественной мыслью в нелегальном ее обитании. Декабристское «Общество соединенных славян» (1823–1825) ставило своей задачей создание республиканско-демократической федерации славянских народов. В той или иной степени панславистским идеям построения в будущем славянской федерации, но на демократических и социалистических началах, не был чужд А. И. Герцен. Идеи анархистско-республиканской федерации всех славянских земель вынашивал М. А. Бакунин. Идея демократической федерации славянских народов развивалась в «Кирилло-Мефодиевском обществе» (1846–1847).

Панславизм Данилевского был, разумеется, иным. В «легальном» русском панславизме середины XIX века полного единодушия не было. Одни в большей степени придерживались государственно-монархической ориентации (М. П. Погодин, М. Н. Катков), другие следовали в значительной степени православно-мессианскому принципу (А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин), третьи развивали свои панславистские взгляды под флагом умеренного политического либерализма (А. Н. Пыпин). В панславизме Н. Я. Данилевского можно обнаружить и первое, и второе, и третье, но отнюдь не в равной степени. Православно-мессианский компонент был выражен слабо и почти незаметен. Модель славянской федерации Н. Я. Данилевский строил с позиций консерватора-государственника, склонного, по безусловно верному наблюдению К. Н. Леонтьева, к колебаниям в сторону либерализма. При этом, исходя из своей теории культурно-исторических типов, он был озабочен лишь одной мыслью: предложить такой оптимальный вариант объединения славянского мира, который помог бы ему устоять в противоборстве с агрессивным Западом и превратиться в самостоятельный культурно-исторический тип со своей особой цивилизацией.

И такой вариант Данилевский увидел в федерации, которая, в зависимости от степени внешней опасности, могла бы принимать «форму союзного государства, союза государств или просто политической системы» (С. 191). Дело в том, что Данилевский с самого начала обоснования своей теории исходил из предпосылки, что культурно-исторический тип тем богаче в результатах своего развития, чем разнообразнее родственные этнические группы, входящие в его состав, и, естественно, чем бережнее сохраняется это разнообразие в культурно-историческом единстве (С. 326). Для Данилевского это условие кажется настолько принципиально важным, что он позволяет себе выразить несогласие с боготворимым им Пушкиным – со строчками его стихотворения «Клеветникам Рос-

сии», которые часто цитировали славянофилы. Он пишет, что «для величия и культурного значения семьи славянских народов нужно, чтобы образ Славянского мира представлялся не в виде слияния славянских ручьев с русским морем, по выражению Пушкина, а в виде обширного океана с самобытными, хотя и соединенными и соподчиненными, частями, т. е. морями и глубокими заливами» (С. 329). По убеждению Данилевского, только федерация дает возможность сохранить и развить самобытность каждого из славянских народов в случае их объединения.

Данилевский категорически против какого-либо насилия в процессе создания славянской федерации. Он подчеркивает, что включенные насильно в состав федерации народы лишь ослабили бы ее, подорвали бы ее способность защищаться от внешней угрозы. Так, включенный в федерацию польский и мадьярский элемент путем принуждения, по расчетам Данилевского, резко ослабил бы обороноспособность России. Он оперирует для убедительности даже цифрами: «Ежели бы Россия, нарушением внутренней самостоятельности государств и народов союза, успела привести их в свое подданство, – в какой бы то ни было форме, – она приобрела бы сорок миллионов враждебных подданных, что, по принятому наспех расчету, уменьшило бы ее свободные активные силы до тридцати миллионов. При огромности ее азиатских границ, требующих сильного охранения, на Кавказе, в Средней Азии и на прочих окраинах едва ли бы оставалось ей более двадцати миллионов населения для противопоставления Европе» (С. 348).

Данилевский проявил тут не только свои либеральные наклонности или свой прагматизм, но и явное стремление дистанцироваться от методов Бисмарка при объединении Германии. Его позиция по этому вопросу вполне могла вдохновить Ф. М. Тютчева на написание осенью 1870 года известного стихотворения «Два единства», в котором поэт заявил:

«Единство, возвестил оракул наших дней,
Быть может спаяно железом лишь и кровью...
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...» [52].

При всем том, для данного исторического этапа Данилевский считает наиболее подходящим «гегемонистский тип» славянской федерации (С. 363), и в роли гегемона видит только Россию. В этом он усматривает гарантию, во-первых, внешней безопасности славянского мира, а во-вторых, внутреннего политического равновесия в нем (С. 353). Право на гегемонию, по мнению Данилевского, России дает то, что «только одна она между славянскими государствами сумела, при самых неблагоприятных обстоятельствах, не только сохранить свою самостоятельность, но объединить почти весь русский народ и образовать могущественнейшее в мире государство» (С. 327). У этого государства вместе с народами Всеславянского союза, подчеркивает Данилевский, хватило бы сил на то, «чтобы и волос не смел упасть с главы славянской» (С. 309).

Данилевский хорошо знал реальности славянского мира, не закрывал глаза на то, что «распри разделяют его» (С. 367), что в нем идет борьба мелких этнических честолюбий. Но он был убежден, что «не только специально-чешское или специально-сербское честолюбие, но даже и специально-русское честолюбие должно при тесной федерации славянских народов поглотиться одним – всеславянским честолюбием» (С. 329). В роли гегемона Россия будет стабилизировать политическое равновесие в федерации, но при одном важном условии: «...нужно только, чтобы второстепенные члены союза были достаточно сильны, чтобы охранять свою внутреннюю самостоятельность, чтобы не расплываться в ничтожестве крайнего раздробления, чтобы иметь сознание своего деятельного влияния в общем ходе союзных дел» (С. 329). Данилевский высказывает пожелание, чтобы во всеславянскую федерацию славянские

народы вошли не мелкими дробными этническими государственными образованиями, а крупными государствами, состоящими из особенно близких этнически народов. По тогдашним реалиям это могли быть, по его мнению, два королевства: Чехо-Мораво-Словацкое и Сербо-Хорвато-Словенское (С. 330).

Гегемонистскую роль России в славянской федерации Данилевский видел в основном лишь в обеспечении ее внешней безопасности и полной независимости. Что касается внутренних дел, то, по его представлению, гегемонистская роль России должна быть минимальной и проявляться весьма деликатно. Во всяком случае, должно быть гарантировано «невмешательство во внутренние дела своих союзников и беспристрастное примирительное влияние на взаимные отношения их между собой в их спорах, притязаниях и честолюбивых поползновениях» (С. 347). Он предполагал также, что члены федерации будут обладать такой же высокой степенью автономности, как Финляндия: у них будет отдельное войско, отдельная денежная, торговая и финансовая система, отдельная почта, своя конституция и парламент (С. 346).

Данилевский считал, что, если после некоторого, даже короткого времени, положение Славянской федерации укрепится, а враждебность Европы к ней прекратится, вполне возможно будет превращение тесного славянского федеративного союза «в политическую систему государств одного культурного типа» (С. 364). Это еще раз подтверждает тот факт, что основное назначение федерации Данилевский видел в выполнении ею внешнеполитической, оборонной функции, в создании условий для сохранения культурно-исторической самобытности славянского мира. «Владея только тем, что по праву ему принадлежит, – пишет Данилевский о всеславянском союзе, – никому не угрожая и не боясь никаких угроз, он мог бы противостоять всем бурям и невзгодам и спокойно идти путем самобытного развития, в полноте своих народных сил и при самом счастливом взаимодействии разнообразных родственных сти-

хий, его составляющих, образуя соответственно своему этнографическому составу, религиозному просвещению и историческому воспитанию особый культурно-исторический тип, укрепленный долголетнею борьбою против враждебных внешних сил, держащих в настоящее время народы его в разъединении, борьбою, без которой он не может установиться» (С. 330–331).

В связи с вопросом о Славянской федерации как оптимальной форме единения славян Данилевский выдвинул проблему Константинополя и уделил ей довольно значительное место в книге. На наш взгляд, это еще одна из двух проблем (первая – отношение к США) в книге, постановка которых была продиктована происшедшими при жизни Данилевского важнейшими политическими событиями. Несколько гиперболизированный разговор о Константинополе – это его реакция на потрясшее Россию до основания поражение в Крымской войне. Данилевский понимает, что Россия потерпела поражение не только потому, что она вынуждена была отражать агрессию объединенных сил почти всей Европы. Он упоминает в ряду причин поражения и техническую отсталость России – отсутствие у нее пароходного военного флота, сети железных дорог. Но владей Россия Константинополем, а значит, контролем над проливами, военное положение всего юга страны было бы совершенно другим. Мало того, особенно усилилась бы безопасность всех южных славян Балканского полуострова. Поэтому, считает он, было бы справедливо, если бы Константинополь перешел к России по праву, принадлежащему ей как наследнице византийского православия. Но не для того, чтобы переместить в него столицу Российской Империи, а чтобы создать там духовный центр славянского мира.

Обычно леворадикальные критики в России и некоторые зарубежные исследователи творчества Данилевского усматривают в рассуждениях его о «Царьграде» доказательство его империалистических наклонностей. Но при этом, как правило,

замалчивается та система аргументов, которой обосновывал свои соображения по этому вопросу Данилевский и которой, собственно, руководствовалась русская дипломатия на протяжении многих веков, начиная с княжеских времен и кончая эпохой Милюкова – «Дарданельского». Замалчивается и тот факт, что концепцию Данилевского некоторые деятели и мыслители в России оспаривали как слишком либеральную. И среди них был не кто иной, как Ф. М. Достоевский, – выходит, еще больший «империалист». Разногласия между ними предопределялись различиями в истолковании сути Восточного вопроса. Для Данилевского истоки этого вопроса коренятся в противостоянии Германо-Романского и Греко-славянского миров, в результате которого славяне оставались в подневольном положении в течение нескольких веков. Поэтому решение Восточного вопроса, по выражению Данилевского, «может быть выражено весьма краткою формулою: *независимость и единство славянства»* [53]. Для Достоевского суть Восточного вопроса предопределяется православно-мессианской идеей. «Ибо что такое Восточный вопрос? – спрашивает он и тут же сам отвечает: – Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России» [54].

Осенью 1877 года Н. Я. Данилевский выступил в газете «Русский мир» с серией статей о начавшейся русско-турецкой войне: «О настоящей войне» (№ 207), «Европа и русско-турецкая война» (№ 279), «Проливы» (№№ 289, 290), «Константинополь» (№№ 308, 309). В них он провидчески предостерегал от эйфорических надежд, выражаемых в русской прессе, на то, что война полностью разрешит Восточный вопрос. «Разрешит его целый период борьбы не против Турции только, и борьбы не одним только военным оружием» [55]. Что касается Константинополя, то он продолжал отстаивать ту же точку зрения, которая была выражена им в книге «Россия и Европа»: «...Константинополь не должен быть столицею России, не должен со-

средоточивать в себе ее народной и государственной жизни и, следовательно, не должен и входить в непосредственный состав Русского государства» (С. 326). Константинополь-Царьград должен быть столицею не России, а всего славянства и управляться ими совместно, на представительных началах – таково было резюме Данилевского.

Достоевский, с восторгом встретивший журнальную публикацию книги Данилевского, немного спустя, 9 октября 1870 г., в письме к А. Н. Майкову с сожалением отмечал, что в размышлениях Данилевского о России нет ничего «об исключительно-православном назначении ее для человечества» [56]. Теперь, семь лет спустя, Данилевский дал Достоевскому повод высказать свое несогласие по этому пункту публично. И он высказал его в своем «Дневнике писателя», сначала не называя имени Данилевского (июнь 1876, март 1877), а затем в открытой полемике с его мнением по указанному вопросу. Правда, полемикой это назвать можно лишь условно. Это всего лишь несогласие, высказанное в весьма деликатной форме с существенными комплиментарными оговорками. «Николай Яковлевич Данилевский, написавший восемь лет тому назад превосходную книгу “Россия и Европа”, в которой есть лишь одна неясная и нетвердая глава, именно о будущей судьбе Константинополя, напечатал недавно в газете “Русский мир” ряд статей о том же самом предмете», – так в высшей степени уважительно к Данилевскому начинает Достоевский свое объяснение с читателями по данному вопросу. Исходная позиция Достоевского в этом споре такова: Россия – единственная покровительница православия и народов, его исповедующих; ее назначение в том, чтобы взамен «упадшего», извращенного на Западе христианства воскресить там «утраченный образ Христа», который «сохранился во всем свете чистоты своей в православии»; «вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос»; именно это и дает России право на древний

Царьград; Константинополь «должен быть *наш,* завоеван *нами,* русскими, у турок и остаться нашим навеки» [57].

При федеративном управлении Константинополем он послужит лишь камнем раздора между славянами, считает Достоевский. Он допускает участие славян, но по выбору России, а не на федеративной основе. План будущего устройства Константинополя, предлагавшийся Данилевским, вызывает у Достоевского даже подозрение: «Кажется, Н. Я. Данилевский считает, что для самой России будет искусительно и, так сказать, развратительно единоличное владение Константинополем, возбудит в ней дурные завоевательные инстинкты и проч., но, кажется, пора бы наконец уверовать в Россию, особенно после подвига теперешней войны». Совершенно не согласен Достоевский с предложением Данилевского оставить пока (в случае победоносного для России исхода войны) Константинополь за Турцией. Данилевский считал, что, во-первых, Турция будет настолько ослаблена, что овладение ею этим городом уже не будет опасным для России, а во-вторых, заменить ее на берегах Босфора и Дарданелл живым и здоровым организмом пока невозможно. Тут Достоевский даже возмутился: «Это Россия-то не здоровый и даже не живой еще организм, которым нельзя даже сметь заменить в столице православия гнилье турок?»

Данилевский проявил в очередной раз политическую дальновидность, заявив, что занятие Константинополя русскими «встретит самое решительное сопротивление со стороны большинства европейских держав» [58]. Достоевский и тут не согласился с Данилевским, предсказывая другой вариант поведения европейских держав. Но прав оказался в этом случае все-таки Данилевский. Многие пророчества Достоевского со временем сбывались, политические же предсказания и расчеты на близкие временные расстояния – далеко не всегда.

Вопрос о роли и месте России в будущей славянской федерации был одним из самых сложных. Данилевский мог лишь

пунктиром наметить один из вариантов его решения. Все его расчеты были связаны с надеждой, что центростремительные процессы к объединению вокруг России в славянском мире со временем возобладают. Поскольку он допускал только добровольный характер процесса воссоединения славян в федерацию, Россия как ядро этого новообразования должна была обладать необходимой притягательной силой. Данилевский хорошо понимает это и для обозначения этой притягательной силы он употребляет в своей книге слово «магнит» (С. 297). Он показывает в разных местах книги и составные части этого «магнита». Кроме чувства племенного родства, это прежде всего – экономическое и военное могущество России. Это также уровень благосостояния ее граждан. Царящий в ней гражданский мир. Достижения России в области науки и искусства. Это, наконец, могучий потенциал экономических, природных, интеллектуальных ресурсов ее будущего развития. Т. е. в той или иной степени этот «магнит», как считал Данилевский и его единомышленники, в лице России уже существует для славянского мира.

Но так не думали панслависты-либералы. Их взгляды по этому вопросу, насколько позволяли цензурные условия, нашли выражение в упомянутой книге А. Н. Пыпина «Панславизм в прошлом и настоящем». Как уже отмечалось, Пыпин был решительным сторонником панславистской идеи и даже указывал на опасность промедления в ее осуществлении: «Славянство может опоздать с союзом, и он останется в виде membra disjecta (разорванных частей. – *Б. Б.)* с сомнительной способностью противодействовать организованным чужим влияниям и вмешательствам» [59]. Вместе с тем, он указывал и на ряд объективных трудностей на пути к союзу, в том числе и на те, которые ослабляли притягательную силу российского «магнита». Подавляющее большинство их отмечалось панславистами всех оттенков и направлений, но на одной акцентировали внимание лишь либералы. Имея в виду Россию и славян

Австро-Венгрии, Пыпин указывает, что плохо совместимы, с одной стороны, «неуклонная абсолютная монархия», а с другой – «привычка к (худой или хорошей) конституционной жизни». Пыпин предсказывает полную проясненность и успех панславистских взглядов лишь тогда, «когда наши общественные силы будут иметь прочное развитие, дозволяющее на них опереться. Только тогда мы будем в состоянии говорить с правом о нашем значении для панславянского союза и единства» [60]. Автор почти открыто выражает пожелание, чтобы выравнивание в общественно-политическом устройстве славян шло в сторону конституционализма, которым в урезанном виде пользовались чехи и словаки, сербы и хорваты и даже – на территории Российской Империи– финны и поляки, но не русский народ.

Уступки Данилевского либералам по этому вопросу проявлялись лишь в одном: выступая сторонником монархизма как предопределенного в России ее историческим путем строя, он доказывал, что различия в государственном устройстве славянских народов не могут быть помехой их дружбе и союзу в виде федерации. В пример он приводил статус Финляндии и Польши, дружеские и даже союзнические в 60-е годы отношения России с Соединенными Штатами Америки.

Но особенно болезненной, мешавшей полному доверию западных славян к России, была проблема русско-польских отношений. Она резко обострилась как раз в период работы Данилевского над своей книгой – после восстания 1863–1864 годов. Данилевский занял по этому вопросу позицию, близкую к официальной, которую, кстати, разделяли в то время не только официальные лица, проправительственные органы печати и представители консервативно-охранительной общественной мысли, но и многие умеренные либералы. Те, кто был не согласен с этой позицией, вынуждены были по цензурным соображениям протестовать умолчанием, и лишь А. И. Герцен в сво-

ем «Колоколе» возвысил свой голос в защиту восставших поляков.

Вышедший в год начала восстания фундаментальный труд С. М. Соловьёва «История падения Польши», до сих пор считающийся уникальным по насыщенности фактическим материалом, создал как бы научное обеспечение общераспространенной в то время интерпретации истоков и предысто́рии польского вопроса. Тезисно эта интерпретация заключалась в следующем. Польша – форпост католицизма на востоке Европы в его самой мрачной догматической форме, внедренной иезуитами. Она является главной базой и орудием разрушения православия в славянском мире, насаждения католического вероучения, или, как нередко выражалась русская печать, – латинства. Подрывная деятельность поляков против русской православной Церкви в самой Польше и в исконно русских землях Австро-Венгрии, агрессивная конфронтация Польши с Россией, ее постоянное посягательство на украинские и белорусские земли всячески поддерживаются державами Западной Европы, ибо это помогает им ослаблять Россию и разобщать славянский мир. Запад (особенно Франция и Англия) холит и лелеет всякое антирусское движение в Польше, основанное на клерикальной или революционно-социалистической платформе. Запад лицемерно обвиняет в разделах Польши Россию, тогда как их инициатором была в значительной мере Пруссия. Польша забывает, что благодаря частичному вхождению в состав России в виде Королевства Польского она спаслась от полного онемечивания. В разжигании вражды к России, в нагнетании русофобии в Польше повинны прежде всего оторванная от народа шляхта и служители католической Церкви – ксендзы.

Прибывшие на упоминавшийся Славянский съезд делегаты из славянских земель были знакомы с содержанием массированной антироссийской пропаганды, развернутой на Западе в связи с подавлением польского восстания. Им были доступ-

ны и антироссийские издания польской революционной эмиграции, базировавшейся в основном во Франции и частично в Англии. На отдельных представителей славянства эта пропаганда, конечно, не могла не оказывать влияния. Под ее воздействие попали, в частности, некоторые представители чешского национального возрождения. Один из его лидеров, Ф. Палацкий, еще в 1848–1849 годах выступил с идеей австропанславизма, пытаясь создать федерацию внутри Австрии из славянских автономий, – о каком-либо всеславянском Союзе с Россией во главе речи не было. Этот замысел приближался к плану Запада создать с центром в Польше западнославянскую федерацию, враждебную России. Замысел Палацкого, основательно раскритикованный в книге Данилевского, вскоре перечеркнула сама жизнь. Тем не менее известно, что из-за двойственности отношения к русско-польскому конфликту Ф. Палацкий и Ф. Ригер перед появлением на съезде совершили поездку в Париж, где вели переговоры с польскими эмигрантскими кругами. А на съезде Ф. Ригер в одной из речей пытался убедить его российских участников в необходимости более компромиссной политики по польскому вопросу. Отвечая ему, В. А. Черкасский заявил, что Польша сама виновата в том, что растеряла свободы, дарованные ей Александром I. Он привел также ряд статистических данных, свидетельствовавших, что Россия заботилась о развитии образования в Польше больше, чем в российских губерниях, что податей в привислинских губерниях взималось только по 4 руб. с жителя, а в России по 6 руб., что крестьяне при проведении реформы в Польше получили землю на более льготных условиях, чем в России. Поэтому, подчеркнул Черкасский, если поляки осознают все это и придут к нам со смиренным раскаянием, им будут «широко раскрыты наши братские объятия». В отчете о съезде после этих слов сказано: «Невозможно описать то впечатление, которое произвела речь высокоуважаемого оратора. Толпы кинулись обнимать его; со всех сторон кричали: спасибо, благода-

рим, благодарим» [61]. Энтузиазм скорее всего был вызван примирительной концовкой речи.

Данилевский под свежим впечатлением от событий, связанных с польским восстанием, и от реакции на польский вопрос на Славянском съезде тоже не обошел его вниманием в своей книге. Его позиция, как всегда, сформулирована достаточно определенно. Подробно осветив историю всех трех разделов Польши, Данилевский показывает, что Россия в результате их только вернула себе принадлежащие ей по праву западнорусские земли, в то время как инициаторы разделов – Австрия и Пруссия – завладели исконно польскими землями. И вот, несмотря на это, отмечает Данилевский, затем последовали два парадокса. Парадокс первый: «Несмотря на все это, негодование Европы обрушилось, однако же, всею своею тяжестью не на действительно виновных – Пруссию и Австрию, а на Россию» (С. 27). Парадокс второй – чтобы задобрить Европу, Польша отказывается от своего «кровного достояния... доставшегося Австрии и Пруссии, лишь бы ей было возвращено то, что она некогда отняла у России; чужое ей милее своего» (С. 28).

Виновником упорной враждебности Польши к России Данилевский также считает не польский народ, а польскую европейничающую интеллигенцию, ее претенциозную, самовлюбленную, антинародную аристократию – шляхту и ксендзов. В них он видит искажение славянского культурно-исторического типа. Он поясняет: «Оно – не в польском народе, не в специально польских качествах ума, чувства и воли, в которых мы найдем много драгоценного, много сочувственного; укажем, в этом отношении, на трех поляков – представителей этих трех сторон человеческого духа: Коперника, Мицкевича и Костюшко. Искажение это заключается в так называемой польской интеллигенции, и именно в трех сторонах ее: католическо-ксендзовской, аристократическо-шляхетской и демократически-революционной» (С. 333).

Важно отметить, что речь у Данилевского идет не обо всей польской интеллигенции, а именно о «так называемой», под которой он разумеет интеллигенцию, лишенную поистине национально-польского, а следовательно – славянского самосознания, интеллигенцию европейничающую. При этом он делает чрезвычайно важное пояснение. Европейские явления, которым бездумно подражает интеллигенция, не бывают дурны сами по себе, но, пересаженные на чужую почву, они превращаются в уродство. Так в результате неумного подражательства мечтающий стать «настоящим европейцем» поляк становится «искаженным и обезображенным славянином» (С. 335). Только это одно, подчеркивает Данилевский, должно быть нам ненавистно в поляке. И тут же напоминает об этом ненавистном ему явлении и в русской интеллигенции.

В результате размышлений по польскому вопросу Данилевский еще раз подчеркивает, что взаимоотношения России и Польши вполне могут измениться коренным образом и судьба Польши может стать счастливой: «Но эта счастливая судьба может открыться для Польши и поляков не иначе как при посредстве Всеславянской федерации» (С. 335).

Польский вопрос наводит на другую важную проблему, затруднявшую дело «славянской взаимности» вообще, а тем более создание славянской федерации. Речь идет о межрелигиозных отношениях в славянском мире, о его поликонфессиональности, о наличии в нем противостояния двух главных, наиболее влиятельных христианских религий – православия и католицизма. О критике католицизма Данилевским уже говорилось. Попытка В. С. Соловьёва указать на преимущества католического вероисповедания и повенчать русское православие с католицизмом вызвала лишь обратный эффект. Критика католицизма лишь усилилась не только со стороны иерархов русской православной Церкви, профессоров богословия, но и со стороны деятелей русской культуры. Снова и снова напоминались вехи истории христианства: первичность православия,

разделение Церквей в 1054 г., грех которого падал на католицизм, изменивший первоначальным христианским догматам и провозгласивший римских пап наместниками Бога на земле и их непогрешимость, приравнявший их суждения к Священному Писанию. Воскрешались кровавые страницы насильственного распространения папским престолом христианства огнем и мечом – походами рыцарских орденов, кострами инквизиторов, кинжалами и ядами иезуитов, истреблением конкистадорами целых народов. Указывалось на кощунственный характер отпущения грехов католикам продажей индульгенций, породившего легкомысленное отношение к разного рода прегрешениям, в том числе и тяжким.

Русская философско-богословская мысль уже тогда отмечала связь между католицизмом и насильственностью Запада в межгосударственных и в межличностных отношениях. Как бы ни расширять аллегорический смысл легенды о Великом инквизиторе Достоевского, все же нельзя не видеть, что в основе ее лежит изначально отрицательное отношение гениального художника к католицизму, которое неоднократно он и прямо высказывал в своей публицистике. В «Дневнике писателя за 1877 год» (ноябрь) он, в частности, писал: «Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество и бывшее, таким образом, главнейшей причиной материализма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упадшего христианского в ней начала по мере извращения и утраты его в самой Церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии» [62].

Такой подход к католицизму исповедовали почти все участники Славянского съезда с российской стороны. И некоторые из них, вероятно, испытали немалое смущение, узнав, что

из 80 зарубежных славян, прибывших на съезд, лишь немногим более десятка являются православными. Более того, католиками оказались самые именитые гости – чехи Ф. Палацкий, Ф. Ригер, словенец М. Маяр, сербы М. Полит, И. Субботич. Католиками были и основоположники панславизма в славянских землях, имена которых не раз вспоминали на съезде, – чех Й. Добровский, словаки Я. Коллар и Л. Штур.

Это обстоятельство, однако, никак не могло смутить Н. Я. Данилевского, который, кстати, называет Я. Коллара и Л. Штура в ряду «знаменитых славянских имен», давно высказывавших мысль о необходимости объединения славян. Данилевский начисто исключил вероисповедный принцип из условий формирования будущей славянской федерации. Критикуя католическую Церковь за насильственный прозелитизм, он никогда ни одной строчкой не призывал понуждать католиков к переходу в православие на территории Российской Империи. Тем более не мог он этого предлагать для будущей славянской федерации.

Вопрос о трудностях в отношениях славян между собой, в их отношении к России из-за их разделенности на православных и католиков на Славянском съезде дипломатично был обойден молчанием, хотя Ф. Палацкий и напомнил о роковой роли религиозной розни в славянском мире [63]. Но в реальной жизни этот вопрос постоянно заявлял о себе и, несмотря на свою сложность, требовал разрешения со всей остротой и неотложностью, когда заходила речь об объединении славян в федерацию. Среди сторонников славянского единения в России было немало таких, суждения которых о католицизме, о славянах-католиках допускали возможность объединения в федерацию только с православными славянами, т. е. фактически только с болгарами и сербами. Добрая половина славян вне России, таким образом, оставалась бы за бортом этой федерации, и Запад мог бы без особого труда объединить их вокруг Польши в антирусскую коалицию, составить еще одну, но про-

западную славянскую федерацию. Ничего подобного не предполагал план Данилевского, в котором предусматривалось место и для католической Польши. А единомышленник Данилевского Ф. И. Тютчев даже писал:

«Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожделенный водворится,
Как с Русью Польша помирится...» [64].

Зарубежные славяне нередко высказывали сторонникам панславизма в России свое удивление слишком большим их вниманием к вопросам религии, когда, как им казалось, речь идет о более важном – о выживании славян. Обычный при этом аргумент: в славянском мире распри в гораздо большей степени возникают на почве политических и территориальных притязаний, чем из-за религиозных разногласий, тем более – в обстановке все большей веротерпимости, нарастающей апатии к религии или даже атеизма.

По этому поводу даже возникла публичная полемика между анонимным представителем зарубежных славян, укрывшимся под псевдонимом «Заграничный славянин», и русским православным панславистом А. А. Киреевым (1833–1910), историком и публицистом, с 1877 по 1890 гг. – генерал-адъютантом Великого Князя Константина Николаевича, тоже сторонника панславизма [65]. Полемика эта помогает выявить характер и степень противоречий между русскими православными панславистами и западнославянскими неправославными панславистами. Поводом к ней послужила статья А. А. Киреева «Сближение славян», опубликованная в журнале «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» в № 5–6 за 1885 год, в которой автор писал о пагубном влиянии на славянский мир насаждаемого в нем папскими

миссионерами католицизма, а также идей западноевропейского парламентаризма. В ответ на нее «Заграничный славянин» прислал статью «Сближение славян», опубликованную с предисловием редакции в том же журнале в № 7–8 за 1886 г. (редактором журнала в это время был К. Н. Бестужев-Рюмин). В том же номере был напечатан «Ответ “Заграничному славянину”» А. А. Киреева. Оба автора оговаривались, что не могут в полной мере выразить свои взгляды по независящим от них обстоятельствам. «Заграничный славянин» сообщает, что публиковать корреспонденции из России в славянских газетах Австро-Венгрии и давать на них отклики не представляется возможным из-за надзора «прокурорской строгой цензуры» [66]. Киреев в свою очередь разъясняет, что «Известия» не могут выходить за рамки утвержденного правительством Устава Славянского благотворительного общества и поэтому авторы журнала находятся в несравненно менее выгодных условиях, нежели наши заграничные враги и конкуренты, беспрепятственно преследующие свои политические цели [67]. Однако на страницах «Известий», кажется, оба автора в достаточно полной мере высказали свои убеждения.

Прежде всего, что очень существенно, «Заграничный славянин» отделяет «программу Данилевского» по славянскому вопросу от взглядов Киреева и полностью одобряет ее. По его мнению, она могла бы устранить все споры между русскими и зарубежными славянами. Он особо подчеркивает свое полное согласие с утверждением Данилевского, что Европа ненавидит славян, ибо смотрит на них как на низшую расу, что она сочувствует самоедам больше, чем русским и славянам, что сближению славян препятствует вся Европа, что сами славяне помогают ей в этом своими распрями. Призывая, как и Данилевский, к терпению в решении вопроса о славянском единении, он напоминает, что Италии для объединения, о необходимости которого писал еще Данте, понадобилось 500 лет. «Заграничный

ный славянин» сообщил также, что книга Данилевского «Россия и Европа» пользуется большим спросом в славянских землях, что ее читали бы здесь «с большим удовольствием», но ее нет в продаже. «Я знаю, – пишет он, – как один генерал-губернатор и некоторые писатели и политики за большие деньги желали иметь книгу Данилевского и как трудно было ее получить!» [68].

«Заграничный славянин» обвинил Россию, ее правительственные органы, благотворительные организации, ученых, журналистов, издателей в чрезвычайно низкой активности просветительной деятельности среди славян, в незнании их жизни, быта, культуры. И это в то время, как Запад не жалеет денег ни на просветительную, ни на религиозную миссионерскую работу среди славян, настраивая их одновременно в духе вражды к России. Ему кажется, что и Россия из своих 800 миллионов рублей годового дохода могла бы ежегодно выделять на помощь славянам 50–70 тысяч рублей. По его подсчетам, этой суммы вполне хватало бы, чтобы Россия могла открыть в Стамбуле колледж для южных славян, – пока они учатся в существующем там американском протестантском колледже. Из этой же суммы Россия могла бы выделять стипендии для славян, которые желают обучаться разным специальностям в России, хотя бы для 2-4 представителей каждой славянской национальности. «Заграничный славянин» предложил российским издательствам посылать новую научную литературу для славянских библиотек. Автор, в частности, очень просил прислать 100 экземпляров книги С. М. Соловьёва «История падения Польши», т. к. среди славян по польскому вопросу распространялась только западная литература русофобского характера. А редакциям газет и журналов он предлагал присылать экземпляры своих периодических изданий. Он сожалеет, что русские ученые не участвуют в славянских конгрессах, скупщинах и праздниках, тогда как немцы и итальянцы участвуют регуляр-

но; что русские газеты не имеют в славянских землях постоянных корреспондентов и не освещают жизнь славян, что в русских школьных учебниках по географии и истории (в том числе и у Д. И. Иловайского) ничего не говорится о славянах.

Но самое важное место в статье «Заграничного славянина» занял вопрос о роли религии, о соотношении ее с политикой в деле славянского единения. Ему кажется неоправданно гипертрофированным внимание, которое уделяют русские авторы религии при обсуждении славянского вопроса. Разрешать церковные, вероисповедные вопросы, считает он, это дело не публицистов, а Синода и церковных соборов. В Чехии, сообщает «Заграничный славянин» (автор, вероятно, и был чехом), такое внимание к религиозным вопросам наблюдалось только во времена Гуса, Лютера и 30-летней войны, а сейчас миряне «даже не читают церковных журналов, издаваемых на их языке». Среди зарубежных славян «господствует полная веротерпимость», отмечает автор, и религия выдвигается лишь как вспомогательная сила в борьбе за национальную независимость. В России, которая давно имеет независимость, это трудно понять, считает автор. Но для других славян это самая важная задача и самая первостепенная. Прежде надо обрести независимость, свою государственность, а потом решать вопросы религии, – эту мысль автор формулирует довольно образно: «Прежде надо иметь ребенка, а потом будем его крестить» [69]. Заметим, кстати, что даже в своих междоусобных распрях славяне, как свидетельствовали современники, в то время действительно выдвигали на первый план не межконфессиональные расхождения, а межнациональные претензии. В ноябре 1885 года будущий известный профессор славяноведения П. А. Кулаковский на основе своих визуальных наблюдений писал К. Н. Бестужеву-Рюмину: «Что касается католицизма, проводимого Австрией на юге славянского мира, то следует иметь в виду, что сами сербы, да и болгары, особенно мало-мальски образованные, даже духовенство их, замечательно индифферент-

ны в отношении к православию. Весь вопрос сводится к национальности: таков, напр., характер борьбы между сербами и хорватами» [70].

Ответ А. А. Киреева «Заграничному славянину» был не очень убедительным, местами противоречивым и невразумительным и проблему, очень острую для славянского мира, так и не разрешил. Единственное, что прозвучало вполне отчетливо в его ответе – это бескомпромиссный тезис: «мы – во-первых, сыны православной Церкви, а затем уже русские и славяне».

Но «Заграничный славянин» ставил вопрос о том, что под флагом борьбы за православие, путем обличений католицизма и, вообще, выдвигая на первый план религиозный вопрос, славянскую федерацию не создашь. Вроде бы Киреев от этого вопроса не уходил. Более того, он даже процитировал и другие письма из славянских земель, авторы которых с возмущением отвергали его позицию. Они, например, писали: «Что вы за сторонник соединения славян, когда вы не хотите пожертвовать для этой высокой цели вашей узкой православностью! Время ли толковать о каком-нибудь filioque, когда австровенгр штурмует нашу народность и хочет ее уничтожить?!» А в другом письме, задав тот же вопрос: «Время ли?», – автор пояснял: «когда атеист-биржевик штурмует нашу Церковь и хочет ее уничтожить!» [71].

Но по аналогии со своей позицией: «сперва православный, а потом русский» – Киреев дает совет: всем «заграничным славянам» поставить на первое место каждому свою индивидуальную духовную свободу и независимость, а «освобождение от ига иноземца» всей нации – на второе. Подобное утешение в адрес «Заграничного славянина», высказанное Киреевым в конце его «Ответа», вряд ли могло удовлетворить кого-нибудь из зарубежных славян. Киреев вынужден был примирительно заключить: «Как бы ни устроились наши отношения к православной и славянской федерации, мы понимаем, что народам,

вступающим (конечно, лишь добровольно) в такую федерацию, нисколько не нужно отказываться от своего прошлого, от своей многовековой истории...» [72]. Но за какую федерацию, в конце концов, Киреев: за православную славянскую (скорее всего!) или просто за славянскую, – осталось не проясненным. В глазах читателя в этом споре вероятней всего выиграл Данилевский, позицию которого подробно и с полным одобрением изложил «Заграничный славянин».

Были и другие проблемы, отдалявшие славян от России и Россию от славян. Это прежде всего прозападная ориентация российских властей, дипломатического ведомства, о чем частично уже говорилось. Сдача славянских позиций российской дипломатией вызывала среди славян недоумение, растерянность, а иногда просто шок. Именно шоковое состояние пережили сербы, когда по условиям Берлинского конгресса Босния и Герцеговина были переданы Австро-Венгрии, а некоторые русские либеральные прозападнические газеты стали их утешать тем, что австрийцы – не турки, принесут им благо европейской цивилизации. Один из деятелей сербского национального возрождения М. Деспотович писал в связи с этим А. А. Майкову, правильно оценивавшему случившееся и сочувствовавшему сербам: «К величайшему нашему несчастью, мы мало встречаем людей, управляющих судьбами славянства, которые бы смотрели на Боснию и Герцеговину такими глазами, как Вы смотрите. А напротив, часто меня самого уверяли, что это есть благодеяние для славян, что [когда] Австро-Венгрия займет Боснию и Герцеговину, она введет цивилизацию, даст возможность тому народу поправиться, построить дороги и прочее» [73].

С другой стороны, некоторые российские официальные лица, в том числе и дипломаты, со своей стороны выражали сомнения в искренности проявляемых славянами чувств дружбы, подозревали их в политической игре, в политическом эгоизме и расчетах получить поддержку России лишь для обрете-

ния независимости. Эти настроения всячески подогревала пресса либералов-западников. Особенно они усилились, уже как бы и не без оснований, после того, как посаженный по решению Берлинского конгресса на престол «независимой» Болгарии князь Баттенберг превратил эту страну в опорную базу австро-германского влияния на Балканах. На многих сторонников славянского единства это событие произвело тогда удручающее впечатление. А их противники торжествовали и злорадствовали.

Однако был один человек, для которого этот поворот в событиях не был неожиданностью ни в малейшей степени. В разгар русско-турецкой войны в своем ноябрьском «Дневнике писателя за 1876 г.» Ф. М. Достоевский предстал перед читателями на этот раз действительно во всей силе своего необыкновенного пророческого дара. Размышляя на тему, что будет, если война для русской армии закончится победой и славяне получат желанное освобождение, он довольно категорично заявил: «...по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными». Достоевский сразу же отметает возможные обвинения в ненависти к славянам, заверяет, что он их любит, но такова, говорит он, человеческая природа: «*такие вещи* на свете иначе и происходить не могут». И далее он предлагает приготовиться к следующему сценарию: «Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив,

что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, "имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени"». Последние слова в кавычках были взяты Достоевским из набора стандартных пропагандистских клише Запада, насаждаемых им в славянском мире.

Достоевский предупреждает по поводу поведения славян после их освобождения: «Они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее... Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации».

Достоевский предсказывает, что дело не ограничится повторением злостных измышлений по адресу России. В славянском мире тут же с восторгом будут скопированы и все атрибуты западной демократии: «У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир, что после долгой парламентской бури пало наконец министерство в Болгарии и составилось новое из либерального большинства и что какой-нибудь их Иван Чифтлик согласился наконец принять портфель президента совета министров».

Означало ли это, что Достоевский отказался от идеи всеславянского единства? Отнюдь нет. Но он предостерегал от каких-либо иллюзий о скором воплощении этой идеи. Он предупреждал, что дозревание славян до этой идеи будет происхо-

дить очень долго, путем долгих мучительных уроков истории – «может быть, целое столетие». Сначала появятся лишь отдельные лица, которые поймут «все величие и всю святость дела России и великой идеи»: «Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению». Саму же идею всеславянского единства он относит к тем «величайшим» идеям, «которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, – коченеет, калечится и умирает в язвах и бессилии».

Для того чтобы славяне дошли наконец до осознания жизнеспасительности этой идеи, по мысли Достоевского, от России требуется лишь одно – проявлять, как всегда, полное бескорыстие в своей политике по отношению к славянам. Чем неукоснительнее Россия будет проводить этот принцип в жизнь, «тем вернее достигнет объединения их около себя впоследствии, в веках, сто лет спустя». Только проводя такую политику, считает Достоевский, «Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и *прильнут* к ней все, уже с полной, с детской доверенностью. Все воротятся в родное гнездо» [74].

Одним из важных вопросов, который всегда занимал теоретиков всеславянского единства, был вопрос о языке их, как тогда говорили, «межплеменного» общения в случае объединения в союз. В некоторых случаях речь шла даже о едином литературном языке, на роль которого в славянских землях, а затем и в России выдвигался русский язык. Но в 60-е годы уже завершался процесс формирования собственных литературных языков на базе народных наречий даже в небольших этнических группах славян. На повестке дня сторонников единения остался лишь вопрос о языке межплеменного или дипломатического общения. Со всей остротой потребность в нем обнаружилась на Славянском съезде. Чтобы напомнить участни-

кам съезда, что они вышли из одной колыбели и говорили когда-то на одном языке, на встрече в Москве журналист А. Гатцук прочел свою речь на древнеславянском языке [75]. Но выступавшие на съезде гости с трудом могли понимать друг друга – слишком отдалились за прошедшие века славянские наречия друг от друга.

Это произвело тягостное впечатление на некоторых русских участников съезда, увидевших в разноязыкости славян слишком очевидное препятствие на пути панславистских идей. Ф. И. Тютчев, присутствовавший, как уже отмечалось, на первой торжественной встрече с гостями съезда в Петербурге, так описал свои чувства по этому поводу И. С. Аксакову (в Москву): «Вот что при первой встрече, при первом соприкосновении почувствовалось, – это отсутствие общего языка. Этот многовековой факт разразился каким-то неожиданным, сказочным, всех потрясающим открытием, всем как-то стало страшно неловко, – такую неловкость, кажется, чувствовали предки на другой день после столпотворения Вавилонского. Вот где ключ позиции, и им-то надо завладеть во что бы то ни стало. Надеюсь, что у вас в Москве все усилия будут устремлены именно на это» [76]. Овладение русским языком для славян было бы вторым даром слова, считал Тютчев. В противном случае для преодоления немоты в общении друг с другом им придется пользоваться языком немцев.

Попытки создать общеславянский язык искусственным путем, предпринятые в разное время хорватом Юрием Крижаничем, словенцами Я. Геркелем и Матия Маяром, поляком С. Б. Ланде, русским А. Ф. Гильфердингом, успехом не увенчались. Разочаровавшись в этих попытках, чех Й. Добровский написал словенскому коллеге Е. Копитару: вопрос об общем славянском языке скорее решит самодержавный царь, чем Академия наук [77]. Панслависты в славянских землях все чаще стали говорить о возможности превращения в общеславянский русского языка, как наиболее богатого, создавшего уже значительную

художественную и научную литературу и используемого самым многочисленным славянским народом. Сторонниками этого варианта были не только известные славянские ученые Й. Юнгман, Л. Штур, Й. Гурбан, К. Кузмани, М. Полит, А. Орешкович, П. Сретькович, А. Добрянский и т.д., но и профессор Оксфордского университета Карл Абель.

На Славянском съезде также раздавались голоса за придание русскому языку статуса языка общеславянского общения или даже общеславянского литературного языка (болгарин Богоров и М. П. Погодин). Неожиданно большой резонанс получил этот вопрос в русской прессе, освещавшей съезд. М. Н. Катков выступил в газете «Московские ведомости» против объединения славян в какой-либо государственной форме, но за единый общеславянский литературный язык, и в его роли – русский. Катков полагал, что общение на едином языке будет невольно все сильнее и сильнее объединять славян. К предложениям превратить русский язык в общеславянский вполне благожелательно отнеслись и органы печати демократического направления («Отечественные записки») и либерального («Голос»). Газета «Голос» перечислила ряд преимуществ, которые получил бы славянский мир благодаря такому шагу: приумножатся его интеллектуальные силы; на нейтральной почве русского языка поутихнут раздоры между славянами; на всех общих форумах не будет проблем с переводами или необходимости общаться на европейских языках; откроется артерия, по которой будет совершаться кровообращение между самостоятельными славянскими государственными организациями; более внушительно будет представлен славянский мир на книжном рынке Европы; расширится кругозор ученых и писателей, они будут представлять собой не маленькие страны, а целый славянский мир.

Данилевский не остался в стороне от этих споров. Он выразил свой взгляд на проблемы буквально в одном предложении: «Затем, необходимым плодом политического объединения

славянства явился бы общий язык, которым не может быть иной, кроме русского; он успел бы приобрести должное господство для того, чтобы между всеми членами славянской семьи мог происходить плодотворный обмен мыслей и взаимного культурного влияния» (С. 365). В отличие от Каткова он ставит на первое место долговременную задачу создания политического союза славян. В ходе выполнения этой задачи русский язык должен укрепить свое лидирующее положение и только после этого в созданном союзе станет средством взаимного общения и взаимного влияния среди славян.

Следует еще отметить, что взгляд Н. Я. Данилевского на славянский мир, на проблему «Россия и славянство» был почти полностью отвергнут К. Н. Леонтьевым, несмотря на то, что теорию культурно-исторических типов Данилевского он оценил как гениальное открытие. Причина расхождения коренится в разной политической ориентации обоих мыслителей, в непримиримости идеологии крайнего консерватизма и идеологии либерального консерватизма. Это хорошо прояснил сам Леонтьев в письме к А. А. Александрову от 12 мая 1888 г. С радостью сообщив, что «такой ученый, историк», как К. Н. Бестужев-Рюмин, одобрил теорию Н. Я. Данилевского, он отмечает, что этот историк в то же время не увидел тех слабых сторон в книге «Россия и Европа», которые связаны с решением славянского вопроса. Проистекают эти слабости, которые по Леонтьеву отмечаются у всех славянофильских мыслителей – «от Киреевского до Данилевского», оттого что все они «более или менее либералы, все более или менее против сословности в России, например». Для того чтобы подчеркнуть неприемлемость такой позиции, Леонтьев вполне искренно указывает на ее несоответствие воззрениям властей: «Но Пазухин, граф Дмитрий Андреевич Толстой и сам Государь за сословия, за новые формы привилегий и неравенства». Поэтому основную задачу, отвечающую требованию времени, он видит в том, чтобы «гораздо больше обособить Россию от бессословной Евро-

пы XIX века, чем даже Данилевский, который под влиянием духа сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов говорит в своей книге, что в России "никто о сословности не думает"». Для Леонтьева наличие сословий в обществе означало его многообразие, а потому: «Сословия суть признак силы и необходимое условие культурного цветения».

Для Леонтьева соединение со славянским миром, уже, по его мнению, в значительной степени подчиненным влиянию Европы, означало бы усиление разрушительного влияния бессословной Европы и на Россию. Поэтому, понимая и сознавая родство со славянством и определенные обязательства перед ним, выполнение этих обязательств он оценивает как неприятную необходимость. Он поясняет: «Культура особая нужна, а славянство, пожалуй, только необходимое зло при этом. Без них (славян) нельзя, но надо морщиться, сознавая это, а не улыбаться» [78].

Эту позицию с той или иной степенью откровенности он излагает во многих своих статьях и книгах, а в одной из статей поясняет, как она сформировалась у него. Он пишет, что был и остается «учеником и ревностным последователем нашего столь замечательного и (увы!) до сих пор одиноко стоящего мыслителя Н. Я. Данилевского, который в своей книге "Россия и Европа" сделал такой великий шаг на пути русской науки и русского самосознания, обосновавши так твердо и ясно теорию смены культурных типов в истории человечества». Но, оговаривается Леонтьев, веру Данилевского в славян он не разделяет, хотя во время многолетней службы русским консулом в Константинополе, так же как и Данилевский, возлагал слишком большие надежды на их самобытность. «Позднее, и даже очень скоро, – разъясняет Леонтьев, – я понял, что все славяне, южные и западные, именно в этом столь дорогом для меня *культурно-оригинальном смысле* суть для нас, русских, не что иное, как *неизбежное политическое зло*, ибо народы эти до сих пор в лице "интеллигенции" своей ничего, кроме самой пош-

лой и обыкновенной *современной буржуазии*, миру не дают» [79]. Поэтому он решительно отвергает «доверчивое славянолюбие» Данилевского.

Отрицательные плоды европейской цивилизации в славянском мире Леонтьев считал уже очень значительными и слишком опасными для России в случае объединения ее с этим миром. По крайней мере, пишет он, «насколько теперь мы знаем славян, и австрийских и турецких, они все конституционалисты». А конституционные свободы Запада Леонтьев считает фальшивыми и лживыми, да и несовместимыми с той государственной формой, «в которую вылилась политическая жизнь русского племени» [80]. Он полностью разделяет мысль Д. С. Милля, что так называемое «общественное мнение», преподносимое на Западе как выражение воли большинства, на самом деле не что иное, как мнение «собирательной бездарности или пошлости» [81]. Под диктат Запада, по мнению Леонтьева, человечество «приближается к идеалу солидарной посредственности» [82], распространяется *«космополитизм* духа, вкусов, нравов и т.д., ничуть не исключающий при этом ни взаимной ненависти, ни всякого рода ожесточенной борьбы, ни даже кровавых схваток вроде недавней войны между сербами и болгарами...» [83]. Все эти язвы европейской цивилизации уже занесены в славянский мир, и объединение с ним опасно для России – такова основная мысль Леонтьева, отличающая его позицию от позиции Данилевского, который смотрел на славянский мир с большой надеждой.

Отвергая, как и Данилевский, возможность образования единого славянского государства (это «было бы началом падения царства русского»), он считает, что славянский союз должен представлять собой не более чем конфедерацию с общей оборонительной, торговой и таможенной политикой [84]. Данилевский же, как известно, больше говорил о федерации, хотя не исключал и других, менее тесных форм объединения – смотря по обстоятельствам.

Но в отличие от Данилевского «племенной» принцип объединения Леонтьев считает вообще ущербным и противопоставляет ему принцип «церковного домостроительства». Более прочной, по его мнению, была бы федерация, построенная на принципах восточно-христианской церковности, т.е. на традициях византизма. Наследниками византийских церковных начал он считает, наряду с Россией, Грецию. Греки, по его мнению, *«создали гораздо раньше латинян новую мировую, ясную и сложную ортодоксию»* [85]. Поэтому духовную связь с современной Грецией он ценит гораздо выше, чем союз с единоплеменным славянским миром. И если в эту Восточную федерацию войдут, кроме славянских государств, и Греция, и Румыния, и Венгрия, то, полагает Леонтьев, Россия больше сойдется с ними и будет их защищать от посягательств юго-западных славян.

Примесей «получужой», преимущественно восточной, крови у русских больше, чем у других славян, констатирует Леонтьев и называет это «счастливым сочетанием». И дальше он развивает программу, в аккордах которой уже довольно отчетливо слышится будущая евразийская мелодия. Он пишет: «Нужна вера в дальнейшее и новое развитие Византийского (Восточного) христианства (православия), в плодотворность *туранской* примеси в нашу русскую кровь; отчасти и православное intussusceptio (вливание. – *Б. Б.)* властной и твердой немецкой крови и т. д. Чем больше в нас, славянах, будет физиологической примеси и чем больше в то же время религиозного единства между собою и бытового обособления от Запада, тем лучше?» [86] И еще: «Всегдашняя опасность для России – на Западе, не естественно ли ей искать и готовить себе союзников на Востоке? Если этим союзником захочет быть мусульманство, тем лучше» [87].

Понятно, что со славянской программой Данилевского эти мысли не имели ничего общего. И естественно, в славянском мире положительных откликов идеи Леонтьева не получили,

да и не могли получить. Упомянутый анонимный «Заграничный славянин» не без иронии отметил, что мысли Леонтьева о большем сходстве русских с турками и татарами, чем со славянами – не новы, их давно проповедовал за границей поляк Духинский. Он заметил также, что Леонтьев «сербов плохо знает, а хорватов и чехов вовсе не знает». Если бы Леонтьев со своим византизмом имел в России «много приверженцев или влиятельную партию, то сближение славян было бы невозможно», – заключил «Заграничный славянин» [88].

Несмотря на яростные атаки западных государственных лидеров, политиков, политологов, журналистов, ученых на панславизм вообще и на теорию единения славян Данилевского в частности, его идеи пустили глубокие корни и в России, и в славянском мире. Они продолжали жить, хотя неоднократно подвергались испытанию самой действительностью, периодически возникающими распрями между славянами – то между болгарами и сербами, то между сербами и хорватами, доходящими иногда до военных столкновений. Последовательные сторонники Данилевского в таких случаях без труда обнаруживали режиссерскую роль Запада в этих конфликтах и указывали на необходимость соотносить процесс становления славянского единства с масштабами исторического времени, в рамках которого только и мыслил этот процесс Данилевский. Действительно, даже К. Н. Леонтьев, не очень благожелательно относившийся к этому процессу, но не отрицавший его реальность, не забывал напомнить, что «жизнь человеческая считается годами, жизнь наций и государств веками», что славянское движение переживает только детство, что идея единения славян воплотится в жизнь не ранее, чем через 100-150 лет [89].

Один из последователей Данилевского в 1913 году по поводу очередного столкновения между сербами и болгарами писал: «Но не шла ли когда-то Москва на Тверь и Тверь на Москву, не боролся ли Новгород с москвичами и не нападали ли

москвичи на развернутое широко знамя новгородской святой Софии? Однако и в самом пылу борьбы русский народ не переставал быть единым, как не так давно еще не перестал им быть и народ немецкий, несмотря на войну немецкой Пруссии с немецкой же Австрией» [90].

В конце XIX – начале XX вв. постепенно, преодолевая многообразное, многоуровневое сопротивление, расширялись межславянские контакты, умножалось число сторонников славянского единения. Особенно заметно оживилась идея всеславянского единения в начале XX века, в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в октябре 1908 года и все нараставшим среди южных и западных славян ощущением опасности нового агрессивного броска Германии – «Drang nach Osten». Состоялось несколько славянских съездов – в Праге (1908), в Софии (1910), съезд российских славянских обществ в Петербурге (1909). В конце XIX – начале XX вв. состоялось несколько съездов славянских журналистов.

Значительно улучшились русско-польские отношения. С участием Польского коло в Думе велись поиски путей исторического примирения русского и польского народов. Смягчилась позиция некоторых крайне правых в рядах русских неославистов. Даже С. Ф. Шарапов выступал как полонофил, требовал для Польши автономии. Вспоминались слова А. Мицкевича о том, что поляк, когда забывает о ранах прошлого, ни с кем на свете не чувствует себя столь близким и родным, как с русским [91].

Первая мировая война разделила славян из-за подневольного положения их вне России на два воевавших друг против друга лагеря. Но в конечном итоге многие западные и южные славяне впервые за свою историю обрели независимость и государственность.

Однако идея единения славян снова вступила в полосу тяжелых испытаний. Россия перестала быть центром всеславянского движения, а стала центром марксистской мысли, враж-

дебной идее славянского единения. Идея эта сохранилась лишь в некоторых славянских странах (Королевство сербов, хорватов и словенцев, Чехословакия, Болгария) и в русских эмигрантских кругах. Она оказалась под ударами с двух сторон – со стороны идеологии единой мировой (западной) цивилизации и идеологии пролетарского интернационализма, т. е. с Запада и с Востока. Лишь спасаясь от фашизма, обе враждующие идеологии на короткое время позволили выступить на мировую арену спасительной силе славянского единения. Многотысячные славянские митинги в СССР и США дали толчок к образованию Международного всеславянского комитета, который организовал практическое действие национальных славянских комитетов в условиях войны. Решающий вклад славянских народов – особенно русских, украинцев, белорусов, сербов, поляков – в разгром гитлеровского фашизма общеизвестен (более 3/4 погибших в годы мировой войны – славяне). Однако славянское движение после войны было заблокировано на долгие годы – оно было помехой и той и другой стороне.

Примечания

1. *Барсов Н. П.* Славянский вопрос и его отношение к России (посвящается друзьям славянства). Вильно, 1867. С. 7, 8.
2. *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. Изд. 2-е. М., 1913. С. 48.
3. *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. СПб., 1909. С. 1, 141.
4. Согласно Уставу, кафедры славяноведения именовались «кафедрами истории и литературы славянских наречий». Поначалу они были созданы в Московском, Петербургском и Казанском, а несколько позже – в Харьковском и Новороссийском (Одесском) университетах. В начале XX века такие кафедры имелись в восьми университетах. Славяноведение преподавалось также на ряде историко-филологических факультетов, в духовных академиях и на высших женских курсах в наиболее крупных городах России.

5. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 170.
6. *Никитин С. А.* Введение к кн. «Славянский сборник». М., 1848. С. 7.
7. См.: *Нарочницкая Л. И.* Россия и национально-освободительное движение на Балканах. 1875–1878. М., 1979. С. 24–32.
8. *Кулаковский П. А.* Возникновение славянских обществ в России и значение их первого съезда в Петербурге // Славянские известия. 1909. № 5. С. 630. После Октября 1917 года деятельность Славянских благотворительных обществ была прекращена. Свернута была и научная работа в области славяноведения, а ряд ведущих славистов был подвергнут репрессиям (см.: *Горяинов А.Н.* Слависты – жертвы репрессий 1920–1940-х гг. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Советское славяноведение. М., 1990. № 2). Лишь во время Великой Отечественной войны «в поисках естественных союзников» (см.: Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 129) 10–11 августа 1941 года был проведен первый всеславянский митинг в Москве, на котором учрежден Всеславянский комитет, развернувший широкую агитационно-пропагандистскую работу по объединению и сплочению славян в борьбе с гитлеровским фашизмом. Стал выходить орган этого комитета – журнал «Славяне». После войны был проведен один славянский съезд в Белграде с 8 по 11 декабря 1946 г. После выхода Югославии из социалистического лагеря намеченный на 1948 год следующий съезд не состоялся, деятельность Славянского комитета прекратилась. Ликвидированный в 1934 году Институт славяноведения АН СССР возродился в виде славистического центра в институте истории АН лишь в самый канун Великой Отечественной войны, а как институт – только в 1968 году.
9. *Кулаковский П. А.* Указ. соч. С. 624.
10. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867. С. 5.
11. *Никитин С. А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века / Славянский сборник. М., 1948. С. 18.
12. Там же.
13. *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 36–37.
14. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 45.
15. *Никитин С. А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века. С. 34.

16. Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. 15.
17. Первый всеславянский съезд в России. С. 125–126. Речь шла, очевидно, о павильоне, где проходил банкет в честь гостей.
18. Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года. С. 107–108.
19. *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. С. 37.
20. Там же. С. 58.
21. *Никитин С. А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века. С. 21–22.
22. Первый всеславянский съезд в России. С. 44.
23. *Пальмов И. С.* Платон Андреевич Кулаковский и Петроградское Славянское благотворительное общество / Памяти П. А. Кулаковского. Пгд., 1915. С. 22.
24. Первый Всеславянский съезд в России. С. 33–34.
25. Всероссийская этнографическая выставка. С. 198–199.
26. *Киняпина Н. С.* Указ. соч. С. 54.
27. *Аксаков И. С.* Соч. Т. 1. С. 148.
28. Первый всеславянский съезд в России. С. 42.
29. Там же. С. 39, 61.
30. *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1986. С. 236–237.
31. Там же. С. 239.
32. Первый всеславянский съезд в России. С. 70.
33. Там же. С. 88.
34. Там же. С. 91.
35. Там же. С. III.
36. Там же. С. XI.
37. Там же. С. III.
38. *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. С. 170–171.
39. См.: *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 173.
40. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России шестидесятых годов XIX века. С. 245.
41. Первый всеславянский съезд в России. С. 38.
42. Там же. С. 104, 105.
43. Там же. С. 134.
44. *Никитин С. А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века. С. 46.

45. Первый всеславянский съезд в России. С. 140.
46. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. С. 122.
47. ОРРГБ.Ф. 120. Д. 8. Л. 11.
48. *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 75.
49. Там же. С. 153.
50. Там же. С. 149.
51. Там же. С. 173.
52. *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1986. С. 254.
53. *Данилевский Н. Я.* Горе победителям. Политические статьи. М., 1998. С. 56.
54. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. XXVI. Л., 1984. С. 85.
55. *Данилевский Н.Я.* Там же. С. 54.
56. *Достоевский Ф. М*. Полн. собр. соч. Т. XXIX. Кн. 1. Л., 1986. С. 147.
57. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. XXVI. С. 84–85.
58. *Данилевский Н.Я.* Там же. С. 113.
59. *Пыпин А. Н.* Указ. соч. С. 173.
60. Там же. С. 176, 189.
61. Первый всеславянский съезд в России. С. 121.
62. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. XXVI. С. 85.
63. Первый всеславянский съезд в России. С. 66.
64. *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. Письма. М., 1986. С. 207.
65. Согласно некоторым источникам, существовал «Константинов план» создания двух дружественных России славянских «империй» – западной и южной. Об этом см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 196.
66. Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 7–8. С. 292. О невозможности писать о славянской федерации из-за цензуры сообщал также чех славист И. И. Первольф А. А. Майкову в январе 1872: «О ней в Австрии (я думаю, и в России) писать крайне неловко. Если, напр., в газетах сделаешь на нее хоть намек, не обойдешься без прокурора и полиции...» // РНБ РО. Ф. 452. Д. 319. Л. 1.
67. Там же. С. 299.
68. Там же. С. 295. Сербский священник Д. Йованов писал А. А. Майкову в 1879 г., что труд Данилевского «высоко оценен» и мог бы помочь «в наших проблемах» // РНБ РО. Ф. 452. Оп. 1. Ед. 333. Л. 1.

69. Там же. С. 294.
70. ИРЛИ (Пушкинский Дом). РО. Ед. 24866. Л. 2.
71. Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 7–8. С. 302.
72. Там же. С. 305.
73. РНБ РО. Ф 452. Оп. 1. Д. 246. Л. 1.
74. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. XXVI. С. 78–81.
75. Всероссийская этнографическая выставка. С. 305.
76. *Никитин С. А.* Славянские съезды шестидесятых годов XIX века. С. 66.
77. *Кулаковский П. А.* Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 37.
78. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 362.
79. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 5. СПб., 1912. С. 108.
80. Там же. С. 15, 16.
81. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 461.
82. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 7. С. 348.
83. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 6. М., 1912. С. 199. Имеется в виду сербско-болгарская война 1885 года.
84. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 5. С. 12, 15, 18.
85. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 7. С. 332.
86. Там же. С. 323.
87. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 5. С. 28.
88. Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества 1886. № 7–8. С. 292.
89. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 7. С. 348, 297.
90. *Сиротинин А. Н.* Россия и славяне. СПб., 1913. С. 5.
91. Там же. С. 6.

Заключение

Признание в Николае Яковлевиче Данилевском выдающегося русского мыслителя, основоположника цивилизационного метода в исследовании исторического процесса происходит медленно, но неуклонно. Оно нарастает не по годам, и даже не по десятилетиям, а скорее – по столетиям, как бы встраиваясь в контекст того исторического времени, которым он оперировал, раскрывая и анализируя особенности развития человечества, его культурно-исторических типов.

В XIX веке его знал в России небольшой круг ученых, публицистов, писателей, а признавали лишь единицы из них, правда «единицы» весьма весомые: Н. Н. Страхов, К. Н. Бестужев-Рюмин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев, В. В. Розанов. В XX веке его известность перешагнула границы России. Систему его взглядов на историю человечества подхватили и развили немец О. Шпенглер, англичанин А. Тойнби, русский эмигрант, основатель американской социологии П. А. Сорокин.

На протяжении всего советского периода российской истории теория Данилевского клеймилась как реакционная и идеологически вредная, поскольку противоречила марксистско-ленинскому учению о формациях, подрывала теорию классовой борьбы и пролетарского интернационализма. Рамок этих общепринятых оценок, закрепленных в «Большой советской энциклопедии», в разного рода энциклопедических словарях и справочниках, вынуждены были придерживаться и ученые в своих трудах по истории русской философии, социологии и историографии. Хотя многим из них было известно, что на За-

паде научный интерес к Н. Я. Данилевскому и его книге «Россия и Европа» нарастал с каждым годом, что книга эта была издана на французском, немецком, английском языках, что взглядам Данилевского ученые Германии, Англии, Франции, США, Швейцарии стали посвящать не только научные статьи, но и разделы в монографиях и целые монографии. В 70-х и начале 80-х годов о Данилевском и его книге стали чаще упоминать и советские ученые, появились даже первые диссертации, посвященные анализу его взглядов (Султанов К. В. Философско-социологическая система Н. Я. Данилевского и ее толкование в современной буржуазной философии. АКД. Л. 1975). В основном, однако, речь шла о Данилевском в связи с разоблачением «буржуазных», «антимарксистских» теорий исторического процесса. В некоторых случаях, правда, подробный пересказ (умышленный или неумышленный) взглядов Данилевского производил более сильное впечатление на читателя, нежели дежурные разоблачения.

В конце 80-х – начале 90-х годов, в связи с коренными переменами в стране, стала все чаще звучать неудовлетворенность марксистской методологией исторических наук, в частности формационным методом исследования исторического процесса. Одним из первых в советской историософии призвал освободить мысли историка от «упрощенной схемы исторического процесса» в виде смены формаций А. Я. Гуревич. Он вполне обоснованно отметил, что, «поглощенные изысканиями формационных признаков в том или ином обществе, мы упустили из виду такие стороны исторической действительности, которые объемлются понятиями “культура” и “цивилизация”, что это “не что иное, как игнорирование самой сущности исторического процесса – истории людей”» [1]. Почти одновременно с А. Я. Гуревичем неудовлетворенность формационным объяснением исторического процесса высказал в своих последних работах и историк М. А. Барг, который, в частности, подчеркивал, что за пределами формационного объяснения ис-

тории «оказывается множество исторических явлений, институтов и процессов». Напротив, цивилизационный подход, отмечал он, «впервые открывает возможность построения собственно-исторической методологии истории, которая позволит различать в истории общества не только противостояние общественных групп и классов, но и область их взаимодействия на базе общенародных ценностей; не только проявления социальных антагонизмов, но и область социально-культурного консенсуса; не только роль в истории прерывности, но и роль в ней континуитета; не только роль революций снизу, но и революционных по своему смыслу реформ сверху». Одним из важных обстоятельств, толкающих историографическую практику в сторону цивилизационного метода, М. А. Барг справедливо посчитал настоятельную «необходимость изучения столь отчетливо проявившейся в истории общества многовариантности исторических регионов». При этом он вполне логично подчеркнул существенность сравнительно-исторической процедуры исследования, «ведущей к новой периодизации всемирно-исторического процесса» [2].

Формационный метод подверг основательной критике и А. А. Искендеров. Он также указал на определенные конкретные преимущества цивилизационного видения истории человечества. По его мнению, цивилизационный метод дает возможность охватить более широкую по времени и более устойчивую категорию в историческом процессе, нежели социально-экономическая формация. Характеризуя эту категорию, автор называет черты, которыми Н. Я. Данилевский наделял культурно-исторический тип, такие «как язык, территория, на которой проживает данный народ, природные условия, религия, нравы и обычаи, традиционные институты, ментальность общества, государственность, роль и место личности по отношению к обществу и государству и др.». Духовно-нравственные ценности, входящие в этот перечень, А. А. Искендеров вполне справедливо считает «стоящими выше любых классовых интересов и

партийных пристрастий» и выражающими «интересы общества в целом». Ценность цивилизационного подхода к изучению истории он видит и в том, что при его использовании «именно человек выдвигается на центральное место в историческом исследовании» [3].

Словом, в обстановке острой критики марксистской формационной модели, обещавшей увенчать человеческий прогресс коммунистической формацией – рукотворным человеческим раем на земле, все чаще стали звучать голоса о необходимости заменить эту модель мультимедийной цивилизационной системой. «Именно цивилизационный подход, – пишет, например, Е. С. Троицкий, – призван заполнить теоретический вакуум, образовавшийся в российском обществознании после краха марксизма-ленинизма, падения авторитета вульгарно-материалистического учения о социально-экономических формациях» [4].

Однако в статьях ряда авторов о достоинствах цивилизационного метода имя Н. Я. Данилевского как его первооткрывателя упорно не называется, – а в качестве его авторов указываются О. Шпенглер и А. Тойнби, т. е. те, кто обратился к этому методу через 70–100 лет после Данилевского. Создается впечатление, что некоторые исследователи никак не могут переварить приоритет русского ученого в разработке новой историософской системы. Любое открытие для них действительно только тогда, когда оно запатентовано на «цивилизованном» Западе. Нет сомнения, что некоторым исследователям мешает быть объективными и расхождение с Данилевским по политическим вопросам: идея Данилевского о необходимости единения славянского мира во имя сохранения славянского культурно-исторического типа настолько претит им, что они не могут выговорить признание его первенства в разработке и обосновании цивилизационного метода.

Тем не менее за последнее время все больше ученых, выступающих за цивилизационный метод в исторической науке, на-

зывают Н. Я. Данилевского его первооткрывателем. Эта констатация нашла отражение в целом ряде научных работ. В одной из них читаем: «Большую известность принесло Данилевскому то, что он является создателем теории культурно-исторических типов, которая явилась предтечей концепции локальных цивилизаций О. Шпенглера, А. Тойнби» [5]. Другой автор пишет: «Заслуга Данилевского велика и неоспорима в установлении и разработке теории культурно-исторических типов, взглядов, которые намного опередили выводы О. Шпенглера и А. Тойнби» [6]. Третий свидетельствует: «Именно Данилевский задолго до Тойнби научно разработал теорию культурно-исторических типов, каждый из которых имеет самобытный характер» [7]. А для тех, кто склонен единственным авторитетом в науке признавать Запад, исследовательница В. М. Хачатурян напоминает, что «автора “России и Европы” по праву называют в *западной* (подчеркнуто мной. – *Б. Б.*) историографии прямым предшественником О. Шпенглера и А. Тойнби» [8].

Теперь уже почти никто не решается открыто защищать версию В. С. Соловьёва о заимствовании Н. Я. Данилевским теории культурно-исторических типов у Г. Рюккерта. Возможно, в некоторых случаях и тут сыграла свою роль фетишизация западного научного авторитета. Излагая точку зрения В. С. Соловьёва по этому вопросу, приходится иметь в виду одно, для некоторых исследователей решающее «однако»: «Однако один из крупнейших западных исследователей Данилевского – Р. Мак-Мастер полагает, что точка зрения, которую отстаивает В. С. Соловьёв, не имеет под собой оснований» [9]. Очевидно, именно к таким западнозависимым ученым обращает эту свою реплику В. М. Хачатурян, которая, судя по содержанию ее статьи, и без доводов Р. Мак-Мастера убеждена в оригинальности идей Данилевского и приводит свои неотразимые аргументы в пользу этого.

Не меньшую актуальность и значимость приобрели сегодня для России и всего славянского мира не только историософские, но и политологические концепции, разработанные Н. Я. Данилевским в его книге «Россия и Европа». Критика Данилевским европоцентризма, высказанные им суждения об опасностях насильственного насаждения по всему миру единой западноевропейской культуры звучат сегодня еще более злободневно, чем в его время. Ибо процесс усреднения, универсализации культуры по западному стандарту приобрел поистине глобальный масштаб и тотальный характер благодаря новым возможностям электронных средств массовой информации. С тревогой пишут об этом процессе стандартизации национальных культур по западным суррогатным образцам многие ученые, политики, общественные деятели.

Выдающийся русский мыслитель современности А. А. Зиновьев, много лет живший на Западе и познавший его не по витринам магазинов, предупреждает читателей в одной из своих последних книг: «Западнизация есть стремление Запада сделать другие страны подобными себе по социальному строю, экономике, политической системе, идеологии, психологии и культуре. Идеологически это изображается как гуманная, бескорыстная и освободительная миссия Запада, являющего собою вершину развития цивилизации и средоточие всех мыслимых добродетелей... Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего. Цель западнизации – довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равномощных партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний нового типа». При западнизации страны, говорит А. А. Зиновьев, Запад стремится перестроить на свой лад ее основы жизни, ее социальную организацию, ее систему управления, идеологию, менталитет населения. Для этого он применяет тщательно разработанную и неоднократно апробированную

тактику. Ее составные компоненты: «Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнизировать. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране: в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни». Культура в узком смысле слова, которую насаждает Запад, стала, по наблюдению А. А. Зиновьева, сферой капиталистического бизнеса: «Рыночная цена вытеснила эстетическую оценку... Основную массу творцов новой культуры составили люди средних интеллектуальных и творческих способностей. Новаторство ее иллюзорно, поверхностно, мелочно. Это культура в основном посредственностей и для посредственностей... Большинство деятелей культуры, общественно признаваемых в качестве талантов и гениев, на самом деле суть лишь имитация таковых, раздутая в средствах массовой информации сверх всякой меры» [10].

Все эти наблюдения целиком укладываются в русло концепции и прогнозов Н. Я. Данилевского. Новым в современном мире является лишь то, что лидерство в западнизации его перешло от Европы к США – к прямым наследникам романо-германского культурно-исторического типа на его цивилиза-

ционном уровне развития. Западнизация приобрела характер американизации. Именно сюда, в США, перекочевала идея глобализации, единого мирового порядка, зародившаяся в Европе. И вместе с Европой США стараются воплотить ее в жизнь. Именно в США, явно основываясь на теории Данилевского, но только для того, чтобы задушить на корню помыслы о развитии славянского культурно-исторического типа, некоторые идеологи теперь говорят о необходимости «разрушить цивилизационный код России», чтобы заменить его западным, ставят задачу после падения коммунизма сокрушить в России и православие (З. Бжезинский).

Идеологом универсализации культур по европейско-американскому образцу выступил американский социолог Фрэнсис Фукуяма, опубликовавший в конце 80-х – начале 90-х годов два скандально известных эссе: «Конец истории» и «Конец истории и последний человек». Для него американский вариант – высшее достижение мировой (европейской) культуры. По его представлению, эта культура уже победила во всех ведущих странах мира. Единственный очаг сопротивления, обреченный на подавление, он видит пока только в Китае. Фукуяма – апологет мондиализма, единого мирового порядка, устанавливаемого США. У этого мирового порядка, по его мнению, не осталось никаких жизнеспособных альтернатив. В совершившихся в мире событиях он увидел не просто конец холодной войны или очередной период послевоенной истории, но конец истории вообще, ее венец в виде глобального торжества универсальной западной «либеральной демократии» как окончательной формы правления. Он не просто за торжество «экономического и политического либерализма», но за торжество «общечеловеческого государства», образцом которого для него являются США.

Во всех этих «новых» историософских построениях явственно просматривается все тот же американо-европоцентристский подход к истории как к однолинейному процессу. В них

нет места никаким другим цивилизациям, кроме западноевропейской в ее «наивысшем» – американском выражении. Разумеется, нет места и для славянского культурно-исторического типа. Более того, по-прежнему, как и во времена Данилевского, при всех своих внутренних разногласиях и временных трениях Запад демонстрирует стабильное единство в проявлении открытой или скрытой враждебности к России и славянскому миру. Современные факты, как отмечает Н. А. Нарочницкая, свидетельствуют «об очередном вопиющем предательстве России Западом, удивительно напоминающем отношение к ней, как к добыче для расхищения, в 1917 г.» [11].

Поэтому в последнее время все больше российских ученых и политиков начинают высоко оценивать провозглашенные Н. Я. Данилевским принципы внешней политики России, как оказалось принятые «во всем цивилизованном мире», но, согласно двойному западному стандарту, инкриминируемые России как «макиавеллистские», – принципы приоритета национальных интересов и трезвого расчетливого прагматизма. «Основой внешнеполитической концепции может быть только идея национального интереса», – пишет та же исследовательница, резюмируя сложившееся современное международное положение России [12].

Новое подтверждение получили и мысли Н. Я. Данилевского о судьбоносном значении для России и всех славян всеславянского единения, о всяческом противодействии Запада этому единению. Идея всеславянского единства переживает очередное тяжелое испытание. Смысл происходящих в славянском мире драматических событий хорошо раскрыл сербский философ Драгош Калаич в своей статье «Славяне. Объединение или погибель». Автор с горечью констатирует нарастание дезинтеграционных процессов в славянском мире, что полностью отвечает интересам «нового мирового порядка», агенты которого уже сейчас открыто поощряют и провоцируют «братоубийственные войны», которые ведутся из-за произ-

вольно установленных во времена социализма границ. Автор справедливо отмечает, что над славянами нависла угроза нового порабощения, в которое Запад их загоняет с помощью «долговой экономики», с помощью пропаганды «общечеловеческих ценностей» своей массовой псевдокультуры, опираясь при этом на антинациональные, антиславянские слои интеллигенции внутри славянских государств. Драгош Калаич подчеркивает, что агенты мондиализма в славянских странах, находясь во властных структурах, владея средствами массовой информации, делают все возможное, «чтобы воспрепятствовать стремлению славянских народов к созданию культурно-политического, военного и экономического союза» и «разобщить их, а по возможности и натравить друг на друга, ибо тогда они неминуемо попадут (поочередно или все разом) в рабство к хозяевам “нового мирового порядка”». Отмечая, что свою разрушительную, подрывную работу в славянском мире антиславянские и русофобские силы ведут в первую очередь через завоеванные ими во всех славянских странах, в том числе и в России, телевизионные каналы, Драгош Калаич предлагает начать возрождение славянской независимости и солидарности с овладения «электронным небом».

Автор подчеркивает, что Запад очень опасается союза славянских государств не из-за военной угрозы с его стороны, а именно из-за того, что лакомый кусок ускользнет из сферы его неоколониалистских экономических интересов и расчетов, ибо, в случае союзного единения в какой-либо форме, внутриславянский рынок может оказаться самодостаточным в своей основе для обеспечения независимости славянских государств. Драгош Калаич призывает каждый из славянских народов, сохранив свою государственность, образовать союз славянских государств как надстройку над каркасом своих государственных образований в целях их защиты от внешней угрозы. Он также призывает славянские народы последовать примеру Японии, сумевшей соединить самую современную эконо-

мику с самобытной духовной основой своего народа, что позволило ей стать главным экономическим конкурентом США на мировой арене [13].

Для воплощения в жизнь идеи всеславянского единения по сей день существенным препятствием является религиозная рознь в славянском мире, по-прежнему особенно ощутимо проявляющаяся между славянами православного и католического исповедания. Хотя Данилевский был строго привержен православию и критиковал католицизм в вопросах церковной догматики и особенно за агрессивный прозелитизм, он не был сторонником чисто православной славянской федерации. Модель его всеславянской федерации включала в себя и православных, и католиков на равных основаниях. Во всеславянском союзе он предполагал абсолютную веротерпимость, лишенную в то же время каких-либо проявлений прозелитизма с любой стороны. Не случайно он писал и о желательности присутствия Польши в славянском союзе, причем без каких-либо вероисповедных условий. Он даже находил место в этой федерации и католической Венгрии. Не случайно, стараясь убедить славян, что их опасения по поводу возможных проявлений «властолюбия» России являются напрасными, Данилевский привел в пример положение Финляндии в составе Российской Империи, где лютеранское исповедание финнов не подвергалось никакой дискриминации и где, как свидетельствовал даже Б. Н. Чичерин, в те времена «люди жили мирно и счастливо, довольные своей судьбой и своими учреждениями, благословляя охраняющую их длань русских монархов» [14].

Нынешняя драматическая ситуация в славянском мире, когда многие из славянских государств устремились в блок НАТО с его легко угадываемой антироссийской направленностью, повергла в уныние некоторых сторонников идей Данилевского о спасительной возможности славянского единства. Некоторые из них готовы присоединиться к мнениям тех, кто считал эти идеи изначально несбыточными и утопичными. Но

нельзя не заметить, что этим сомнениям подвержены чаще всего люди, занимающиеся сегодняшними внешнеполитическими и геополитическими проблемами. В мышлении этих людей доминирует ситуативный подход. Данилевский же оперировал мерками исторического времени, мыслил масштабами столетий и тысячелетий. Он видел, что прежде, чем итальянские племена и земли объединились в единое государство, прошло четыре столетия, что несколько столетий понадобилось русским княжествам, чтобы объединиться в единое Московское царство, а затем создать целую могущественную империю, что столь же нелегок и длителен был путь к соединению германских племен и земель. Во всех этих случаях на долгом историческом пути к интеграции указанные народы пережили немало междоусобных вооруженных столкновений и даже кровопролитных войн. Достаточно вспомнить междоусобицы русских удельных князей, вражду с Москвой Твери или Новгорода. Людям, погруженным во внешнеполитические события какого-либо периода исторического прошлого или сегодняшнего дня, нелегко воспринять прозрения Данилевского, основанные на многовековых наблюдениях и рассчитанные на такие же масштабы будущего времени.

Некоторые исследователи и читатели склонны теперь считать, что более правы были сторонники православного панславизма, находя его идеалы более реальными и достижимыми. Но те же сегодняшние события показывают, что и православие в некоторых исторических ситуациях не способно обеспечить прочной солидарности славянских народов. В НАТО рвется вступить и православная Болгария, а православная Церковь на Украине подверглась расколу из-за неодинакового отношения к православной России, на почве узконационалистических сепаратистских искушений.

Не подтверждают ли эти события вывод Данилевского, что путь к спасительному для славянства единству лежит через осознание славянами их общеплеменных интересов во имя со-

хранения своего особого культурно-исторического типа, через всемерное развитие славянского самосознания в каждом славянском народе? И может быть, действительно, славянское самосознание, положенное в основу союза славянских государств, важнее конфессиональных разногласий и споров и даже способно скорее их сгладить и совсем погасить при определенной степени веротерпимости и при полном отсутствии агрессивного прозелитизма?

Славянский мир по-прежнему еще слишком молод. Почти все славянские народы, кроме русского (включая украинский и белорусский), обрели свою государственность только после Первой мировой войны, но через двадцать лет снова утратили ее. И только после Второй мировой войны закрепились в своей государственности. Все это время, несомненно, росло их не только национальное, но и славянское самосознание – особенно на почве культурных контактов и в русле народной дипломатии. Нельзя исключить, что интеграция в НАТО и Европейский союз с ее неизбежными последствиями: нарастанием экономической кабалы от Запада, утратой политической независимости, вытеснением национальной культуры западным суррогатом – в конце концов вызовет новый всплеск национального самосознания в славянских странах и усиление их взаимного притяжения. Нельзя забывать, что именно подобный натиск западнизации в период господства в славянских землях немцев, австрийцев, итальянцев вызвал в 30–40-х годах XIX века волну славянского возрождения. И таким образом, мрачное предположение, что западные и южные славяне уже растворились в европейской цивилизации и окончательно утратили свою славянскую самобытность, что славянский культурно-исторический тип реализовался лишь в «русской цивилизации», может в который раз оказаться несостоятельным. И тогда окажутся правы те, кто считает, что надежды Данилевского не могут быть погашены сиюминутной политической ситуацией, которая является именно сиюминутной в масштабах ис-

торического времени, даже если длится несколько лет. Ведь были уже в истории славянского мира подобные сиюминутные ситуации, которые, однако, сменялись противоположными тенденциями.

Влияние историософских идей Н. Я. Данилевского на историческую науку в России было искусственно прервано Октябрем 1917 года. Но самый выдающийся историк России в период от С. М. Соловьёва до В. О. Ключевского – К. Н. Бестужев-Рюмин не просто считал его теорию культурно-исторических типов величайшим научным открытием, но и в какой-то степени руководствовался ею в своих исследованиях, что нашло отражение, например, в его «Лекциях по русской истории», в которых он утверждал, что «нет единой спасительной, вечной цивилизации». Высоко оценил теорию Данилевского и историк М. О. Коялович и в значительной мере применил ее в своем труде «История русского самосознания» (1-е издание. СПб., 1884). Несомненное влияние эта теория оказала на выдающегося русского историка-слависта В. И. Ламанского и его многочисленных учеников. Наконец, в своей речи по случаю смерти В. О. Ключевского член-корреспондент Российской академии наук И. А. Линниченко 14 мая 1911 года заявил, что в своих исторических взглядах В. О. Ключевский примыкает «более всего к теории Данилевского» [15]. В доказательство он сослался на такие констатации в «Курсе русской истории» Ключевского, как: «культура-цивилизация – степень выработки того или иного народа»; «непрерывная смена народов на исторической сцене (они писали всеобщую историю)»; «по условиям своего земного бытия человеческая природа как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается не вся вдруг целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени» [16]. В нынешних посткоммунистических условиях теория культурно-исторических типов находит среди российских историков все большее признание, а цивилизационный метод – все более широкое применение в практиче-

ских исследованиях, что подтверждается, как отмечалось, периодически издаваемыми с 1991 года Институтом всеобщей истории сборниками трудов «Цивилизации».

На протяжении многих лет после смерти Данилевского авторы некоторых научных трудов и статей в разных энциклопедических справочниках относили его безапелляционно к славянофилам или к неославянофилам. Этому во многом способствовал П. Н. Милюков своей брошюрой «Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, В. Соловьёв» (М., 1893)., в которой все трое из поименованных русских мыслителей были причислены к славянофильству эпохи его идейного распада. Прежде всего, следует заметить, что многие русские мыслители, осмысливая позже развитие русской общественной мысли, ее движение, приходили к выводу, что ни о каком «разложении» славянофильства нельзя говорить, что Россия обречена на вечный спор славянофилов и западников своим месторазвитием, своим геополитическим положением, своей принадлежностью к славянскому миру. К. Н. Леонтьев даже считал, что славянофильство не только не разлагается, но находится «еще в детстве» [17]. А В. О. Ключевский, несомненно по поводу указанной брошюры П. Н. Милюкова, записал в своем «Дневнике»: «Разложение славянофильства – пахнет от разлагателя» [18].

Милюкова не смутил тот факт, что Данилевский в своей книге пишет о славянофильстве не только как бы со стороны, но даже решительно отмежевывается от него по весьма важным пунктам. Данилевскому явно не кажется положительным тот момент, что одним из источников славянофильства была германская философия. Слабой стороной славянофилов Данилевский считает их веру в то, что «будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу». В то время как, по Данилевскому, такой задачи «вовсе не существует» (С. 98).

Позднее подавляющее большинство русских и зарубежных исследователей не согласились с упрощенной квалификацией

Н. Я. Данилевского как славянофила. Это, например, сделали В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев, американец Д. Таден, современные российские ученые: А. А. Галактионов, Л. Р. Авдеева, С. И. Бажов и др. Подробное, основательно аргументированное изложение отличий позиции Данилевского от славянофильства можно найти в монографии Н. И. Цимбаева «Славянофильство». Из указанных автором пяти пунктов отличий спорным является только четвертый, согласно которому Данилевский почему-то объявлен противником реформ 60-х годов, что не подтверждается даже содержанием книги «Россия и Европа».

К. Н. Леонтьев, которого П. Н. Милюков тоже безоговорочно зачислил в разряд разложившихся славянофилов, а Н. А. Бердяев называл «антиславянофилом», также указывал на существенные отличия Н. Я. Данилевского от славянофилов. А на попытки втиснуть его собственные, Леонтьева, взгляды в прокрустово ложе определенного направления общественной мысли отвечал, что в нем «примирены славянофилы, Данилевский с Катковым и Герценом и даже отчасти с Соловьёвым» [19]. Думается, что при оценке Н. Я. Данилевского тоже не стоит во что бы то ни стало заталкивать его в одну из традиционных социологических ячеек. Его общественно-политическую позицию можно лишь приблизительно оценивать как умеренно-либеральный консерватизм. А вообще можно было бы вполне удовлетвориться мнением одного из исследователей, определившего Н. Я. Данилевского просто как «гения русской науки» [20].

Стена молчания вокруг имени Данилевского в России начинает быстро рушиться. Ему, его энциклопедизму, его научным заслугам, начинают воздавать должное не только ученые – философы, историки, экономисты, географы, ботаники, ихтиологи и т.д., но и широкая культурная общественность, причем не только в столицах, но и на периферии, особенно в местах, связанных с его жизнью и смертью. С 1994 года в Крыму

каждый год стали проводиться научные чтения, посвященные Н. Я. Данилевскому, его научному наследию. В мае 1996 года местные энтузиасты восстановили его могилу в Мшатке, которая в 30-е годы была срыта бульдозером и залита асфальтом под пионерскую площадку. Через год, в мае 1997 года, около его могилы был заложен камень в фундамент будущей часовни в знак увековечения памяти великого русского мыслителя. 10 декабря 1997 года, в день 175-летия со дня рождения Н. Я. Данилевского, на его могиле был отслужен молебен, а в Крыму были проведены различные общественные мероприятия и учреждена премия имени Н. Я. Данилевского, которую получили первые энтузиасты возрождения его памяти [21]. Торжественные мероприятия, посвященные этой памятной дате, были проведены и в Липецкой области, т. к. место рождения ученого – Оберец – с 1954 года перешло из Орловской в Липецкую область. Вечер, посвященный памяти Н. Я. Данилевского, 17 марта 1998 года был проведен и в Москве в помещении Российского фонда культуры. На нем выступили видные ученые, изучающие научное творчество Н. Я. Данилевского, а также его правнучка – Валентина Яковлевна Данильченко.

Будем надеяться, что это только первые шаги по увековечению памяти гения русской науки.

Примечания

1. *Гуревич А. Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 34–55.
2. *Барг М. А.* Цивилизационный подход к истории: дань конъюнктуре или требование науки? // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 15, 17. См. его же: О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5.
3. *Искендеров А. А.* Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. М., 1996. С. 17, 18.
4. *Троицкий Е. С.* Вступительная статья к сборнику статей «Русская цивилизация и соборность». М., 1994. С. 7.
5. *Маякунов А. Э.* Национально-государственные проблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского. АКД. СПб. ун-т. 1994. С. 74.
6. *Недошивин В. М.* Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа». К вопросу об истории и теории славянофильства // Отечественная философия. Опыт, проблемы, ориентиры, исследования. М., 1990. Вып. V. С. 134.
7. *Платонов О. А.* Русская цивилизация. М., 1995. С. 4.
8. *Хачатурян В. М.* Н. Я. Данилевский и В. С. Соловьёв о всемирно-историческом процессе и локальной цивилизации // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 168.
9. *Хачатурян В. М.* Н. Я. Данилевский, европейская цивилизация и Россия / Европейский альманах. История, Традиции, Культура. М., 1992. С. 65.
10. *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М., 1995. С. 416–419, 320.
11. *Нарочницкая Н. А.* Россия и Европа: историософский и геополитический подход / Россия и будущее европейское устройство. М., 1995. С. 116.
12. Там же. С. 109.
13. *Калаич Драгош.* Славяне. Объединение или погибель / Славяне. М., 1992. С. 33–36. См. его же: Третья мировая война. М., 1996.
14. *Чичерин Б. Н.* Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1901. С. 111–112.
15. *Лчнниченко И. А.* Василий Осипович Ключевский. Одесса, 1911, С. 6.
16. *Ключевский В. О.* Собр. соч. в 9-и томах. М., 1987. Т. 1. С. 34.

17. *Леонтьев К. Н.* Соч. Т. 7. С. 297.
18. *Ключевский В. О.* Указ. соч. М., 1990. Т. IX. С. 398.
19. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. С. 73, 585.
20. *Троицкий Е. С.* Указ. соч. С. 6.
21. Исторические корни рода Н. Я. Данилевского // Историческая газета. 1998. Январь. С. 5.

Именной указатель

Абель К., 377
Авдеева Л. Р., 62, 163, 404
Аксаков И. С., 54, 81, 125, 126, 129, 169, 185, 189, 199, 224, 225, 241, 245—250, 257, 258, 269, 270, 274, 284, 295—299, 327, 336, 338, 341—343, 349, 376, 386
Аксаков К. С. 319, 326
Аксаков С. Т., 326
Аксакова А. Ф., 126
Александр I, 265, 362
Александр II, 16, 36, 85, 170, 276, 333, 334, 347
Александр III, 124, 136, 170, 186, 191, 275, 287, 347
Александр Македонский, 151
Александр Невский, 236
Александров А. А., 163, 378
Анна Иоанновна, 257
Аринин А. Н., 14, 62, 183
Аристотель, 168
Атилла, 210
Афанасьев В. В., 79, 183

Бажов С. И., 14, 70, 183, 404
Бакунин М. А., 329, 350
Баласогло А. П., 30, 32
Барг М. А., 390, 391, 406
Барсов Н. П., 314, 384
Бартенев П. И., 326
Баршев С. И., 340, 345
Баттенберг А., 373
Батюшков К. Н., 139
Бауэр Б., 239
Бахметев А. Н., 236
Безобразов В. П., 105, 188
Беклемишев А. П., 24
Беклемишева В. Н., 25, 26, 33, 34
Белинский В. Г., 7, 19, 22, 217
Бенкендорф А. Х., 201, 298
Бердяев Н. А., 9, 199, 136, 190, 284, 290, 292—294, 299, 300, 404
Бессонов Б. Н., 14, 183
Бестужев-Рюмин К. Н., 48, 69, 78, 81, 86, 88, 114—118, 122, 170, 172, 177, 183, 188, 189, 245, 284, 337, 368, 370, 378, 389, 402
Бейст Ф., 331, 334, 339
Бжезинский З., 396
Бисмарк О., 330, 352
Блазиус И., 208
Блан Л., 110
Богданов А. П., 328
Богоров И., 329, 334, 377
Бодянский О. М., 323, 324
Болтин И. Н., 321
Бородин А. П., 145
Бороздин А. К., 11
Брандт Р.Ф., 323
Брем А., 70
Брокгауз Ф. А., 10, 159, 160, 169
Бруннов Ф. И., 298
Будберг А., 298, 332
Будилович А. С., 323
Буренин В. П., 103
Буслаев Ф. И., 325, 326

Бэкон Ф., 100
Бэлл Д., 184
Бэр К. М., 36, 40—47, 63, 76, 78, 80, 81

Вайгачёв С. А., 172, 183
Васнецов В. М., 145
Вебер Г., 200, 210
Величко В. Л., 54, 81, 186—189, 193
Венелин Ю. И., 321
Вернадский В. И., 42
Вико Д., 177
Востоков А. Х., 50, 321
Вусенич А., 176
Вышнеградский И. А., 49, 78
Вяземский П. А., 212, 235

Гагарин П. П., 336
Гай Л., 329
Галактионов А. А., 172, 177, 183, 404
Ганка В., 324
Гартман Э., 122, 184
Гегель Г.,100, 110, 168
Георгий Победоносец, 237
Гераклит, 168
Гердер И. Г., 177
Геркель Я., 376
Геркулес, 269
Герцен А. И., 7, 19, 86, 145, 180, 192, 212—224, 258, 273, 278, 279, 295—299, 343, 350, 360, 404
Гизо Ф., 212
Гильфердинг А. Ф., 324, 325, 376
Глинка М. И., 145, 146, 307
Гоголь Н. В., 6, 145, 307
Годжа М., 317
Головацкий Я. Ф., 329
Голосенко И. А., 183
Гомер, 100, 170
Гончаров И. А., 145
Горчаков А. М., 52, 326, 334, 336
Горяинов А. Н., 385
Градовский А. Д., 86
Григорович В. И., 325
Григорович Д. В., 19
Григорьев А. А., 70, 82, 177—180, 192, 241
Грот К. Я., 51, 52
Грот Н. Я., 73, 82
Губастов К. А., 147
Гумбольдт А., 21, 22, 141, 208
Гумилёв Л. Н., 90, 182, 188, 193
Гурбан Й., 317, 377
Гуревич А. Я., 13, 390, 406

Даль В. И., 19
Данилевская Д. И., 15
Данилевская О. А., 34, 74, 77
Данилевский Я. И., 15
Данильченко В. Я., 405
Дарвин Ч., 4, 41, 43, 61—65, 154, 169, 293
Дарий, 151
Дашкова В. А., 328, 329
Дебу И. М. и К. М., 29
Деспотович М., 372
Добровский Й., 315, 322, 366, 376
Добрянский А., 377
Достоевская А. Г., 113, 188
Достоевский Ф. М., 19, 23, 29, 70, 78, 87, 99, 110—113, 145,

179, 188, 212, 225, 233, 240, 262, 270, 274, 284, 296, 298, 299, 356—358, 365, 373—375, 387, 389
Дубельт Л. В., 35
Дубнов А. П., 12, 79, 183
Дудзинская Е. А., 318
Духинский Ф., 209, 210, 382
Дютроше А., 19

Екатерина II, 235, 257
Ефрон И. А., 10, 159, 160, 169

Жомини А. Г., 332
Жуковский В. А., 138

Захаров А. А., 183
Зеньковский В. В., 9, 136, 167, 181, 190, 192, 193, 210, 211, 217—219, 268, 295, 298, 387, 404
Зиновьев А. А., 394, 395, 406

Иванов А. А., 145, 146, 307
Игнатьев Н. П., 336
Иловайский Д. И., 337, 370
Иоффе А. М. (Деборин), 11
Искендеров А. А., 391, 406

Каблиц И. И., 251—253
Кавелин К. Д., 7
Казакевич А. Н., 171
Калаич Д., 397, 398, 406
Караджич В., 318, 324
Карамзин Н. М., 7, 176
Кареев Н. И., 88
Карл Великий, 198, 200
Карлейль Т., 58
Катков М. Н., 326, 345, 351, 377, 378, 404
Киняпина Н. С., 386
Кир, 151
Киреев А. А., 346, 367, 368, 371, 372, 378
Киреева Р. А., 118, 188
Киреевский И. В., 7, 318
Киреевский П. В., 318
Киселёв П. Д., 42
Ключевский В. О., 114, 402, 403, 406
Козлов И. И., 139
Коллар Я., 317, 318, 324,
Кон Г., 176
Кони А. Ф., 123, 189
Конт О., 110, 124
Коперник Н., 116, 145, 307, 363
Копитар Е., 364
Костомаров Н. М., 7
Костюшко Т., 362
Кошелев А. И., 326
Коялович М. О., 402
Крамской И. Н., 145
Крижанич Ю., 318, 376
Кузмани К., 377
Кулаковский П. А., 370, 385, 386, 388
Кутузов М. И., 315
Кушелев-Безбородко Г. А., 66

Лавров П. Л., 7, 85, 97
Лазарев М. П., 236
Ламанский В. И., 113, 201—209,

273, 284, 295, 323, 326, 328, 337, 343, 349, 402
Ламарк Ж. Б., 41
Ланге Ф., 70
Ланде С. Б., 376
Лассаль Ф., 58, 110, 243
Ленин В. И., 63, 82, 213
Леонтьев К. Н., 78, 88, 125, 147, 160, 161, 162—166, 178, 181, 182, 190—192, 239, 241, 245, 278, 280, 284, 288, 296, 299, 309, 351, 378, 379, 380—382, 388, 389, 403, 404, 407
Леонтьев П. М., 326
Лермонтов М. Ю., 19, 145, 223
Лесков Н. С., 145
Линкольн А., 276
Линниченко И. А., 402
Ломоносов М. В., 144, 203, 321
Лонгверт, 208
Лосев А. Ф., 136, 190
Лютер А., 176

Майков А. А., 326, 372, 386
Майков А. Н., 19, 87, 112, 113, 230, 284
Майков В. Н., 22, 29
Мак-Мастер Р., 174—177, 281, 283, 393
Маркович Б. М., 338
Маркс К., 13, 58, 63, 80, 85, 188, 243, 295, 298
Мартен Г., 210
Масанов М. Н., 103
Маякунов А. Э., 79, 183, 406
Маяр М., 329, 366, 376
Медем Н. В., 298
Межаков А. П., 34
Мейендорф, 298
Менделеев Д. И., 12, 144
Менцель В., 208
Меттерних К., 265, 298
Мечников И. И., 41
Миллер О. Ф., 87, 284
Милль Д. С., 220, 380
Милюков П. Н., 356, 403, 404
Милютин Д. А., 77, 78, 83, 336
Минин К. З., 237.
Михайловский Н. К., 7, 85, 88, 97, 107—109, 144, 188, 251, 270, 297, 298
Михеев В. М., 14, 82, 183
Мицкевич А., 16, 87, 307, 363, 383
Мишле Ж., 214, 222—224
Молешотт Я., 239
Мориер, 18
Мусоргский М. П., 145
Мюллер Г., 176

Набоков И. А., 26
Наполеон Бонапарт, 7, 151, 265, 320
Нарочницкая Л. И., 385
Нарочницкая Н. А., 397, 406
Недошивин В. М., 406
Некрасов Н. А., 19, 85, 145
Нессельроде К., 201, 298
Никитин С. А., 239, 385—388
Николай I, 33, 35, 164, 201, 235, 258, 298, 347
Никольский Б. В., 82
Нортроп Ф., 177
Нугманова Н. Х., 79, 183

Одоевский В. Ф., 19
Окен Л., 208
Опекушин А. М., 41
Орешкович А., 377
Орлов А. Ф., 31–36
Острогорский М. В., 144, 307
Оуэн Р., 17, 23

Павел I, 235, 257, 264
Павлов И. П., 101
Пазухин А. Д., 378
Палацкий Ф., 316, 322, 329, 334, 362, 366
Пальмов И. С., 386
Первольф И. И., 387
Перовский В. А., 33
Петр I, 107, 207, 210, 235, 236, 257, 273, 315, 320, 348
Петр III, 257
Петрашевский М. В., 23, 24, 28–32, 111, 112
Пивоваров Ю. С., 173, 174, 177, 183, 192, 283–285, 296, 299,
Пирер, 207
Пирлинг П., 133, 185
Пирогов Н. И., 144, 307
Писарев Д. И., 106
Писемский А. Ф., 284
Платон, 72
Платонов О. А., 79, 183, 406
Плещеев А. Н., 23, 29
Победоносцев К. П., 170, 185, 237, 247, 248, 297,
Погодин М. П., 7, 322, 326, 337, 343, 346, 351, 377,
Покровский М. Н., 87, 167, 170, 192
Полевой Н. А., 212
Полит М., 196, 298, 329, 333, 334, 336, 342, 343, 366, 377, 387
Попов Н. А., 328
Потебня А. А., 106, 284
Протейканский В. П., 187
Псеуш А. А., 79, 183
Пуркинье Я., 144, 307
Пушкин А. С., 16, 69, 139, 145, 179, 201, 212, 223, 235, 245, 284, 285, 295, 296, 299, 307, 320, 351, 352, 388
Пыпин А. Н., 315, 323, 325, 343, 348–351, 359, 360, 384–387

Раевский М. Ф., 328
Разин С., 109
Райков Б. Е., 80
Растопчин Ф. В., 264
Рашковский Е. Б., 11
Ренан Ж., 70
Репин И. Е., 145
Ретциус А. А., 200, 210
Ригер Ф., 316, 329, 334, 344, 345, 362, 366
Римский-Корсаков Н. А., 145
Розанов В. В., 65, 71, 73, 78, 82, 83, 88, 153–155, 159–161, 167, 168, 191, 192, 212, 284, 295, 389
Рокитанский К., 307
Ростовцев Я. Н., 27
Роттек К., 200, 210
Рубинштейн Н. Г., 340
Рубинштейн Н. Л., 11, 170
Рюккерт Г., 147, 155–160, 167, 168–171, 174, 175–179, 183, 190, 393

Саводник В., 179
Салтыков-Щедрин М. Е., 24, 85, 105, 145
Самарин Ю. Ф., 7, 241, 319, 326, 351
Семёнов Н. П., 16, 17, 22, 67, 68, 76, 87
Семёнов П. Н., 80
Семёнов-Тян-Шанский П. П., 16, 17, 23—26, 31—33, 68, 69, 78—82, 169
Сен-Симон К., 17, 23
Сенковский О. И., 18
Серов А. Н., 17
Сеченов И. М., 144
Сиротинин А. Н., 388
Соколов Н. М., 178, 187, 192, 241, 298, 331
Соловьёв В. С., 10, 53—56, 81, 88, 116, 119, 120—171, 174—176, 179, 183—187, 189, 195, 821, 286, 289, 290, 364, 393, 403, 404, 406
Соловьёв М. М., 81
Соловьёв С. М., 7, 122, 326, 337, 340, 341, 361, 369, 402
Соловьёв С. М. (племянник Вл. Соловьёва), 137, 190
Сорокин П. А., 13, 14, 172—174, 183, 192, 389
Софокл, 100
Спешнев Н. А., 23, 29
Срезневский И. И., 50, 322—324
Сретькович П., 377
Стасюлевич М. М., 185
Страхов Н. Н., 49, 64—77, 81—83, 86, 88, 110—113, 119, 125, 137—140, 146—162, 167, 168, 172, 174, 175, 177, 178, 180, 183, 187, 190, 191, 194, 212, 213, 226, 241, 245, 284, 286, 287, 299, 389
Стремухов П. Н., 335
Субботич И., 329, 334, 337, 366
Суворов А. В., 265, 315
Султанов К. В., 192, 390
Сумароков А. П., 235
Сусанин И., 237
Сухомлинов М. И., 323
Сухотин С. М., 339
Сыромятников С. Н., 241, 289, 298, 299

Таден Д., 176, 241, 404
Татищев В. Н., 321
Твардовская В. А., 188
Тимирязев К. А., 63—66
Тихонравов Н. С., 323
Ткачёв П. Н., 106
Тойнби А., 13, 14, 177, 183, 389, 392, 393
Толстой Д. А., 335, 345, 378
Толстой К. К., 57, 58, 81
Толстой Л. Н., 65, 67, 69, 71, 72—78, 82, 83, 87, 88, 106, 145—147, 154, 155, 187, 190, 191, 284, 307, 389
Тоффлер А., 184
Троицкий Е. С., 79, 183, 392, 406, 407
Трубецкой Е. Н., 133—137, 182, 189
Тургенев И. С., 19, 68, 145
Тютчев Ф. И., 87, 126, 145, 273, 284, 298, 337, 338, 339, 352, 367, 376, 386, 387

Уваров А. С., 326
Унгерн А., 332
Ушинский К. Д., 65

Фаднер Ф., 176
Фальмерайер Я., 208
Фаминцын А. С., 65
Фейербах Л., 239
Фет А. А., 19, 73, 77, 78, 83
Фихте И., 110
Фишер К., 70
Фогт К., 208
Фонвизин Д. И., 107, 235
Фохт К., 239
Фриман Э., 177
Фудель И. И., 147, 160, 162
Фукуяма Ф., 396
Фурье Ш., 17, 23, 24, 27—33, 111, 310

Хантингтон С., 177
Ханыков А. В., 29
Хачатурян В. М., 182, 183, 193, 393, 406
Хомяков А. С., 7, 53, 129, 177, 178, 192, 201, 274, 295, 319, 321, 326, 351

Цимбаев Н. И., 320, 386, 404

Чаадаев П. Я., 7, 244
Чайковский П. И., 145
Червинский П. П., 108, 251
Черепанов П. П., 77
Черкасский В. А., 362
Чернышевский Н. Г., 7
Чернышёв А. И., 30
Чесноков Г. Д., 14, 183
Чичерин Б. Н., 7, 399, 406

Шарапов С. Ф., 383
Шафарик П. И., 144, 307, 316, 322, 324, 329, 334
Шафарик Я., 329
Швартц М., 176
Шевченко Т. Г., 44
Шекспир В., 100, 307
Шеллер-Михайлов А. И., 188
Шелтинг А., 176
Шпенглер О., 13, 14, 79, 176, 177, 183, 290—292, 299, 389, 392, 393
Штакельберг Э. Г., 332
Штроссмайер Й., 318
Штур Л., 317, 319, 320, 366, 377, 384
Шубарт В., 177

Щебальский П. К., 104, 161
Щеглов Д., 147

Энгельгардт М. А., 220, 221, 295
Энгельс Ф., 41, 80, 206, 295, 298
Эрбен К., 329, 334

Юнгман Й., 316, 324, 377

Содержание

Предисловие 5
Введение 7
Примечания 9

Глава первая
Судьба Н. Я. Данилевского (школа жизни, наук и общений) 10
Примечания 79

Глава вторая
Книга «Россия и Европа» – новое слово в историософии 84
Примечания 187

Глава третья
Европа и славянский мир 194
Примечания 295

Глава четвертая
Россия и славянский мир 301
Примечания 384

Заключение 389
Примечания 406

Именной указатель 408

Лицензия ЛР № 065509 от 18.11.97 г.
Подписано в печать 25.04.2001 г.
Формат 60x90/16. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 26. Изд. № 21
ООО «Издательский дом «Булат»
г. Тверь, Б. Перемерки, 17
Заказ № 511.

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской
Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

